МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Том 9, № 2 (2022)

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2022

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

ISSN 2409-1030

Volume 9, No. 2 (2022)

Published four times a year

Stavropol
2022

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала **«Гуманитарные и юридические исследования»** – способствование развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследию западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала:

Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раз в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.

E-mail: gujournal@ncfu.ru; сайт: https://humanitieslaw.elpub.ru/jour

Адрес издательско-полиграфического комплекса ФГАОУ ВО «СКФУ»:
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2022

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научно-теоретический журнал

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор
Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора
Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь
Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет
Исмаил Тогрул – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор факультета международных отношений Университета Экономики и Технологий Торговых Палат и Бирж Турции (г. Анкара, Турция);
Карасик В. И. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Волгоградского государственного технического университета (г. Волгоград, Россия);
Крюссман Т. – д-р юрид. наук, профессор, руководитель Центра Восточно-Европейских исследований, Университет Карла-Франца (г. Грац, Австрия);
Мамонов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);
Мелконян А. А. – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);
Мюллер В. – д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);
Репина Л. П. – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);
Саваи Ф. – д-р ист. наук, профессор, профессор Капошварского университета (г. Капошвар, Венгрия);
Фролов Д. Д. – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия
Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор, директор института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);
Анисимов А. П. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);
Бакаева О. Ю. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);
Беликов А. П. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Бредихин С. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Булыгина Т. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Гладышев А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);
Грушевская Т. М. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой французской филологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия);
Гусаренко С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Демченко Т. И. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Дроздова А. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Клюковская И. Н. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Клычников Ю. Ю. – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);
Колесникова М. Е. – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Краснова И. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Кузьминов П. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);
Ласкова М. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону);
Манаенко Г. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Мехди Хоссейни Тагиабад – профессор, директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);
Мирошниченко Н. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);
Мухачёв И. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Навасардова Э. С. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Позднышов А. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);
Попов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);
Рыженков А. Я. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);
Серебрякова С. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Ходус В. П. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Цихорацкий П. – доктор исторических наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);
Цибенко В. В. – к-т ист. наук, доцент, директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);
Чаннов С. Е. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П. А. Столыпина-филиал РАНХиГС (г. Саратов, Россия);
Чичман Л. – д-р полит. наук, профессор института международных, политических и региональных исследований Будапештского университета Корвина (Будапешт, Венгрия);
Шаронов С. А. – д-р юрид наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва, Россия);
Шварц И. – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);
Шебзухова Т. А. – д-р ист. наук, профессор, директор института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск, Россия);
Шевчук С. С. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Шибкова О. С. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Щербакова Л. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Яценко Т. С. – д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Переводчик-редактор
Марченко Т. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

«Humanities and law research» journal

«Humanities and law research» journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of «Humanities and law research» journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of original articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and All-Russia conferences. An important area in the journal's activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

«Humanities and law research» journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal «Legal research» (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name «Humanities and law research».

Circulation: 500 copies

Free price

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.
Telephone: +7 (8652) 75-28-64

E-mail: gujournal@ncfu.ru; website: https://humanitieslaw.elpub.ru/jour

The address of the publishing and printing complex of the North-Caucasus Federal University:
2, Kulakov Street, Stavropol 355029.

© FSAEI HE "North-Caucasus Federal University", 2022.

HUMANITIES AND LAW RESEARCH
Scientific bulletin

Founder
Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education “North-Caucasus Federal University”

Editor-in-Chief
Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Head of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief
Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor
Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council
Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Associate Professor, University of Economics and technology chamber of Commerce and stock exchanges of Turkey (Ankara, Turkey);
Vladimir I. Karasik – Doctor of Philology, Professor, Professor of Foreign Languages Department, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia);
Thomas Kruessmann – Doctor of Law, Professor, Head of the Centre for East European Studies, University of Karl Franz (Graz, Austria);
Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);
Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Armenia);
Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);
Lorina P. Repina – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor of the Kaposvar University (Kaposvar, Hungary);
Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board
Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);
Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor of of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);
Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);
Tatiana M. Grushevskaya – Doctor of Philology, Professor, Head of Chair of French Philology, Kuban State Univesity (Krasnodar, Russia);
Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian as a Foreign Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandra M. Drozdova – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Irina N. Klyukovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Yurii Yu. Klychnikov – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);
Marina E. Kolesnikova – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Irina A. Krasnova – Doctor of History, Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Petr A. Kuzminov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);
Marina V. Laskova – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
Gennadii N. Manaenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Nadezhda V. Miroshnichenko – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);
Igor V. Mukhachev – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Mehdi Hosseini – Professor, Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Tehran, Iran);
Eleonora S. Navasardova – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Alexey N. Pozdnyshov – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);
Vasilii V. Popov – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);
Anatolii Ya. Ryzhenkov – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);
Svetlana V. Serebriakova – Doctor of Philology, Professor, Head of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Saratov, Russia);
Vyacheslav P. Hodus – Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language Department, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Piotr Cichoracki – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wroclaw, Poland);
Veronika V. Tsibenko – PhD in History, Associate Professor, Director of the Center for Interdisciplinary Humanities Research, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
Sergey E. Channov – Doctor of Law, Professor, Head of Service and Labor Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin (Saratov, Russia);
László Csicsmann – Doctor of Political Sciences, Professor of International, Political and Regional Studies Institute, Budapest University "Corvinus" (Budapest, Hungary);
Sergey A. Sharonov – Doctor of Law, Professor of of Civil and Labor Law, Civil Society Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot (Moscow, Russia);
Iskra Schwarcz – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);
Tatiana A. Shebzukhova – Doctor of History, Professor, Director of Service, Tourism and Design Institute (branch of the "North-Caucasus Federal University" Pyatigorsk, Russia);
Svetlana S. Shevchuk – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil Law and Process Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Oksana S.Shibkova – Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Languages for Humanities and Natural Sciences Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Ludmila M. Shcherbakova – Doctor of Law, Professor; Professor of of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)
Tatiana S.Yatsenko – Doctor of Law, Associate Professor, Head of Civil Law Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).

Translator-editor
Tatiana V. Marchenko – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Апрыщенко В. Ю., Мартыненко М. А. Восточная Европа в эпоху посткоммунистической трансформации: ключевые подходы к изучению коллективной памяти региона.....181

Вирт Н. Ф. Протестантский фактор в победе П. Гинденбурга на президентских выборах в Германии 1925 г.....187

Казаров С. С. Додонская мифология.....194

Капшук А. Ю. Особенности возникновения и развития студенческих отрядов в южных регионах РСФСР (1960–1970-е гг.).....199

Карташев А. В. 1-й отдельный стрелковый корпус на рубеже Смыков–Григорополисская.....206

Конопаткин В. А., Скворцов А. М. Титулатура императоров поздней Римской империи (конец III – середина V вв.).....214

Кузнецова Е. В. К вопросу о причинах ужесточения политики Российской империи на Северном Кавказе в первой трети XIX века.....224

Лазарян С. С. Северо-западный Кавказ в 30-50-х годах XIX столетия как средство борьбы с Россией в планах её геополитических противников.....230

Моисеева Е. Н. «Гостеприимное» пространство Сахары во французских проектах последней трети XIX в.....237

Мухин М. А. Содержание избирательной борьбы в графствах Шотландии на выборах в Палату общин Великобритании (1707–1832).....244

Перетятько А. Ю., Абдуллаева К. Т. Выученная беспомощность как фактор обеднения донского казачества на рубеже XIX–XX вв.....250

Птицын А. Н. Европейский вектор Австро-Венгерской эмиграции на рубеже XIX–XX вв.....258

Ткаленко Н. С. «Убегающих же от жестокости владельцев принимать под покровительство…»: пленные и беглые на Кубанском пограничье в 20-е годы XIX в. (по материалам Государственного архива Краснодарского края).....266

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Королёв С. Ю. Генезис правовой политики в сфере государственного земельного контроля (надзора) в Российской Федерации: от Древней Руси до начала XX века.....274

Лепина Т. Г. Отграничение хулиганства от вандализма и массовых беспорядков по отдельным признакам состава преступления.....279

Мирошниченко Н. В., Максимов В. Ю. Об объекте и предмете уголовно-правовой компаративистики.....288

Петров Н. В., Польшина А. Д. Общемировые тенденции совершенствования законодательства о банкротстве в период пандемии COVID-19.....296

Соколов А. Ю., Богатырева Н. В. Организация безопасного выращивания растений, полученных с применением геномных технологий, в Российской Федерации.....302

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Желябова И. В., Илагаева Г. О. Номинации ставропольских порейурбанонимов.....309

Кизилова Н. И., Чвалун Р. В. Структурно-семантические разновидности макропропозиций фрейма «вооруженное столкновение».....316

Миронова Д. М. Моделирование субстанциональных свойств языковой системы сквозь призму теории организации систем.....322

Парешнева В. О. Метафорика и интертекст в сильных текстовых позициях политического медиадискурса.....332

Пиванова Э. В. Транслатологическая специфика онлайн-публикаций, посвященных оценке эффективности BTL-технологий в аспекте маркетинговых коммуникаций.....339

Рецензия

Бабенко В. А., Колесникова М. Е. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века: символы и смыслы изображений [Рец. на кн.: Охонько Н.А. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации: монография. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020. 224 с.].....351

CONTENTS

HISTORY

Apryshchenko V. Yu., Martynenko M. A. Eastern Europe in the era of post-communist transformation: key approaches to the study of the collective memory of the region. 181

Virt N. F. The protestant factor in P. Hindenburg's victory in the German presidential elections of 1925. 187

Kazarov S. S. Mythology of Dodona. 194

Kapshuk A. Yu. Features of the emergence and development of student brigades in the south of the RSFSR (1960–1970-s). 199

Kartashev A. V. 1st separate rifle corps at the border of the Smykov-Grigoropolis. 206

Konopatkin V. A., Skvortsov A. M. Titles of the emperors of the late Roman Empire (late III–mid V centuries). 214

Kuznetsova E. V. On the reasons of tightening the policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the first third of the XIX century. 224

Lazaryan S. S. The North-Western Caucasus in the 30-50s of the XIX century as a means of fighting against Russia in the plans of its geopolitical opponents. 230

Moiseeva E. N. «Hospitable» space of the Sahara in French projects of the last third of the 19th century. ..237

Mukhin M. A. The essence of electoral struggle in the Scottish counties during the elections to the house of commons of the United Kingdom (1707–1832). 244

Peretyatko A. Yu., Abdullaeva K. T. Learned helplessness as a factor of impoverishment of the Don Cossacks at the turn of the XIX–XX centuries. 250

Ptitsyn A. N. European direction of Austria-Hungarian emigration at the turn of the XIX–XX centuries. 258

Tkalenko N. S. «Those fleeing from the cruelty of the owners should be taken under the protection of…»: prisoners and fugitives on the Kuban border in the 20s of the xix century (according to the State archive of Krasnodar region). 266

LEGAL SCIENCES

Korolev S. I. Genesis of legal policy in the field of state land control (supervision) in the Russian Federation: from Ancient Russia to the beginning of the XX century. 274

Lepina T. G. Delimitation of hooliganism from vandalism and mass riots on certain signs of criminal composition. 279

Miroshnichenko N. V., Maksimov V. Yu. On the object and subject of criminal law comparative studies. 288

Petrov N. V., Polshina A. D. Global trends in improving bankruptcy legislation during the COVID-19 pandemic. 296

Sokolov A. Yu., Bogatyreva N. V. Organization of safe growing of plants produced using genomic technologies in the Russian Federation. 302

PHILOLOGICAL SCIENCES

Zhelyabova I. V., Ilagaeva G. O. Nominations of the Stavropol poreyurbanonyms. 309

Kizilova N. I., Chvalon R. V. Structural-semantic varieties of macro-propositions of the frame «armed collision». 316

Mironova D. M. Modeling of the elementary properties of a language system through the prism of the theory on the systems organization. 322

Pareshneva V. O. Metaphorics and intertexts in the key text positions of political media discourse. 332

Pivanova E. V. Translatological features of online publications on evaluating the BTL technologies effectiveness in the aspect of marketing communications. 339

REVIEW

Babenko V. A., Kolesnikova M. E. Kafar mausoleum of the Alanian ruler of the 11th century: symbols and meanings of images [Review. Okhon'ko N.A. Kafar mausoleum of the Alani ruler of the 11th century and questions of its interpretation: monograph. Stavropol: Design Studia B, 2020. 224 p.] 351

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

CC BY

УДК 94(36)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.1

В. Ю. Апрыщенко
М. А. Мартыненко

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ЭПОХУ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ РЕГИОНА

Статья посвящена видоизменению коллективной памяти восточноевропейского пространства в контексте крушения социалистического лагеря. Авторы дают характеристику мнемоническому ландшафту Восточной Европы, обращая особое внимание на семантическую зависимость региона от трагических событий XX в.: Второй мировой войны, Холодной войны, революций 1989 г. Демонстрируется взаимосвязь между региональными процессами нациостроительства и коллективной памятью об указанных событиях. Анализируются работы зарубежных и отечественных аналитиков, посвященные коммеморациям на территории региона. В фокусе внимания исследователей находился преимущественно завершающий этап посткоммунистического транзита в Восточной Европе, в рамках которого новые национальные правительства обсуждали травматические аспекты собственного прошлого, учреждали институты памяти и участвовали в «войнах памяти». Специальные исследования, затрагивающие проблему видоизменения восточноевропейских коммеморативных трендов в 1980-е гг., по-прежнему появляются достаточно редко. Отмечается, что начальный этап посткоммунистической трансформации до сих пор не становился объектом комплексного исследования по причине отсутствия теоретической рамки, пригодной для изучения мемориального пространства в 1980-е гг. Авторы отмечают эвристический потенциал концепции «режимов памяти», предложенной М. Бернхардом и Я. Кубиком. Исследователи обратили внимание на то, что тип «режима памяти» неразрывно связан с политическим режимом, который обуславливает конфигурацию акторов, действующих в сфере политики памяти. Помимо этого, выдвигается гипотеза, что концепт «контр-памяти», предложенный М. Фуко, может позволить более детально изучить альтернативные исторические нарративы, которые конструировались противниками коммунистических властей во время конфронтации 1980-х гг., а после крушения соцлагеря стали главенствовать в политике памяти большинства государств Восточной Европы. Авторы приходят к выводу, что конвергенция методологических подходов из области транзитологии и концептов коллективной памяти может открыть новые возможности для изучения мемориального пространства региона. В частности, выявить динамику деятельности акторов, участвующих в процессе конструирования национальных нарративов, а также уточнить роль исторических дискурсов в стратегиях деятельности всех сторон конфронтации периода демократического транзита.

Ключевые слова: коллективная память, политика памяти, Восточная Европа, посткоммунистическая трансформация, режимы памяти, национальные нарративы, демократический транзит.

Для цитирования: Апрыщенко В. Ю., Мартыненко М. А. Восточная Европа в эпоху посткоммунистической трансформации: ключевые подходы к изучению коллективной памяти региона // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С.181–186. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.1

Victor Yu. Apryshchenko
Mikhail A. Martynenko

EASTERN EUROPE IN THE ERA OF POST-COMMUNIST TRANSFORMATION: KEY APPROACHES TO THE STUDY OF THE COLLECTIVE MEMORY OF THE REGION

The article is devoted to the modification of the collective memory of the Eastern European space in the context of the collapse of the socialist camp. The authors characterize the mnemonic landscape of Eastern Europe, paying special attention to the semantic dependence of the region on the tragic events of the XX century: the Second World War, the Cold War, the revolutions of 1989. The interrelation between the regional processes of nation-building and the collective memory of these events is demonstrated. The article analyzes the works of foreign and domestic analysts dedicated to memorable dates in the region. The focus of the researchers' attention was mainly on the final stage of post-communist transit in Eastern Europe, in which the new national governments discussed the traumatic aspects of their own past, established memory institutions and participated in «memory wars». Special studies dealing with the problem of the modification of Eastern European commemorative trends in the 1980s still appear quite rarely. It is noted that the initial stage of the post-communist transformation has not yet become the object of a comprehensive study due to the lack

of a theoretical framework suitable for studying the memorial space in the 1980s. The authors note the heuristic potential of the concept of «memory regimes» proposed by M. Bernhard and Y. Kubik. The researchers drew attention to the fact that the type of «memory regime» is inextricably linked with the political regime, which determines the configuration of actors operating in the field of memory politics. In addition, the hypothesis is put forward that the concept of «counter-memory» proposed by M. Foucault may allow for a more detailed study of alternative historical narratives that were constructed by opponents of the communist authorities during the confrontation of the 1980s, and after the collapse of the socialist camp began to dominate the memory politics of most Eastern European states. The authors conclude that the convergence of methodological approaches from the field of transitology and concepts of collective memory can open up new opportunities for studying the memorial space of the region. They are as follows: to identify the dynamics of the actors involved in the process of constructing national narratives, as well as to clarify the role of historical discourses in the strategies of activity of all parties to the confrontation of the period of democratic transit.

Key words: collective memory, politics of memory, Eastern Europe, post-communist transformation, memory regimes, national narratives, democratic transit.

For citation: Apryshchenko V. Yu., Martynenko M. A. Eastern Europe in the era of post-communist transformation: key approaches to the study of the collective memory of the region // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P.181–186. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.1

За последние несколько десятилетий территория Восточной Европы превратилась в особое мнемоническое пространство, внутри которого сосуществуют антагонистические исторические нарративы и происходят перманентные «войны памяти». По словам Тины Розенберг, этот регион представляет собой место, «населенное призраками прошлого» [14, p. 395]. Соглашаясь с такой оценкой, отметим, что указанное положение восточноевропейского региона обусловлено целым рядом причин, неразрывно связанных с событиями XX в. Многомилионные потери в ходе Второй мировой войны, отсутствие субъектности на протяжении конфронтации времен Холодной войны, а также «бархатные революции» 1989 г. – лишь то немногое, что заняло прочные и неоднозначные позиции в коллективной памяти многочисленных сообществ, образовавшихся в результате распада соцлагеря. Кроме того, посткоммунистическая трансформация, начало которой было положено в 1980-е гг., по сей день оказывает влияние на социокультурные аспекты жизни граждан, населяющих государства Восточной Европы.

В ходе противостояний 1980-х гг. в регионе активизировались процессы нациостроительства, неотъемлемой чертой которых являлась проработка собственного прошлого. Процесс конструирования национальных нарративов постоянно сопровождался трудностями, обусловленными неготовностью формирующихся элит разделять ответственность за преступления предыдущих режимов. Заметим, что на этой относительно небольшой территории, не считая Российскую Федерацию, проживают десятки народов, представители которых не всегда были готовы придерживаться общего взгляда на прошлое. Более того, наличие многочисленных конфессий и неравномерность политического развития являются немаловажными факторами, усложняющими мемориальный ландшафт и без того сложного с точки зрения коммеморациий пространства.

События 1980-х гг., запустившие процесс демократизации государств Восточной Европы, способствовали не только кардинальным социальным, политическим и культурным изменениям в регионе, но и стимулировали академические дискуссии в области memory studies. Значительная часть зарубежных и отечественных аналитиков сходятся во мнении, что на сегодняшний день не существует более мемориально наполненного пространства, чем Восточная Европа [13]. При этом авторы все более часто отмечают необходимость в теоретическом осмыслении процессов, происходивших в политики памяти региона во время посткоммунистической трансформации [12, p. 13–20].

Академическая традиция изучения коллективной памяти восходит к лекции французского философа Эрнеста Ренана «Что такое нация?», прочитанной в Сорбонне в 1882 г. [3]. Он впервые указал на то, что коллективная память может рассматриваться как источник консолидации нации. Помимо этого, Э. Ренан подчеркнул значение забвения для конструирования национальных нарративов. По мысли автора, исключение определенных событий из коллективной памяти сообществ является более эффективной практикой, нежели стремление к поиску объективной информации о прошлом [3, с. 92]. Другой французский исследователь, социолог Морис Хальбвакс, отмечал специфику коллективной памяти по сравнению с памятью индивидуальной, подчеркивая социальный контекст коллективных представлений о прошлом [6, с. 24–27]. Идеи М. Хальбвакса стимулировали исследования политики памяти, поскольку «социальные рамки памяти», о которых рассуждал ученый, являются в том числе результатом целенаправленных действий, связанных с регулированием знаний о прошлом. Еще один выдающийся французский исследователь, автор концепции «мест памяти», Пьер Нора, предложил рассматривать монументы, памятники, архивы и другие материальные и нематериальные объекты в качестве резервуаров, сохраняющих прошлое [5, с. 17–50]. Эти «места памяти» также могут выступать предметами государственной политики, направленной на регулирование коллективной памяти общества. Следуя мысли авторов, коллективная память является предметом постоянного управления как со стороны государственных властей, так и со стороны независимых организаций, действующих в сфере политики памяти.

В контексте Восточной Европы исследования политики памяти региона начались вскоре после крушения социалистического лагеря. Фокус внимания авторов был направлен преимущественно на завершающий этап посткоммунистической трансформации, связанный с осмыслением гражданами восточноевропейских стран событий XX в., созданием институтов национальной памяти и дискуссиями о травматическом прошлом. В то же самое время инструментализация прошлого во время антикоммунистических революций интересовала исследователей в гораздо меньшей степени.

Марк Крамер, анализируя коллективную память польского общества в период транзита, обратил внимание на те трудности, с которыми столкнулись все политические силы во время посткоммунистической трансформации [11, p. 385–423]. Исследователь утверждает, что «темные страницы польской истории», связанные с участием поляков в уничтожении евреев, входят в противоречие с виктимизирующей мемориальной парадигмой, в которой польское общество представляется жертвой коммунистического режима. Это означает, что один из ключевых общеевропейских дискурсов, связанных с Холокостом, не мог быть принят новыми польскими элитами даже после демократизации государства. Схожую оценку коммеморативным трендам на территории постсоциалистической Польши дал Роберт Траба [4]. Автор заявил об отсутствии конвенционального диалогового пространства в среде представителей польской академической сферы, политиков и общественных деятелей при осмыслении драматических событий XX в. Р. Траба акцентирует внимание на дискуссии о «массовых убийствах евреев в городке Едвабне в 1941 г.», которая состоялась в Польше в 2000-х гг. Хотя в ней и принимали участие представители многих европейских государств, она не повлекла за собой дальнейших последствий, связанных с переформатированием дискурсов о прошлом. Автор замечает, что отсутствие заинтересованности польских элит в проработки травматического прошлого, привело к утверждению в стране «новой исторической политики», основанной на неоконсервативной национальной идеологии, в рамках которой критическое отношение к прошлому не приветствовалось самим обществом [4, с. 60–64].

Вопрос о месте «войн памяти» в восточноевропейском мнемоническом ландшафте был рассмотрен Евгением Финкелем [9]. Автор утверждает, что после распада социалистического лагеря Восточная Европа превратилась в пространство, внутри которого происходит «поиск потерянного геноцида». Е. Финкель указывает на то, что после 1989 г. политика памяти целого ряда восточноевропейских государств была направлена на репрезентацию своих прошлых страданий в качестве «геноцида» [9, p. 66]. Элиты, возникшие после крушения соцлагеря, стремились использовать исторический нарратив о жертвах коммунизма в качестве одного из компонентов национального строительства. Как известно, конструирование национальных нарративов подразумевает включение в них образа «чужого», которым для большинства государств Восточной Европы является Россия. Это и приводит к конфронтации в сфере политики памяти. Как и предыдущие исследователи, он соглашается с тем, что восточноевропейская коммеморативная политика, выстроенная таким образом, препятствовала обретению постсоциалистическими государствами устойчивых позиций в общеевропейском нарративе, суть которого заключалась в принятии ответственности за прошлое.

Российские исследователи несколько иначе смотрели на события, разворачивающиеся в мемориальном пространстве Восточной Европе в 1980-1990-е гг. Так, Николай Эппле описывает переговоры между властями Польской Народной республики и профсоюзом «Солидарность» в качестве «примера компромиссного переходного механизма», где основной задачей сторон являлась не проработка собственного прошлого, а «решение текущих неотложных проблем» [7, с. 230]. В то же время автор отмечает неоднозначную коммеморативную стратегию первого премьера посткоммунистической Польши Тадеуша Мазовецкого, заявившего о необходимости в «проведении жирной черты между настоящим и прошлым» [7, с. 230–231]. Н. Эппле полагает, что ключевой особенностью политики памяти в Польше являлась «культивация образа жертвы внешних сил», при которой любой дискурс о прошлом выстраивался в парадигме защиты от внешнего врага [7, с. 253]. Можно сказать, что отчасти именно это долгое время и не позволяло посткоммунистическим польским правительствам реализовать умеренно универсалистскую политику в области коллективной памяти.

Алексей Миллер справедливо указывает на специфику становления восточноевропейских национальных нарративов, внутри которых «роль главной жертвы» была закреплена именно за титульной нацией, а кульминацией повествования являлось «страдание», полученное от коммунистического угнетения [1, с. 112]. Отчасти продолжая мысль Е. Финкеля, автор также акцентирует внимание вокруг образа жертвы, замечая, что распад социалистического лагеря сопровождался «экспортом вины», при котором восточноевропейские правительства перекладывали ответственность за собственное прошлое либо на своих предыдущих союзников, как в случае с Венгрией, выступавшей в годы Второй мировой войны на стороне нацисткой Германией, либо на коммунистические правительства собственных стран [1, с. 116]. Стоит заметить, что такой подход

кардинальным образом противоречил складывающемуся в 1990-е гг. общеевропейскому нарративу, в котором гражданам Европы было предложено думать о собственной ответственности, олицетворением которой являлся Холокост. Можно видеть, что до сих пор исследовательская оптика была направлена на дебаты о прошлом в хронологический период, охватывающий завершающую фазу транзита. Нам представляется, что формирование восточноевропейских национальных нарративов в латентном виде происходило с начала 1980-х гг. Именно в противостоянии между коммунистическими правительствами и будущими элитами закладывались основные нарративные конструкции, которые использовались на этапе национального строительства до и после 1989 г.

Надо полагать, что проблема видоизменения мемориального пространства Восточной Европы в период конфронтации 1980-х гг. может быть рассмотрена в связи с теорией «режимов памяти», предложенной Майклом Бернхардом и Яном Кубиком [8, p. 11]. Исследователи обратили внимание, что тип «режима памяти» напрямую связан с политическим режимом и обусловлен включенностью мнемонических акторов в процессы коммеморации. Их они определили как «политические силы, выступающие за собственную интерпретацию прошлого» [8. p. 13–16]. Авторы выделяют несколько типов мнемонических акторов, обуславливающих конфигурацию «режима памяти»:

1. «Мнемонические воины» - акторы, представляющие свой взгляд на прошлое в качестве неоспоримой истины. Их самоидентификация основывается на антагонизме по отношению к соперникам, чьи нарративы они пытаются подвергнуть сомнению;
2. «Мнемонические плюралисты» – признают легитимность конкурирующих нарративов и коммеморативных практик, а также готовы к дискуссии с противоположной стороной, но только в рамках конвенциальных основ мнемонической политики;
3. «Мнемонические отступники» – отказываются от участия в политики памяти, не вступая в конфликты с соперниками.
4. «Смотрящие в будущее» – особый тип мнемонических акторов, коммеморативные практики которых конструируются на основании онтологической убежденности в «знании будущего», а не прошлого. По мысли исследователей, являются наиболее агрессивными из акторов, вместе с тем, их наличия в государствах Восточной Европы отчетливо не прослеживается.

Соотношение описанных сил, участвующих в коммеморативных практиках об определенном периоде прошлого, определяет доминирующий вектор политики памяти. М. Бернхард и Я. Кубик предложили такой способ классификации акторов для изучения коммеморациий двадцатилетия падения социалистических режимов в Восточной Европе. Нам представляется, что обозначенная теоретическая рамка обладает неоспоримым эвристическим потенциалом для исследования начальной стадии посткоммунистической трансформации в восточноевропейском мемориальном пространстве.

Конечно, в данном случае мы не сможем в полной мере рассуждать о формировании национальных нарративов, поскольку идентичностные императивы в 1980-е гг. еще не были распространены в среде основных акторов, участвующих в борьбе за власть в странах соцлагеря. В этой связи наиболее уместным для последующего осмысления проблемы представляется концепт «контр-памяти», предложенный французским философом Мишелем Фуко [10]. Рассматривая память как разновидность дискурсов, благодаря которым прошлое находится в процессе перманентного обсуждения и переосмысления, М. Фуко заявлял о существование альтернативных исторических нарративов, противоречащих господствующему коммеморативному тренду [10, p. 152–154]. Если один из существующих дискурсов о прошлом становится господствующим, то внутри сообществ, представители которых по тем или иным причинам не способны массово распространять собственные дискурсы, появляется «контр-память», вызванная ответной реакцией на «историческую несправедливость» в отношении памяти о том или ином сюжете прошлого. Словом, основной задачей «контр-памяти», по мнению автора, является подрыв конвенциональных нарративов с последующей заменой их собственной версией прошлого. Такие практики мы можем видеть и в дискурсах польской «Солидарности», заявлявшей в 1980-е гг. о необходимости отмены социалистических годовщин и праздников, и в других восточноевропейских нарративах начального этапа посткоммунистической трансформации. Сочетание теории «режимов памяти» и концепта «контр-памяти» позволяет нам более глубоко понять те процессы, которые привели к установлению паттерна политики памяти, главенствующего в дискурсах восточноевропейских правительств после крушения социалистического лагеря. Оба этих концепта могут быть использованы для изучения мнемонической деятельности конкурирующих акторов на начальном этапе формирования национальных нарративов.

По отношению к Восточной Европы теории коллективной памяти могут быть использованы в тесной взаимосвязи с концептом «демократического транзита». Исследования «транзитологии», применительно к постсоциалистическому пространству, начались в 1990-е гг. и были сосредоточены вокруг ограниченного круга проблем: рыночных реформ, изменением структуры политических режимов, преодолением авторитарных и тоталитарных пережитков в новых демократических обществах [2, с. 69–70]. Сам распад социалистического лагеря ознаменовал переход к новому этапу исследований транзитов, в рамках которого осмыслялось крушение коммунистических режимов в странах социа-

листического лагеря. Особое внимание в работах уделялось теории неоинституционализма, при которой исследовательская оптика была сосредоточена на влиянии неформальных и формирующихся институтов на демократический транзит [15]. Это означало то, что изучались не только устоявшиеся институты, вроде представительских органов власти, но и неформальные организации – профессиональные союзы, диссидентские сообщества и другие общественные структуры в их динамике развития. Восточноевропейские национальные нарративы, структурные характеристики которых закладывались оппозиционными по отношению к властям учеными, политиками и интеллектуалами, не только являлись самостоятельной ценностью, но и сами стимулировали действия людей, принимающих участие в конфронтации. Они выполняли мобилизационную функцию, выводя людей на центральные площади восточноевропейских городов в 1989 г. Словом, именно такая рамка, в нашем случае акцентированная на коллективной памяти, может позволить более четко рассмотреть «режимы памяти» во время посткоммунистического транзита. Описанная исследовательская оптика дает возможность исследовать коммеморативные практики противоборствующих сторон в период эскалации конфликтов между коммунистическими властями и будущей элитой, участвующей в процессе демократического транзита.

Любую трансформацию следует рассматривать как надлом не только в экономической, политической и социальной сфере, но и как кризис устоявшихся дискурсов о прошлом. События, охватившие Восточную Европу в 1980–1990-е гг., нанесли удар по конвенциональным историческим нарративам и существенным образом повлияли на коллективную память граждан региона. Более того, общеевропейский нарратив, частью которого захотят стать восточноевропейские государства, окончательно сформируется лишь в 2000-е гг., вместе с расширением Европейского Союза. При этом в самый активный период посткоммунистической трансформации, имманентной чертой которого являлась политическая турбулентность, мы можем видеть попытки конструирования национальных нарративов в их зачатке – именно тогда вырабатывались те формы и содержания, с помощью которых описывалось мемориальное пространство Восточной Европы.

Таким образом, процесс видоизменения коллективной памяти восточноевропейского региона в контексте крушения социалистического лагеря до сих пор рассматривался ученым преимущественно с точки зрения коммемораций, проводимых уже независимыми правительствами. Одни исследователи указывали на трудности в проработки собственного прошлого, с которыми столкнулись формирующиеся в транзитный период власти постсоциалистических стран. К ним относится и ответственность за преступления коммунистических режимов, и участие граждан в Холокосте, и неготовность принять общеевропейскую культуру памяти, внутри которой жертвенность собственного народа должна была уступить место признанию вины за определенные периоды прошлого. Другие авторы обращали внимание на поиски внутреннего и внешнего «чужого», необходимого для формирования нарративов национальной идентичности. Представители такого подхода утверждали, что поиск врагов, легитимирующих нарратив, имел конфликтный характер, неизбежно стимулирующий войны памяти. Нам удалось показать, что изучение коллективной памяти восточноевропейского региона требует от исследователей методологической конвергенции подходов и теорий, связанных с коллективной памятью и транзитологией. Стержневые аспекты демократического транзита, в рамках которого были заложены идеи будущих национальных нарративов, формировались с начала 1980-х гг. и обрастали новыми смысловыми значениями в ходе конфронтации между демократическими силами и коммунистическими правительствами. Видоизменения «режимов памяти» происходило в условиях политической турбулентности, задавшей основу для адаптации деятельности акторов, отстаивающих собственную версию прошлого.

Исследования демократического транзита в восточноевропейских государствах может, вероятно, способствовать более глубокому пониманию тех коммеморативных трендов, которыми сегодня охвачены страны, получившие свою независимость в результате крушения социалистического лагеря. Как мы увидели, сегодня это исследовательское поле находится на пути поиска новых методологических ориентиров, способных задать теоретическую рамку для осмысления всевозможных частных кейсов. Это свидетельствует о том, что «призраки прошлого», охватившие территорию Восточной Европы, не перестанут привлекать внимание исследователей еще долгое время.

Список литературы

1. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. №1 (80). С. 111–121.
2. Мюллер Р., Пикель А. Смена парадигм посткоммунистических трансформаций // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 67–82.
3. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т. 6. Киев: Б. К. Фукс, 1902. С. 87–101.
4. Траба Р. Польские споры об истории в XXI в. // Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 3–4 (46). С. 43–64.
5. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Д. Хапаева. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 325 с.

6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 (40–41). С. 8-27. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/ kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html (дата обращения: 16.04.2022).
7. Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.
8. Bernhard M., Kubik J. Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration. New York: Oxford University Press. 2014. 384 p.
9. Finkel E. In Search of Lost Genocide: Historical Policy and International Politics in Post-1989 Eastern Europe // Global Society, 2010. Vol. 24, no. 1. P. 51–70.
10. Foucault M. Nietzsche, Genealogy, History // Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews / ed. by F. Donald. Bouchard. Ithaca: Cornell University Press, 1988. P. 139–164.
11. Kramer M. Public memory and the difficulty of overcoming the communist legacy // Piffer T., Zubok V. Totalitarian societies and democratic transition: essays in memory of Viktor Zaslavsky. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 385-423.
12. Memory and theory in Eastern Europe / Eds. U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 279 p.
13. Mink G., Neumayer L. Introduction // History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe. Memory Games / ed. by G. Mink, L. Neumayer. London: Palgrave Macmillan, 2013. P. 1–20.
14. Rosenberg T. The Haunted Land. Facing Europe's Ghosts after Communism. New York: Vintage, 1995. 437 p.
15. Thelen K. Historical institutionalism in comparative politics // Annual review of political science. Palo Alto, Calif., 1999. Vol. 2. P. 369–404.

References

1. Miller A.I. Politika pamyati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuyu kul'turu pamyati (Politics of memory in post-communist Europe and its impact on European culture of memory) // Politiya. 2016. No. 1 (80). P. 111-121. (In Russian).
2. Myuller R., Pikel' A. Smena paradigm postkommunisticheskikh transformatsii (Paradigmatic change of post-communist transformation) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2002. No. 9. P. 67–82. (In Russian).
3. Renan E. Chto takoe natsiya? (What is a nation?) // Renan E. Sobranie sochinenii In 12 Vols / ed by V.N. Mikhailovskii. Vol. 6. Kiev: Fuks publ., 1902. P. 87-101. (In Russian).
4. Traba R. Pol'skie spory ob istorii v XXI v. (Polish disputes about history in the 21st century) // Pro et Contra. 2009. Vol. 13. No. 3–4 (46). P. 43–64. (In Russian).
5. Frantsiya-pamyat' (France memory) / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok / translated by D. Khapaev. St. Petersburg: SbBSU publ, 1999. 325 p. (In Russian).
6. Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' (Collective and historical memory) // Neprikosnovennyi zapas. 2005. No. 2 (40–41). P. 8–27. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/ kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html (Accessed: 16.03.2022). (In Russian).
7. Epple N. Neudobnoe proshloe: pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh (An Inconvenient past. Memory of state crimes in Russia and other countries). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 576 p. (In Russian).
8. Bernhard M., Kubik J. Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration. New York: Oxford University Press. 2014. 384 p.
9. Finkel E. In Search of Lost Genocide: Historical Policy and International Politics in Post-1989 Eastern Europe // Global Society, 2010. Vol. 24, no. 1. P. 51–70.
10. Foucault M. Nietzsche, Genealogy, History // Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews / ed. by F. Donald. Bouchard. Ithaca: Cornell University Press, 1988. P. 139–164.
11. Kramer M. Public memory and the difficulty of overcoming the communist legacy // Piffer T., Zubok V. Totalitarian societies and democratic transition: essays in memory of Viktor Zaslavsky. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 385–423.
12. Memory and theory in Eastern Europe / Eds. U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 279 p.
13. Mink G., Neumayer L. Introduction // History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe. Memory Games / ed. by G. Mink, L. Neumayer. London: Palgrave Macmillan, 2013. P. 1–20.
14. Rosenberg T. The Haunted Land. Facing Europe's Ghosts after Communism. New York: Vintage, 1995. 437 p.
15. Thelen K. Historical institutionalism in comparative politics // Annual review of political science. Palo Alto, Calif., 1999. Vol. 2. P. 369–404.

Сведения об авторах

Апрыщенко Виктор Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, научный руководитель направления, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета / victorapr@sfedu.ru

Адрес: д. 105/42, ул. Б. Садовая, 344006, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Мартыненко Михаил Александрович – аспирант Института истории и международных отношений Южного федерального университета / mihmar@sfedu.ru

Адрес: д. 105/42, ул. Б. Садовая, 344006, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Information about the authors

Apryshchenko Vikror Yu. – Doctor of History, professor, Academic supervisor for humanities, Institute of History and International Relations, Southern Federal University / victorapr@sfedu.ru

The address: 105/42, st. B. Sadovaya, 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation.

Martynenko Mikhail A. – Postgraduate Student, Institute of History and International Relations, Southern Federal University / mihmar@sfedu.ru

The address: 105/42, st. B. Sadovaya, 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation.

CC BY

УДК 94(41/99)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.2

Н. Ф. Вирт

ПРОТЕСТАНТСКИЙ ФАКТОР В ПОБЕДЕ П.ГИНДЕНБУРГА НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В ГЕРМАНИИ 1925 г.[1]

В статье рассматривается влияние протестантского сообщества Веймарской республики на президентские выборы 1925 г. Автором анализируется использование религиозных противоречий внутри германского общества для мобилизации электората в поддержку кандидатуры П. Гинденбурга. В статье подчеркивается, что религиозный аспект выборов особенно актуален в рамках изучения государственно-конфессиональных отношений в Германии 20-х гг. XX в. и понимания степени влияния религии на политику.

В исследовании были выявлены причины и особенности формирования предвыборных межпартийных коалиций, а также отмечена роль религиозного фактора в создании «Имперского блока». Новизной работы стал анализ изменений электоральной базы кандидатов после первого тура выборов. Автором объясняются отличия политических симпатий в промышленных и аграрных регионах Германии, а также противоречия в рядах Баварской народной партии воздействием религиозного фактора. В связи с политическим влиянием религии охарактеризовано участие протестантского духовенства в проведении избирательной кампании в поддержку кандидата от националистических сил. В качестве примера обозначено влияние выдвижения от коалиции СДПГ и партии Центра католика В. Маркса на результаты выборов. Значительная часть протестантского духовенства и протестантских организаций выступила в поддержку П. Гинденбурга. Агитация за протестантского кандидата с церковных кафедр привела к мобилизации консервативного религиозного электората и дальнейшей победе П. Гинденбурга во втором туре президентских выборов 1925 г.

Ключевые слова: протестантизм, президентские выборы, Гинденбург, Веймарская республика, Германия.

Для цитирования: Вирт Н.Ф. Протестантский фактор в победе П.Гинденбурга на президентских выборах в Германии 1925 г. // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С.187–193. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.2

Nikolay F. Virt

THE PROTESTANT FACTOR IN P. HINDENBURG'S VICTORY IN THE GERMAN PRESIDENTIAL ELECTIONS OF 1925[2]

The article deals with the influence of the Protestant community of the Weimar Republic on the presidential elections of 1925. The use of religious contradictions within German society to mobilize the electorate in support of P. Hindenburg's candidacy is analyzed. The religious aspect of elections is especially relevant in the study of state-confessional relations in Germany in the 1920s and understanding the degree of influence of religion on politics.

The reasons and features of the formation of pre-election inter-party coalitions are revealed. The role of the religious factor in the creation of the «Imperial block» is noted. Changes in the electoral base of candidates after the first round of elections are analyzed. The differences in political sympathies in the industrial and agrarian regions of Germany, as well as the contradictions in the ranks of the Bavarian People's Party under the influence of the religious factor, are explained. The participation of the Protestant clergy in the election campaign in support of the candidate from the nationalist forces is characterized. The influence of the nomination from the coalition of the SPD and the Center Party of the Catholic V. Marx on the election results is indicated. A significant part of the Protestant clergy and Protestant organizations came out in support of P. Hindenburg. Campaigning for a Protestant candidate from church pulpits led to the mobilization of the conservative religious electorate and further victory of P. Hindenburg in the second round of the presidential elections in 1925.

Key words: Protestantism, presidential elections, Hindenburg, Weimar Republic, Germany.

For citation: Virt N.F. The protestant factor in P. Hindenburg's victory in the German presidential elections of 1925 // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 187–193. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.2

Должность президента Веймарской Германии играла важную роль в политике республики на начальном этапе ее становления. Фридрих Эберт, занявший этот пост в 1919 г., был фигурой, способной удовлетворить политические запросы не только сторонников СДПГ, но и широкого круга демократически настроенных немецких избирателей. В период кампании за избрание Ф. Эберта президентом даже часть военной правой элиты Германии оказывала ему поддержку

1 Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект №20-39-90025 «Веймарская республика в восприятии протестантских церквей и теологов».

2 The work was financially supported by the RFBR grant, project No. 20-39-90025 "The Weimar Republic in the Perception of Protestant Churches and Theologians".

как единому кандидату. На фигуру президента многими возлагались надежды по защите молодого республиканского государства. Именно поэтому в Конституции 1919 г. у президента появился правовой инструментарий для проведения жесткой внутренней политики и недопущения повторения событий Ноябрьской революции. Страх повторения революционных выступлений, консолидировал широкий спектр политических партий и организаций вокруг Ф. Эберта [2, с.114]. Во многом это было возможно из-за его жесткой позиции, занятой в ноябре 1918 г. по вопросам социально-экономического и политического устройства послевоенной Германии.

После неожиданной смерти 28 февраля 1925 г. президента Ф. Эберта республика потеряла важный полюс стабильности. Теперь новый президент Рейха должен был быть избран 29 марта 1925 года. За семь лет своего пребывания в должности Ф. Эберт получил широкое признание за пределами СДПГ. Но, несмотря на свои усилия по построению республики, президент потерял уважение среди части левых, находившихся на более радикальных позициях, нежели социал-демократы. Причем со стороны КПГ он обличался не иначе как предатель дела рабочих. Его личность символизировала сложную ситуацию внутри СДПГ. Партия долгое время колебалась между центристской и радикальной политикой [11, s. 57]. Несмотря на все усилия по формирования единого демократического блока, способного управлять страной после ухода Ф. Эберта с поста президента, подобный блок не был создан.

Стоит отметить, что левые силы во главе с СДПГ, а также остальные демократические движения были абсолютно уверены, что выборы президента, до которых Ф. Эберт не дожил всего 4 месяца (в 1925 г. истекал срок его президентских полномочий), привели бы к его переизбранию. Поэтому в левом и демократическом лагерях подготовка к выборам велась слабо и непоследовательно. Никто в СДПГ не предполагал, что возникнет необходимость выдвигать из своих рядов нового лидера способного объединить разношерстный политический спектр в одном лице. Поэтому среди демократических сил не нашлось достойной замены умершему президенту. Все лидеры социалистов и демократов оказались недостаточно известны избирателям и, что более важно, не пользовались поддержкой населения.

Совсем иначе обстояли дела у правых. Ими создается специальный комитет, целью которого стал поиск и продвижение единого кандидата от правой оппозиции, способного на равных бороться на предстоящих выборах с кандидатом от социал-демократов. Правые готовились конкурировать с Ф. Эбертом в качестве претендента на избрание на второй срок. Следовательно, правые политические силы изначально ориентировались на ожесточенную предвыборную кампанию.

Сдвиг вправо в политике Веймара начался еще в июне 1920 г., когда правоцентристская Немецкая народная партия (ННП) и антиреспубликанская Немецкая национальная народная партия (НННП) расширили свой электорат [7, p. 209]. Это было вызвано общественным недовольством Версальским мирным договором и возобновлением опасений по поводу беспорядков в рабочем классе, возникших после мартовского путча 1920 года [3, с.223]. Положение дел в политической сфере правых националистов продолжало улучшаться в годы хаоса послевоенной гиперинфляции. В то время как либеральные партии теряли свою поддержку, на политическую арену выходили праворадикальные силы. Многие немцы были разочарованы либеральными преобразованиями и видели в правоконсервативных политических партиях реальную альтернативу сложившейся критической обстановке в стране. Тем более правые часто апеллировали к имперскому прошлому, воспринимавшееся немцами как стабильное и процветающее время, но при этом не требовали восстановления монархии [1, с. 8].

После выборов в рейхстаг в мае 1924 года НННП превратилась в крупнейшую партию в Германии, на нее приходилось около 20% голосов. Веймарские демократы, напротив, почти исчезли из поля зрения, набрав всего 5,6 % против 18,6 % в январе 1919 года. Восторженные националисты восприняли эти признаки как сигнал к активизации своей политической деятельности. Среди населения Германии усилия в объединении националистических партий воспринимались как общее наступление на республику с целью ее свержения [7, p. 210].

Однако резкое увеличение количества голосов, поданных за националистические партии не привело к автоматическому созданию националистического союза всех движений правого толка. Существовали противоречия между НННП и ННП не только по поводу отношения к правящему социал-демократическому президенту, но и по поводу оккупированного Францией Рура, гиперинфляции. Тем более электоральная база у партий была разной, что накладывало отпечаток и на партийные программы и лозунги. В этих обстоятельствах политических разногласий, социальной и экономической нестабильности потребовались месяцы переговоров и вторые выборы в Рейхстаг 7 декабря 1924 г., прежде чем правоцентристский блок, к которому присоединились многие правые, окончательно сформировался в январе 1925 г. во главе с канцлером Гансом Лютером. Однако объединение правых оказалось нестабильным.

Хрупкий характер правящей коалиции проявляется в феврале и марте 1925 г., когда парламентские лидеры и ведущие националистические государственные деятели, объединившиеся в

«Имперский блок», не согласились с общим кандидатом на предстоящих президентских выборах в Германии [5, p.64].

Немецкая народная партия и Немецкая национальная народная партия от лица значительной части правых сил Веймарской Германии в качестве кандидата на пост президента выдвинули бывшего имперского министра внутренних дел и мэра Дуйсбурга Карла Ярреса. Вместе с Конрадом Аденауэром он являлся одним из «великих мэров Рейна» и дважды становился министром в кабинетах В. Маркса и Г. Штреземана в качестве члена ННП. Для многих правых К. Яррес являлся надпартийным коллективным кандидатом.

Беспартийный подход К. Ярреса подчеркивается в призыве к выборам: «Вот почему немецкие мужчины и женщины [...] объединились, чтобы сформировать беспартийный «Имперский блок», который хочет воспитать кого-то, кто не подчиняется какой-либо партии и чье безупречное имя известно не только в своем собственном доме, но и хорошо звучит по всей стране. [...] Убедитесь, что в течение следующих семи лет судьбой Германии будет руководить человек, который, стоя над партиями, способен ценить и сохранять честь и благосостояние Германии, ее единство!» [9, s.261].

Со своей стороны, социал-демократы выдвинули в качестве единого кандидата премьер-министра Пруссии Отто Брауна. Касательно К. Ярреса социал-демократы отмечали его монархические политические взгляды и обвиняли в желании реставрации германской монархии, а также обличали поддержку его кандидатуры со стороны землевладельцев и промышленников. Партия боролась за самый важный пост в государстве и хотела превратить президентские выборы в «голосование за республику». От партии Центра на выборы отправился Вильгельм Маркс, а КПГ выдвинула своего представителя – Эрнста Тельмана.

По результатам первого тура выборов К. Яррес набрал наибольшее количество голосов по сравнению с другими кандидатами. Однако это все равно не позволило ему получить необходимый процент для того, чтобы быть избранным.

Несмотря на то, что К. Яррес набрал 38,8 % голосов избирателей по всей Германии, силы, стоявшие за ним, понимали, что он не сможет получить большинства голосов во втором туре. К тому же против единого кандидата от правых выступал единый кандидат от СДПГ и партии Центра – В. Маркс, набравший в первом туре 14,5 % и ставший компромиссным решением демократически ориентированных сил. Именно в этот момент выходит на первый план конфессиональная принадлежность кандидатов. В среде правых, и не только правых, протестантов распространяется лозунг отказа от поддержки В. Маркса, он даже именуется «вассалом Папы» [13, s.293]. Начинается долгий процесс избрания единого кандидата от правых сил, устроивший как национально ориентированную часть буржуазии, так и рядового избирателя, в том числе и из среды рабочих.

Выбор падает на отставного военного Пауля фон Гинденбурга. Многие лидеры правого движения считали, что былые заслуги фельдмаршала и его ореол героя Первой мировой войны служили дополнительным стимулом голосовать за него. Харизма П. Гинденбурга простиралась далеко за пределы буржуазного протестантского лагеря, о чем свидетельствует тот факт, что на выборах его кандидатуру поддержала католическая Баварская народная партия [12, s. 120]. Во многом большую роль в таком решении баварцев сыграла их неприязнь к социал-демократам. Бавария еще помнила перегибы, происходившие в период недолговечной Баварской советской республики, и ее жители не хотели видеть на главном посту в государстве лидера левых, которым им представлялся В. Маркс [8, s. 257].

Отдельно стоит сказать о позиции самого П. Гинденбурга по вопросу о его выдвижении на пост президента республики. Будучи человеком преклонного возраста, отставной фельдмаршал не проявлял особого стремления стать лидером государства. На первые обращения со стороны «Имперского блока» он неизменно отвечал отказом. Дополнительным фактором, препятствовавшим выдвижению Гинденбурга, явилось отсутствие единства по поводу его кандидатуры. Г. Штреземан и некоторые другие лидеры националистов выступали против кандидатуры П. Гинденбурга, так как опасались, что его фигура, прочно ассоциировавшаяся с Первой мировой войной, ухудшит отношения Германии с Францией и Великобританией. Еще большим страхом для крупных промышленников из окружения Г. Штреземана явился отзыв огромных кредитов, предоставленных Соединенными Штатами для восстановления германской экономики. Однако, не встретив понимания среди остальных правых сил, противники П. Гинденбурга были вынуждены сдаться и принять его в качестве единого кандидата от «Имперского блока».

П. Гинденбург не проводил классической избирательной кампании в строгом смысле слова и отказался выступать на предвыборных митингах. Фельдмаршал считал, что если народ Германии сочтет его достойным должности президента, то его избрание состоится в любом случае. П. Гинденбург подчеркивал, что согласился на предвыборную гонку не из-за своих эгоистических устремлений или из-за жажды власти, а только лишь в ответ на просьбу, с которой к нему обратились граждане Германии: «Немцы разного происхождения и провинций, в сердце которых благополучие Отечества, предложили мне высший пост в государстве. Я подчиняюсь этому призыву, после долгих размышлений, в знак почтения к Отечеству» [4, s.1].

11 апреля 1925 г. П. Гинденбург опубликовал, так называемое «Пасхальное обращение». В нем он обращался ко всему немецкому народу, чтобы показать, что намерен действовать во благо не только тех, кто априори поддерживал его кандидатуру: «Моя жизнь открыта перед всем миром. Я считаю, что даже в трудные времена я выполнял свой долг. Если долг прикажет мне сейчас – без учета партии, личности, происхождения и профессии – действовать в качестве президента на основе конституции, я не потерплю неудачу.

Как солдат, я всегда думал обо всем народе, а не о партиях. Они необходимы в государстве, управляемом парламентом, но глава государства должен стоять над ними и независимо от них, и должен управлять каждым подданным» [4, s.1].

П. Гинденбург также давал понять будущим избирателям, что намерен положить конец атмосфере нестабильности и революционности, царившим в германском обществе на протяжении первой половины 20-х гг. XX в. Помимо этого будущий президент заявлял о необходимости очищения политической сферы от политиканов, чьи действия наносят вред государству: «Я никогда не терял веры в немецкий народ и в поддержку Бога. Но я уже не настолько молод, чтобы верить во внезапные перемены. Никакая война, никакое внутреннее восстание не могут освободить наш скованный и разобщенный народ. Нужна долгая, тихая, мирная работа. Прежде всего, она должна быть избавлена от тех, кто сделал из политики бизнес. Ни одно государство не может существовать без порядка и чистоты в его общественной жизни» [4, s.1].

Старый фельдмаршал апеллировал к авторитету первого президента республики Ф. Эберта, но одновременно с этим заявлял о непоколебимости своих политических устремлений: «Президент особо призван отстаивать святость справедливости. Подобно тому, как первый президент [Эберт]… никогда не отрицал своего происхождения из социал-демократического рабочего класса, так и никто никогда не должен предполагать, что я отказался от своих политических убеждений» [4, s.1].

В обращении отмечались и скрытые нападки на республиканскую форму правления. П. Гинденбург заявлял, что ему неважно какая структура государственного устройства функционирует на данный момент. Он верит, что немецкий дух способен любое государственное устройство обратить во благо Германии, укрепления ее положения в мире и внутри страны: «Я придаю принципиальное значение не форме правления, а духу, который проникает в эту форму. Я протягиваю руку каждому немцу, мыслящему национально, защищающему достоинство немецкого имени, как в Германии, так и за границей, желающему свободы вероисповедания и классового взаимопонимания, и обращаюсь к нему с просьбой: «Помогите мне работать для возрождения Отечество!» [4, s.1].

Выдвижение П. Гинденбурга в качестве кандидата на пост президента всколыхнуло настроения религиозного населения Германской республики. Протестантское духовенство перед вторым туром голосования разделилось на две неравные части. Либерально настроенные демократические деятели церкви выступали за «Народный блок» и призывали протестантов голосовать за В. Маркса несмотря на его католическое вероисповедание. Однако существовала и другая часть – многочисленные пасторы и теологи, призывавшие протестантское население не допустить к власти в стране католика.

Религиозные противоречия в германском обществе привели к тому, что президентские выборы помимо политического стали включать в себя ещё и конфессиональный аспект. Для значительной части немецкого национального протестантского спектра поддержка протестанта П. Гинденбурга являлась делом само собой разумеющимся. Публичная поддержка В. Маркса известными профессорами протестантского богословия (такими как: Адольф фон Гарнак, Мартин Раде, Мартин Дибелиус и Отто Баумгартен), либеральными и религиозно-социалистическими пасторами со стороны церковных функционеров была воспринята как возмутительная.

Избирательная кампания «Имперского блока» в отдельных протестантских общинах, особенно среди сознательных протестантских избирателей, имела существенный успех. Показателен пример Мангейма. Когда представитель демократических сил в рейхстаге Адольф Корелл, протестантский пастор из Ингельхайма, который особенно активно выступал в защиту В. Маркса, должен был выступить на митинге «Народного блока» в Мангейме, ему передали протест десять протестантских женщин, заявивших: «Протестантские женщины Мангейма, объединившиеся в ассоциацию, с негодованием объявили, что протестантский пастор А. Корелл хочет возвысить свой голос в нашем городе на политическом митинге в защиту католического кандидата. Они расценивают это как пощечину евангельским настроениям населения и выражают свое резкое неодобрение этому» [8, s.267].

Пастор Мартин Раде писал: «В день выборов 26 апреля я был в Берлине. Я пошел в церковь. Проповедник начал свою проповедь словами: «Сегодня день принятия решений для немецкого народа. Сегодня еще неизвестно, вернется ли он к своей старой вере. После этого последовала аполитичная речь по поводу Иоанна 14:6. Но после библейских рассуждений проповедник снова стал говорить о политике: «Сегодня день выборов. Каждый протестантский христианин знает, за кого он должен голосовать!» [8, s.270].

Ярким примером протестантской агитации в пользу П. Гинденбурга является постановление приходского совета города Мангейм: «1. Разместить следующий плакат 25 и 26 числа: «Выборы президента Рейха! Евангелисты, помните, что вы евангелисты!»; 2. Прочитать воззвание с кафедры 26-го числа, которое также следует распространить в виде брошюры и как таковое можно получить в Евангелической приходской канцелярии: «Помните, что вы евангелист… Вот почему для нас, евангелистов, настал час очнуться ото сна… Те, кто принадлежит к политической партии, могут проверить свою совесть, чтобы увидеть, является ли партийная программа, партийный лозунг и партийная дисциплина выше, чем их евангелическая церковь и их евангелическое исповедание. Слава Богу, это так: всякий, кто не за нашу Евангелическую Церковь в этот роковой час, против нее!» [8, s.268]. Помимо этого, текст данного воззвания был направлен во все приходы Бадена.

Пастор Э. Роланд уже после подведения итогов голосования писал: «Жребий брошен, Гинденбург выбран. Мы рады этому и надеемся, что верному человеку удастся вести наш народ к спокойному развитии, что люди во всем мире снова смогут говорить о Германии с уважением и почтением» [10].

Другой национально ориентированный пастор О. Дамиан отмечал в отношении протестантов, призывавших голосовать за В. Маркса следующее: «Я думаю, что есть больше оснований говорить о предательстве протестантизма» [10]. Таким образом, большинство протестантов республики сплотилось для избрания протестантского президента.

На первый взгляд, избрание П. Гинденбурга президентом 26 апреля 1925 года подтвердило преобладание монархических настроений в Веймарской Германии. Современные этому событию наблюдатели слева и справа соглашались, что избрание П. Гинденбурга основывалось на воспоминаниях об имперском наследии Германии и победах в Первой мировой войне. Немецкий народ хотел не президента, а «человека в форме… с большим количеством наград» [7, p.205], по верному замечанию Г. Штреземана.

Выборы ясно показали резкое разделение Веймарской Германии. Во втором туре выборов, в котором П. Гинденбург столкнулся с В. Марксом и коммунистом Э. Тельманом, немецкие избиратели разделились почти поровну: 48 % проголосовали за П. Гинденбурга, 45% за В. Маркса. Количество голосов, отданных за лидирующих кандидатов оказалось практически равным. За П. Гинденбурга отдали свои голоса 14,6 млн избирателей, за В. Маркса – 13,7 млн. Э. Тельман получил всего 1,9 млн голосов. Таким образом, разрыв между лидерами составил 900 тыс. голосов [6, p.41].

Ни долгожданное наступление более стабильных и более процветающих времен после окончания инфляции в 1924 г., ни отказ от вооруженных угроз республиканскому правлению не изменили того, что на местном уровне существовало жесткое разделением между демократическими левыми силами и правыми националистами. То, что голоса католиков разделились между В. Марксом и П. Гинденбургом, которого поддерживала консервативная Баварская народная партия, и что многие рабочие поддерживали Э. Тельмана, только укрепило прочность антисоциалистического протестантского электората, с энтузиазмом поддержавшего П. Гинденбурга.

Итоги выборов показали, на какие части делится Германия в политической сфере. Как и К. Ярреса лидировавшего в первом туре президентского голосования, П. Гинденбурга поддержали аграрные протестантские регионы страны [5, p.66]. На них и делали упор националисты при проведении избирательной кампании. С самого начала «Имперский блок» выдел свою опору в жителях сельской местности, в частности акцент делался на протестантских избирателях из Пруссии.

С другой стороны, кандидатура В. Маркса получила наибольшую поддержку от католиков (что было ожидаемо), а также в промышленных районах страны. Помимо этого, В. Маркса поддержали в Бадене и Вюртемберге, считавшихся наиболее либеральными регионами республики. Несмотря на заявления лидеров Баварской народной партии о своей поддержке П. Гинденбурга, многие рядовые члены партии на выборах все же высказались за католического кандидата. Также В. Маркс получил много голосов в Берлине. За него проголосовало около 60 % избирателей столицы [5, p. 67]. Население города негативно относилось к кандидатуре фельдмаршала, видя в нем угрозу достигнутым демократическим успехам и вероятное начало сворачивания республиканского строительства.

Существенные изменения в результатах голосования произошли в промышленных регионах Германии. Во втором туре за П. Гинденбурга проголосовало больше избирателей в Рейнской области, Вестфалии и Верхней Силезии, являвшихся регионами с наибольшим числом сторонников республики, а также населенные католическим большинством.

Ожидаемо лидировал П. Гинденбург в Саксонии, считавшейся оплотом протестантизма в республике. П. Гинденбург смог привлечь голоса не только сторонников националистических партий, но и демократов. Многие отдали свой голос за фельдмаршала, чтобы остановить рост левого радикализма, наблюдавшийся в Саксонии на протяжении последних пяти лет.

Из результатов выборов и распределения голосов видно, что «Имперский блок» смог расширить электоральную базу за счет привлечения на свою

сторону П. Гинденбурга. Многие демократы, католики, и даже сторонники либеральных партий по всей стране голосовали за фельдмаршала. Вероятнее всего на изменение настроений общества повлияли тенденции ухудшения положения дел в экономике Германии, а также рост радикальных левых движений. Многие были разочарованы в республиканской форме правления из-за ее недостатков и невозможности кардинально улучшить жизнь немцев. На этом фоне фигура П. Гинденбурга вселяла в избирателей надежду на установление стабильности и порядка во всех сферах жизни общества и государства.

На следующий день после выборов сторонники П. Гинденбурга вышли на улицы немецких городов в беспрецедентном количестве. Каждый немец почувствовал призыв к сотрудничеству после первого опубликованного заявления П. Гинденбурга: «Битва окончена, и я готов сжать руку каждого немца, включая моих предыдущих противников, и работать с ними всеми на благо страны» [6, p.41]. Граждане Германии были уверены, что с победой П. Гинденбурга распространение социализма будет остановлено, республика ослабнет, а вместе с этим улучшится экономическая ситуация и вырастет уровень жизни.

Президентские выборы 1925 г. показали, в какой степени протестантские бюргеры стали идентифицировать себя в качестве сторонников откровенно буржуазных политических организаций. Данное положение отмечалось уже во время муниципальных выборов, состоявшихся в Пруссии в ноябре 1924 г. Результаты голосования зафиксировали популярность местного протестантского правого блока среди избирателей [7, p. 206]. Важно подчеркнуть, что объединение широких масс, поддерживающих П. Гинденбурга, являлось коалицией, сформировавшейся вокруг единого кандидата во втором туре выборов. Она распалась сразу же после появления новых парламентских интересов. Результаты выборов были встречены с восторгом, как в кругах немецких протестантов, так и в кругах националистов. И те, и другие отвергали легитимность Веймарской республики, а исход выборов еще больше убедил их в непрочности и недолговечности республиканского устройства Германии. Помимо этого, они надеялись на возврат внешней и внутренней политики к принципам, заложенным в Германской империи.

В заключении стоит сделать общий вывод о том, что протестантское сообщество Германии перед выборами 1925 г. не было единым. Несмотря на общий консервативный вектор в его среде существовали и силы, способные выступить против конфессиональных интересов и поставить интересы республики на первый план. Однако демократы и либералы в протестантской среде находились в явном меньшинстве.

Активная политика «Имперского блока», изображавшая П. Гинденбурга идеальным кандидатом, эффективно мобилизовала электорат нападками на конфессиональное происхождение кандидата от демократических сил и социал-демократов, являвшегося католиком. Именно эта навязчивая пропаганда помимо всего прочего позволила П. Гинденбургу одержать победу на выборах с незначительным перевесом в 3 % голосов. Сторонники республики потерпели тяжелое поражение. Консерваторы считали, что они сделали первый шаг к восстановлению старых устоев. С приходом на пост президента республики убежденного монархиста и правого консерватора П. Гинденбурга, Германия начала путь к созданию авторитарного государства.

Список литературы

1. Артамошин С.В. Консервативная общность contra национал-социалистическая народная общность: к истории националистических идей в Веймарской республике // История. Общество. Политика. 2018. №1. С. 7–15.
2. Лучников А.В. Ф. Эберт и П. фон Гинденбург – два президента, две внешнеполитические стратегии // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2009. Т.9. С. 113–122.
3. Шульц Э.Э. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии и проблемы возникновения, развития и падения Веймарской республики // Вестник Томского государственного университета. 2018. №426. С. 226–228.
4. Deutsche Allgemein Zeitung. 12.04.1925. № 172. S.1.
5. Dorpalen A. Hindenburg and the Weimar Republic. Princeton: Princeton University Press, 1964. 447 p.
6. Faust A.B. Paul von Hindenburg // Current Histor. 1930. Vol. 32. No. 1. P. 41–46.
7. Fritzsche P. Presidental victory and popular festivity in Weimar Germany: Hindenburgs 1925 election // Central European History. Vol. 23. No. 2/3. 1990. P. 205–224.
8. Holl K., Konfessionalität, Konfessionalismus und demokratische Republik – zu einigen Aspekten der Reichspräsidentenwahl von 1925 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 17. 1969. S. 254–275.
9. Kruse-Jarres J. Karl Jarres. Ein bewegtes Politikerleben – Vom Kaiserreich zur Bundesrepublik. München: Olzog, 2006. 320 s.
10. Lipp K. Zwei pfälzische Pfarrer und die Reichspräsidentenwahl von 1925 URL: https://www.regionalgeschichte.net/bibliothek/aufsaetze/lipp-karlheinz/lipp-zwei-pfaelzische-pfarrer-und-die-reichspraesidentenwahl-von-1925.html (Дата обращения: 10.03.2022).
11. Möller H. Die Weimarer Republik: Demokratie in der Krise. München: Piper Verlag. ſ459 s.
12. Pyta W. Paul von Hindenburg als charismatischer Führer der deutschen Nation // Möller F. Charismatische Führer der deutschen Nation. München: De Gruyter Oldenbourg, 2004. S. 109-147.
13. Schulze H. Weimar. Deutschland 1917-1933. Berlin: Severin und Siedler, 1998. 465 s.

References

1. Artamoshin S.V. Konservativnaya obshchnost' contra natsional-sotsialisticheskaya narodnaya obshchnost': k istorii natsionalisticheskikh idey v Veymarskoy respublike (Conservative community contra national socialist people's community: to the history of nationalist ideas in the Weimar Republic) // Istoriya. Obshchestvo. Politika. 2018. №1. P. 7–15. (In Russian).
2. Luchnikov A.V. F. Ebert i P. fon Gindenburg – dva prezidenta, dve vneshnepoliticheskiye strategii (F. Ebert and P. von Hindenburg – two presidents, two foreign policy strategies) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. T.9. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2009. P. 113–122. (In Russian).
3. Shul'ts E.E. Noyabr'skaya revolyutsiya 1918 g. v Germanii i problemy vozniknoveniya, razvitiya i padeniya Veymarskoy respubliki (The November Revolution of 1918 in Germany and the problems of the emergence, development and fall of the Weimar Republic) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. №426. P. 226–228. (In Russian).
4. Deutsche Allgemeine Zeitung. 12.04.1925. No. 172. S. 1.
5. Dorpalen A. Hindenburg and the Weimar Republic. Princeton: Princeton University Press, 1964. 447 p.
6. Faust A.B. Paul von Hindenburg // Current Histor. 1930. Vol. 32. No. 1. P. 41–46.
7. Fritzsche P. Presidental victory and popular festivity in Weimar Germany: Hindenburgs 1925 election // Central European History. Vol. 23. No. 2/3. 1990. P. 205–224.
8. Holl K., Konfessionalität, Konfessionalismus und demokratische Republik – zu einigen Aspekten der Reichspräsidentenwahl von 1925 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 17. 1969. S. 254–275.
9. Kruse-Jarres J. Karl Jarres. Ein bewegtes Politikerleben - Vom Kaiserreich zur Bundesrepublik. München: Olzog, 2006. 320 s.
10. Lipp K. Zwei pfälzische Pfarrer und die Reichspräsidentenwahl von 1925 URL: https://www.regionalgeschichte.net/bibliothek/aufsaetze/lipp-karlheinz/lipp-zwei-pfaelzische-pfarrer-und-die-reichspraesidentenwahl-von-1925.html (Дата обращения: 10.03.2022).
11. Möller H. Die Weimarer Republik: Demokratie in der Krise. München: Piper Verlag. ſ459 s.
12. Pyta W. Paul von Hindenburg als charismatischer Führer der deutschen Nation // Möller F. Charismatische Führer der deutschen Nation. München: De Gruyter Oldenbourg, 2004. S. 109–147.
13. Schulze H. Weimar. Deutschland 1917-1933. Berlin: Severin und Siedler, 1998. 465 s.

Сведения об авторе

Вирт Николай Федорович – аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / v575@bk.ru

Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Virt Nikolay F. – postgraduate student, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, the Humanities Institute, North-Caucasus Federal University / v575@bk.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

CC BY

УДК 94(3)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.3

С. С. Казаров

ДОДОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Додонское святилище с оракулом бога Зевса, находившееся на северной окраине эллинского мира, по праву считалось древнейшим в Древней Греции. Основной объем сведений, посвященных Додонскому оракулу, связан с мифологической традицией. Первые сведения о святилище в Додоне мы находим в произведениях Гомера. Наиболее обширные пассажи, посвященные основанию Додонского оракула, содержатся у Геродота, который, однако, пытается дать им рациональное толкование. Додона появляется также в мифологических сюжетах произведениях таких греческих трагиков, как Эврипид и Софокл. Мифы о Додоне нашли свое отражения не только у греческих, но и у римских авторов, в частности, у Вергилия. В целом мы наблюдаем такое явление, когда количество мифологических сюжетов и содержащийся в них объем материала намного превосходит тот, который по своей сути, является историческим и в своей достоверности не вызывает никаких сомнений. Генеалогия молосских царей восходит к легендарным греческим героям – Ахиллу и Неоптолему, а их религиозный центр, оракул Додоны, являлся поистине общегреческим святилищем. Эллинское происхождение царского дома Эакидов опиралось на героическую генеалогию, служа доказательством общности крови и родства с греческим миром, и, следовательно, «доказательством» их греческого происхождения. Но эта героическая генеалогия не была создана молосским царствующим домом, который всего лишь приспособил её под себя в V в. до н.э., хотя она существовала задолго до этого, начиная с Гомеровского периода.

Ключевые слова: Додона, мифология, Зевс, святилище, Эпир. прорицание.

Для цитирования: Казаров С. С. Додонская мифология // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 194–198. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.3

Sarkis S. Kazarov

MYTHOLOGY OF DODONA

The sanctuary of Dodona with the oracle of the god Zeus, located on the northern outskirts of the Hellenic world, was rightfully considered the oldest in Ancient Greece. The bulk of the information on the Dodona oracle is associated with the mythological tradition. We find the first information about the sanctuary in Dodona in the works of Homer. The most extensive passages devoted to the foundation of the Dodona oracle are contained in Herodotus, who, however, tries to give them a rational interpretation. Dodona also appears in the mythological plots of the works of such Greek tragedians as Euripides and Sophocles. The myths about Dodona were reflected not only in Greek, but also in Roman authors, in particular, in Virgil. Here we observe such a phenomenon when the number of mythological plots and the volume of material contained in them far exceeds that which, in its essence, is historical and there is no doubt about its authenticity. The genealogy of the Molossian kings goes back to the legendary Greek heroes - Achilles and Neoptolemus, and their religious center, the oracle of Dodona, was a truly common Greek sanctuary. The Hellenic origin of the royal house of the Aeacids was based on heroic genealogy, serving as proof of common blood and kinship with the Greek world, and therefore served as «proof» of their Greek origin. But this heroic genealogy was not created by the Molossian royal house, which only adapted it for itself in the 5th century BC, and it existed long before that, starting from the Homeric period.

Key words: Dodona, mythology, Zeus, sanctuary, Epirus, divination.

For citation: Kazarov S. S. Mythology of Dodona // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 194–198. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.3

Додонский оракул, находившийся на окраине греческого мира, вследствие своей труднодоступности и удаленности от центров эллинской культуры, в сознании эллинов всегда воспринимался как святилище древнее и загадочное. Сама по себе природа и топография Древнего Эпира создавала видимость загадочности и причудливости, служа естественной средой для рождения и функционирования здесь различных мифов и легенд. Реальные сведения о нем с древних времен обрастали разного рода мифами и легендами и на каком-то определенном этапе объем мифологической традиции возрос настолько, что заслонил собой просочившиеся сквозь сплошную пелену этих мифов реальные исторические события.

Создание собственной локальной мифологии современные исследователи обычно связывают со стремлением местной элиты к легитимации своей власти путем создания легендарной генеалогии. Однако здесь мы наблюдаем совершенно иную картину: мифологическая традиция возникла гораздо раньше, чем молосский царствующий дом ощутил необходимость в создании легендарной генеалогии.

Первые сведения подобного характера мы находим в известных поэмах Гомера «Илиаде» и «Одиссее» (VIII в. до н.э.). В литературной традиции оракул имел сильную связь с известными мифическими героями, такими как Ахилл, Неоптолем, Одиссей и другими выдающимися деятелями т. н. nostoi – рассказы о возвращении героев Троянской войны [5, p.30]

Легендарный герой Ахилл, который прибыл к оракулу, чтобы спросить его об участи своего близкого друга Патрокла в предстоящей схватке с троянским героем Гектором, возносит мольбу в адрес «Зевса Пеласгийского Додонского», владыке «холодной Додоны», который живет «далеко» и вокруг него обитают его пророки селлы, которые ног не моют и спят на голой земле (Hom. Il. XVI. 233–235). В «Одиссее» содержится рассказ о том, что царь Итаки прибыл в Додону, чтобы узнать у дуба Зевса, как лучше ему вернуться на родину, инкогнито или открыто (Hom. Od. XIV. 327–330). Территория Феспротии, на которой в то время находилась Додона и которая располагалась на побережье Эпира, пролегала к северу от группы островов, среди которых находилась Итака – родина Одиссея. На основании данного пассажа Гомера английский исследователь В. Гваткин делает два вывода: во-первых, уже в древние времена Додонское святилище было известно, до него герой мог спокойно добраться; и во-вторых, ответ, полученный Одиссеем от оракула, был духе тех ответов, которые получали просители и в более поздние времена [4, p.99]. Читатель не узнает ответ оракула, но, судя по дальнейшему развитию событий, видимо, Одиссею было рекомендовано раньше времени не открываться, что и было им выполнено. По сути, это самое первое упоминание о Додоне. Эпос Гомера наряду с поздними вставками в оригинал текста, в целом создал вид обстоятельного синтеза историй из предшествующей устной традиции, которая фокусировалась, главным образом, на событиях Троянской войны. Упомянутые пассажи, вероятно, отражали мифы и события Позднего Бронзового или скорее всего – раннего Железного века [6, p.23].

Некоторые исследователи, рассматривая эпирский мифологический цикл, приводят фрагмент из недошедшего до нас произведения Гесиода «Эои», в котором речь идет о богатом растительностью и обильными стадами скота крае под названием Геллопия, у границ которой находилась Додона и в котором располагалось пользующееся авторитетом у людей прорицалище Зевса, где вопрошающие получают ответы «при благостном птичьем полете» (Hes. Fragm.240). Но насколько мифологичен данный пассаж? Вопрос достаточно спорный, ибо содержащиеся в нем сведения, на наш взгляд, историчны и подтверждаются сведениями из других источников.

Геродот, повествуя об основании Додонского оракула, приводит следующую легенду. В далекие времена две женщины, жрицы из Фив, были увезены финикийцами и проданы в рабство – одна в Ливию, другая в Грецию. Именно эти женщины и стали основательницами первых оракулов в этих странах (Herod.II. 54). Этот рассказ, скорее всего, Геродот услышал в Навкратисе, после чего попытался найти ему подтверждение в версии, высказанной додонскими жрецами. Рассказ, который «отец истории» услышал уже от додонских жрецов, гласил о том, что из египетских Фив вылетели две голубки, которые отправились по тому же маршруту: одна в Ливию, другая – в Додону. Та, которая прибыла в Додону, села на дуб и человечьим голосом повелела именно на этом месте основать святилище.

Прежде всего, необходимо объяснить введение в мифологическую канву сюжета Древнего Египта, откуда прилетели голубицы. Здесь мы должны согласиться с мнение ряда исследователей о том, что эта страна в сознании древних греков представлялась колыбелью древней цивилизации и религии [7, p.87; 3, p. 9].

Мифологический характер данного сюжета не вызывает сомнений: голубки, говорившие человечьим языком, к тому же прилетевшие в Додону из далекого Египта – все это не может не вызвать нашего скепсиса. Однако здесь Геродот использует метод, который Ю. В. Андреев называет «рациональным толкованием мифа» [1, с.13–14]. Сам Геродот не отрицает факт похищения финикийцами жриц из Египта и прибытия одной из них в Додону, однако даже эта попытка дать рациональное объяснение не может не вызвать нашего скепсиса: рабыня-чужеземка, выучившая греческий язык, основывает святилище Зевса (Herod. II. 56). Мифу о голубках-пелиадах Геродот тоже пытается дать свое толкование: справедливо подвергая сомнению факт того, что голубка могла говорить человеческим языком, он разговор на чужом языке ассоциирует с птичьим щебетаньем. И черной масти голубки он тоже дает свое объяснение: она темная потому, что была египтянкой (Herod. II.57).

Таким образом, переплетение сугубо мифологических сюжетов с отголосками реальных исторических событий в достаточном количестве мы находим у Геродота в его рассказе об основании Додонского оракула.

Мифологический характер данного сюжета не вызывает сомнений. Сам Геродот голубками называет женщин-жриц, при этом не отрицая факта похищения финикийцами жриц из Египта и прибытия одной из них в Додону. Однако даже эта попытка дать рациональное объяснение не может не вызвать нашего скепсиса: рабыня-чужеземка, выучившая греческий язык, основывает святилище Зевса (Herod. II. 56). Примечательно, что

версия Геродота об основании Додонского оракула, несмотря на свою мифологичность, просуществовала до конца античности [3, p.9]. Не имея иных нарративных источников относительно основания Додонского оракула, современные авторы вынуждены, хотя и с некоторыми оговорками, следовать версии, представленной Геродотом. Еще дальше в этом отношении идет М. Ригольозо, которая утверждает, что из-за того, что в Додоне пророчицы были названы пелиадами (т.е. «голубками»), приводимые Геродотом легенды могут быть вполне совместимы, таким образом, выражая этим легендам свое полное доверие [8, p.139].

Территория Эпира и Додоны была включена античными авторами в «зону» мифологии также благодаря своим климатическим условиям – частым дождям. Этот миф, как можно догадаться, был связан с традицией о великом потопе. О Девкалионовом потопе кратко упоминает Аристотель в своей «Метеорологии». Он пишет, что так называемый Девкалионовый потоп «…происходил преимущественно в Элладе, причем в древних ее землях, т. е. в округе Додоны и реки Ахелоя, которая часто меняла свое русло. Там жили селлы» (Arist. Meteor. XIV. 58).

В несколько ином ключе об основании святилища в Додоне рассказывает Плутарх в биографии Пирра. Его главная цель именно та, о которой мы упомянули в начале статьи, и которая обычно возникает при создании легендарной родословной. Плутарх повествует о Фаэтонте, который вместе с Пеласгом прибыл в Эпир и стал основателем царской династии, но попутно приводит и другую версию: именно Девкалион и Пирра, поселившись среди молоссов, основали святилище в Додоне (Plut. Pyrrh.1). Здесь мы наблюдаем очевидную связь мифа (а в том, что это миф, едва ли у кого-то могут возникнуть сомнения) с природными особенностями региона: частыми дождями и ливнями, которые время от времени затапливали близлежащие местности. Едва ли у кого-то возникнет сомнение относительно мифологического характера представленных в поэмах сюжетах.

Аполлоний Родосский (III в. до н.э.) в своей поэме «Аргонавтика» повествует о том, что богиня Афина из оракульного дуба из Додоны изготовила нос отправившегося за золотым руном корабля «Арго» (Apoll. I.19.16). Аргонавтам во время их рискованного путешествия надлежало следовать тем советам, которые дерево говорящего дуба передавало человечьим языком, озвучивая таким образом волю Зевса [2, p. 58].

Исследование додонской мифологии будет неполным, если мы хотя бы кратко не рассмотрим соответствующие сюжеты на греческой (точнее – афинской) сцене. В этом отношении любопытна трагедия «Прометей прикованный», которая упоминает оракул Зевса в Додоне. Именно отсюда началось странствование Ио, девушки с рожками телки, которая с целью избавления от них, странствует из области в область, преследуемая оводом, посланным супругой Зевса ревнивой Герой. В заключительной сцене Ио пребывает на Кавказ, где она находит прикованного к скале Прометея и рассказывает ему свою историю. Она поведала герою, что, когда она была ещё девушкой, которую по ночам в снах посещал всемогущий Зевс. Когда она поведала об этих снах своему отцу, тот отправил гонцов и в Дельфы, и в Додону, но они нигде не получили вразумительного ответа. Однако затем голос Аполлона Пифийского повелел отцу Ио отправить её из дома в путешествие по миру без указания конкретных мест посещения. Но с этого момента в игру вступает оракул из Додоны. Именно Додона стала первым пунктом, который посетила Ио и именно здесь она получила предсказание, что станет невестой Зевса. Здесь ей было предсказано, что она родит от Зевса сына Эпафа, который станет основателем целой династии. Таким образом, Ио, в конечном итоге, в результате неустанных странствий, находит свои корни, свой дом, свой стабильный статус. Здесь, по нашему мнению, прослеживается связь Додонского Зевса с его потенциальной невестой.

В трагедии «Трахинянки» вовлеченным в додонскую мифологию оказался уже главный герой греческих мифов – Геракл. Он совершил немало путешествий и трудов, чтобы выполнить предписания Дельф для очищения от «скверны» – непредумышленного убийства, которое он совершил в прошлом. Но какова же роль Додоны во всех этих событиях? Жена Геракла Деянира и лишившийся разума его сын Гилл, получают предсказание от Зевса, обитавшего на священном дубе, посредством шелеста листьев, которое по своей сути является весьма двусмысленным. Но после окончания странствий Геракл обретает душевный покой у домашнего очага. Одержимый идеей продолжения своего рода, он требует от Гилла жениться на Иоле, чтобы обеспечивать их общее семейное единство. И все эти благородные порывы, направленные на укрепление родовых уз, исходят от самого Додонского Зевса. Затем по сюжету следует смерть Геракла с последующим вознесением его на небеса, где он уже присоединяется к своей реальной семье. И ещё одно наблюдение, на которое хотелось бы указать: несмотря на смерть Геракла, предначертание Додонского оракула исполнено: после опасного и длительного путешествия он успешно возвратился домой. Только после длительной череды подвигов, которую требовали боги, Геракл достигает своей героической и полу-божественной природы.

Когда Орест появляется на сцене (речь идет об известном произведении «Андромаха»), он приведен в смятение интригами, обманом и предательством. Он объявляет о намерении отправиться в

Додону, но при этом не объясняет свои мотивы. Во время путешествия он посетил неизведанные земли, исходил различные дороги мира. В своей речи он высказывает пожелание получить новости о своей кузине Гермионе. Выходящий на сцену Додонский Зевс стремится помочь ему в преодолении всех трудностей, но здесь происходит неожиданное изменение порядка вещей: Орест не стал продолжать свое путешествие в Додону, он остановился у Пифии и здесь замыслил разрушение священных связей: чтобы жениться на Гермионе, он убивает её законного мужа Неоптолема, который до этого события не появлялся на сцене, ибо находился у Аполлона Дельфийского, где искал у бога совета, как искупить свою вину за убийство Ахилла.

Додонский оракул фигурирует и в трагедии Эврипида «Финикиянки», сюжет которой тоже позаимствован из греческой мифологии. Пророк бога Аполлона по имени Терезий, предостерегает Креонта: его сын Менекей по велению «Солнцеликого» бога должен непременно очиститься от скверны посредством искупительного путешествия (а, по сути изгнания), которое должно завершиться смертью героя. С таким жестким вариантом искупления мы встречаемся впервые, и что характерно: исходит оно от Аполлона Дельфийского. Креонт, получив такое жестокое указание от Терезия, не может и не желает его исполнить. Он вызывает своего сына Менекея и велит ему немедля покинуть Дельфы. Последний, пройдя практически всю Грецию, оказывается в Феспротии, где произрастал священный дуб, который вещал голосом другого бога – Зевса. Прибыв сюда, Менекей уже не испытывает страха, он будет спасен от смерти, от кровожадного Аполлона, который вырвал его из семьи и отправил в последнее путешествие. Он будет спасен богом Зевсом, который неизменно будет сопровождать и оберегать героя в его путешествии. Именно Додона даст герою успокоение и завершит странствования героя. По большому счету Додона, изображенная в благоприятном свете, выступает в качестве альтернативы Дельфам.

Исследователи, рассматривающие додонскую мифологию, по непонятным для нас причинам игнорируют сюжеты, нашедшие отражение в произведениях римских авторов, в частности, в поэме Вергилия «Энеида». В третьей книге поэмы рассказывается о том, что Эней со своими спутниками достигают находящейся на побережье Эпира Хаонии, где они заходят в гавань города Буфрота. Здесь Эней с группой спутников отправился вглубь материка к Додоне, чтобы узнать волю оракула. По пути Эней встречается с группой троянцев во главе с Геленом, после чего они вместе возвращаются обратно к Буфроту. Здесь по просьбе Энея Гелен передает ему пророчество Аполлона о своих будущих действиях. Как справедливо отметил В. Гваткин, отправка Энея в Додону по логике вещей должна была предположить его консультацию с богом Зевсом, а никак не с Аполлоном. Однако Вергилий, у которого, видимо, в его время уже практически не имелось никаких сведений о Додоне, прибегает к такой литературной уловке: он переносит встречу Энея с Геленом из Додоны в Буфрот, превращая Гелена в жреца Аполлона [4, p.101]. У Вергилия мы находим ещё один примечательный пассаж: накануне отплытия их Буфрота Гелен преподносит землякам различные подарки, самыми примечательными из них можно считать додонские котлы, которые активно использовались в святилище, хотя смысл их использования так до конца и не установлен (Verg. Aen. XIV). Этот пассаж в какой-то степени фиксирует связь влияния Додоны с дальнейшими успехами троянцев.

Таким образом, мы явственно наблюдаем такое явление, когда количество мифологических сюжетов и содержащийся в них объем материала намного превосходит тот материал, который по своей сути, является историческим и в своей достоверности не вызывает никаких сомнений.

Додонская, а в более широком смысле эпирская мифология имела свою характерную особенность. С одной стороны, местное население, молоссы, были народом, жившим на границе греческого мира, их нравы сильно отличались от афинян, и греческий язык, на котором они говорили, был одним из его диалектов. С другой, они не были абсолютно «другими», поскольку не были настоящими варварами, как, например, те же персы. Кроме того, их генеалогия восходит к легендарным греческим героям - Ахиллу и Неоптолему, а их религиозный центр, оракул Додоны, являлся поистине общегреческим святилищем. Эллинское происхождение царского дома Эакидов опиралось на героическую генеалогию, служа доказательством общности крови и родства с греческим миром, и, следовательно, «доказательством» их греческого происхождения. Но принципиально важно отметить, что эта героическая генеалогия, не была создана молосским царствующим домом, который всего лишь приспособил её под себя в V в. до н.э., а она существовала задолго до этого, по крайней мере, с VIII в. до н. э.

Список литературы

1. Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л.: Лениздат, 1990. 223 с.
2. Curnow T. The Oracles of the Ancient World. London: Bristol Classical Press. 2004. 256 p.
3. Dakaris S. Dodona. Athen: Archaeological Receipts Fund, 1996. 46 p.
4. Gwatkin W. E. Dodona, Odysseus, and Aeneas // The Classical Journal, Vol. 57. No. 3 (Dec., 1961). P. 97–102.

5. Kittelä S-I. Dodona and Neoptolemus: Heroic Genealogies and Claims of Ethnicity // Studies in Ancient Oracles and Divination / ed. by M. Kajava. Roma, 2013. P. 29–47
6. Kleitsas X. N. The Early Dodona (1500-800 B.C.). The Bronze Artefacts. Ioannina: Ephorate of Antiquities of Ioannina, 2021. 178 p.
7. Raschet G. L`sanctuaire de Dodone origine et moyens de divination // Bulletin de `Assosiation Guillaume Bude.1962, P. 86–99.
8. Rigoglioso M. The Cult in Divine Birth in Ancient Greece. N.Y., Palgrave and Macmillian, 2009. 292 p.

References

1. Andreev J. V. Poesiya mifa I proza istorii (The poetry of myth and the prose of history). Leningrad: Lenizdat, 1990. 223 p. (in Russian).
2. Curnow T. The Oracles of the Ancient World. London: Bristol Classical Press. 2004. 256 p.
3. Dakaris S. Dodona. Athen: Archaeological Receipts Fund, 1996. 46 p.
4. Gwatkin W. E. Dodona, Odysseus, and Aeneas // The Classical Journal, Vol. 57. No. 3 (Dec., 1961). P. 97-102.
5. Kittelä S-I. Dodona and Neoptolemus: Heroic Genealogies and Claims of Ethnicity // Studies in Ancient Oracles and Divination / ed. by M. Kajava. Roma, 2013. P.29-47.
6. Kleitsas X. N. The Early Dodona (1500-800 B.C.). The Bronze Artefacts. Ioannina: Ephorate of Antiquities of Ioannina, 2021. 178 p.
7. Raschet G. L`sanctuaire de Dodone origine et moyens de divination // Bulletin de `Assosiation Guillaume Bude.1962, P. 86–99.
8. Rigoglioso M. The Cult in Divine Birth in Ancient Greece. N.Y., Palgrave and Macmillian, 2009. 292 p.

Сведения об авторе

Казаров Саркис Суренович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории Древнего мира Южного федерального университета / ser-kazarov@yandex.ru
Адрес: д. 105/42, ул. Б. Садовая, 344006, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Information about the author

Kazarov Sarkis S. – Doctor of History, Professor, Chair of Archaeology and Ancient History of Institute of History and International Relations, Southern Federal University / ser-kazarov@yandex.ru
The address: 105/42, st. B. Sadovaya, 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation.

CC BY

УДК 172.4-057.87(470.62)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.4

А. Ю. Капшук

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ ОТРЯДОВ В ЮЖНЫХ РЕГИОНАХ РСФСР (1960–1970-Е ГГ.)

В данном исследовании автор анализирует особенности возникновения и развития студенческих отрядов (СО) в южных краях РСФСР в сравнении с общими тенденциями развития Всесоюзного студенческого отряда (ВСО). Актуальность темы статьи связана с необходимостью эффективного проведения трудового воспитания студентов, в том числе в современной молодёжной организации «Российские студенческие отряды». Для этого необходимо учитывать не только экономические и социальные особенности разных регионов страны, но и практику прошлых лет. Опыт периода 1960-ых -1970-ых гг. может помочь понять, как наиболее грамотно организовать работу студентов высших учебных заведений нашей страны. В статье автор показывает, что, несмотря на то, что студенческие отряды южных краёв и областей РСФСР развивались по образу и подобию Всесоюзного студенческого отряда, они имели ряд своих особенностей.

Самой главной отличительной чертой СО рассматриваемых регионов было преобладание студенческих отрядов нестроительного направления. Новизна исследования заключается в том, что оно является первой попыткой провести сравнительный анализ развития студенческих отрядов южных территорий РСФСР. Автор выявляет общие черты и отличительные особенности тенденций развития студенческого движения исследуемых регионов в сопоставлении с общими практиками Всесоюзного студенческого отряда. В работе используются данные о деятельности ССО четырёх южных территорий страны: Ставропольского и Краснодарского краев, Ростовской и Астраханской областей. И хотя данные регионы являются в наибольшей степени изученными в историографии проблемы, в рамках исследования в научный оборот введено 5 архивных дел, которые хранятся в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) и в Государственном архиве новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Хронологические рамки исследования охватывают период с 1965 г. по конец 1970-х гг. Верхняя граница обусловлена формированием первых выездных студенческих отрядов на территории рассматриваемых краёв и областей. Нижняя граница обусловлена окончанием первого десятилетия их работы на территории регионов формирования. Этот срок даёт возможность полноценно провести анализ тенденций развития студенческих отрядов.

Ключевые слова: студенческие строительные отряды, молодёжь, студенчество, Советский Союз, РСФСР, Краснодарский край, Ставропольский край.

Для цитирования: Капшук А. Ю. Особенности возникновения и развития студенческих отрядов в южных регионах РСФСР (1960-е – 1970-е гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С.199–205. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.4

Anton Yu. Kapshuk

FEATURES OF THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF STUDENT BRIGADES IN THE SOUTH OF THE RSFSR (1960–1970-S)

In this study, the author analyzes the features of the emergence and development of student brigades (SB) in the southern regions and the RSFSR in comparison with the general trends in the development of the All-Union Student brigades. The relevance of the topic of the article is connected with the need for effective labor education of students, including in the modern youth organization «Russian Student brigades». To do this, it is necessary to take into account not only the economic and social characteristics of different regions of the country, but also the practice of previous years. The experience of the period of the 1960s -1970s can help to understand how to organize the work of students of higher educational institutions of our country most competently. In the article, the author shows that, despite the fact that the student brigades of the southern territories and regions of the RSFSR developed in the image and likeness of the All-Union Student brigades, they had a number of their own characteristics.

The most important distinguishing feature of the student brigades of the regions under consideration was the predominance of student brigades of the non-construction brigades. The novelty of the study lies in the fact that it is the first attempt to conduct a comparative analysis of the development of student brigades in the southern territories of the RSFSR. The author identifies common features and distinctive features of trends in the development of the student movement of the studied regions in comparison with the general practices of the All-Union Student brigades. The author identifies common features and distinctive features of trends in the development of the student movement of the studied regions in comparison with the general practices of the All-Union Student brigades. And although these regions are the most studied in the historiography of the problem, within the framework of the study, 5 archival files were introduced into scientific circulation, which are stored in the Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory and in the State Archive of the Modern History of the Stavropol Territory. The chronological framework of the study covers the period from 1965 to the end of the 1970s. The upper boundary is due to the formation of the first visiting student brigades on the territory of the regions under consideration. The lower limit is due to

the end of the first decade of their work on the territory of the formation regions. This period makes it possible to fully analyze the trends in the development of student brigades.

Key words: student construction brigades, youth, students, Soviet Union, RSFSR, Krasnodar Region, Stavropol Region.

For citation: Kapshuk A.Yu. Features of the emergence and development of student brigades in the south of the RSFSR (1960-s – 1970-s) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 199–205. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.4

В СССР уделялось большое внимание трудовому воспитанию молодёжи. Уже с первых лет существования советского государства велась работа по привлечению юношей и девушек к производительному труду, что было связано с идеологическими установками правящей партии.

Трудовое воспитание проводилось как со школьниками, так и со студентами высших и средних профессиональных учебных заведений. Молодых людей активно привлекали к производительному труду и в период индустриализации, и во время послевоенного восстановления страны. Наиболее массовым трудовое воспитание студентов стало в годы освоения целины (с 1954 г.). При этом студенческие строительные отряды (ССО) возникли только в конце 1950-ых гг. У существовавших до этого трудовых объединений высших учебных заведений отсутствовал главный принцип ССО: организационно-производственная самостоятельность [1, с. 10]. Движение студенческих отрядов получило своё развитие на всей территории страны, в том числе и в южных регионах РСФСР.

Активный интерес исследователей к истории студенческих строительных отрядов южных краёв и областях РСФСР проявился после 2010 г. Среди авторов можно выделить Ерёменко О. А. [13], исследующую историю ССО в Ростовской области, Краснову Т. А. [17] и Баранова А. В. [2], рассматривающих развитие движения в Краснодарском крае, Трегубова А.Е. [22], изучающего возникновения студенческих отрядов в Ставропольском крае и Ещенко Ю.Г. [14], исследующую историю движения в Астраханской области. В основном перечисленные авторы уделяют внимание деятельности ССО в одном конкретном регионе. Можно выделить лишь работы Новоставского И. Н. [19], который рассматривает развитие студенческих отрядов сразу на двух территория: в Краснодарском крае и в Ростовской области. Анализ историографии показывает, что история студенческих отрядов на юге РСФСР находится на ранней стадии исследования. Сравнительный анализ развития стройотрядовского движения в южных регионах России до настоящего времени не проводился.

Целью данного исследования является попытка сравнить процессы возникновения и развития студенческих отрядов юга РСФСР, а также выявить общие тенденции и различия между их деятельностью и практиками Всесоюзного студенческого отряда в целом.

Основой данного исследования служат исторические источники. В первую очередь ранее не публиковавшиеся материалы из Центра документации Новейшей истории Краснодарского края и Государственного архива Новейшей истории Ставропольского края. Кроме того, большой массив информации дают опубликованные документы по истории ВЛКСМ [9, 10, 11, 12] и материалы периодической печати исследуемого периода.

Сравнительно-исторический метод является основным в исследовании. Благодаря ему проведено изучение общих и особенных черт в развитии студенческих отрядов, как внутри регионов юга России, так и в масштабе Всесоюзного студенческого отряда. Важную роль играет использование метода исторического детерминизма для выявление причинно-следственных связей между происходившими событиями и процессами.

Идея создания студенческого строительного отряда появилась у студентов Московского государственного университета, работавших летом 1958 г. в Северо-Казахстанской области на строительных объектах в совхозе «Булаевский». Она была поддержана руководством хозяйства и районным комитетом партии, обратившимися к ректору и секретарю партийного комитета Московского Государственного университета с просьбой о направлении в Казахстан специального студенческого строительного отряда.

Первый студенческий строительный отряд в Советском Союзе был создан летом 1959 г. В том году на работу в Казахскую ССР отправились 339 студентов МГУ. Итог первого года их работы был признан успешным и эффективным, что привело к значительному росту численности бойцов ССО Москвы в последующие годы. Если в 1960 г. в Казахстане в стройотрядах трудилось 520 московских студентов, то в 1961 г. уже 1260 человек [1, с. 10].

На первых порах существования студенческих строительных отрядов они формировались учебными заведениями независимо друг от друга. Уже в 1962 г. Центральный Комитет ВЛКСМ принял постановление «Об участии комсомольских организаций вузов гг. Москвы, Ленинграда, Киева в строительстве на целинных землях», что способствовало развитию и росту численности стройотрядовского движения [18, с. 11]. На работу в летний трудовой семестр направились учащиеся тридцати двух учебных заведений Москвы, Ленинграда и Киева. Всего на целине работало почти 9,5 тысяч бойцов ССО [1, с. 10].

Движение студенческих отрядов активно развивалось в 1960-е гг. В вузах страны начали уделять большее внимание обучению технике

безопасности и профессиональной подготовке студентов. В 1963 г. была создана медицинская служба, которая занималась как лечением бойцов стройотрядов, так и помощью населению, проживающему в местах дислокации отрядов. Тогда же формируются и первые специализированные бригады: электрификаторов, связистов, сантехников и монтажников [18, с. 11]. Постепенно движение студенческих строительных отрядов начинает развиваться в разных регионах страны. Например, в 1964 г. первые ССО возникают в Иркутской области [16, с. 18] и в Приморском крае [23, с. 28]. В 1965 г. был создан Центральный штаб студенческих строительных отрядов. В том же году ЦК ВЛКСМ рекомендовал всем райкомам, горкомам, крайкомам и обкомам создать подготовительные штабы для отправки студентов на целину [3, с. 28].

После этой рекомендации движение студенческих строительных отрядов начинает развиваться на территории всего Советского Союза, в том числе и на юге РСФСР. В 1965 г. появляются первые ССО в Ростовской области [13, с. 259], в Краснодарском [17, с. 155] и в Ставропольском краях [15, с. 202]. Они были выездными и работали на территории Казахской ССР [17, с. 155; 15, с. 202].

В первом студенческом строительном отряде Краснодарского края работало 200 студентов из 6 учебных заведений Краснодара, Армавира и Майкопа. Они работали на 15 объектах в 7 хозяйствах Северо-Казахстанской области. За первый трудовой семестр студенты-строители Кубани выполнили работ на 390 тысяч рублей. В течение следующих трёх лет численность бойцов из Краснодарского края на целинных стройках Казахстана колебалась от 249 до 310 человек. При этом значительно выросла производительность труда. Если в 1965 г. средняя выработка на одного члена отряда за третий «трудовой» семестр составляла 1950 рублей, то к 1968 г. уже 3212 рублей. Общий объём освоенных капиталовложений вырос с 390 тысяч рублей в 1965 г. до 976,5 тысяч рублей в 1968 г. При этом количество объектов, в строительстве которых участвовали студенты из Краснодарского края выросло до 35 [26, л. 18–19].

Первый студенческий строительный отряд, сформированный на территории Ставропольского края, был выездным и тоже работал на целине. В нём трудилось 200 человек [15, с. 202]. Всего за первые 5 лет работы в Казахской ССР студенты Ставрополья освоили более 2 миллионов рублей капиталовложений, построили более 130 жилых домов, 4 клуба, две больницы, 3 детских сада, отремонтировали и сдали в эксплуатацию десятки производственных, животноводческих и других помещений [5, л. 15]. Первый стройотряд для работы на территории Ставропольского края был создан в 1967 г. В него вступило 30 студентов, обучавшихся в Ставропольском педагогическом институте [5, л. 18]. При этом массовым движение стало только в следующем году. В 1968 г. в стройотрядах на территории Ставрополья трудилось уже 2827 человек. Они построили 3 объекта и освоили более 760 тыс. рублей капиталовложений [6, л. 9]. В том же году был создан краевой штаб студенческих строительных отрядов [21].

На территории Краснодарского края ССО появились только с 1969 г., когда было принято постановление бюро Краснодарского краевого комитета КПСС «Об инициативе комсомольских организаций учебных заведений края по созданию студенческих строительных отрядов» [9, с. 203]. В 1969 году на Кубани работало 493 бойца из двух высших учебных заведений: Краснодарского политехнического (КПИ) и медицинского (КМИ) институтов. Студенты КМИ трудились в 6 рисовых совхозах, а студенты КПИ в 7 хозяйствах Белоглинского района. Всего отряды проводили работы на 41 объекте. Они строили различные сооружения: двухкомнатные жилые дома, свинарники, коровники, телятники, кормоцеха и склады [24, л. 6].

Уже в первые годы работы на территориях формирования студенческие строительные отряды южных регионов РСФСР столкнулись с плохой подготовленностью хозяйств к их приёму. Так, например, в первый год работы на Кубани ССО не смогли сдать в эксплуатацию или под монтаж оборудования некоторые объекты из-за плохого или несвоевременного снабжения материалами [24, л. 7]. Эти же проблемы озвучивались и на слётах студенческих строительных отрядов Ставропольского края. Помимо недостаточного снабжения участники движения отмечали проблемы с обеспечением нормальных бытовых условий, нарушение принципа добровольности при формировании отрядов, неэффективное использование отрядов на промышленных объектах, где отсутствовал самостоятельный фронт работ и др. [5, л. 15]. Случаи недостаточного обеспечения материалами отмечали и бойцы ССО Ростовской области. Например, студенческий отряд Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта столкнулся с этой проблемой при строительстве сельских школ в 1971 г. [13, с. 261].

Важно отметить, что с подобными нарушениями сталкивались студенческие отряды не только в южных регионах РСФСР, но и в других территориях страны. Например, в отчёте о работе Казахстанского студенческого строительного отряда за 1971 г. указывалось: «Из-за несвоевременной поставки части цемента, стеновых материалов, строительного леса, пиломатериалов и деталей домов в отдельные области ежегодно создаются значительные трудности в работе некоторых областных отрядов, что снижает эффективность деятельности всего Казахстанского отряда» [27, л. 4]. Проблема недостаточного обеспечения

материалами ССО была характерна для всей страны. Из-за этого в работе студентов происходили простои.

Организаторы студенческих строительных отрядов принимали меры для устранения недостатков. Например, в 1971 г. выходит Постановление Центрального комитета профсоюза рабочих строительства и промышленности строительных материалов «Об усилении контроля за состоянием условий труда и быта в студенческих строительных отрядах». В нём, среди прочего, акцентируется внимание на необходимости проведения проверок строительных организаций к готовности приёма студентов [25, л. 2]. В 1977 г. ЦК ВЛКСМ и Минвуз СССР утвердили новый типовой договор. По нему студенческие отряды получали право применять материальные санкции в отношении принимающих организаций, не выполняющих условий договоров. Теперь расходы за вынужденную передислокацию отрядов ложились на предприятия [20, с. 18]. Но, несмотря на принятые меры, решить полностью проблему не удалось. Она сохранялась на протяжении всего существования стройотрядовского движения.

В 1969 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление о проведении двухлетки «Комсомол – сельской школе». Она проводилась в 1969 и 1970 гг. В постановлении указывалось, что двухлетка проводится «в целях повышения роли комсомольских организаций в осуществлении перехода ко всеобщему среднему образованию, укрепления учебно-материальной базы и дальнейшего улучшения учебно-воспитательной работы в сельской школе» [10, с. 81]. За годы двухлетки на всей территории Советского Союза строительные отряды самостоятельно построили и сдали в эксплуатацию 319 школ и около 500 других школьных объектов. Всего стройотрядовцы участвовали в строительстве 1500 школ и интернатов, а также около 600 жилых домов для учителей. При этом ремонт многих школ стройотрядовцы проводили на безвозмездной основе [11, с. 100].

Участие студенческих строительных отрядов юга РСФСР в двухлетке было менее успешным. Если в целом по СССР акцент был сделан на строительстве сельских школ и школьных объектов, то в Ставропольском крае стройотряды в основном занимались ремонтом. Например, в 1970 г. были построены 4 новые школы, и отремонтирована 21 школа и 24 дома для учителей. Ремонт, как и в других регионах страны, производился на общественных началах [6, л. 13]. Хуже обстояли дела в Краснодарском крае. Несмотря на то, что штаб студенческих строительных отрядов заранее договорился с руководством школ и с представителями районных отделов народного образования о помощи в ремонте со стороны студентов, к моменту приезда бойцов ССО работы или уже были выполнены или находились на стадии завершения. В результате студенты ремонтировали спортивные площадки, оформляли стенды и наглядные пособия, а также организовывали консультационные пункты для выпускников сельских школ. Отсутствие студенческих строительных отрядов на капитальных работах было связано с тем, что руководство школ слабо представляло себе уровень подготовки студентов и не было готово доверить это задание [24, л. 87]. Вероятно, недоверие к бойцам ССО происходило из-за того, что они впервые работали на территории края, и ещё не успели продемонстрировать свою эффективность. Более активно в двухлетке «Комсомол – сельской школе», приняли участие студенческие строительные отряды Ростовской области. В 1969 г. – 1970 г. бойцы ССО региона приняли участие в строительстве 26 школ и 3 интернатов. Помимо школ строились дома для учителей, спортивные площадки и другие школьные объекты [13, с. 261].

С 1969 г. в Советском Союзе были сформированы первые студенческие отряды нестроительного направления (СОНН). Бойцы этих объединений работали на предприятиях по переработке овощей и фруктов, проводниками на поездах и проводили другие виды работ [11, с. 84]. В период 1970-ых гг. численность отрядов нестроительного направления росла. При этом их доля во Всесоюзном студенческом отряде всегда составляла меньше половины от общей численности. Большая часть студентов трудились в отрядах строительного направления [4, с. 79]. Совершенно другая ситуация сложилась в южных регионах РСФСР. В Краснодарском крае СОНН впервые появись в 1971 г. [26, л. 18] При этом уже в 1974 г. они составили больше 60% от общей численности краевого студенческого отряда: из 10389 человек, только 3920 работали в строительных отрядах [28, л. 17].

В Ставропольском крае первые отряды нестроительного направления были сформированы в 1972 г. [31]. В 1974 г. они стали преобладающим видом студенческих отрядов. Из 6520 бойцов Ставропольского краевого отряда только 2720 работали в строительстве [7, л. 3], что составляло 41% от общей численности. При этом в последующие годы в Краснодарском и в Ставропольском краях доля СОНН продолжала расти [29, л. 17-а; 8, л. 34]. Схожая ситуация была также и в других регионах юга РСФСР. Например, в 1979 г. в Ростовской области из 20740 бойцов студенческих отрядов 12630 работали в СОНН. Больше всего доминирование отрядов нестроительного направления проявило себя в Астраханской области. Из 41600 бойцов в строительных отрядах работало всего 650 человек [30, л. 67]. В этом регионе студенческие отряды убирали более 35 % всего урожая овощебахчевых культур и производили более 40 миллионов условных банок кон-

сервированных продуктов [12, с. 214]. Доминирование студенческих отрядов нестроительных направлений сохранялось и в последующие годы [14, с. 74]. При этом в других территориях страны преобладали ССО. Например, в Иркутской области из 12 415 человек, в СОНН работало лишь 1200 бойцов, в Казахстане из 42 960 студентов в отрядах нестроительного направления трудилось всего 7 016 человек [30, л. 68].

Подводя итог исследования, можно отметить, что студенческие отряды в южных регионах РСФСР возникли в один и тот же период. Процесс их развития был схож. Например, возникали они в середине 1960-ых гг., первые отряды работали на территории Казахстана, начали работать на территории своего региона в конце 1960-х гг.

Если возникновение первых ССО в Москве происходило по инициативе студентов и руководства учебных заведений, то в южных регионах РСФСР оно началось только после рекомендации Центрального комитета комсомола. Дальнейшее развитие студенческих отрядов исследуемых территорий следовало по аналогии со Всесоюзным движением. Основная масса региональных проблем ССО также была аналогична с общесоюзными. Нарушение принципа добровольности, плохая подготовленность хозяйств к приёму студентов, недостатки в поставках строительных материалов – с этим сталкивались стройотряды по всему Советскому Союзу. При этом можно отметить, что отдельные сложности всё-таки были уникальны для некоторых регионов юга РСФСР. Например, недоверие руководства школ к ССО в период акции «Комсомол – сельской школе», которое имело место в Краснодарском крае.

Самой главной особенностью движения в южных территориях РСФСР было доминирование студенческих отрядов нестроительных направлений. Оно было характерно для всех исследуемых краёв и областей. Это было связано с важной ролью сельского хозяйства в экономике южных аграрных регионов.

Важно отметить, что изучение истории студенческих отрядов юга РСФСР находится на начальном этапе. Выводы, сделанные в статье, основаны на данных регионов, по которым имеются научные публикации: Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская и Астраханская области. Для уточнения полученных результатов необходимы дальнейшие исследование истории студенческих отрядов как в этих регионах, так и на территориях, по которым на данный момент научные публикации о стройотрядовском движении отсутствуют.

Список литературы

1. Артемьев Е. Ф. Студенческие отряды и коммунистическое воспитание молодёжи. История, опыт патриотического движения студенческой молодёжи (1959 – 1975). М.: ВКШ, 1978. 106 с.
2. Баранов А. В. Студенческий строительный отряд «СКИФ» КубГУ 1980-ых гг. (По материалам воспоминаний бойцов) // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России. Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Краснодар. 2020. С.344 – 355.
3. Бурахина О. А., Олейников Д. М. Студенческие стройотряды: истоки движения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №2-2. С. 27–30.
4. ВЛКСМ от съезда к съезду. XVII, 23-27 апреля 1974 г. – XVIII, 25-28 апреля 1978 г. .М.: Мол. гвардия, 1978. 123 с.
5. Государственный архив Новейшей истории Ставропольского края (далее ГАНИСК). Ф.63. Оп.9. Д.66.
6. ГАНИСК. Ф.63. Оп.10. Д.87.
7. ГАНИСК. Ф.63. Оп.14. Д.75.
8. ГАНИСК. Ф.63. Оп.21. Д.101.
9. Документы и материалы по истории Краснодарской организации ВЛКСМ (1918-1976 гг.). Краснодар: Кн. изд-во, 1978. 255 с.
10. Документы ЦК ВЛКСМ. 1969. М.: Мол. Гвардия, 1970. 582 с.
11. Документы ЦК ВЛКСМ. 1971. М.: Мол. Гвардия, 1972. 400 с.
12. Документы ЦК ВЛКСМ. 1979. М.: Мол. Гвардия, 1980. 287 с.
13. Ерёменко О.А. Студенческие строительные отряды Ростовской области 1960-1980 гг.: страницы истории // Теория и практика общественного развития. 2011. №5. С.258-263.
14. Ещенко Ю. Г. Организационные проблемы региональных студенческих отрядов в конце 1970-х – начале 1990-х гг. (На материалах Астраханской области) // исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2–3. С. 72–74.
15. Казначеев В. А. Комсомол Ставрополья – верный помощник коммунистической партии в строительстве коммунизма // Очерки из истории Ставропольской краевой организации ВЛКСМ. Ставрополь: Ставроп. гос. пед. ин-т, 1969. 239 с.
16. Королёва Т. М. История движения студенческих отрядов Иркутской области (1960-1980-е гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 29 с.
17. Краснова Т. А. Строили города. // Молодёжь Кубани: вчера, сегодня, завтра…: очерки по истории Краснодарской краевой организации ВЛКСМ и современного молодёжного движения. Краснодар: Книга, 2018. 520 с.
18. Ляскин В. П., Ермошин Г. Т. Приступко В. А. ССО: стройка, студенты, отряд. М.: Стройиздат, 1985. 295 с.
19. Новоставский И. Н. Студенческие строительные отряды Кубани и Дона в 1971 – 1980 гг.: Исторический опыт и перспективы // Кубанские исторические чтения. Материалы V Международной научно-практической конференции. Краснодар. 2014. 118–134 с.
20. Приступко В. А. Исторический опыт Советского государства и общества по вовлечению студенческой и учащейся молодёжи в решение народнохозяйственных задач посредством движения студенческих отрядов. 1959-1990: автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: Московский пед. гос. университет, 1998. 28 с.

21. Сёмина Л. «Неуды» третьего семестра // Молодой ленинец. 1968. №174. С.3.
22. Трегубов А. Е. Студенческие строительные отряды Ставрополья: особенности возникновения и развития (к 55-летию движения ССО) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. №1. С.106–110.
23. Хорошилова Т. В. Студенческие трудовые отряды высших учебных заведений Дальнего Востока РСФСР: формирование, опыт, уроки (1957-1991 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Хабаровск: Дальневосточный гос. гумм. Университет, 2012. 23 с.
24. Центр документации Новейшей истории Краснодарского края (далее ЦДНИК). Ф.2006. Оп.10. Д.56
25. ЦДНИКК. Ф.2006. Оп.12. Д.58.
26. ЦДНИКК. Ф.2006. Оп.12. Д.68.
27. ЦДНИКК. Ф.2006. Оп.12. Д.69.
28. ЦДНИКК. Ф.2006. Оп.15. Д.103.
29. ЦДНИКК. Ф.2006. Оп.20. Д.100.
30. ЦДНИКК. Ф.2006. Оп.22. Д.1.
31. Это интересно // Ставропольская правда. 1973. №254. С.4.

References

1. Artem'ev E.F. Studencheskie otrjady i kommunisticheskoe vospitanie molodjozhi. Istorija, opyt patrioticheskogo dvizhenija studencheskoj molodjozhi (1959 – 1975) (Student teams and the communist education of the youth. History, experience of the patriotic movement of student youth (1959 – 1975). Moscow: VKSh publ., 1978. 106 p. (In Russian).
2. Baranov A.V. Studencheskij stroitel'nyj otrjad «SKIF» KubGU 1980-yh gg. (Po materialam vospominanij bojcov) (Student construction team «SKIF» KubSU 1980s. (According to the materials of the memoirs of participants) // Kubanskij gosudarstvennyj universitet: 100 let v istorii Rossii. Materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoj konferencii. Krasnodar: KubSU publ., 2020. P. 344–355. (In Russian).
3. Burahina O.A., Olejnikov D.M. Studencheskie strojotrjady: istoki dvizhenija (Student construction teams: the origins of the movement) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. No. 2-2. P. 27 – 30. (In Russian).
4. VLKSM ot sjezda k sjezdu. XVII, 23-27 aprelja 1974 g. – XVIII, 25-28 aprelja 1978 g. (Komsomol from congress to congress. XVII, April 2jm3-27, 1974 - XVIII, April 25-28, 1978). Moscow: Molodaya gvardija publ., 1978. 123 p. (In Russian).
5. State archive of Stavropol territory recent history (GANISK). F.63. Inv.9. D.66.
6. GANISK. F.63. Inv.10. D.87. (In Russian).
7. GANISK. F.63. Inv.14. D.75. (In Russian).
8. GANISK. F.63. Inv.21. D.101. (In Russian).
9. Dokumenty i materialy po istorii Krasnodarskoj organizacii VLKSM (1918-1976 gg.) (Documents and materials on the history of the Krasnodar organization of the Komsomol (1918 – 1976). Krasnodar: Knijnoe izdatelstvo publ., 1978. 255 p. (In Russian).
10. Dokumenty CK VLKSM (Documents of Central Committee of the Komsomol). 1969. Moscow: Molodaya gvardija publ., 1970. 582 p. (In Russian).
11. Dokumenty CK VLKSM (Documents of Central Committee of the Komsomol).. 1971. Moscow: Molodaya gvardija publ., 1972. 400 p. (In Russian).
12. Dokumenty CK VLKSM (Documents of Central Committee of the Komsomol).. 1979. Moscow: Molodaya gvardija publ., 1980. 287 p. (In Russian).
13. Erjomenko O.A. Studencheskie stroitel'nye otrjady Rostovskoj oblasti 1960-1980 gg.: stranicy istorii (Student construction teams of the Rostov region 1960-1980: pages of history) // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2011. No. 5. P.258 – 263. (In Russian).
14. Eshhenko Ju.G. Organizacionnye problemy regional'nyh studencheskih otrjadov v konce 1970-yh – nachale 1990-yh gg. (Na materialah Astrahanskoj obalsti) (Organizational problems of regional student teams in the late 1970s - early 1990s. (Based on the materials of the Astrakhan region) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. No. 2 – 3. P. 72 – 74. (In Russian).
15. Kaznacheev V.A. Komsomol Stavropol'ja – vernyj pomoshhnik kommunisticheskoj partii v stroitel'stve kommunizma (The Komsomol of Stavropol is a faithful assistant of the Communist Party in the construction of communism) // Ocherki iz istorii Stavropol'skoj kraevoj organizacii VLKSM. Stavropol': SSPI publ., 1969. 239 p. (In Russian).
16. Koroljova T.M. Istorija dvizhenija studencheskih otrjadov Irkutskoj oblasti (1960-1980-e gg.) (History of the movement of student groups of Irkutsk territory (1960 – 1980-th): abstract of thesis. Irkutsk, 2006. 29 p. (In Russian).
17. Krasnova T.A. Stroili goroda (They built cities) // Molodjozh' Kubani: vchera, segodnja, zavtra…: ocherki po istorii Krasnodarskoj kraevoj organizacii VLKSM i sovremennogo molodjozhnogo dvizhenija. Krasnodar: Kniga, 2018. 520 p. (In Russian).
18. Ljaskin V.P., Ermoshin G.T. Pristupko V.A. SSO: strojka, studenty, otryad (CST: construction, students, team). Moscow: Strojizdat, 1985. 295 p. (In Russian).
19. Novostavskij I.N. Studencheskie stroitel'nye otrjady Kubani i Dona v 1971 – 1980 gg.: Istoricheskij opyt i perspektivy (Student construction brigades of Kuban and Don in 1971 – 1980: Historical experience and prospects) // Kubanskie istoricheskie chtenija. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Krasnodar: Kub SU publ., 2014. P. 118–134. (In Russian).
20. Pristupko V. A. Istoricheskij opyt Sovetskogo gosudarstva i obshhestva po vovlecheniju studencheskoj i uchashhejsja molodjozhi v reshenie narodnohozjajstvennyh zadach posredstvom dvizhenija studencheskih otrjadov. 1959-1990 (The historical experience of the Soviet state and society in involving student and student youth in solving national economic problems through the movement of student brigades. 1959 – 1990): abstract of thesis. Moscow, 1998. 28 p. (In Russian).

21. Sjomina L. «Neudy» tret'ego semestral ("Unsatisfactory" of the third term) // Molodoj leninec. 19. No.174. P.3. (In Russian).
22. Tregubov A.E. Studencheskie stroitel'nye otrjady Stavropol'ja: osobennosti vozniknovenija i razvitija (k 55-letiju dvizhenija SSO) (Student construction brigades of the Stavropol Territory: features of the emergence and development (on the 55th anniversary of the SCT movement) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2014. No.1. P.106–110. (In Russian).
23. Horoshilova T.V. Studencheskie trudovye otrjady vysshih uchebnyh zavedenij Dal'nego Vostoka RSFSR: formirovanie, opyt, uroki (1957–1991 gg.) (Student Labor Brigades of Higher Educational Institutions of the Far East of the RSFSR: Formation, Experience, Lessons (1957–1991): abstract of thesis. Habarovsk, 2012. 23 p. (In Russian).
24. Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory (CDNIK). F.2006. Op.k10. D.56. (In Russian).
25. CDNIKK. F.2006. Op.12. D.58. (In Russian).
26. CDNIKK. F.2006. Op.12. D.68. (In Russian).
27. CDNIKK. F.2006. Op.12. D.69. (In Russian).
28. CDNIKK. F.2006. Op.15. D.103. (In Russian).
29. CDNIKK. F.2006. Op.20. D.100. (In Russian).
30. CDNIKK. F.2006. Op.22. D.1. (In Russian).
31. Jeto interesno (It is interesting) // Stavropol'skaja pravda. 1973. No. 254. P.4. (In Russian).

Сведения об авторе

Капшук Антон Юрьевич – соискатель кафедры истории России Кубанского государственного университета / redrebel-5@yandex.ru.

Адрес: д. 149, ул. Ставропольская, 350040, Краснодар, Российская Федерация.

Information about the author

Kapshuk Anton Yu. – Postgraduate student, Chair of Russian history, Kuban state university / redrebel-5@yandex.ru.

The address: 149, st. Stavropolskaya, 350040, Krasnodar, Russian Federation.

CC BY

УДК 94(47).084.8(470.63)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.5

А. В. Карташев

1-й ОТДЕЛЬНЫЙ СТРЕЛКОВЫЙ КОРПУС НА РУБЕЖЕ СМЫКОВ – ГРИГОРОПОЛИССКАЯ

Статья посвящена малоизвестному факту боевых действий советских войск на западе Ставропольского края в период с 3 по 5 августа 1942 г. В литературе о битве за Кавказ А.А. Гречко, С.В. Януша и других авторов этот эпизод подробно не рассмотрен. Исключение составляют работы, посвященные оценке личности командира 1-го отдельного стрелкового корпуса полковника М. М. Шаповалова, перешедшего после оставления г. Армавира на сторону противника. Оборону рубежа хутор Смыков, станица Григорополисская осуществляли соединения и части этого корпуса, а также другие воинские формирования советских войск, отходивших на этом направлении. На основе архивных источников и мемуаров воссоздается ход военных событий, показывается цель этих действий: обеспечить прикрытие войск 12-й армии, отходивших за Кубань. Дается краткое описание рубежа Смыков, Григорополисская, показываются его преимущества. Объясняется изменение планов командования Северо-Кавказского фронта при отмене прежней задачи и назначении данного оборонительного рубежа. Это обстоятельство не позволило качественно подготовить оборону, обеспечить неприкосновенность переправ через реку Кубань в районе станицы Прочноокопской и города Армавира, и разбить врага на дальних подступах к Майкопу. Показываются действия противника: 13-й танковой дивизии вермахта и моторизованной дивизии СС «Викинг», прорвавших боевые порядки стрелковых бригад корпуса. Раскрываются сложность боев, который вели части корпуса с перевернутым в обратную сторону фронтом, их напряженный и кровопролитный характер, масштабы потерь советских войск. Приводятся сведения о вкладе других соединений и частей в оборону правого берега Кубани. Показывается стремление личного состава выполнить поставленную боевую задачу, описываются отдельные подвиги бойцов и командиров. Называются имена должностных лиц командно-начальствующего состава 1-го отдельного стрелкового корпуса, которые в отличие от командира корпуса, изменившего Родине, продолжали до конца выполнять свой воинский долг и с честью прошли дорогами войны.

Ключевые слова: бои на Ставрополье, август 1942-го, 1-й отдельный стрелковый корпус, 113 и 139 стрелковые бригады, Григорополисская, Смыков.

Для цитирования: Карташев А.В. 1-й отдельный стрелковый корпус на рубеже Смыков–Григорополисская // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 206–213. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.5

Andrey V. Kartashev

1st SEPARATE RIFLE CORPS AT THE BORDER OF THE SMYKOV-GRIGOROPOLIS

The article is devoted to the little-known fact of the fighting of Soviet troops in the west of the Stavropol Territory in the period from 3 to 5 August 1942. This episode is not considered in detail in the literature about the Battle for the Caucasus by A.A. Grechko, S.V. Yanush and other authors. An exception is the work devoted to assessing the personality of the commander of the 1st Separate Rifle Corps, Colonel M. M. Shapovalov, who defected to the enemy after leaving the city of Armavir. The village of Smykov and the village of Grigoropolisskaya were defended by formations and units of this corps, as well as other military formations of the Soviet troops retreating in this direction. Based on archival sources and memories, the course of military events is recreated, the purpose of these actions is shown: to provide cover for the troops of the 12th army retreating beyond the Kuban. A brief description of the Smykov line, Grigoropolis, is given, its advantages are shown. There is an explanation for the change in the plans of the command of the North Caucasus Front, when the previous task was canceled and this defensive line was assigned. This circumstance did not allow to prepare the defense efficiently, to ensure the inviolability of crossings across the Kuban River in the area of the village of Prochnookopskaya and the city of Armavir, as well as to defeat the enemy on the distant approaches to Maykop. The actions of the enemy are shown: the 13th Panzer Division of the Wehrmacht and the motorized SS division «Viking», which broke through the battle formations of corps rifle brigades. The complexity of the battles fought by the corps units with an inverted front, their intense and bloody nature, and the scale of losses of Soviet troops are revealed. The information is provided on the contribution of other formations and units to the defense of the right bank of the Kuban. The desire of the personnel to fulfill the assigned combat task is shown, the individual exploits of soldiers and commanders are described. The names of the officers of the command staff of the 1st Separate Rifle Corps, who, unlike the corps commander who betrayed the motherland, continued to fulfill their military duty to the end and passed the roads of war with honor.

Key words: battles in the Stavropol Territory, August 1942, 1st Separate Rifle Corps, 113th and 139th rifle brigades, Grigoropolis, Smykov.

For citation: Kartashev A.V. 1st separate rifle corps at the border of the Smykov-Grigoropolis // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 206–213. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.5

Боям за Ставрополье в период Великой Отечественной войны в исторической литературе уделено немало внимания, тем не менее, белые пятна все же остаются. В недавних работах мы детально рассмотрели действия советских войск при отходе на ставропольском направлении, по обороне Кавказских Минеральных Вод и г. Моздока, бои кавалерийских корпусов на рубеже Ачикулак – Моздок, боевую работу авиации 4-й воздушной армии, наступление 140-й танковой бригады в январе 1943 года и другие эпизоды [4, 5]. Однако до сих пор в тени оставались военные события начала августа 1942 г. на западе Ставропольского края.

Скупые строки фундаментального научно-мемуарного труда маршала А. А. Гречко свидетельствуют, что в брешь между двух армий, отходивших на Армавир и Ворошиловск, «противник ввел 13-ю танковую дивизию и моторизованную дивизию СС «Викинг» и, с ходу преодолев сопротивление 1-го отдельного стрелкового корпуса, нанес удар в направлении на Армавир» [1, с. 74]. Дело было в том, что корпус, «выйдя 2 августа на линию Ново-Троицкое – Григорополисская, не смог организовать здесь прочную оборону из-за недостатка времени» [7, с. 236]. Этими сведениями, в основном, и ограничиваются описания боев 1-го отдельного стрелкового корпуса (ОСК) на ставропольской земле.

Завеса тайны, сопровождающая непродолжительный боевой путь стрелкового корпуса, возникла неслучайно. Как известно, корпус не смог выполнить боевой задачи, а командир корпуса полковник М.М. Шаповалов перешел на сторону врага [6, с. 155, 159]. Вспоминать о бесславных событиях неприятно, да и для воспитания подрастающего поколения необходимы иные примеры. Тем не менее, правда о войне, какая бы она ни была, лучше замалчивания неудач и просчетов. В конце концов, и она – предостережение и напоминание о том, что война обнажает в человеке его натуру, которая сразу становится видна: потенциальный герой становится героем, а подлец – подлецом.

Побудительным мотивом данного исследования стало то, что тень предательства командира надолго сделала безынтересными судьбы бойцов и командиров, которые честно выполняли свой долг перед Родиной. Военный комиссар 1-го ОСК Н.И. Привалов писал: «В боях за Кубанью и на реке Кубань 3–4–5 августа части корпуса нанесли большие потери 3-му немецкому танковому корпусу. Без приказа фронта, а потом 12 армии части корпуса не отошли ни с одного рубежа. <…> Многие бойцы и командиры проявили исключительный героизм, мужественно отражая танковые атаки противника. Но сейчас невозможно собрать данные о конкретных бойцах и командирах, проявивших себя в боях, так как большинство штабов батальонов и командования батальонов были убитыми или ранеными» [14, л. 71,75]. Рассказать о том, как воевали эти люди, сегодня задача историков.

Накануне развернувшихся боев, вечером 2 августа немецкая 13-я танковая дивизия находилась в районе станицы Новоалександровской на железной дороге Ворошиловск (ныне Ставрополь) – Кропоткин, голова колонны 3-й танковой дивизии, действовавшей восточнее, стояла в Преградном. Наступая на юго-восточном направлении, 3 августа 1942 г. 3-я танковая дивизия овладела г. Ворошиловском, а на юго-западном – 13-я дивизия захватила станицы Расшеватскую и Новоалександровскую. Для дальнейшего продвижения к перевалам Кавказа и Черноморскому побережью немцам необходимо было форсировать реку Кубань. Поэтому от Новоалександровской 13-я танковая дивизия, а вместе с ней две моторизованные дивизии, устремились на юг: в районе Армавира немецкое командование планировало переправить свои войска на левый берег Кубани и создать там плацдарм.

Юго-восточнее хутора Привольного (ныне село Раздольное Новоалександровского района) немецкие танки внезапно оказались посреди советского оборонительного рубежа. Это были позиции 1-го отдельного стрелкового корпуса. По свидетельству немецкого автора, мотопехота немцев, двигавшаяся вместе с танками, вступила в бой. Позиции советских войск уничтожались огнем с бронетранспортеров. Единый бой рассыпался на множество отдельных очагов. Пока мотопехота воевала, танки противника прорвались к станице Прочноокопской, где находился мост через Кубань [10, с. 55–56].

Остановимся на данном эпизоде подробней. Преградить путь трем немецким дивизиям – моторизованной СС «Викинг», 16-й моторизованной и 13-й танковой предстояло 1-му ОСК под командованием полковника М.М. Шаповалова. Для этого корпус был переброшен с Черноморского побережья (из-под Анапы) в район Армавира. В состав корпуса входили всего две стрелковые бригады (СБр) – 113-я (командир полковник Н.С. Васильев) и 139-я (командир подполковник П.М. Татарчевский). Учитывая, что своих сил у корпуса было мало, тем более что не все батальоны прибывали одновременно, командиру корпуса было предоставлено право подчинять себе соединения и части, оказавшиеся в полосе действий корпуса. Пользуясь такими полномочиями, полковник Шаповалов подчинил себе 31-ю стрелковую и 30-ю кавалерийскую дивизии. Кроме того, на 5 августа в составе корпуса находились: 456-й артиллерийский полк РГК, два батальона 69-го укрепрайона и батальон 136-го запасного стрелкового полка [8, с. 16].

Боевые документы 1-го ОСК позволяют в общих чертах проследить хронологию событий в этом районе. Для начала стоит отметить, что 1-й

ОСК создавался в конце апреля 1942 г. В его состав вошли 103, 113, 138, 139 и 142-я отдельные стрелковые бригады. Первые бои корпус вел в Крыму, под Севастополем. К началу июля 1942 г. в его составе осталось только две бригады – 113-я и 139-я и артиллерийский полк РГК [14, л. 69].

Состав бригад, на примере 113-й СБр, был следующим: управление бригады, 1, 2, 3 и 4-й стрелковые батальоны, батальон связи, минометный батальон 82-мм минометов, минометный дивизион 120-мм минометов, артиллерийский дивизион 76-мм пушек, противотанковый дивизион 45-мм пушек, рота ПТР, разведрота, рота автоматчиков, саперная рота, авторота подвоза и медико-санитарная рота. Общая численность личного состава бригады могла составлять около 5 тысяч человек [2, с. 7].

30 июля корпус получил приказ на погрузку в эшелоны для занятия обороны по Краснодарскому обводу. Утром 1 августа штаб корпуса прибыл на командный пункт в район станции Кубанской в 18 километрах к северу по железнодорожной ветке от Армавира. К вечеру того же дня на станции Кубанской полностью разгрузилась 139-я стрелковая бригада. Следом 113-я бригада двумя батальонами прибыла в Армавир. Два других ее батальона (1 и 2-й) еще находились в пути. Они прибыли только 4 августа [14, л. 69].

В качестве пояснения: «Последним эшелоном к фронту следовали: 2-й стрелковый батальон (командир – капитан С. К. Пештов, военком – старший политрук Е. С. Борисов) минометный дивизион 120-мм минометов (командир – старший лейтенант П. Г. Сергеев, военком – старший политрук П.И. Салтыков) минометный батальон 82-мм минометов (командир – старший лейтенант П. И. Дубков, военком – старший политрук В. Д. Авдеев) и бригадная авторота подвоза со всем тыловым хозяйством (командир роты – старший лейтенант Б. В. Чулимов, военком – старший политрук Е. Ф. Лобанов). Этот эшелон не успел проскочить в Армавир: железнодорожные пути были разбиты бомбежкой немецкой авиации. Пришлось выгрузиться на перегоне между станциями Отрадо-Кубанская и Кубанская, под интенсивным огнем вражеской авиации. Потери были очень большие» [2, с. 12]. Но это было 4 августа.

В момент разгрузки первых эшелонов 1 августа был получен приказ занять оборону по левому берегу реки Кубани. Однако в тот же день в 20.00 «от имени маршала» (С.М. Буденного – Авт.) начальник штаба фронта генерал-майор Г.Ф. Захаров отдал приказание: корпусу в составе 139-й бригады и двух батальонов 113-й бригады (3 и 4-го) выйти на новый рубеж за реку Кубань и занять его к исходу 4 августа. Однако в штабе корпуса полагали, что встреча с противником произойдет 3 августа, как оно и получилось, поэтому по приказу корпуса бригады должны были занять свои рубежи к исходу 3 августа [14, л. 69].

В своем докладе о боевых операциях 1-го ОСК военный комиссар Н.И. Привалов писал: «Если бы бригады заняли оборону по 1-му приказу фронта на левой стороне Кубани и имели в резерве корпуса 40 м. стр. бр., то противник не сумел бы так быстро захватить Армавир. На этом рубеже он понес бы исключительно большие потери и без подброски новых резервов, не мог бы начать операцию против Майкопа. Наоборот, части корпуса не имели бы таких потерь. Корпус дал бы возможность за это время создать новые резервы из отступавших частей Южного фронта» [14, л. 74].

Однако согласно последнему приказу 3 августа шесть батальонов корпуса заняли оборону на участке от хутора Смыков под нынешним г. Солнечнодольском (на востоке) до станицы Григорополисской (на западе). Рубеж был выгоден тем, что правым флангом он примыкал к месту впадения реки Русской в реку Егорлык (сегодня здесь Новотроицкое водохранилище), на левом он граничил с Кубанью. Большая часть линии обороны шла вдоль небольшой реки Камышеваха, впадающей в Кубань в районе станицы Григорополисской. Фронт обороны составлял более 40 километров, промежутки между отдельными батальонами достигали 10 километров.

На правом фланге рубежа обороны находились 3 и 4-й батальоны 113-й бригады, на левом – 139-я стрелковая бригада.

4-й стрелковый батальон 113-й бригады держал оборону на участке хуторов Смыков – Родионов. Вместе с ним находился штаб 113-й бригады во главе с командиром бригады полковником Н. С. Васильевым, военным комиссаром – старшим батальонным комиссаром В.Д. Шевелевым, рота автоматчиков и саперная рота. Сзади, в глубине обороны батальона занимал позиции артиллерийский дивизион 76-мм орудий под командованием капитана А. С. Гарина, военком – старший политрук В. Ф. Сидорин, без одной батареи.

3-й стрелковый батальон под руководством командира капитана О.Г. Абовяна и военного комиссара старшего политрука А.И. Франковского, с одной батареей 76-мм пушек оборонялся левее – в районе хуторов Родионов, Румяная Балка. Противотанковый дивизион 113-й стрелковой бригады, вооруженный 45-мм орудиями и противотанковыми ружьями, занимал оборону на главном танкоопасном направлении [2, с. 11].

От Румяной Балки до Григорополисской оборонялась 139-я стрелковая бригада. Это как раз ее оборонительная линия длиной около 25 километров прошла по реке Камышеваха. В какой последовательности размещались по фронту батальоны этой бригады точно не известно, за исключением того, что 4-й батальон был левофланговым.

Прибывшие в свои районы все эти подразделения, наспех окопавшись, 3 августа вступили в бой. Основной удар противника принял 3-й стрелковый батальон 113-й СБр в районе Румяной Балки, отражая три часа непрерывные атаки его танков и пехоты. В этом бою батальон уничтожил пять вражеских танков и большое количество пехоты, но и сам был практически полностью уничтожен [14, л. 70].

В этот день 3-й танковый корпус генерала Брайта с мотопехотой при поддержке до 30 самолетов нанес удар в стык между 139-й и 113-й бригадами. Бомбежкой была полностью уничтожена материальная часть 152-мм артиллерийского дивизиона, поддерживавшего 113-ю бригаду. Прорвавшись через боевые порядки бригад к Прочноокопской переправе, в тот же день 3 августа противник занял ее без боя – советских частей в этом районе не было.

Под командой военного комиссара корпуса бригадного комиссара Привалова к хутору Красная Поляна, расположенному на левом берегу Кубани, напротив станицы Прочноокопской, для защиты переправы до подхода 1 и 2-го батальонов 113-й СБр, которые еще не прибыли к месту боев, был брошен сводный отряд из числа связистов [14, л. 70].

Вероятно, в этот отряд попал батальон связи 113-й СБр, командир – капитан Ф.И. Кондратьев, военный комиссар – старший политрук П. Н. Богдашкин. В мемуарах отложилось то, что «он действовал самостоятельно (от бригады – Авт.), выполняя обязанности обыкновенного стрелкового батальона» [2, с. 11].

Весь день 3 августа части 1-го ОСК вели бой с превосходящими силами противника. К северу, ниже по течению Кубани, у станицы Григополисской 4-й батальон 139-й стрелковой бригады сражался против полка пехоты и 35-40 танков. Ближе к вечеру остатки 4-го батальона отошли через переправу у Григополисской. Вслед за ним форсировали реку и немцы, захватив плацдарм на левом берегу Кубани [14, л. 69–70].

3 августа гауптштурмфюрер Дорр, командир 4-й роты 1-го батальона полка «Германия» дивизии «Викинг» записал в своем дневнике: «Дмитриевская/Григополисская: еще никогда немецкий солдат не бывал здесь, между Черным и Каспийским морями. Местами голая степь, потом попадаются хорошие земли. Сильный ливень. Это хорошо после жары и пыли. В ходе быстрого броска в 11.30 вышли к Кубани. Загадочный совет в штабе дивизии. Потом приняли решение: наступать на Григополисскую, где вообще нет моста. Русские бегут. Мы гонимся за ними. На надувных лодках переплываем через Кубань. Сходу. Замечательный успех нашего 1-го из "Германии"» [10, с. 58].

Навести переправу для советских войск через реку Кубань в районе Григополисская – Новомихайловское было поручено 37-му отдельному моторизованному понтонно-мостовому батальону (ОМПМБ). О том, как выполнялась эта задача, воспоминал Герой Советского Союза Г. Я. Смирнов, в то время капитан, начальник штаба этого батальона:

«Вместе с войсками отходил и 37 ОМПМБ, обеспечивая их в ходе тяжелых, зачастую смертельных, боев паромно-мостовыми переправами через водные рубежи. Получив очередную боевую задачу, в ночь со 2 на 3 августа 1942 года батальон сходу приступил к наводке понтонного моста через реку Кубань в районе села Новомихайловка <…>

В этом районе действовала 5-я моторизованная немецкая дивизия СС «Викинг». Внезапно ее передовые отряды – отборные фашистские головорезы – вышли на противоположный берег Кубани <…> Около 19 вечера немецкие автоматчики, переправившись ниже района нашей переправы, оказались на левом нашем фланге, и повели наступление. Батальон не дрогнул и по приказу комбата майора В.Я. Григорьева занял оборону, вступив в неравный бой с врагом. Никаких организованных войск, прикрывающих переправу, в Новомихайловке не оказалось. Да и обстановка так быстро и круто менялась, что полученный нами приказ на наводку моста оказался запоздалым, ибо наши войска на переправу не подходили, а двигались другими маршрутами на тыловые рубежи. Приказа об отходе у нас не было, мы несколько дней оборонялись, а по ночам атаковали немецкие очаги обороны, которые им удалось создать в нескольких местах на нашем берегу. Ни ночью, ни днем противник огневым воздействием не давал нам возможности подойти к реке, разобрать паромы и погрузить имущество на машины. Минометов, станковых пулеметов, и даже ручных, в достаточном количестве у нас не было. У нас также не было достаточного количества патронов, и взять их было негде. Все наши попытки забрать имущество заканчивались жертвами. Выбить немцев из Новомихайловки своими силами и средствами мы не могли. Но упорством в борьбе и дерзостью ночных атак понтонеры задержали продвижение передовых отрядов противника, чем создали условия для подготовки очередных рубежей нашим войскам, отходившим на новые позиции» [9].

В отличие от переправы у Григополисской мосты через Кубань в Прочноокопской и Армавире имели более важное тактическое значение для обеих сторон. Поэтому эпицентр боевых действий сложился именно там.

К утру 4 августа 1-й ОСК корпус с подчиненными ему соединениями и частями имел задачу: оборонять левый берег р. Кубань, г. Армавир на участке: Армавир – Отрадо-Ольгинское. Обеим бригадам корпуса к исходу дня надлежало отойти на левый берег Кубани для занятия обороны на новых участках.

Перед фронтом 1-го ОСК 4 августа противник продолжал наступать силами 13-й танковой дивизии и моторизованной дивизии «Викинг». К 9.00 4 августа противник, уничтожив 1-й батальон 133-й СБр, вышел на переправу через Кубань в районе Прочноокопской, Красной Поляны. Семь танков противника прошли по мосту на левый берег реки. Однако силами 2-го батальона 113-й СБр, занявшего оборону на левом берегу у хутора Красная Поляна, танки противника были отрезаны от пехоты: три танка остались подбитыми на переправе, два возвратились в Прочноокопскую, два остались на левом берегу р. Кубань, здесь же у моста они заняли круговую оборону и продолжали вести бой [15, л. 10].

Советским воинам удалось оттеснить противника к реке и приблизиться к переправе на расстояние 150–200 метров от моста. Однако ночью с 4 на 5 августа противник подбросил подкрепление и стал теснить советскую оборону. После этого по наведенному понтонному мосту немцы переправили значительную группу танков и мотопехоты, которым удалось окончательно прорвать оборону и выйти на северную и западную окраины Армавира. Той же ночью штаб 1-го ОСК был вынужден покинуть Армавир и переместиться на запасной командный пункт в хутор Кочергин, на 25 километров западнее Армавира [14, л. 70].

Главные силы 1-го ОСК 4 августа, находясь на правом берегу Кубани, фронтом в обратную сторону вели бой на рубеже станицы Каменобродская и хуторов Церковный, Покровский (вост. х. Ляпин и сев. ст. Кубанской, ныне оба не существуют) за овладение станицей Прочноокопской. Уничтожив противника в Прочноокопской, части корпуса должны были переправиться через Кубань и занять оборону на ее левом берегу. Сложность боя состояла в том, что, действуя фронтом на юг, корпус вынужден был прикрывать себя арьергардами с севера. Несмотря на все усилия, отбить Прочноокопскую у врага не удалось.

В это время на территории Ставропольского края в районе станицы Каменобродской и хутора Румяная Балка, южнее и юго-западнее нынешнего Солнечнодольска вели бои подразделения 113-й бригады [15, л. 9].

Правофланговый 4-й стрелковый батальон со штабом 113-й СБр, а вместе с ними артдивизион, рота автоматчиков и саперная рота бригады, получив приказ, 4 августа стали отходить к реке Кубань. Однако пробиться к берегу этим подразделениям не удалось, так как впереди на Армавир уже шли танки и мотопехота противника, им пришлось повернуть на юго-восток. 5 августа эти силы вступили в бой у Сенгилеевского озера под Ворошиловском, а затем в ворошиловском лесу в районе Богословки (ныне с. Балахоновское). В этих боях погибли вся артиллерия и большинство личного состава.

В списке боевых потерь 4-го батальона 113-й СБр за август 1942 г. значится 179 рядовых и младших командиров (офицеров в этом документе нет), из них 137 человек погибло или пропало без вести 4 августа [3].

Остатки этих подразделений вышли в район населенного пункта Кизбурун–1, ныне село Атажукино в Баксанском районе Кабардино-Балкарской республики. Остатки бригады пополнил ряды 2-й гвардейской стрелковой дивизии. Командир 113-й СБр полковник Васильев Николай Сергеевич (1897–1967) стал в ней заместителем командира дивизии.

Другие подразделения 113-й ОСБр отошли за Кубань. Здесь они влились в 139-ю СБр. Так завершился боевой путь 113-й отдельной стрелковой бригады первого формирования. Но ее боевое знамя сохранилось, и было передано Дальневосточному фронту, где вновь начала формироваться бригада с таким же наименованием [2, с. 7–15].

Что касается 139-й бригады, то после получения приказа об отходе на левый берег Кубани ее части стали с боем прорываться к переправе. В районе станицы Новокубанской им удалось захватить паром, и 5 августа 139-я стрелковая бригада переправилась через Кубань. На левом берегу бойцы бригады соединились с остатками своего 4-го батальона, и заняли рубеж обороны по левому берегу Кубани в районе Армавира.

Бои носили исключительно упорный и кровопролитный характер, батальоны 139-й бригады отбили за день по несколько атак танков и мотопехоты, действовавших при поддержке авиации. Бойцы и командиры проявляли массовый героизм. Однако когда был получен приказ на отход на новый рубеж в район с. Пушкинское, командир бригады уже не мог связаться с 1-м батальоном: трижды посылались связные, но батальон так и не нашли. Как потом сообщил секретарь партком иссии 139-й бригады батальонный комиссар Д.Н. Лубин, 1-й батальон, не имея приказа на отход, два дня оборонял Армавир, понес большие потери, израсходовал почти все боеприпасы, и только после этого оставил город и стал пробиваться к своим [14, л. 71–73].

К 8 августа в составе 1-го ОСК фактически оставалось два батальона 139-й стрелковой бригады (2-й и 3-й) с артиллерией, всего 1650 человек. Однако в этот день штаб корпуса был отрезан от остатков своих войск, которые были подчинены 318-й стрелковой дивизии. С 10 августа 1-й отдельный стрелковый корпус фактически перестал существовать, хотя штаб корпуса и батальон связи (командир подполковник А.Г. Раменский) сохранились почти полностью [14, л. 72].

В этих условиях командир корпуса полковник М. М. Шаповалов оставил штаб и вдвоем с женой уехал в неизвестном направлении. 14 августа он оказался в расположении 16-й моторизованной дивизии вермахта.

Военный комиссар 1-го ОСК бригадный комиссар Н.И. Привалов в своем докладе отметил: «На общем фоне массового героизма, проявленного бойцами и командирами особенно омерзительно предательство Шаповалова, хотя оно совершилось, когда корпус фактически уже не существовал. Но эта измена принесла большой политический и военный вред всему фронту» [14, л. 76].

Сам Никифор Иванович Привалов (1900–1978) во время этих боев часто выезжал с командного пункта корпуса в боевые порядки частей и подразделений, оценивал их готовность к бою, контролировал правильность понимания командирами поставленных задач. После выхода из окружения он служил в должности заместителя командира 12-й гвардейской кавалерийской дивизии, войну окончил в качестве заместителя командира 5-го Донского гвардейского кавалерийского корпуса по политической части. Был награжден многими правительственными наградами.

Как следует из наградных документов базы данных «Подвиг народа», начальник штаба корпуса полковник Добров Леонид Архипович (1896 – не ранее 1947) после расформирования корпуса был направлен в Военную академию имени Фрунзе, позже с понижением был назначен начальником штаба 272-й стрелковой дивизии, в этой должности он воевал до конца войны. За годы службы был награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, медалями «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа».

Командир 139-й СБр подполковник Петр Михайлович Татарчевский (1900– не ранее 1954) после расформирования бригады 2 сентября 1942 г. был назначен командиром 68-й морской стрелковой бригады, оборонял Туапсе, был ранен и контужен. В 1943 г. стал заместителем командира дивизии, а через год уже командовал дивизией, правда, звание генерала так и не получил. Награжден многими орденами и медалями.

Заместитель командира корпуса по тылу подполковник Василий Михайлович Гамзин (1896 – не ранее 1946), когда 3 августа танки противника с автоматчиками прорвались к Прочноокопской переправе, возглавлял отряд из 70 человек. «Проявляя исключительный героизм 3-е суток удерживал переправу под убийственным огнем минометов, автоматчиков и танков противника. Имея только несколько ружей ПТР, отряд подбил 7 танков противника. Сам тов. Гамзин лично руководил этой группой героев и лично участвовал в бою». За бой 3 августа 1942 г. В.М. Гамзин удостоен ордена Красного Знамени [12, л. 69]. Войну окончил в должности заместителя командира корпуса по тылу.

С целью задержания противника командир 3-го стрелкового батальона 139-й СБр майор Н. С. Каданчик (будущий Герой Советского Союза) 4 августа приказал в районе города Армавира, у совхоза «Хуторок» взорвать переправу через Кубань. Задачу выполнила группа из трех бойцов, которую возглавлял лейтенант И.И. Садовой. Под сильным обстрелом с воздуха и земли переправа была взорвана. Противник был задержан на 48 часов. Лейтенант был ранен. После окончания войны за этот подвиг Иван Иванович Садовой был награжден орденом Отечественной войны II степени [13, л. 134].

Ордена Отечественной войны II степени за бои 1–7 августа 1942 г. был удостоен начальник артснабжения 1-го ОСК майор А.К. Гомонидов, обеспечивавший доставку боеприпасов на передовые позиции корпуса. Орденом Красной Звезды был награжден начальник химической службы корпуса подполковник Г.В. Архангельский: выполняя боевое задание в бою у станицы Прочноокопской был ранен в ногу осколком мины. Оба офицера после полученных ранений служили в тылу. Свои награды они получили в 1944 году.

Медалью «За боевые заслуги» был отмечен кассир 1-го ОСК П.Е. Соллогуб: «Находясь в сложной боевой обстановке и частично в окружении противника, следовал со своей частью и нес на себе 36,5 тыс. руб. наличных денег, документы Полевой кассы Госбанка за 2 месяца, печати и проч. <…> Всего им пройдено до 250 клм., в том числе через перевал по горам до Адлера от ст. Ново-Прохладной. Все ценности и документы доставлены Соллогубом в Полевую контору Государственного банка № 134 в полном порядке…» [11, л. 610].

Эти факты свидетельствуют о том, что личный состав 1-го ОСК действовал героически. Возникает вопрос: как воевали в составе корпуса те формирования, которые подчинил себе полковник Шаповалов, и что за силу они представляли?

О действиях 30-й кавалерийской дивизии (командир – полковник В.С. Головской), известно то, что после боев на Дону, войдя в непосредственное подчинение Донской оперативной группы, она к утру 2 августа (то есть, ранее самого корпуса – Авт.) двумя полками заняла оборону северо-западнее г. Армавира на рубеже Смыков, Привольный, Фельдмаршальский, Григориполисская, протяженностью по фронту 52 километра. В центральной части этот рубеж проходил севернее рубежа обороны бригад корпуса на 7–8 километров. То есть, кавалеристы находились в первом эшелоне обороны корпуса. В течение 3–5 августа 30-я дивизия в составе двух полков сдерживала напор крупных сил пехоты и танков противника, чем обеспечивала отвод частей 12-й армии за Кубань. Переправившись через р. Кубань, дивизия заняла оборону на рубеже Богородицкий (у с. Новомихайловское), отделение конезавода №33, фронтом на северо-восток, где вела бои с прорвавшимся на левый берег Кубани противником [18, л. 396]. В последствии 30-я Краснознаменная кавалерийская дивизия защищала восточные рубежи Ставрополья, освобождала Ставропольский край и с боями прошла до Праги.

31-я стрелковая дивизия участвовала в обороне Ростова. После тяжелых боев потерявшие управление части дивизии отходили в район села Средний Егорлык Ростовской области. 30 июля, не успев занять оборону, они попали под сосредоточенный удар танков, мотопехоты и штурмовой авиации противника, после чего стали отходить на Армавир. Согласно журналу боевых действий со 2 по 7 августа дивизия доукомплектовывалась в районе Кужорская, Майкоп, после чего обороняла Майкоп [16, л. 5]. Командир дивизии генерал-майор М.И. Озимин (будущий Герой Советского Союза) с 9 августа 1942 г. был отстранен от должности и находился под следствием за потерю управления войсками. Поэтому 31-я дивизия не представляла собой боевого соединения, способного оказать действенную помощь 1-му ОСК в обороне порученного рубежа. В отчетных документах 1-го ОСК о боевых действиях дивизии упоминается следующее: в течение 5 августа 31-я стрелковая дивизия в составе 150 (!) штыков оборонялась в районе села Вольное (на правом берегу Кубани южнее Армавира – Авт.) [15, л. 22].

69-й укрепрайон (УР) с 16 июля отходил из Ростова на Армавир. В Армавире 69-й УР получил задачу оборонять город до переправы всех войск фронта через Кубань. Оборону Армавира части 69-го УР осуществляли с 3 по 7 августа. Противник разрезал силы укрепрайона на две группы. Одна из них прорвалась на Майкопском направлении и пополнила ряды 18-й армии. Вторая отходила через Санчарский перевал на Сухуми, и перешла в подчинение 56-й армии [17, л. 536].

456-й артиллерийский полк РГК, приданный корпусу по решению командования фронта, командир – майор И.К. Богомолов, военком батальонный комиссар Якушев, до этого сражался в Крыму, на Кубань прибыл из-под Новороссийска. Имел на вооружении 122-мм корпусные пушки и 152-мм гаубицы. Полк находился в подчинении 139-й СБр. Второй артиллерийский дивизион полка был придан 113-й бригаде. В связи с понесенными потерями, лишь за 3–5 августа полк потерял 6 орудий, 456-й артиллерийский полк 12 сентября 1942 г. был расформирован [15, л. 23].

В заключении отметим, бои 1-го отдельного стрелкового корпуса от рубежа Смыков – Григорополисская до линии Армавир – Новомихайловское в период с 3 по 5 августа 1942 г. носили упорный и кровопролитный характер. В условиях быстрого массированного наступления противника на Кавказ командование Северо-Кавказского фронта посчитало необходимым задержать 3-й немецкий танковый корпус на правом берегу Кубани. Эта задача была поручена 1-му ОСК. Ударив в стык двух бригад, немецкие танки взломали слабую оборону стрелковых батальонов, прорвались к мосту через Кубань в районе станицы Прочноокопской. Развернувшись фронтом на юг, корпус 3 и 4 августа удерживал противника на правом берегу Кубани. Одновременно частью сил он встречал врага на левом берегу реки. Когда истощенные в боях остатки корпуса 5 августа смогли переправиться через Кубань, противник уже был фактически в Армавире. В ходе этих боев бойцы и командиры частей корпуса показали примеры мужества и героизма, ни разу не оставив рубеж обороны без приказа. В результате значительных потерь в личном составе, вооружении и боевой технике части корпуса были расформированы. Выжившие бойцы и командиры 1-го ОСК, пополнив другие соединения и части Красной армии, продолжали достойно сражаться на фронтах Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Гречко А. А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1967. 424 с.
2. Долуда А. Я. Дважды рожденная. Кемерово: Изд-во «Притомское», 1993. 94 с.
3. Донесения о безвозвратных потерях URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=50780754&page=1&p=3# (Дата обращения 17.04.2021).
4. Карташев А. В. Пятый гвардейский Донской кавалерийский корпус в боях за освобождение Ставрополья в конце ноября – декабре 1942 года // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 3. С. 87–97.
5. Карташев А. В. 140-я отдельная танковая бригада в боях за освобождение Ставропольского края // Военно-исторический журнал. 2021. № 11. С. 22–29.
6. Киселев И. В. «Считаю своим долгом и честью доложить…». Из материалов допроса полковника М. М. Шаповалова // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы II Всероссийской научной конференции, приуроченной к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Ростов-на-Дону, 23–24 сентября 2021 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – В 2 ч. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. С. 154–160.
7. Линец С. И., Януш С. В. Оборона Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июль – декабрь 1942 года): монография. М.: Илекса, 2010. 640 с.
8. Пятигорский Э. И. На остриях войны. Кубань 1942. Август. Исторические хроники. Туапсе: Туапсинская типография, 2005. 422 с.
9. Смирнов Г. Я. Бои местного значения. URL: https://kostroma1941-45.3dn.ru/publ/vospominanija_vypusknikov/smirnov_g_ja/4-1-0-75 (Дата обращения 12.02.2021).
10. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942-1943 гг. М.: Эксмо, 2005. – 448 с.
11. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682525. Д. 233.
12. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 125.

13. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 614.
14. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27.
15. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 53.
16. ЦАМО. Ф.1115. Оп. 1. Д. 15.
17. ЦАМО. Ф. 2323. Оп. 0000001. Д. 0006.
18. ЦАМО. Ф. 3562. Оп. 1. Д. 5.

References

1. Grechko A. A. Bitva za Kavkaz (The Battle for the Caucasus). Moscow: Voenizdat. 1967. 424 p. (In Russian)
2. Doluda A. Ya. Dvazhdy rozhdennaya (Twice born). Kemerovo: Pritomskoy, 1993. 94 p. (In Russian)
3. Doneseniya o bezvozvratnykh poteryakh (Irrecoverable loss reports). URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=50780754&page=1&p=3# (Accessed: 17.04.2021). (In Russian)
4. Kartashev A.V. Pyatyy gvardeyskiy Donskoy kavaleriyskiy korpus v boyakh za osvobozhdeniye Stavropol'ya v kontse noyabrya – dekabre 1942 goda (Fifth Guards Don Cavalry Corps in the battles for the liberation of Stavropol at the end of November - December 1942) // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. 2018. No. 3. P. 87–97. (In Russian)
5. Kartashev A.V. Kartashev A.V. 140-ya otdel'naya tankovaya brigada v boyakh za osvobozhdeniye Stavropol'skogo kraya (140th separate tank brigade in the battles for the liberation of the Stavropol Territory) // Voyenno-istoricheskiy zhurnal. 2021. No. 11. P. 22–29. (In Russian)
6. Kiselev I. V. «Schitayu svoim dolgom i chest'yu dolozhit'…». Iz materialov doprosa polkovnika M.M. Shapovalova («I consider it my duty and honor to report…». From the materials of the interrogation of Colonel M.M. Shapovalova) // Velikaya Otechestvennaya voyna v istorii i pamyati narodov Yuga Rossii: sobytiya, uchastniki, simvoly: materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, priurochennoy k 80-letiyu nachala Velikoy Otechestvennoy voyny (Rostov-on-Don, September 23-24, 2021). At 2 h. Part 1. Rostov-on-Don: SSC of RAS publ., 2021. P. 154–160. (In Russian)
7. Linets S. I., Yanush S. V. Oborona Severnogo Kavkaza v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (iyul' – dekabr' 1942 goda) (Defense of the North Caucasus during the Great Patriotic War (July - December 1942). Moscow: Ileksa, 2010. 640 p. (In Russian)
8. Pyatigorskiy E. I. Na ostriyakh voyny. Kuban' 1942. Avgust. Istoricheskiye khroniki (On the edge of the war. Kuban 1942. August. Historical chronicles). Tuapse: Tuapsinskaya tipografiya, 005. 422 p. (In Russian)
9. Smirnov G. YA. Boi mestnogo znacheniya (Local battles) URL: https://kostroma1941-45.3dn.ru/publ/vospominanija_vypusknikov/smirnov_g_ja/4-1-0-75 (Accessed: 12.02.2021). (In Russian)
10. Tike V. Marsh na Kavkaz. Bitva za neft' 1942-1943 gg. (March to the Caucasus. Battle for Oil 1942-1943). Moscow: Eksmo. 2005. 448 p. (In Russian)
11. Central archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (hereinafter - TsAMO). F. 33. Inv. 682525. D. 233. (In Russian)
12. TsAMO. F. 33. Inv. 682526. D. 125. (In Russian)
13. TsAMO. F. 33. Inv. 686046. D. 614. (In Russian)
14. TsAMO. F. 276. Inv. 811. D. 27. (In Russian)
15. TsAMO. F. 276. Inv. 811. D. 53. (In Russian)
16. TsAMO. F. 1115. Inv. 1. D. 15. (In Russian)
17. TsAMO. F. 2323. Inv. 0000001. D. 0006. (In Russian)
18. TsAMO. F. 3562. Inv. 1. D. 5. (In Russian)

Сведения об авторе

Карташев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доцент, начальник центра изучения истории медицины и общественного здоровья Ставропольского государственного медицинского университета / andreyy_kartashev@rambler.ru
Адрес: д. 310, ул. Мира, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Kartashev Andrey V. – Doctor of History, Associate Professor, Head of the Center for the Study of the History of Medicine and Public Health of the Stavropol State Medical University / andreyy_kartashev@rambler.ru
The address: 310, st. Mira, 355017, Stavropol, Russian Federation.

CC BY

УДК 94(37).08

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.6

В. А. Конопаткин
А. М. Скворцов

ТИТУЛАТУРА ИМПЕРАТОРОВ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ III – СЕРЕДИНА V ВВ.)

В последние годы у самых разных исследователей наблюдается повышенный интерес к феноменам, непосредственно связанным с социокультурным способом властвования. Однако в отечественной историографии пристальному изучению в этом ключе подвергается лишь эпоха средневековья, а античность же остается практически без внимания. Кроме того, современные историки, разрабатывающие концепцию «Поздней античности», первоначально делали акцент на культурной, религиозной и социальной сферах позднеантичного общества, а политическая и институциональная история их мало интересовала. В результате, сложилась нехватка исследований по этим вопросам. Рассмотрение титулатуры римского императора позволяет восполнить обозначенные пробелы.

Авторы на основании анализа комплекса нумизматических и эпиграфических источников выявляет процесс трансформации титулатуры римских императоров, составляющих ее элементов в III–V вв. Делается вывод о постепенном исчезновении титула imperator, мало использовавшемся уже при наследниках Константина. Основным титулом становится dominus noster, который все чаще включался в официальное имя с III в. Также отмечается поэтапное исключение победных аккламаций, эпитетов pius, felix, invictus, упоминания республиканских должностей, титула Caesar. Однако наблюдается появление оборота victor et triumphator, а также эпитетов semper или perpetuus к титулу augustus.

Обозначенные изменения в титулатуре объясняются авторами смещением акцента с возвеличивания личности императора при помощи конкретных эпитетов на подчеркивание обезличенного и абсолютного характера императорской власти, выраженной в театрализованных ритуалах Поздней античности.

Ключевые слова: Поздняя античность, титулатура римских императоров, поздняя Римская империя, репрезентация власти, политическая имагология, титулатура.

Для цитирования: Конопаткин В. А., Скворцов А. М. Титулатура императоров Поздней Римской империи (конец III – середина V вв.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 214–223. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.6

Vladislav A. Konopatkin
Artem M. Skvortsov

TITLES OF THE EMPERORS OF THE LATE ROMAN EMPIRE (LATE III–MID V CENTURIES)

In recent years, a number of researchers have paid increased attention to the phenomena directly related to the sociocultural mode of ruling. However, in the domestic historiography only the Middle Ages (e.g. Boitsov, Polskaya, Voskoboynikov, Khachaturyan) are closely studied in this aspect, while antiquity remains without researchers' attention, although it is the basis of the formation of medieval monarchies. Moreover, modern historians developing the concept of «Late Antiquity» originally focused their attention on the cultural, religious and social spheres of Late Antique society, while they were little interested in the political and institutional history of the Late Roman Empire, and accordingly there was a lack of research on these issues. Consideration of the titles of the Roman emperor allows us to bridge the mentioned gaps observed in historiography.

Based on the analysis of a set of numismatic and epigraphic sources dating from the 3rd to 5th centuries, the author shows changes in the titles of Roman emperors during this period. In particular, a conclusion is made about the gradual disappearance of the title imperator, which already under the heirs of Constantine almost ceased to be used. At the same time the main title becomes dominus noster, which was gradually included in the official name since the emperors of the III c. There is also a gradual disappearance of victory acclamations, epithets pius felix invictus, references to republican posts, and the title Caesar. However, we observe the appearance of the word victor et triumphator and the addition of the epithets semper or perpetuus to the title augustus.

These changes in the titles are explained by the shift in emphasis from the exaltation of the emperor's personality with the help of specific epithets to emphasizing the impersonal and absolute character of imperial power, expressed in the theatrical rituals of Late Antiquity.

Key words: Late Antiquity, titles of Roman Emperors, Late Roman Empire, Representation of Power, Political Imagology, Titulature.

For citation: Konopatkin V.A., Skvortsov A.M. Titles of the emperors of the late Roman Empire (late III–mid V centuries) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 214–223. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.6

Под титулатурой в данном случае понимается языковая абстракция, применяемая для обозначения статуса лица. Этот социокультурный феномен распространяется через письменный и устный язык в виде совокупности форм обращений, представляющих властные и социальные связи между правителем и аудиторией, на которую ориентирована власть носителя титула [17, p. 94].

Титулатура существует преимущественно в обществах со сложным уровнем организации, где она функционирует в символическом и коммуникативном пространстве, внутри которого и реализуется власть. Для устоявшихся социальных институтов конструируется властная терминология, которая кодифицирует в определенных словах содержание социокультурных и властных практик. Рассмотрение титулатуры имеет смысл по ряду причин. Во-первых, это очень удобный исходный пункт для изучения сущности императорской и любой другой монархической власти; во-вторых, титул, как правило, очень четко выражает идеологиче-ское и правовое положение его носителя [4, с. 166].

Монетная чеканка и эпиграфика являются основными источниками по изучению титулатуры императоров. Нумизматика содержит следы государственной политики, выраженной в используемых на монетах лозунгах, образах и титулах [1; 43]. Эпиграфика, с одной стороны, отражает официальное наименование императора, а с другой, показывает особенности восприятия власти императора «снизу» [13; 23].

В историографии вопрос о характере и содержании «тронного имени» императора поднимался нечасто, и можно говорить о недостаточности исследований в области анализа изменений в императорской титулатуре на протяжении Поздней античности. В зарубежной историографии долгое время преобладала тенденция видеть в III – V вв. процесс абсолютизации власти. Истоки такого взгляда относятся к Э. Гиббону, указывавшему на исчезновение упоминания республиканских должностей из императорской титулатуры уже при Диоклетиане [3, с. 536]. Т. Моммзен, продолжая эту линию, подчеркивал отражение в ней монархических черт властвования [10, с. 419]. Позднее исследователи стали обращать внимание на отдельные элементы титулатуры правителей. Например, П. Кнайсл изучал победные титулы римских императоров [37]. Историки второй половины XX в. – М. Пичин [49], С. Коркоран [24], Д. Кинаст [36] и др. – пытались определить наборы титулов, характерных для отдельных императоров. Однако в этих исследованиях зачастую не ставилось в качестве задачи определение места титулатуры в системе репрезентации императорской власти. В этом смысле знаковым является обзорный труд по Поздней античности под авторством А. Демандта «Поздняя античность. Римская история от Диоклетиана до Юстиниана (284–565 гг. н.э.)», где дается краткий обзор императорской титулатуры, подчеркивается её сакральный характер и связь с эллинистическими традициями империи [25].

В отечественной историографии вслед за Т. Моммзеном и Э. Гиббоном в появлении титула dominus долгое время видели свидетельство начавшегося процесса подчинения римских граждан императорам. Такой точки зрения, в частности, придерживался правовед И. А. Покровский [12, с. 208]. Для данного исследования представляются важными две работы А. Б. Егорова: это статья, посвященная «тронному имени» римских императоров, в которой дается характеристика основных титулов правителей эпохи принципата [4] и его же пособие, посвященное Поздней Римской империи, где большое внимание уделяется титулатуре августов [5]. Историк настаивает, что наличие титула dominus в Поздней античности свидетельствовало о такой же степени подчинения римских граждан императору, как раба своему хозяину. В этом ключе интересна статья А. В. Коптева, в которой оспаривается традиционный взгляд на значение титула dominus [7].

Титул dominus, занявший крепкое положение в официальном имени августов уже в III в., дал основания историкам считать, что именно этот элемент в Поздней империи приобрел характер основного и обозначил тенденцию к абсолютизации власти императора [2; 32; 45]. Однако действительно ли его наличие свидетельствовало о политическом повороте и насколько значимым оказалось это имя в системе титулов императора? Первоначально слово dominus (господин, хозяин, распорядитель) использовалось в частном праве и обозначало отношения между рабом и господином, то есть подразумевало некоторое подданство и зависимость одного лица от другого [12, с. 208]. В таком ключе император, будучи «господином», имел в подданстве всё население империи и мог свободно распоряжаться им на правах своей власти.

Однако Э. Дики, проведя филологический анализ корпуса латинских литературных источников императорского периода пришла к выводу, что раб к своему господину не обращался через слово «domine/a». В республиканское время оно использовалось в эротическом контексте в общении между любовниками, затем стало употребляться при обращении к pater familias, что свидетельствовало об уважительном отношении и семейной привязанности. Уже в эпоху принципата форма «domine» могла быть употреблена в адрес любого римского гражданина, при этом подразумевалась мягкая вежливость по отношению к нему. Большинство примеров использования domine (т.е. в форме Vocativus) при обращении к императорам напрямую не связано с использованием этого слова в качестве императорского титула, но часто встречается [26, p. 99].

Таким образом, сомнительно, что наличие у императора в титулатуре слова «dominus» подразумевало обязательно выражение подданичества населения Римской империи, как об этом писала, например, Е. М. Штаерман [15]. Более убедительной, на наш взгляд, представляется версия А. В. Коптева, в соответствии с которой, император, обладая правом носить титул «dominus», мыслился не господином сограждан, а центральной фигурой гражданского коллектива, формальным представителем всего населения империи, pater familias для всех граждан [7, с. 182, 185].

Известно, что уже Домициан требовал именовать себя dominus et deus (Suet. Domit, 13), желая обрести неограниченную власть. Впрочем, его замыслы не воплотились в реальность. А. Б. Егоров пришёл к выводу, что этот титул употреблялся уже при Антонинах, а при Северах стал одним из основных [5, с. 85]. А Диоклетиан, по мнению И. О. Князького, использовал его, чтобы не быть похожим на простого смертного [6, с. 56].

Однако, проанализировав более подробно роль данного титула в период правления Диоклетиана, становится ясно, что довольно часто слово dominus встречается в надписях (EDCS-03000085, HD001202, CIL Ш 324, HD002197), но не обособленно, а чаще всего совместно с традиционными титулами, такими как imperator caesar augustus. Таким образом, здесь прослеживается совмещение традиционных элементов титулатуры с новым. В то же время титул dominus noster почти никогда не чеканился на монетах, уступая традиционным именам императора (imperator caesar augustus), – это свидетельствует об осторожном включении нового титула в официальное имя августа, а также о том, что титул dominus не был основным, поскольку в ином случае он бы выделялся на фоне остальных имен, и уж тем более довольно часто встречался бы на монетах.

Однако уже при Константине становится заметна тенденция, о которой сообщает А. Б. Егоров: титул dominus noster постепенно вытесняет все остальные элементы и всё чаще фигурирует без сопровождения других [5, с. 111]. В этой связи характерны следующие надписи: из Кампаньи (EDCS-03000087), из Афин (EDCS-24701347), из Африки (EDCS-75200007), Азии (EDCS-05300002), Иллирии (CIL III 197). В них император имеет только титул dominus noster и augustus. Подобная комбинация получила широкое распространение при Константине. Показательна надпись из Галатии, в которой отмечены императоры Траян, Адриан, Диоклетиан и Максимиан – все они имеют традиционный оборот в титулатуре, однако Константин уже называется только dominus noster (EDCS-17100168).

Наследники Константина, время правления которых пришлось на 337 – 361 гг., ещё при жизни отца имели право носить титул dominus noster (HD000890). Это свидетельствует как о попытках установить наследственную власть, так и о том, что сыновья Константина, именовавшиеся сыновьями божественного, в титулатуре старались всячески указать на свое родство с великим отцом (HD002022). При этом они продолжили линию, обозначившуюся при Константине, по повышению значимости титула dominus noster среди прочих. Но выделяется у наследников Константина новый характерный оборот: dominus noster victor ac triumphator semper augustus (наш господин победитель и триумфатор вечный август) (HD027266). Упоминание титула dominus noster также приобрело широкие масштабы в нумизматике: аббревиатура DN на монетах встречается довольно часто в первой половине IV в. (RIC VII 30, RIC VII 12; RIC VII 60; RIC VII 49; RIC VII 232; RIC VII 174), а во второй половине этого же века она содержится почти на каждой монете (RIC IX 11f, RIC IX 6d, RIC 34d4 etc.).

Во времена правления династии Феодосия каких-то заметных изменений не произошло. Основным титулом императора остается dominus noster. Это обозначение встречается повсеместно как на Востоке, так и на Западе: в надписях (HD000055; CIL III 572; CIL III 736; ILCV 0307) и на монетах (RIC X 407; RIC X 213; RIC 2018).

Титул imperator обозначал командующего, носителя imperium (власти), либо победоносного полководца. Понятие imperator, конечно, несло в себе военную коннотацию и использовалось, в основном, в солдатской среде – именно легионеры обращались к правителю при помощи данного слова (Cass. Dio. 57. 8. 1–2). Как известно, не все императоры происходили из солдатской среды, поэтому с течением времени слово стало использоваться уже в гражданском контексте. Дион Кассий утверждал, что этот титул обозначал верховную власть (Cass. Dio. 22. 41.) Тем не менее, возможно, солдаты продолжали обращаться к правителям, используя это слово, чаще, чем другие. Титул не обозначал абсолютного подчинения, вопреки мнению Э. Гиббона [3, с. 536] (солдаты, в конце концов, были не более во власти императора, чем другие римляне, а в некоторые периоды, возможно, и гораздо меньше), но относился к языку военного лагеря [26, p. 103].

Для Диоклетиана данный титул являлся одним из важнейших: из 484 надписей, отражающих титулатуру римских правителей в период с 284 по 305 гг., 365 содержат имя imperator, т.е. 75 %. Встречается титул повсеместно как на Западе, так и Востоке: в Ахее (EDCS-08200247); в Египте (EDCS-21200081); Азии (EDCS-70200477); Нумидии (CIL VIII 10184); Риме (CIL VI 40715) и т. д. Интересно, что титул imperator фигурирует вместе с понятием Caesar (EDCS-12300360; AE 1994, 00536; AE 2008, 01193; AE 1984, 00829a), несмотря на новое значение этого слова в период

тетрархии. То же самое прослеживается и в нумизматике: достаточно часто монеты содержат аббревиатуру IMP CC (RIC VI 17a; RIC VI 23a; RIC VI 45a; RIC VI 23a).

Однако уже при Константине заметна тенденция к сокращению использования оборота imperator caesar, и вообще титула imperator: из 803 обнаруженных нами надписей периода с 305 по 337 г только 357 из них включают понятие imperator, а это только 45 %.

В дальнейшем сокращение использования титула imperator продолжилось: в период с 337 по 361 гг. из 474 надписей только 60 содержат это обозначение (12 %), в период с 363 по 395 гг. из 494 – 54 (11 %), с 395 по 425 гг. из 318 – 9 (3 %), а с 425 по 455 гг. из 121 – 4 (3 %).

Эта же тенденция прослеживается и в нумизматике: в период правления Диоклетиана аббревиатура IMP встречается в 299 случаев из 325, что составляет 95 % монет. При Константине (с 305 г.) данное обозначение фигурирует в 438 случаев из 1277 (34 %), причем, в период с 305 до 319 гг. В более позднее время упоминание IMP на монетах отсутствует.

Таким образом, титул Imperator активно использовался Диоклатианом, однако уже Константин постепенно отказывался от него. Исчезновение титула Imperator, на первый взгляд, может свидетельствовать о прекращении ведения военных действий самим правителем, однако для IV в. такое утверждение не соответствует действительности, поэтому, возможно, власть императора сама по себе лишалась военных коннотаций и ориентировалась на другие основания. Система тетрархии строилась на меритократическом принципе: императором становился заслуженный государственный деятель, уже получивший некоторое признание в Риме в первую очередь за счет ведения военных действий (Aur. Vict. Caes. 39.17–24; Eutrop. 9.22.1) [29, p. 58 – 67; 38], а Константин был провозглашен августом в 306 г. сразу после смерти своего отца, не успев достичь определенных заслуг на военном поприще, следовательно, не приобрёл права именоваться императором. Вследствие этого его политика легитимации строилась на династическом принципе, и свою власть он обосновывал родством с Констанцием Хлором [18, p. 247; 46, p. 62 – 63; 31; 9], поэтому, возможно, ему не было необходимости заострять внимание на полководческих талантах.

Титул augustus происходит от глагола augere (увеличивать) и обозначает «возвеличенный богами» или «податель благ: тот, кто возвеличил свое государство» [8, с. 309]. Это имя сопровождало императоров со времен Октавиана Августа и занимало одно из важнейших мест в титулатуре императоров. Однако при Диоклетиане слово «август» приобрело новое значение в контексте созданной им системы. Т. Моммзен связывал выделение титула augustus с тем, что старая трёхчастная форма титулования (imperator caesar augustus) слишком откровенно указывает на статус должностного лица [10, с. 419].

Империя была поделена между двумя правителями, которых именовали августами. Они через усыновление обозначали своих наследников, которых нарекали цезарями, при этом полностью контролируя их. Особенностью являлось то, что отныне титул август символизировал наличие верховной власти у императора, которой не обладали цезари [21, p. 31-33; 6; 16; 51; 38]. В отличие от остальных титулов, имя augustus встречается почти на всех надписях и монетах (CIL III 13578; EDCS-17701278; AE 1993, 01158; AE 1984, 00808; RIC V 280; RIC VI 294; RIC VI 29a). Тем не менее вряд ли титул занимал главенствующее положение, поскольку замыкал перечень наименований императора, уступая эпитетам pius, felix, invictus, что отражено на монетах. Иногда к титулу augustus добавлялся эпитет semper (CIL V 02818; AE 2009, 01116).

В отличие от «imperator» имя augustus в титулатуре Константина сохранило свое положение и упоминалось либо совместно с титулом dominus noster (CIL XI 06652; EDCS-08201028), либо imperator (EDCS-17700798; CIL III 14150). Последний гораздо чаще стал дополняться эпитетами perpetuus (вечный) и semper (постоянный). Примерами служат: надпись с острова Сардиния, датируемая 312 – 324 гг. и сделанная в честь победы Константина над Максенцием (EDCS-09300957), инадпись из Мутины (CIL XI 06654), Африки (AE 1978, 00846) и др.

Наследники Константина сохранили имя augustus в своей титулатуре. Однако уже при Констанции II наблюдались некоторые изменения в практике его использования. В частности, вместо традиционного оборота imperator caesar pius felix invictus augustus стал употребляться в различных незначительных вариациях новый – victor ac triumfator semper augustus (CIL V 00859; AE 2006, +00461; EDCS-04700374; EDCS-64700396; EDCS-70800313; AE 1997, 00525).

В целом, в период правления династии Валентиниана надписей, содержащих титулы августа и господина, значительно больше, чем надписей с другими титулами. Появившиеся раннее тенденции также имели место: использовался оборот victor ac triumphator (AE 1983, 00576; EDCS-59700162; CIL XIV 00136), эпитеты semper или perpetuus применительно к augustus (EDCS-12700216; CIL XI 06659; AE 1982, 00936)

В период правления династии Феодосия наблюдается та же картина. Augustus соседствовал с эпитетами perpetuus (вечный) и semper (постоянный). В надписи из Далмации, датируемой 411 – 415 гг., император Феодосий II назван perpetuus Augustus (EDCS-28100162). В документе 435 г. из

Нарбонской Галлии Валентиниан III и Феодосий II носят имя semper augusti (CIL XII 05494). На фрагменте 406 г. из Лациума Аркадий именуется просто Августом (EDR 119637) – такая форма наиболее распространена. Использование оборота victor et triumphator наблюдается в надписи из Кампаньи 412 /423 гг. (AE 1975, 00137) и из Рима 402 г. (CIL VI 01192). На диптихе Гонория император, помимо титула dominus noster, именуется и semper augustus. При этом в нумизматике прослеживается одна устойчивая форма: на протяжении всего рассматриваемого периода на монетах обязательно присутствовало только обозначение AVG (RIC IX 30e; RIC X 29; RIC 2010; RIC VII 34, A; RIC VII 405; RIC VIII 120; RIC VIII 243; RIC IX 23b; RIC IX 15; RIC IX 26b; RIC IX 27b; RIC IX 62a; RIC 65a, B; RIC X 351; RIC X 454; RIC IX 23; RIC IX 63b).

В титулатуре императоров прочное положение занимали эпитеты: pius, felix, invictus. Титул pius обозначал благочестие императора и его почтительность к богам, а позднее – к христианскому богу. Это имело огромное значение, поскольку сакральный лидер владел прерогативой в области коммуникации с высшими силами, решая наиболее фундаментальные проблемы римских граждан [14, p. 9]. Обладание благочестием гарантировало успех правителя в его посредничестве со сверхъестественными силами по поводу насущных проблем общества и государства. Например, позднеантичными авторами подчеркивалось ярое благочестие императора Феодосия II (Soz. 9.1; Soc. 7.22). Якобы только оно и позволяло войскам побеждать врагов, когда сам император на поле боя отсутствовал. Сократ Схоластик сообщает, что Феодосий II одними только молитвами помог своему полководцу вырваться из рук неприятеля (Soc. 7.22).

Имя felix (счастливый) имело схожий с предыдущим понятием смысл. Наличие у августа «счастья» проявлялось не в его личной безмятежности и радости, а в особом покровительстве богов (или бога), которые обеспечивали императора «счастливыми» обстоятельствами, способствовали его удаче, что как бы проецировалось на всех его подданных.

Для Диоклетиана данные эпитеты оказывались важны, поэтому являлись неотъемлемой частью титулатуры правителей времен тетрархии. Оборот pius felix invictus встречается на большинстве надписей, где представлена пространная титулатура тетрархов (CIL III 14184; AE 2014, 01228; EDCS-70000001; AE 2013, 01448; CIL VI 31382; EDCS-31900133; CIL V 00030 etc.). Однако в нумизматическом материале встречается только аббревиатура PF или P, а обозначение INV отсутствует (RIC VI 152a; RIC V 134; RIC V 263)

Преемники Диоклетиана в наименовании себя не отступают от тенденций, заложенных основателем тетрархии: и Галерий (EDCS-03700724; EDCS-04600173; CIL XII 05676; RIC VI 70b; RIC VI 35, B), и Лициний (CIL III 03709; EDCS-29601131; EDCS-10701595; RIC VI 105b; RIC VII 160), и Константин (AE 1915, 00033; EDCS-75300311; CIL V 08065; CIL III 14378a; EDCS-72000110; RIC VI 69c; RIC VII 64) продолжали использовать эпитеты pius felix invictus в своей титулатуре. При этом в надписях, посвященных императору Константину, также нередко встречается имя maximus (CIL V 00529; EDCS-15000164; AE 2016, 00464; CIL V 08005).

Однако уже при наследниках Константина такие имена почти не употреблялись, что наблюдается и в период правления династии Валентиниана. Как отмечалось раннее, более популярным стал оборот victor ac triumfator semper (perpetuus) augustus. Тем не менее, на монетах аббревиатура PF сохранилась и при Констанции II (RIC VIII 172; RIC VIII 272; RIC VIII 305), и при Валенте (RIC IX 3b; RIC IX 29b; RIC IX 15b).

При Феодосии I и его наследниках эпитеты pius felix invictus тоже встречаются довольно редко. Однако на монетах аббревиатура PF сохранила свое прочное положение (RIC X 368; RIC X 456; RIC IX 8b; RIC IX 27c; RIC IX 42e; RIC IX 44c)

Нечасто и, как правило, только в городе Риме императоры могли иметь титул invictus (CIL VI 41397; EDCS-18100532). До конца IV в. этот элемент был одним из главных, однако в V в. стал в большей степени добавлением к другим обозначениям, как и, например, слово fortes (AE 1947, 00185).

В титулатуре Диоклетиана регулярно встречались традиционные республиканские должности, которые во многом потеряли своё функциональное значение в период тетрархии, но, вопреки мнению Э. Гиббона [3, с. 536], ещё какое-то время сохраняли место в титулатуре императора. К таковым относятся: consul, pontifex maximus (великий понтифик), tribunicia potestas (трибунская власть), proconsul. Сохранение Диоклетианом в своем официальном имени республиканских должностей является ярким свидетельством преемственности его политического режима по отношению к предыдущей эпохе – принципату, когда титулатура принцепса содержала в себе большое количество республиканских должностей, обозначавших сосредоточение в руках императора функций высшего судьи и главы всего правового порядка, превращение носителя верховной власти в высшую апелляционную инстанцию. Диоклетиан не отказывается от политического опыта предшественников и наследует эту традицию. Доказательствами являются следующие памятники: надпись из Иллирии, датируемая приблизительно 284 – 290 гг. (CIL III 236) и надпись из Петры (EDCS-17100168), созданная в период с 292 по 306 гг., и, в целом, повторяющая вышеназванную; а также другие памятники эпиграфики (EDCS-31700068; EDCS-51500023), хотя их не так много. Кроме того, подобные титулы были запечатлены и на монетах (RIC V 254; RIC V 275; RIC V 285; RIC VI 13).

Помимо обозначения республиканских должностей, Диоклетиан имел титул pater patriae (отец отечества) (CIL III 00022; EDCS-24501977; AE 1993, 01158), который также отсылает нас к республиканскому периоду Рима и к ранней империи. Для граждан республики это был самый почетный титул, сообщавший о невероятных благих деяниях, совершённых во имя civitas (например, этим титулом обладал Цицерон за заслуги в подавлении заговора Катилины), а императоры стремились получить этот титул, чтобы заявить о своих неповторимых заслугах перед отечеством.

В период правления Константина было создано немало надписей, содержащих упоминание республиканских должностей и почетных титулов: в Каннах (EDCS-08500209); Венозе (AE 2003, 00364); Этрурии (EDCS-78200041); Сардинии (EDCS-76600171) – то есть, в основном, в Италии, где были крепки республиканские традиции, однако на монетах упоминание старых титулов найти уже довольно сложно. При наследниках Константина традиционные имена императора встречаются ещё реже и почти исключительно в Риме (CIL VI 00749).

На общем фоне выделяется император Юлиан (361 – 363 гг.), который сохранил новые тенденции в официальном наименовании правителя, однако привнес некоторое новшество. Он продолжил называться dominus noster, использовал распространенные и до него обороты в титулатуре, но при этом вернул в имя императора республиканские должности, титул pater patriae, и в целом обозначал себя «вновь обретшим республику» (HD023480). Показательна попытка Юлиана объединить различные традиции [19; 54].

В период правления Валентиниана и Валента также наблюдается апелляция к республиканскому прошлому: Валентиниан и Валент называют себя принцепсами (EDR015961), а также иногда включают в свое официальное имя титул консул (EDR093177; CIL XIV 05238; EDCS-38600420), но только в регионе Лация. Само государство при этом называется республикой, хотя такие примеры довольно редки: они встречаются в надписях, найденных в Италии, Африке и на Балканах. Доминирующее же положение занимают титулы победителя, триумфатора, вечного августа и господина, то есть государство ещё могло по инерции осознаваться как республика, и консул мог восприниматься верховным должностным лицом, однако император в любом случае позиционировал себя правителем, по характеру власти значительно отличавшимся от своих предшественников периода принципата [33; 34; 40; 48; 27].

При Феодосии I и его наследниках наблюдается та же картина – остаются редкими упоминания титулов, имеющих республиканские коннотации. В надписи из Кампании 408-423 гг. Гонорий и Феодосий II названы принцепсами (CIL XIV 04720), однако подобное наименование императоров не было основным и использовалось только в центральной Италии. В свою очередь титул consul встречается на этих же территориях (ILCV 03028a), но значительно чаще в Далмации (CIL III 14306; EDCS-10101265). Возможно, это объясняется преобладанием здесь сенаторского землевладения [25, p. 276 – 288; 32, p. 552 – 557; 22, p. 789–790; 20, p. 93–100, 115–116]. Именно сенаторы являлись носителями преимущественно республиканских ценностей. Во многом восприятие императора в республиканском ключе связано с устоявшимися традициями, характерными для Рима, и постепенным ростом влияния сената в V в. [52, p. 24; 29; 34, p. 185 – 186; 24, p. 197; 27; 47].

В условиях постоянных войн и мятежей, необходимо было подчеркивать военизированный характер власти. В титулатуре встречается 8 победных титулов: germanicus maximus (германский величайший), sarmaticus maximus (сарматский величайший), persicus maximus (персидский величайший), brittanicus maximus (британский величайший), carpicus maximus (карпский величайший), armenicus maximus (армянский величайший), medicus maximus (мидийский величайший), adiabenicus maximus (адиабенский величайший). После завершения военного похода против какого-либо народа император включал в свою титулатуру его название. Победные титулы отражали причастность императора к достижениям римского оружия, они же подчеркивали причастность правителя к армии. Легионы играли большую роль при продвижении нового правителя и в целом легитимизировали его власть [39; 41; 30; 53]. Кроме того, каждое победное имя, предположительно, должно было свидетельствовать об огромной роли правителя в деле возвышения Рима [44].

Императоры III в. включали победные аккламации в свою титулатуру. Это же делал и Диоклетиан (CIL III 00022; EDCS-58800092; CIL VIII 02717). Однако уже ко времени Константина упоминания победных титулов встречаются достаточно редко. Вероятно, это связано с тем, что с середины IV в. титулы victor и triumfator заменяют их.

Таким образом, ярко прослеживается размеренный характер изменения титулатуры в период с 284 по 455 гг., преемственность которой с эпохой принципата, особенно во времена Диоклетиана, хорошо просматривается. Титул dominus noster постепенно вводился Диоклетианом в титулатуру: сначала помещался рядом с augustus и вставал в один ряд с традиционным оборотом imperator caesar pius felix invictus, а также с победными титулами и республиканскими должностями.

Ко времени правления династии Константина стало значительно меньше упоминаний республиканских должностей, а титул dominus noster начал выходить на первый план, все чаще

появляясь на монетах. При этом исчез оборот imperator caesar отчасти по причине того, что Константин собственную систему легитимизации власти не выстраивал исключительно на военной основе. Традиционные элементы титулатуры стали уступать свои позиции. Некоторые атрибуты императора (например, титул pater patriae) вышли из оборота, но появились новые: эпитеты victor ac triumfator, semper и perpetuus. Таким образом, тенденции, заложенные Константином (а не Диоклетианом), продолжились вплоть до конца правления династии Феодосия.

Возможно, использование оборота victor et triumfator заменяло собой ранние эпитеты pius, felix, invictus и даже титул imperator. Такое подчеркивание важности триумфа императора и его побед тесно перекликается с идеями театрализации власти в Поздней античности: триумф (или ритуал adventus) становился своего рода произведением искусства, перекликающимся с монетами, коллоннами, статуями, рельефами, портретами [42, p. 55], а также с самим именем императора. При этом данные ритуалы демонстрировали не столько отдельного императора, сколько обезличенную, абсолютную власть, обитающую в теле императора [42, p. 55]. Таким образом, происходило смещение акцента с возвеличивания императора при помощи конкретных эпитетов на исполнение ритуала, который отражал наличие у императора власти. В этом же ключе следует рассматривать и остальные закономерности, связанные с титулатурой. В частности, упоминание semper и perpetuus применительно к титулу augustus подчеркивало вневременность императорской власти – она не зависела от властвующего лица, а пребывала всегда. В свою очередь титулы dominus noster и augustus являлись свидетельством наличия у императоров власти, поэтому остальные титулы оказывались избыточны – этим объясняется сужение императорской титулатуры.

Список литературы

1. Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М: Москва, 1995. 656 с.
2. Виллемс П. Римское государственное право. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1890. 434 с.
3. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: В 7 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 2008. 640 с.
4. Егоров А. Б. Проблемы титулатуры римских императоров // Вестник древней истории. 1998. №2. С.161 – 172.
5. Егоров А. Б. Римское государство и право. Эпоха империи: Учебное пособие. СПб.: СПбГУ, 2013. 248 с.
6. Князький И. О. Император Диоклетиан и конец античного мира. СПб.: Алетейя, 2010. 144 с.
7. Коптев А .В. Princeps et dominus: к вопросу об эволюции принципата в начала позднеантичной эпохи // Древнее право. 1996. №1. С.182 – 190.
8. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.-Л.: АН СССР, 1949. 688 с.
9. Миролюбов И. А. Династическая политика императора Константина Великого. СПб.: Алетейя, 2021. 224 с.
10. Моммзен Т. История римских императоров. По конспектам Себастьяна Пауля Хензелей 1882–1886 гг. СПб.: Ювента, 2002. 632 с.
11. Покровский А. А. История римского права. Петроград: издание юридического книжного склада «Право», 1917. 430 с.
12. Покровский И. А. История римского права. СПб: Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1998. 560 с.
13. Федорова Е. В. Латинская эпиграфика. М.: МГУ, 1969. 373 с.
14. Хачатурян Н. А. Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2006. С. 162 – 177.
15. Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. Т.1. / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1985. С.22 – 105.
16. Barnes T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Harvard: Harvard university press, 1982. 328 p.
17. Biletsky N. The Roman Model of Titulature: the process of formation // Ukranian studies. 2017. No. 4. P.94 – 108.
18. Börm H. Born to be Emperor: The Pninciple of Succession and the Roman Monarchy // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. / ed. J. Wienand. New-York: Oxford University Press, 2014. P. 239 – 264.
19. Bowersock G. W. Julian the Apostate. London: Duckworth, 1978. 152 p.
20. Brown P. Through the Eye of a Needle: Wealth, the Fall of Rome and the Making of Christianity in the West 350 – 550 AD. Princeton: Princeton University Press, 2012. 792 p.
21. Cameron Av. The Later Roman Empire, AD 284 – 430. London: Fontana press, 1993. 238 p.
22. Cameron Al. The Last Pagans of Rome. Oxford: Oxford University Press, 2011. 578 p.
23. Cooley A.E. The Cambridge Manual of Latin Epigraphy. Cambridge: Cambridge university press, 2012. 554 p.
24. Corcoran, S. 2006: Galerius, Maximinus and the titulature // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2006. No. 49. P. 231 – 240.
25. Demandt A. Die Spaetantike. Roemische geschichte von Diocletian bis Justinian 284-565 n. Chr. Muenchen: C.H. Beck, 1989. 612 s.
26. Dickey E. Latin forms of address. From Plautus to Apuleius. New-York: Oxford university press, 2002. 428 p.
27. Eich P. The Common Denominator. Late Roman Imperial Bureacracy from a Comparative Perspective // State power in Ancient China and Rome / ed. W. Scheidel. Oxfrod: Oxford University Press, 2015. P. 90 – 149.
28. Heather P. Senatores and Senates // In: Av. Cameron, P. Garnsey (eds.), The Cambridge Ancient History. vol. 13: The Late Empire, AD 337–425 / Eds. Av. Cameron, P. Garnsey. Cambridge: Cambridge University press. P.184 – 210.
29. Heather P. The Fall of the Roman Empire. A New History. London: Pan Books, 2005. 592 p.
30. Hebblewhite M. The Emperor and the Army in the Later Roman Empire, AD 235–395. London: Routledge, 2017. 256 p.
31. Humphries M. From Usurper to Emperor: The Politics of Legitimation in the Age of Constantine // Journal of Late Antiquity. 2008. No. 1. P. 82 – 100.

32. Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. London: Basil Blackwell, 1964. 1515 p.
33. Kelly C. M. Ruling the Later Roman Empire. Cambridge: Belknap Press, 2004. 352 p.
34. Kelly C.M. Bureaucracy and Government // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / ed. Lenski N. Cambridge: Cambridge University press, 2006. P. 183 – 204.
35. Kelly C.M. Pliny and Pacatus: Past and Present in Imperial Panegyric. // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. / Ed. J. Wienand. New-York: Oxford University Press, 2014. P. 215 – 239.
36. Kienast, D., Eck, W., Matthaeus, H. Roemische Kaisertabelle. Grundzuege einer roemichen Kaiserchronologie. 6., ueberarb. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2017. 428 s.
37. Kneissl P. Die Siegestitulatur der romischen Kaiser: Untersuchungen zu den Siegerbeinamen des ersten und zweiten Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 253 s.
38. Kolb F. Diocletian und die erste Tetrarchie: Improvisation oder Experiment in der Organisation monarchischer Herrschaft. Berlin: De Gruyter, 1987. 213 s.
39. Lee A.D. War in Late Antiquity. A Social History. Oxford: Wiley-Blackwell, 2007. 308 p.
40. Lendon J.E. Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World. Oxford: Clarendon Press, 1997. 336 p.
41. Liebeschuetz J. H. W. East and West in Late Antiquity: Invasion, Settlement, Ethnogenesis and Conflicts of Religion. Leiden: Brill, 2015. 477 p.
42. MacCormack S. Art and ceremony in late antiquity. Berkeley: University of California Press, 1981. 417 p.
43. Manders E. Coining Images of Power. Patterns in the Representation of Roman Emperors on Imperial Coinage, a.a. 193–284. Leiden: Brill, 2012. 363 p.
44. McCormick M. Eternal Victory: Triumphal rulership in late Antiquity. Cambridge: Cambridge University press, 1987. 472 p.
45. Millar F. The Emperor in the Roman World (31 BC – AD 337). London: NCROL, 1977. 657 p.
46. Mitchell S. A History of the Later Roman Empire, AD. 284 – 641. Oxford: Wiley-Blackwell, 2007. 568 p.
47. Moser M. Emperor and Senators in the Reign of Constantius II. Maintaining Imperial Rule Between Rome and Constantinople in the Fourth Century AD. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 434 p.
48. Omissi A. Emperors and Usurpers in the Later Roman Empire. Civil war, Panegyric, and the Construction of Legitimacy. Oxford: Oxford University Press, 2018. 368 p.
49. Peachin M. Roman imperial titulature and chronology, a.d. 235 – 284. Amsterdam: Brill, 1990. 515 p.
50. Potter D.S. The Roman Empire at Bay AD 180 – 395. New-York: Routledge, 2004. 792 p.
51. Rees R. Diocletian and the Tetrarchy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. 220 p.
52. Weisweiler J. Domescticating the Senatorial Elite: Universal Monarchy and Transregional Ariscocracy in the Fourth Centure AD. // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. / ed. J. Wienand. New-York: Oxford University Press, 2014. P. 17 – 42.
53. Whitby M. Emperors and Armies, AD 235–395 // Approaching late Antiquity: The Transformation from Early to Late empire / eds. Swain S., Edwards M. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 156 – 186.
54. Wiemer H.U., Rebenich S. A Companion to Julian the Apostate. Leiden: Brill, 2020. 481 p.

References

1. Abramzon M.G. Monety kak sredstvo propagandy ofitsial'noi politiki Rimskoi imperii (Coins as a means of propaganda of the official policy of the Roman Empire). Moscow: Moskva, 1995. 656 p. (In Russian).
2. Villems P. Rimskoe gosudarstvennoe parvo (Roman law). Kiev: Printing House of University named after St. Vladimir, 1890. 434 p. (In Russian).
3. Gibbon E. Istoriya upadka i razrusheniya Rimskoi imperii: V 7 t. T. 1 (The History of the Decline and Fall of the Roman Empire). Moscow: TERRA, 2008. 640 p. (In Russian).
4. Egorov A.B. Problemy titulatury rimskikh imperatorov (Issues of Titles of Roman Emperors) // Vestnik drevnej istorii. 1998. No. 2. P.161 – 172. (In Russian).
5. Egorov A.B. Rimskoe gosudarstvo i pravo. Epokha imperii: Uchebnoe posobie (The Roman State and Law: The Age of Empire). St.Petesburg: SpbSU publ., 2013. 248 p. (In Russian).
6. Knyaz'kii I.O. Imperator Diokletian i konets antichnogo mira (Emperor Diocletian and the end of the antiquity). St.Petesburg: Aleteiya, 2010. 144 p. (In Russian).
7. Koptev A.V. Princeps et dominus: k voprosu ob evolyutsii printsipata v nachala pozdneantichnoi epokhi (Princeps et dominus: on the Evolution of the Principate to the Beginning of the Late Antiquity) // Drevnee pravo. 1996. No. 1. P.182–190. (In Russian).
8. Mashkin N. A. Printsipat Avgusta. Proiskhozhdenie i sotsial'naya sushchnost' (August Principate. Origins and Social Essence). Moscow-Lenigrad: SA of USSR publ., 1949. 688 p. (In Russian).
9. Mirolyubov I.A. Dinasticheskaya politika imperatora Konstantina Velikogo (The Dynastic Policy of Emperor Constantine the Great). St.Petesburg: Aleteiya, 2021. 224 p. (In Russian).
10. Mommzen T. Istoriya rimskikh imperatorov. Po konspektam Sebast'yana i Paulya Khenzelei 1882–1886 gg. (History of the Roman Emperors. According to Sebastian and Paul Hensel's outline, 1882-1886). St.Petesburg: Yuventa, 2002. 632 p. (In Russian).
11. Pokrovskii A.A. Istoriya rimskogo prava (History of the roman law). Petrograd: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», 1917. 430 p. (In Russian).
12. Pokrovskii, I.A. Istoriya rimskogo prava (History of the roman law). St.Petesburg: Izdatel'sko-torgovyi dom «Letnii Sad», 1998. 560 p. (In Russian).
13. Fedorova E.V. Latinskaya epigrafika (Latin Epigraphy). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1969. 373 p. (In Russian).

14. Khachaturyan N.A. Sakral'noe v chelovecheskom soznanii. Zagadki i poiski real'nosti (The sacred in human consciousness. Riddles and the search for reality) // Svyashchennoe telo korolya: ritualy i mifologiya vlasti / ed by N.A. Khachaturyan. Moscow: Nauka, 2006. P. 162 – 177. (In Russian).
15. Shtaerman E. M. Ot grazhdanina k poddannomu (From citizen to subject) // Kul'tura Drevnego Rima. Vol.1. / ed by E. S. Golubtsov. Moscow: Nauka, 1985. P.22 – 105. (In Russian).
16. Barnes T.D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Harvard: Harvard university press, 1982. 328 p.
17. Biletsky N. The Roman Model of Titulature: the process of formation // Ukranian studies. 2017. No. 4. P. 94–108.
18. Börm H. Born to be Emperor: The Pninciple of Succession and the Roman Monarchy // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. / Ed. J. Wienand. New-York: Oxford University Press, 2014. P. 239–264.
19. Bowersock G.W. Julian the Apostate. London: Duckworth, 1978. 152 p.
20. Brown P. Through the Eye of a Needle: Wealth, the Fall of Rome and the Making of Christianity in the West 350–550 AD. Princeton: Princeton University Press, 2012. 792 p.
21. Cameron Av. The Later Roman Empire, AD 284 – 430. London: Fontana press, 1993. 238 p.
22. Cameron Al. The Last Pagans of Rome. Oxford: Oxford University Press, 2011. 578 p.
23. Cooley A.E. The Cambridge Manual of Latin Epigraphy. Cambridge: Cambridge university press, 2012. 554 p.
24. Corcoran, S. 2006: Galerius, Maximinus and the titulature // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2006. № 49. P. 231–240.
25. Demandt A. Die Spaetantike. Roemische geschichte von Diocletian bis Justinian 284-565 n. Chr. Muenchen: C.H. Beck, 1989. 612 s.
26. Dickey E. Latin forms of address. From Plautus to Apuleius. New-York: Oxford university press, 2002. 428 p.
27. Eich P. The Common Denominator. Late Roman Imperial Bureacracy from a Comparative Perspective // State power in Ancient China and Rome / Ed. W. Scheidel. Oxfrod: Oxford University Press, 2015. P. 90 – 149.
28. Heather P. Senatores and Senates // In: Av. Cameron, P. Garnsey (eds.), The Cambridge Ancient History. vol. 13: The Late Empire, AD 337 – 425 / Eds. Av. Cameron, P. Garnsey. Cambridge: Cambridge University press. P.184 – 210.
29. Heather P. The Fall of the Roman Empire. A New History. London: Pan Books, 2005. 592 p.
30. Hebblewhite M. The Emperor and the Army in the Later Roman Empire, AD 235–395. London: Routledge, 2017. 256 p.
31. Humphries M. From Usurper to Emperor: The Politics of Legitimation in the Age of Constantine // Journal of Late Antiquity. 2008. №1. P. 82–100.
32. Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284 – 602. A Social, Economic and Administrative Survey. London: Basil Blackwell, 1964. 1515 p.
33. Kelly C. M. Ruling the Later Roman Empire. Cambridge: Belknap Press, 2004. 352 p.
34. Kelly, C.M. Bureaucracy and Government // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. Lenski N. Cambridge: Cambridge University press, 2006. P. 183–204.
35. Kelly, C.M. Pliny and Pacatus: Past and Present in Imperial Panegyric. // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. / Ed. J. Wienand. New-York: Oxford University Press, 2014. P. 215 – 239.
36. Kienast, D., Eck, W., Matthaeus, H. Roemische Kaisertabelle. Grundzuege einer roemichen Kaiserchronologie. 6., ueberarb. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2017. 428 s.
37. Kneissl P. Die Siegestitulatur der romischen Kaiser: Untersuchungen zu den Siegerbeinamen des ersten und zweiten Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 253 s.
38. Kolb F. Diocletian und die erste Tetrarchie: Improvisation oder Experiment in der Organisation monarchischer Herrschaft. Berlin: De Gruyter, 1987. 213 s.
39. Lee A.D. War in Late Antiquity. A Social History. Oxford: Wiley-Blackwell, 2007. 308 p.
40. Lendon J.E. Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World. Oxford: Clarendon Press, 1997. 336 p.
41. Liebeschuetz J. H. W. East and West in Late Antiquity: Invasion, Settlement, Ethnogenesis and Conflicts of Religion. Leiden: Brill, 2015. 477 p.
42. MacCormack S. Art and ceremony in late antiquity. Berkeley: University of California Press, 1981. 417 p.
43. Manders E. Coining Images of Power. Patterns in the Representation of Roman Emperors on Imperial Coinage, a.a. 193–284. Leiden: Brill, 2012. 363 p.
44. McCormick M. Eternal Victory: Triumphal rulership in late Antiquity. Cambridge: Cambridge University press, 1987. 472 p.
45. Millar F. The Emperor in the Roman World (31 BC–AD 337). London: NCROL, 1977. 657 p.
46. Mitchell S. A History of the Later Roman Empire, AD. 284 – 641. Oxford: Wiley-Blackwell, 2007. 568 p.
47. Moser M. Emperor and Senators in the Reign of Constantius II. Maintaining Imperial Rule Between Rome and Constantinople in the Fourth Century AD. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 434 p.
48. Omissi A. Emperors and Usurpers in the Later Roman Empire. Civil war, Panegyric, and the Construction of Legitimacy. Oxford: Oxford University Press, 2018. 368 p.
49. Peachin M. Roman imperial titulature and chronology, a.d. 235 – 284. Amsterdam: Brill, 1990. 515 p.
50. Potter D.S. The Roman Empire at Bay AD 180 – 395. New-York: Routledge, 2004. 792 p.
51. Rees R. Diocletian and the Tetrarchy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. 220 p.
52. Weisweiler J. Domescticating the Senatorial Elite: Universal Monarchy and Transregional Ariscocracy in the Fourth Centure AD. // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. / Ed. J. Wienand. New-York: Oxford University Press, 2014. P. 17 – 42.
53. Whitby M. Emperors and Armies, AD 235 – 395 // Approaching late Antiquity: The Transformation from Early to Late empire / Eds. Swain S., Edwards M. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 156 – 186.
54. Wiemer H.U., Rebenich S. A Companion to Julian the Apostate. Leiden: Brill, 2020. 481 p.

Сведения об авторах

Конопаткин Владислав Алексеевич – магистрант кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета / vladgimn93@gmail.com

Адрес: д. 129, ул. Бр. Кашириных, 454001, Челябинск, Российская Федерация.

Скворцов Артём Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора социальных и когнитивных проблем науки Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук / artyom-skvorcov@yandex.ru

Адрес: д. 2, ул. Университетская наб., 199034, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Information about the authors

Konopatkin Vladislav A. – Master student of the Department of History of Russia and Foreign Countries, Chelyabinsk State University / vladgimn93@gmail.com

The address: 129, Kashirin Br. str., 454001, Chelyabinsk, Russian Federation.

Skvortsov Artem M. – PhD in Historical Sciences, Researcher in the Sector of Social and Cognitive Problems of Science of St. Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute of History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences / artyom-skvorcov@yandex.ru

The address: 2, Universitetskaya Nab. str., 199034, Saint Petersburg, Russian Federation.

CC BY

УДК 94 (470+571) “18”

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.7

Е. В. Кузнецова

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ УЖЕСТОЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Автор статьи исследует как российская политика на Северном Кавказе в первые десятилетия XIX в. постепенно ужесточалась, и силовые акции становились главным аргументом во взаимоотношениях с местными народами. Объяснялось это разочарованием в способности горцев соблюсти достигнутые мирные договорённости и отказаться от набегов, направленных против российских подданных. Автор полагает, что изменение геополитической ситуации после присоединения Грузии к России заставляло ускорить процесс распространения на горские сообщества правовой системы империи, что вызвало ожесточённое сопротивление не желавших отречься от своих традиций туземцев. В свою очередь царская администрация была не склонна дальше затягивать неопределённый статус новых подданных, формально считавшихся такими же подвластными государю людьми, как и остальные жители России. Ситуация обострялась конфессиональной конфронтацией, которая позволяла идеологически обосновать враждебность противостоящей стороны её иными религиозными предпочтениями. Предполагалось с помощью армии разгромить силы сопротивления и, установив блокаду, вынудить горцев прекратить вооружённую борьбу. Сторонниками таких методов были весьма яркие и талантливые генералы П.Д. Цицианов, А.П. Ермолов. Они осуществляли вторжения вглубь горских территорий, строили линию крепостей, с помощью которых пытались пресечь нападения отрядов противника на российские поселения. Но, как показал опыт, ожидаемого результата достичь не удалось. Горские общества всё больше консолидировались и совместно пытались противодействовать имперским властям как угрозе своему образу жизни. Имеющиеся силы и средства оказались явно недостаточными, чтобы подчинить себе общества, привычные к военным тяготам и умевшие стойко обходиться минимумом материальных благ.

Ключевые слова: Империя, горцы, набеги, политика, традиции, присяги, дипломатия.

Для цитирования: Кузнецова Е. В. К вопросу о причинах ужесточения политики российской империи на Северном Кавказе в первой трети XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 224–229. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.7

Ekaterina V. Kuznetsova

ON THE REASONS OF TIGHTENING THE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NORTH CAUCASUS IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY

The author researches Russian policy in the North Caucasus in the first decades of the 19th century, and how it gradually became tougher, and violent actions became the main argument in relations with local peoples. It was explained by disappointment in the ability of the highlanders to comply with the peace agreements reached and to abandon raids directed against Russian subjects. The author supposes the change in the geopolitical situation after the annexation of Georgia to Russia forced to accelerate the process of spreading the legal system of the empire to the mountain communities, which caused fierce resistance from the natives who did not want to renounce their traditions. In turn, the tsarist administration was not inclined to further delay the indefinite status of new subjects, who were formally considered the same people subject to the sovereign, like the rest of the inhabitants of Russia. The situation was aggravated by confessional confrontation, which made it possible to ideologically substantiate the hostility of the opposing side by its other religious preferences. It was supposed to crush the resistance forces with the help of the army and, by establishing a blockade, force the highlanders to stop the armed struggle. The supporters of such methods were very bright and talented generals P.D. Tsitsianov, A.P. Ermolov. They carried out incursions deep into mountain territories, built a line of fortresses, with the help of which they tried to stop the attacks of enemy units on Russian settlements. But, as experience has shown, it was not possible to achieve the expected result. Mountain societies increasingly consolidated and jointly tried to oppose the imperial authorities as a threat to their way of life. The available forces and means were clearly insufficient to subjugate societies that were accustomed to military hardships and knew how to steadfastly manage with a minimum of material wealth.

Key words: Empire, highlanders, raids, politics, traditions, oaths, diplomacy.

For citation: Kuznetsova E.V. On the reasons of tightening the policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the first third of the XIX century // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 224–229. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.7

Политика России на Северном Кавказе, особенность выстраиваемого диалога между центром и периферией не может рассматриваться как нечто неизменное и не подверженное трансформациям. По мере освоения региона, имперские власти не раз вынуждены были корректи-

ровать свои шаги по отношению к народам здесь проживающим. В этой связи вызывает интерес первая треть XIX в., когда наметились явные тенденции на ужесточение используемых способов воздействия на противоположную сторону. Представляется уместным в качестве научной гипотезы выделить этот этап, как имеющий особую логику развития, делающим его важным переходным периодом, обусловившим серьёзный кризис в русско-горских отношениях.

По мере тесного соприкосновения с горскими обществами российские власти убеждаются, что их призывы к мирному сосуществованию в том виде, как на это привыкли смотреть в империи, не дают ожидаемого результата. Новые подданные оказались невосприимчивы к попыткам повлиять на их сложившийся уклад и мировоззренческие стереотипы, присущие традиционному миропорядку. Даже сведя в первое время воздействие на горцев к минимуму, Россия не добилась от них ожидаемых уступок. Камнем преткновения стали горские набеги, игравшие заметную роль в социально-экономических и культурных традициях местных народов [12, с. 86 – 93]. Именно этот раздражитель, как представляется, стал одним из основных побудительных мотивов, которые вынуждали власти прибегать к самым разным инструментам воздействия на горскую среду.

Учитывая, что в первой половине XIX в. Петербургу пришлось доказывать своё право на владение Кавказом в противоборстве с сопредельными государствами и выдерживать натиск «горского мира», весьма болезненно отреагировавшего на попытки помешать им заниматься привычным набеговым промыслом, применяемые методы были в значительной степени брутальными, основанными на вооружённом подавлении оппонента. Это, впрочем, не исключало и других способов диалога с местными народами, которые применялись имперской администрацией, как только представлялась такая возможность. Для того чтобы преодолеть горскую локальную обособленность с присущей ей иммунностью к новациям, следовало гибко воздействовать на неё всеми доступными методами, что и пыталась воплотить в жизнь российская сторона.

Далеко не сразу власти осознали всю сложность решения вопроса по умиротворению народов, живущих на северном склоне горного хребта. Первое время основной интерес вызывало Закавказье, с которым связывали получение политических и экономических дивидендов [1, с. 145–149]. Примечательно в этом отношении мнение В.А. Зубова, совершившего свой знаменитый Персидский поход в самом конце царствования Екатерины II. Он считался человеком, разбиравшимся в местных реалиях, и консультировал императора Александра I о целях и задачах России в её новых владениях: «всё внимание… главнейшее должно быть обращено на устроение Грузии и на распространение полно возможно её пределов» [7, с. 30].

Между тем к началу XIX в. империя достаточно прочно закрепилась в Предкавказье и получила опыт взаимодействия преимущественно с равнинными народами, более открытыми для диалога по сравнению с их горскими соседями. Но и в этом случае становилось понятным, что найти в их разрозненной и политически аморфной среде партнёра для переговоров крайне трудно. Местные владельцы весьма ревниво следили за успехами друг друга и не могли гарантировать лояльность даже тех обществ, которые они представляли. Присяги на верность то и дело нарушались, а призвать к ответу виновного было крайне затруднительно. Горцы видели в набеге не преступление, а проявление доблести и не собирались выдавать российским властям участников «хищничеств». Именно таким термином чаще всего обозначали в официальных документах случаи нападений и грабежей, совершаемых на Кавказской линии.

Благодаря устойчивому спросу на «живой товар», т.е. рабов, которые отправлялись на турецкие рынки, захват пленников оставался одним из наиболее выгодных промыслов, позволявшим местным удальцам не только заслужит авторитет в глазах соплеменников, но и поправить своё материальное положение. Мириться с подобным явлением российская администрация не могла и пыталась бороться с ним как увещеваниями, так и с помощью насилия. Анализ выдвигаемых горским обществам требований говорит о том, что со стороны империи долгое время выдвигались одни и те же пункты, связанные с запретом на захват людей и выдачу уже содержащихся в неволе подданных России. Порой они были сформулированы в весьма резких выражениях, чем отличались, к примеру, прокламации «проконсула Кавказа» генерала А.П. Ермолова.

Так, в обращении к чеченцам он угрожал тем обществам, через земли которых «будут проведены пленные или прогнаны лошади и скот, селения обязаны доставлять оных и представлять начальству без всяких отговорок. За учинённое убийство в границах российских обязаны селения тотчас изгонять убийц и товарищей их в злодеянии с их семействами. В случае упорства, аманаты содержаны будут под строгим арестом, а если и затем не оказано будет послушания, аманаты отправлены будут в Россию, и селение будет виновным» [4, с. 283].

Мы видим, что главнокомандующий первоначально пытался с помощью ультимативной дипломатии решить возникшую проблему, но, как показывает его опыт пребывания на Кавказе, в большинстве случаев такие меры не приносили ожидаемого результата. А потому на смену

словам приходили военные способы давления на местные народы, что неминуемо заканчивалось очередным обострением в русско-северокавказских отношениях. Более того, часть горцев переставала восприниматься как подданные государя и их начинали преследовать как исключительно враждебную силу, поставленную вне закона. Так, генерал-лейтенант А.А. Вельяминов разрешил «ингушам делать нападения на деревни непокорных чеченцев и карабулак», что царским командованием признавалось мерой «весьма полезною, ибо подобные хищничества поддерживают взаимные раздоры между горцами и препятствуют им соединено действовать против нас» [13, л. 119 – 119 об.]. Таким образом, дипломатия и военное давление прочно вошли в арсенал кавказской администрации и использовались для оказания давления на горские общества.

Уже император Павел I, который принял решение о присоединении Грузии к России, констатировал, что степень лояльности северокавказских племён весьма условна. Считать их подданными империями было слишком оптимистично, и речь шла скорее о вассалитете, причём весьма своеобразно трактуемом [2, с. 581]. Отсюда и желание минимизировать своё вмешательство в жизнь автохтонных народов, требуя от них лишь отсутствия враждебных замыслов и действий по отношению к подданным государя.

Аналогичного понимания придерживался и его наследник, подтвердивший решение убитого отца о вхождении Картли-Кахетии в состав своей державы. Именно ему пришлось в полной мере столкнуться с тем сопротивлением, какое оказали горские народы попыткам навязать им новый образ жизни, не соответствующий привычному для них мироустройству. Александр I первоначально предпочёл договариваться с местными лидерами, рассчитывая, что они сумеют обеспечить лояльность в своих владениях по отношению к имперскому центру.

Но оказалось, что влияние северокавказских владельцев зиждется на весьма сложных и запутанных традициях. Они не только не являются полноправными владыками, но ещё и яростно конкурируют друг с другом и не считают прегрешением устраивать нападения на таких же подданных русского императора, как и они сами. Наиболее ярко эта проблема была обозначена на переговорах в Георгиевске в декабре 1802 г., где были собраны авторитетные, по мнению имперской администрации, феодальные владельцы, которых предполагалось объединить в конфедерацию под покровительством Петербурга. Власти рассчитывали, что на фоне внешнеполитической угрозы (агрессия Ирана) удастся убедить их забыть о старых обидах и взаимных претензиях. Эта инициатива закончилась крахом, в очередной раз продемонстрировав плохую договороспособность кавказских горцев [8, с. 102].

Ещё сложнее было найти точки соприкосновения с т.н. «вольными» обществами, где уровень феодализации ещё не достиг зрелого состояния и не сформировалась верхушка, готовая взять на себя ответственность за проступки своих соплеменников. Отсюда и весьма ограниченные результаты переговоров, инициируемых имперской администрацией, убеждавшейся в необходимости расширения силовых способов давления на невосприимчивых к убеждению горцев.

Почти сразу на Линии развернулись стычки с отрядами горских удальцов, увидевших в русских поселениях возможность захватить добычу и показать своё молодечество. Если раньше вектор горской экспансии был ориентирован на юг, то теперь у него появилось и северное направление. Эта была привычная практика, которая издавна применялась как элемент социализации юношества, но теперь реакция империи была далеко не той, к какой привыкли местные народы. Последовала череда «репрессалий», как назывались карательные экспедиции, предназначенные для наказания обществ, откуда приходили такие группы набежчиков. Они отличались большим уроном, который приходилось теперь нести за приобретённые трофеи.

Учитывая архаичный характер горских социумов, власти применяли против них принцип коллективной ответственности – за поступки отдельных «хищников» расплачивались зачастую неповинные в конкретном происшествии люди. Это приводило к озлоблению и усилению враждебности между местными племенами и российской властью, которая также в глазах горцев выглядела неким коллективным неприятелем. По мере усиления исламской идеологии, мобилизованной для нужд войны, мир для них превращался в двуполярную конструкцию, когда с одной стороны были свои – правоверные, а с другой враги – гяуры.

Военно-политические акции российского командования подробно описывались в кавказоведении уже до революции. И в дальнейшем эта тематика была популярной среди исследователей. Нет нужды повторять широко известные факты. Представляется перспективным сделать обобщение, которое позволяет наглядно выявить те способы воздействия на горский мир, которые практиковали те или иные представители российского командования. Выбор инструментария определялся совокупностью внутренних и внешних факторов, с которым приходилось считаться кавказской администрации. Как правило, если угроза внешней войны ослабевала, этим старались воспользоваться для скорейшего «умиротворения» беспокойных племён, и следовала череда наступательных операций, заканчивавшихся разорением и бегством горцев с обжитых мест.

В первой трети XIX столетия такие способы предпочитали П. Д. Цицианов и А. П. Ермолов. Первый оказался в тени второго, но в немалой

степени использовал опыт своего предшественника [11, с. 338]. Они выбрали подчёркнуто брутальный способ общения с горцами и даже, как представляется, бравировали этим. Делалось это для того, чтобы в условиях серьёзной нехватки реальных воинских сил не доводить ситуацию до их применения. Пожалуй, лучше всего это замысел выразил А. П. Ермолов, который заявлял, что его имя будет стеречь границы, но для этого «в здешнем краю и добро делать надобно с насилием» [5, с. 56].

Он считал, что любые уступки будут только провоцировать горцев на новые нападения, о чём поведал своему товарищу М.С. Воронцову, будущему наместнику этого края: «Упрекал ему великодушием и доверчивостью к горским народам, которые понятия не имеют о добродетели и всегда во зло употребляли кротость его, толкуя, что оная происходит от слабости и недостатка средств наших» [5, с. 59]. В данном случае речь шла о генерале И.П. Дельпоццо, который в результате был «принуждён поступать решительнее», что соответствовало избранной самим А. П. Ермоловым тактике.

При этом эти российские военачальники не делали насилие самоцелью. Они пытались разобраться в сути конфликта и разрешали его теми методами, которые считали наиболее эффективными в конкретной ситуации. Исследователи отмечают эту черту у П. Д. Цицианова, который не спешил обрушиться с карами на заподозренных в грабежах горцах только на основании того факта, что пострадавшими выступали конфессионально близкие ему люди [11, с. 330 – 331].

Надо отметить, что и сами горцы нередко демонстрировали готовность искать компромисс лишь после того, как в отношении них было проявлено насилие. Они научились мастерски вести переговоры в той ситуации, когда считали для себя это выгодным. При этом, если одни общества и их предводители завлекали русских пустыми обещаниями, другие в это время активизировали свои набеги, пользуясь тем, что внимание командования отвлечено на дипломатию. Это подрывало веру в эффективность мирных вариантов взаимодействия с горцами, давало дополнительные аргументы сторонникам силовых способов решения проблемы [3, с. 1018].

После того как Россия выиграла нелёгкую войну против Наполеона, она стала сильнейшей державой, определявшей ситуацию в Европе. Фактически были развязаны руки для активизации южного направления во внешней политике. И здесь первоочередной задачей становилось быстрое умиротворение Кавказа, что заставляло Петербург делать ставку на обещавшие скорого результата методы. Неслучайно сюда был отправлен А. П. Ермолов, считавшийся человеком решительным и способным добиваться поставленной цели в кратчайшие сроки.

План генерала сводился к активизации наступления российской армии на горские селения, расположенные в плоскостной части региона. Здесь производилась большая часть продовольствия, которое шло на удовлетворение нужд не только равнинного населения, но и их горских соседей. Данный замысел был опробован в Чечне и выразился в переносе линии укреплений с реки Терек на Сунжу. Краеугольным камнем новой границы была крепость Грозная, ставшая сильнейшим форпостом российского присутствия в этих местах [9, с. 23]. Благодаря изменившемуся очертанию цепи фортификаций, набеги отрядов горских удальцов сделались затруднительными и их эффективность снизилась. Кроме того, командование активно прибегало к репрессалиям, стремясь не допускать безнаказанных грабежей в своих пределах. Потери, понесённые в результате таких акций, превосходили стоимость добычи, что делало «хищнический» промысел нерентабельным, а то и вовсе разорительным.

Доходило до откровенно кровавых эксцессов, как, например, разорение селение Дада-юрт, в котором погибло множество некомбатантов. Его жители отказались покинуть свои дома и попытались отбиться от русского отряда. Чтобы создать устрашающий прецедент, командование решило действовать крайне жёстко и уничтожить тех, кто не сложил оружие.

В мемуарах самого А. П. Ермолова об этом говорилось следующее: «Чеченцы не послушали предложения, защищались с ожесточением. Двор каждый почти окружён был высоким забором, и надлежало каждый штурмовать. Многие из жителей, когда врывались солдаты в дома, умерщвляли жён своих в глазах их, дабы во власть их не доставались. Многие из женщин бросались на солдат с кинжалами» [6, с. 338]. В дальнейшем горцы старались больше не рисковать своими семьями и имуществом, предпочитали покинуть селение заранее и скрыться в недоступных местах. Кровавый урок продемонстрировал всю иллюзорность надежд уйти от неприятеля даже в горно-лесистой местности, разрушал привычный изолированный мир, насильственно взламываемый волей имперской власти.

Оборотной стороной такого метода воздействия стала эскалация насилия, захлестнувшая Кавказ. Став катализатором социокультурных трансформаций в местных обществах, империя неминуемо должна была испытать на себе тот колоссальный военный потенциал, который обрушили на неё народы, не желавшие менять привычный и казавшийся наиболее соответствующим их ценностным ориентирам мир. Неслучайно, что уже при А.П. Ермолове Россия сталкивается с разрастанием протестного движения,

в котором с помощью религиозных лозунгов происходит консолидация разрозненных племён, у которых начинает формироваться эффективный механизм по борьбе с общим неприятелем. Выделяются лидеры, за которыми готовы идти не только их сородичи, но даже представители от других северокавказских этносов [10, с. 86–93].

Смена одного командующего другим уже не может остановить этот процесс. На фоне успешных внешних войн, когда давние соперники России один за другим вынуждены отказываться от своих притязаний на Кавказ, противостояние с горцами не только не затухает, но даже набирает обороты. Громивший персов И.И. Паскевич оказался совершенно неспособным справиться с «неприязненными народами», а его предложение перейти к глухой обороне и не провоцировать их набеги только усложняет ситуацию.

В дальнейшем российское командование балансировало между «мирными» и «военными» способами повлиять на непонятное ему сообщество народов, которые были невосприимчивы как к угрозам и наказаниям, так и к ненасильственным аргументам имперской стороны. Первые они стойко переносили и старались на удар ответить ударом, вторые вообще воспринимали как слабость и лишь усиливали свой набеговый натиск. С каждым годом эффективность вооружённого сопротивления только возрастала, заставляя не только увеличивать численность армии в регионе, но и расширять полномочия местного начальства.

Представляется, что в рассматриваемый период российская администрация окончательно избавляется от иллюзии относительно минимизации своего воздействия на горские народы Кавказа. Обращают на себя внимания те обязательства, которые давали империи в своих присягах местные общества [4, с. 255, 258 – 262 и др.]. Всё обычно сводилось к заверениям не участвовать в нападениях на российское пограничье и обещаниям сохранить верность престолу в случае внешней угрозы. За это горцам гарантировалось невмешательство в их жизненный уклад и всевозможные хозяйственные преференции. Но убедившись в слабой договороспособности местных племён, царская администрация начинает действовать с позиции силы, постепенно переходя от ситуативных репрессалий (П.Д. Цицианов), к системному вторжению вглубь горских территорий. Наиболее ярко это проявилось в замыслах и действиях А.П. Ермолова, который приступил к планомерной блокаде «немирных» оппонентов. Окончательно был взят курс на превалирование военно-политических методов «усмирения непокорных», которые, в свою очередь, не собирались поступаться привычным мироустройством. Пространство для дипломатического компромисса в такой ситуации неминуемо сократилось, тем более, что Петербург разочаровался в дееспособности подобных методов. Всё это и обусловило ужесточение российской политике в регионе в первые десятилетия XIX в., которые стали переломными в российско-северокавказских отношениях.

Список литературы

1. Авалов З. Д. Присоединение Грузии к России. Комментарии Г. А. Анакидзе и Б. П. Миловидова. СПб.: ЗАО «Журнал “Звезда”», 2009. 264 с.
2. Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею /под ред. А. П. Берже. Т. I. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. 816 с.
3. Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею / под ред. А. П. Берже. Т.II. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.
4. Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках / под общей ред. доктора юридических наук Г.Л. Бондаревского и кандидата юридических наук Г.Н. Колбая. М.: Издательство «НОРМА», 1998. 672 с.
5. Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816 – 1860. СПб.: ООО «Журнал «Звезда», 2014. 832 с.
6. Записки А. П. Ермолова. 1798–1826 гг. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Федорова. М.: Высш. шк., 1991. 463 с.
7. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. 720 с.
8. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 328 с.
9. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816 – 1827) / под редакцией и с послесловием В. Б. Виноградова. Ессентуки, 1999. 135 с.
10. Колосов Л.Н. Славный Бейбулат. Историко-биографический очерк. Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1991. 177 с.
11. Лапин В. В. Цицианов. М.: Молодая гвардия, 2011. 542 с.
12. Покорённый Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. Издание А. А. Каспари. СПб., 1904. Москва: Изд. Надыршин, 2010. 544 с.
13. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.846. Оп.16. Д.6261.

References

1. Avalov Z. D. Prisoedinenie Gruzii k Rossii (Accession of Georgia to Russia) / comments by G. A. Anakidze and B. P. Milovidova. St.Petersburg: ZAO «ZHurnal “Zvezda”», 2009. 264 p. (In Russian).
2. Akty sobrannye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissieyu (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission) / ed by A. P. Berzhe. Vol. I. Tiflis, 1866. 816 p. (In Russian).

3. Akty sobrannye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissieyu (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission) / ed by A. P. Berzhe. Vol. II. Tiflis, 1868. 1238 p. (In Russian).
4. Dokumental'naya istoriya obrazovaniya mnogonacional'nogo gosudarstva Rossijskogo. V chetyryoh knigah. Kniga pervaya. Rossiya i Severnyj Kavkaz v XVI-XIX vekah (Documentary history of the formation of the multinational Russian state. In four books. Book one. Russia and the North Caucasus in the 16th-19th centuries). Moscow: NORMA, 1998. 672 p. (In Russian).
5. Ermolov A. P. Kavkazskie pis'ma. 1816–1860 (Caucasian letters. 1816–1860). St.Petersburg: ZHurnal «Zvezda», 2014. 832 p. (In Russian).
6. Zapiski A. P. Ermolova. 1798-1826 gg. (Notes of A. P. Ermolov. 1798-1826) / compilier V. A. Fedorov. Moscow: Vysshaya shkola, 1991. 463 p. (In Russian).
7. Kavkaz i Rossijskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vv. (Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusions and reality. Early 19th – early 20th centuries). St.Petersburg: Zhurnal «Zvezda», 2005. 720 p. (In Russian).
8. Kinyapina N. S., Bliev M. M., Degoev V. V. Kavkaz i Srednyaya Aziya vo vneshnej politike Rossii (vtoraya polovina XVIII – 80-e gody XIX v.) (Caucasus and Central Asia in Russia's foreign policy (second half of the 18th – 80s of the 19th century). Moscow: MSU publ., 1984. 328 p. (In Russian).
9. Klychnikov Yu. Yu. Deyatel'nost' A.P. Ermolova na Severnom Kavkaze (1816-1827) (Activity of A.P. Ermolov in the North Caucasus (1816–1827) / ed by V.B. Vinogradov. Essentuki, 1999. 135 p. (In Russian).
10. Kolosov L. N. Slavnyj Bejbulat. Istoriko-biograficheskij ocherk (Glorious Beibulat. Historical and biographical sketch). Groznyj: Kniga, 1991. 177 p. (In Russian).
11. Lapin V. V. Cicianov (Tsitsianov). Moscow: Molodaya gvardiya, 2011. 542 p. (In Russian).
12. Pokoryonnyj Kavkaz. Ocherki istoricheskogo proshlogo i sovremennogo polozheniya Kavkaza (The conquered Caucasus. Essays on the historical past and the current situation in the Caucasus). Moscow: Nadyrshin's publishing house, 2010. 544 p. (In Russian).
13. Russian State Military Historical Archive. F.846. Inv.16. D.6261. (In Russian).

Сведения об авторе

Кузнецова Екатерина Викторовна – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения Пятигорского государственного университета / aprill-86@mail.ru
Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the author

Kuznetsova Ekaterina V. – Post-graduate student, Chair of Historical, Social and Philosophic Subjects, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / aprill-86@mail.ru
The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.

CC BY

УДК 94 (470.6) “18”

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.8

С. С. Лазарян

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ В 30–50-Х ГОДАХ XIX СТОЛЕТИЯ КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С РОССИЕЙ В ПЛАНАХ ЕЁ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВНИКОВ

Главные геополитические противники Российской империи в первой половине XIX века – Англия, Франция и Османская Порта стремились осложнить ситуацию на Северном Кавказе, настраивая местное горское население против русских. Они не только направляли на восточное побережье Черного моря своих агентов и эмиссаров, собиравших там разведывательную информацию, и распространяли антирусские воззвания, но по морю на коммерческих судах доставляли к горцам, непримиримо настроенным к русским, различные товары, вооружение и порох.

Европейские и турецкие агенты убеждали черкесов бороться против русских и обещали им военную поддержку со стороны европейских монархов, которые не признавали права России владеть Черноморским побережьем Кавказа. Настроенные также враждебно к русским поляки-эмигранты вместе с европейскими агентами проникали на Кавказ из Константинополя, где располагались их вербовочные центры и пытались объединить черкесов с польскими дезертирами, бежавшими из русской армии, убеждали их вместе сражаться с общим противником.

Все усилия использовать Северо-Западный Кавказ в качестве оружия, направленного на сдерживание России и даже на разрушение её государственности, провалились. Черкесы не дождались действенной помощи от европейцев, стремившихся использовать их в своих политических целях, а поляки, сосредоточенные в своей ненависти к России, не сумели вовлечь и направить на борьбу за освобождение Польши ни черкесов, ни казаков, в которых они видели своих потенциальных союзников. Химерические планы лидеров польской эмиграции, выходили за рамки разумной реальности, а потому были больше фантазией, не имевшей в действительности оснований для воплощения.

Российские власти активно противодействовали происках своих европейских, турецких и польских недругов, а к противостоянию с горцами Северного Кавказа стали подходить более вариативно, использовать не только силу оружия, но и меры, укреплявшие доверие и возможность мирного сосуществования.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Россия, Оттоманская Порта, черкесы, европейские агенты, эмиссары, поляки-эмигранты, дезертиры, казаки.

Для цитирования: Лазарян С.С. Северо-Западный Кавказ в 30-50-х годах XIX столетия как средство борьбы с Россией в планах её геополитических противников // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 230–236. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.8

Sergey S. Lazaryan

THE NORTH-WESTERN CAUCASUS IN THE 30–50s OF THE XIX CENTURY AS A MEANS OF FIGHTING AGAINST RUSSIA IN THE PLANS OF ITS GEOPOLITICAL OPPONENTS

The main geopolitical opponents of the Russian Empire in the first half of the 19th century - England, France and the Ottoman Port - sought to complicate the situation in the North Caucasus by setting the local mountain population against the Russians. They not only sent their agents and emissaries to the eastern coast of the Black Sea, who collected intelligence information there, and distributed anti-Russian appeals, but by sea on commercial ships they delivered various goods, weapons and gunpowder to the mountaineers, irreconcilably disposed towards the Russians.

European and Turkish agents urged the Circassians to fight against the Russians and promised them military support from the European monarchs, who did not recognize Russia’s right to own the Black Sea coast of the Caucasus. Poles-emigrants, also hostile to the Russians, together with European agents, penetrated into the Caucasus from Constantinople, where their recruiting centers were located and tried to unite the Circassians with the Polish deserters who had fled from the Russian army, urging them to fight together with a common enemy.

All efforts to use the North-western Caucasus as a weapon aimed at containing Russia and even destroying its statehood have failed. The Circassians did not wait for effective help from the Europeans, who sought to use them for their political purposes, and the Poles, concentrated in their hatred of Russia, failed to involve and send neither the Circassians nor the Cossacks, whom they saw as their potential allies, into the struggle for the liberation of Poland. The chimerical plans of the leaders of the Polish emigration went beyond reasonable reality, and therefore were more of a fantasy that had no real basis for implementation.

The Russian authorities actively countered the intrigues of their European, Turkish and Polish enemies, and they began to approach the confrontation with the mountaineers of the North Caucasus more variably, using not only force of arms, but also measures that strengthened confidence and the possibility of peaceful coexistence.

Key words: North Caucasus, Russia, Ottoman Porte, Circassians, European agents, emissaries, emigrant Poles, deserters, Cossacks.

For citation: Lazaryan S.S. The North-Western Caucasus in the 30-50s of the XIX century as a means of fighting against Russia in the plans of its geopolitical opponents // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 230–236. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.8

Кавказ, прежде всего, для Европы или Оттоманской Порты был средством и местом антироссийского влияния, сосредоточием антироссийской деятельности, орудием сокрушения её государственности. Этому в немалой степени способствовало не только активное неприятие присутствия России в регионе со стороны местных горских обществ, но и то, что Кавказ сделался местом агрегации и аккумуляции многих беспокойных элементов: ссыльных преступников, старообрядцев, беспутных чиновников и оскандалившихся офицеров, непослушных воле помещиков крестьян, отданных в рекруты, которыми пополнялись батальоны Отдельного Кавказского корпуса, беглецов всех мастей, разнородных злоумышленников, пройдох и авантюристов. Они, хотя и не представляли там большинства, но занимали заметное место в имперском сообществе, утверждавшемся в кавказском крае.

Недруги России ожидали, что, например, «непокорные поляки, принужденные служить в русской армии, или уроженцы России, признанные виновными в том, что придерживаются мыслей, неодобряемых правительством», и призванные в Кавказскую армию, что для них означало ссылку, должны были в таких обстоятельствах превратиться «в самых непримиримых врагов России» [12, с.198 – 199]. Сонм этих потенциальных недругов Российской империи могли пополнить дезертиры из казаков, солдат или поляков, искавших убежища среди горцев.

В британских политических или околополитических кругах (журналисты, публицисты) видели Кавказ острым и опасным оружием против России [6]. Они даже нашли подходивших для использования этого оружия людей. Там считали, что после 1831 г. многие поляки, странствовавшие без родины, без дела в Англии, Франции и других странах Европы, «кормясь жалкой пищей, предоставляемой из великодушия, несмотря на то, что это люди, отмеченные талантом и храбростью, ни один, имеющий высокое положение, все ещё не нашел свой путь на Кавказ – пристанище исключительно пригодное для сражения против их давнего и непримиримого врага» [12, с.198–199]. Англичане надеялись без особенно больших затрат и без принесения жертв со стороны своих подданных нанести максимальный вред России, даже сокрушить её.

Э. Спенсер подчеркивал, что если бы малое число этих людей приехало на Кавказ и добавило свои знания, опыт и военную тактику к мужеству и непримиримости черкесов, то «через несколько лет поляки могли бы перенести войну в самое сердце России, ослабить возможности её правительства и, вероятно, в конечном счете, преуспеть в освобождении своей страны» [12, с.198–199]. Многим в британском политикуме этого очень хотелось, а потому они выходили в своих мечтаниях за пределы существовавших реалий.

Англичане подталкивали поляков думать и надеяться, что «одержав однажды победу, они могли обрести в качестве союзников донских и кубанских казаков, многие из которых признают общее свое происхождение с поляками» [12, с.198–199]. Малороссы, по мнению пристрастных наблюдателей, бывшие костяком и социальной базой кубанского казачества, мечтали о восстановлении Запорожской Сечи [9, с.524]. Они были уверены, что «казаки колеблются в своем верноподданничестве» [9, с.524] российской монархии.

Англичане также назначили поляков, казаков быть оружием против России, исходя из опыта отслеживания перебежчиков и дезертиров из ОКК, которые составляли половину общей численности беглецов, а также и черкесов, отмечая степень их непримиримости и ненависти к русским, существовавших и поддерживаемых в черкесских горах. Английская разведка, опираясь на сведения, подаваемые британскими агентами, находившимися в разное время среди черкесов (Э. Спенсер, Дж. Белл, Д. Уркварт, Дж. Лонгворт, Найт) подчеркивала, что случаи дезертирства происходили гораздо чаще и были гораздо многочисленнее, чем российские власти готовы то были признать. «Большинство дезертиров составляли рядовые солдаты и казаки, бежавшие от правосудия или притеснений со стороны командиров. Некоторые просто предпочитали несколько лет на воле двадцати пяти годам тяжелой военной службе» [14, с.10], а часть казаков или поляков, обращались в ислам, женились на местных горских женщинах и принимали активное участие в набегах на российское пограничье. Так, например, поступил бежавший к адыгам в 1841 г. казачий офицер Семен Атарщиков, сделавшийся одним из опаснейших злодеев, прятавшихся в горах [14, с.10 – 11].

Кавказ также был удобным средством разведки для англичан, который они стремились задействовать в полной мере. Британский разведчик Артур Конолли в 1829 г. посещал Кавказ проездом из Москвы, оценивая все, что ему удавалось увидеть в Кавказской армии: «офицеров и солдат, их вооружение, выучку, мотивацию и моральные качества» [11, с.263 – 264]. В 1836 г. два английских агента появились среди натухайцев, приглашая их написать просьбу о помощи на имя английского короля и послать в Европу своих депутатов. Англичане прибыли из Трапезунда на турецком судне и сошли на кавказский берег в урочище Вардане [1, с. 855]. На Кавказе англичане «развернули новый фронт шпионской войны», чтобы иметь возможность «ударить по русским тылам чужими руками, чтобы не дать России закрепиться в Азии… потому что Кавказ станет плацдармом для русской атаки на Индию» [11, с.267, 273].

Помимо сухопутной разведки, британские агенты проводили её и с моря. У российских берегов были замечены шхуна «The Lord Charles

Spencer», под управлением шкипера Вильяма Мильварда, а также пароход «Плутония» – капитан Дринкватер [10, с.247], занимавшиеся промерами морского дна на рейдах крымских портов. Другая английская шхуна «Vizard» под управлением шкипера Lovey искала и поднимала в Наваринской бухте потопленные в 1827 г. орудия, чтобы впоследствии отвезти их на Кавказ. Шхуна принадлежала Д. Уркварту в совокупности с другими лицами. Этот Д. Уркварт, сделав для черкесов знамя независимости собственного изобретения, собирался с ним прибыть и вручить его черкесам для всеобщего восстания. В Смирне стояло несколько купеческих судов под английским флагом, нагруженных контрабандным товаром для черкесов [10, с.274, 278].

На одном из них находился корреспондент лондонской газеты «Morning Chronicle», некто Longworth в компании с уже известным русским Дж. Беллом, которого ранее арестовывали вместе со шхуной «Vixen» и который в мае 1837 г. пробрался к натухайцам, шапсугам и абадзезам и передал им знамя, якобы посланное им английской королевой [10, с.286]. Другая английская шхуна «Yarmouth», шкипер Trevilian, намеревалась завести к черкесам и абадзехам легкую пороховую мельницу [10, с.289]. В августе 1840 г. к кавказским берега прорывалась шхуна «Ariel» под командой шкипера Карла Блейдса (Blaydes) с бочками пороха для черкесов.

Французы, их консолидированное мнение выразил Ф. Талейран в беседе с А. Чарторыйским, считали, что русские, которых они называли «московиты», «играют роль бича Господня над Европой… Дайте ему свободу, и он перенесет свою столицу в Константинополь, и граница его протянется с берега Адриатического моря под ворота Вены…» [9, с.531]. По этой причине Кавказ мог бы стать средством сдерживания России.

Британцы также мечтали превратить Кавказ в неприступный барьер российским устремлениям на Востоке, способный остановить движение России в сторону Индии, так как в то время «русская угроза…казалась очевидной для любого, бросающего взгляд на курту» [15, с.32]. Они вместе с французами превратили Константинополь в центр антироссийских сил, наиболее близко расположенный к Кавказу, из которого можно было направлять подрывную деятельность не только европейских или турецких агентов и эмиссаров, но наладить тесное взаимодействие с представителями дворянских сословий, бывших элитой среди черкесов. Им удалось добиться того, чтобы Константинополь (Царьград) приобрел для черкесов значение столицы мира, «там они заимствовались манерами, там учились грамоте, утверждались в мусульманстве, узнавали о политике и заискивали протекции у Порты» [9, с.539].

Чтобы удерживать черкесов в сферах своего политического влияния, все участники политической интриги, европейцы и турки, раздавали постоянные заверения, что они сочувствуют черкесам и помогут им в борьбе с русскими. Доставка оружия и пороха на Кавказ из Самсуна и Трапезунда была делом в 1830 – 1840-х гг. вовсе не трудным несмотря на то, что Россия стала защищать Черноморское побережье Кавказа учреждением прибрежного крейсерства военными судами. Доставка людей точно также не представляла больших затруднений, хотя русские крейсера, бывало, захватывали до 50 турецких и английских судов контрабандистов в год (1835 г.) [11, с. 269–270].

Не существовало каких-либо затруднений в получении рекомендательных писем у друзей Черкесии в Константинополе. Европейские и турецкие эмиссары запасались поручительными письмами у проживавших там черкесских дворян. Например, Сефер-бей Заноко, благодаря уважению, которым пользовалась в горах его семья, мог позволить себе издали действовать на Кавказе. При нем постоянно находились депутаты враждебных русским шапсугов, среди которых были Хаджи Хартул, Хаджи Бесленей и мулла Мегмет. Сефер-бей имел письменно подтвержденные полномочия, скрепленные печатями почти 200 горских узденей и начальников. По внушению английских своих доброжелателей он посылал от своего имени письма, которые расходились среди шапсугов и их соседей, в которых повторялись уверения, что «Англия и другие державы признают независимость горцев и расположены даже выслать им помощь» [3, с.894 – 895].

Рекомендательные письма давали европейским эмиссарам возможность иметь в горах покровителей, без которых пребывание чужаков там было бы невозможно. Поскольку «как бы хорошо европеец ни владел местным языком, путешествуя среди азиатов, ему чрезвычайно трудно избежать разоблачения. Его выговор, манера сидеть, ходить или скакать верхом … сильно отличаются от привычек азиатов» [15, с.168].

Э. Спенсер читал, что опасность добраться до Черкесии, «если действовать лишь с обычной осторожностью, не более чем страшилка, ибо в хорошую погоду и при попутном ветре маленькие турецкие суда способны проплыть от Трапезунда или любого иного порта в Лазестане до Верхней Абазии менее чем за 24 часа, не считаясь с русской блокадой» [12, с.199].

Лучшим временем для такой поездки была осень или зима, поскольку тогда устанавливались непогоды и штормы, и русские крейсеры уходили в порты приписки на зимовку. Но даже в такое время, чтобы гарантировать успех предприятия, такого агента должны сопровождать лица, обладавшие свободой передвижения по русским владениям. Часто в этой роли выступали караимы

или армянские коробейники. «Благодаря торговым сделкам с жителями Кавказа, эти люди лично знакомы со многими влиятельными вождями различных племен и, что в равной степени важно для того, чтобы быть проводником, хорошо знают пути и тайные маршруты» [12, с.200].

Свой вклад в антироссийское противостояние на Кавказе внесли центры и представители эмиграции, вышедшие из польской инсуррекции. Во Франции таким центром был «Отель Ламбер», которым деятельно руководил Адам Чарторыйский, а в Константинополе его представителями и агентами поочередно были М. Чайковский, Вержбицкий, граф Костельский и полковник Иордан [9, с. 542].

Там считали, что по естественному духовному сродству, воплощавшемуся в рыцарском духе, поляки и черкесы не могли не любить друг друга. Тем более, что к А. Чарторыйскому приходили письма, авторство которых приписывали неким «старикам правого фланга» – черкесским узденям и старейшинам [9, с.540 – 541]. Они желали иметь над собой человека, не связанного местным родством и не замешанного в местных распрях. Названные черкесы готовы были рассмотреть в качестве такого кандидата одного из сыновей князя Чарторыйского.

Проект не был реализован, что вызвало недоумение у современников, настроенных критически в отношении России. Так, Василий Кельсиев считал, что «… раз проложив дорогу польской эмиграции на Кавказ, устроив из неё отдельный отряд и даже земледельческие колонии, можно было смело рассчитывать на дезертирство поляков из Кавказского корпуса, можно было вести войну… систематическим образом, и если не отнять … Кавказ, то сделать его больнее чем он был» [9, с. 540–541].

Кавказские реалии были все же несколько иными, чем о них думали в европейских кругах, неприязненных к русским. Рыцарства в горах не оказалось, как не оказалось какой-либо симпатии к чужакам. На Кавказе «преобладал полнейший феодализм». Черкесские князья ссорились между собой по всякому поводу, «племя ходило на племя, кровная месть поднимала целые войны» [9, с. 540–541]. Северо-Западный Кавказ «кипел своими домашними делами, которые совершенно заслоняли от него всякие интересы цивилизации и всякие политические союзы с Доном, с Украиной и с Польшей» [9, с. 540–541].

Черкесы по своей природной склонности были крайне подозрительны к чужакам и не выказывали радушия к дезертирам и перебежчикам, «опасаясь, что между ними притаился волк в овечьей шкуре» [10, с.198], т.е. русский шпион. Солдаты и офицеры из поляков, получив опыт взаимодействия с черкесами, не пошли к ним, потому что «горцы не делали ни малейшего отличия между поляками и русскими, и всех пленных одинаково обращали в рабство» [9, с.541].

Российские власти знали о настроениях и проектах, циркулировавших в среде европейской политической публики, а потому внимательно отслеживали передвижения враждебных им эмиссаров и агентов влияния на Кавказе и в сторону Кавказа. Это требовало большой и кропотливой совместной работы российской разведки, зарубежных консулов, контрразведки и полицейских властей. Из Константинополя весьма часто приходили сообщения от полномочного министра при Порте Оттоманской тайного советника А. П. Бутенева, который располагал там разветвленной агентурой и сообщал в июле 1837 г., что в течение месяца в г. Самсун собирались прибыть два офицера английской службы, полковник Конситейт и капитан Смит, которые намеревались посетить Черкесию с особой миссией [10, с.286].

Кроме того, А. П. Бутенев сообщал, что по распоряжению Дж. Белла, находившегося среди черкесов, строилась шхуна около пристани абадзехов. Строителем был некто Хаджи Актоган из Самсуна. Ранее, по заказу того же Белла, было доставлено из Трапезунда на черкесский берег пороха на сумму 5 000 турецких пиастров, который выгружен там благополучно [10, с. 286].

Информация российским властям также поступала и от чрезвычайного посланника при Порте Оттоманской действительного статского советника барона Рикмана, который в ноябре 1837 г. предупреждал М. П. Лазарева, что в Константинополе находились два офицера английской службы капитан Маррин и лейтенант Идло, прибывшие из Черкесии морским путем до Самсуна, а оттуда в Константинополь. Их сопровождал принявший ислам поляк Полинский, состоявший при них переводчиком [10, с. 291]. Немало ценных сведений поступало от графа М. С. Воронцова, который, благодаря своему происхождению и связям в европейских аристократических кругах имел там конфидентов, снабжавших его информацией, которую российская контрразведка использовала в противоборстве с недругами России. Русская контрразведка весьма точно знала, чем занимались английские агенты в горах и пыталась разнообразными мерами пресекать их деятельность.

Суда Черноморского флота своим крейсерством вдоль восточных берегов Черного моря также должны были пресекать проникновение на Кавказ тех поляков, которые обвинялись в антироссийской деятельности и, по сведениям русской разведки, собирались прибыть в край, чтобы установить связь с «немирными» горцами. Таких агентов курировали «Отель Ламбер» и его представители в Константинополе, поскольку этот город в то время был переполнен поляками, которых всегда можно было встретить в местных кофейнях [8, с. 230].

Не меньшее значение в качестве одного из центров перевалки людей, настроенных враждебно к русским, в 1830–1840-е годы имел Трапезунд.

Там останавливались многочисленные группы черкесов и абхазов, направлявшихся в османскую столицу или возвращавшихся оттуда обратно. Трапезунд был также площадкой, куда съезжались работорговцы со своим живым товаром, который частично распродавался на месте, а частью переправлялся на другие рынки Востока. Там же собирались европейские авантюристы, нанимавшиеся на рискованные предприятия, направленные против России. Агенты европейских держав собирали там нужную им разведывательную информацию, а французский консул Кларембо тайно переправлял в Константинополь польских дезертиров из Кавказской армии [6, с.475].

На пограничные территории приезжал в 1836 г. генерал бывшей Польской армии Войцех Хржановский вместе с польскими офицерами Заблоцким и Пангловским, где они старались склонить к дезертирству военнослужащих Российской армии польского происхождения [1, с.968]. В том же году в черкесские горы направлялась миссия майора Мариана Бржозовского с заданием создать «подобие регулярной армии» из перебежавших от русских польских дезертиров и черкесов. В 1841–1844 гг. непокорных черкесов инструктировали в военных науках агенты Александер Верешиньский, Людвик Зверковский, Казимеж Гордон [13, с.139].

В 1840-е годы А. Чарторыйский замышлял создать на Кавказе грандиозный антироссийский союз из разнородных этнических групп. «У черкесов при помощи поляков, малороссов, линейных, донских, волжских и томских казаков, которые как народ рыцарский, тоже не приминут стряхнуть с себя петербургское иго, Кавказ освободиться, и деспотизму москалей на юге будет положен прочный предел» [9, с.540]. Также план предусматривал наступление союза антирусских сил: горцев – по Волге, донских казаков – по Дону и Воронежу на Тулу и Москву с параллельным и одновременным всеобщим восстанием Украины, куда должны были направиться черноморские казаки и контингенты войск, созданных из польских дезертиров Кавказской армии [16, с.93].

Как отмечала С.М. Фалькович: «Отель Ламбер тратил большие средства на пропаганду идеи освобождения Польши от власти царизма» [13, с.146] и стремился через своих агентов заразить ею кавказских горцев наряду со всеми теми, кого там считали потенциальными неприятелями русских. Эта польская сосредоточенность на собственной Idee Fix, не позволила им видеть и просчитать ситуацию, не впадая в иллюзии.

Все эти и иные усилия не имели большого успеха. Майор Бржозовский вообще не добрался до Черкесии, а Людвик Зверковский получил предательскую пулю в живот, был эвакуирован и скончался от ранения в Швейцарии. Казимеж Гордон в горах постоянно конфликтовал с убыхами из-за своего неуживчивого характера и непреодолимой подозрительности со стороны горцев [16, с. 97–100]. Он был убит неустановленными лицами.

Не снискала большого успеха и миссия Адама Высоцкого, доставившего черкесам машины и механизмы «для делания пороха». Химера А. Чарторыйского развеялась как дым при столкновении с реальностью, а М. Чайковский стал сильно сомневаться в необходимости союзничества поляков с черкесами, поскольку те «…готовы совершать набеги и разбои в соседних русских поселениях, но их никогда нельзя будет убедить двинуться на Россию, подобно Батыю, чтобы подать руку помощи полякам…» [8, с.444].

Кроме того, многие из поляков, съехавшихся в Константинополь, были настроены против легионов, которые формировал М. Чайковский, обзывали их ослами. Среди наиболее злых хулителей были Бржозовский, Мильковский, Ширманский, а Калинка и Иордан настраивали против Чайковского польские клубы и комитеты, бывшие в Константинополе, пытаясь повлиять на польскую молодёжь [8, с. 230].

Даже непримиримая к усилиям России на Кавказе Англия, вынуждена была искать новые подходы, поскольку сотрудничество с турками не только не приносило желаемого результата Лондону, но использовалось союзниками для укрепления, прежде всего, турецких позиций в регионе, которые «были полны решимости восстановить свою власть в Черкесии» [6, с.503].

С другой стороны, действия английских, турецких и польских эмиссаров, направленных на усиление среди кавказских горцев враждебности к России, попытки объединения и направление в солидарное русло антирусской борьбы, заставило самих русских действовать более изобретательно и вариативно – разрушать основания ненависти к себе и предлагать позитивные для горских жителей способы сосуществования. Это отметил польский исследователь Людвик Видерзал, когда указал на то, что «Россия стала шире пользоваться методами социального лавирования» [6, с.143], что способствовало росту примирительных настроений среди черкесов, особенно среди натухайцев и шапсугов [16, с.94].

Российские власти также серьезно относились к любой информации, связанной с пребыванием на Кавказе или направлявшихся туда подозревавшихся в злоумышлении против России поляков. Из Петербурга приходили в регион циркулярные предписания о розыске таких злоумышленников. В Кавказской Области и станицах Кавказского линейного казачьего войска в 1838 г. городскими и земскими полициями активно разыскивали польского выходца Иосифа Дыбовского, участника революционной организации и пропаганды Шимона Конарского. Этот Дыбовский «в исполнение своих

злонамеренных замыслов» разъезжал с революционной пропагандой под вымышленными именами и направился на Кавказ [3, л.1-4об]. В предписании сообщались приметы разыскиваемого: росту среднего, сухощав, волосы темнорусые и когда скоро и с жаром говорит, то часто заикается [3, л.3]. Злоумышленника не нашли: или он был непревзойденный конспиратор, или у страха – глаза велики.

В 1839 г. по предписанию МВД снова все окружные кавказские начальники разыскивали поляков Райковского и Цыбульского, которые укрывались под именами Жофруа и Годара [4, л.1]. Их также не нашли. Но в декабре того же года уже разыскивался рядовой Винцентий Мигурский, бежавший из Оренбургского линейного № 1 батальона [5, л.1]. Для властей этот человек казался очень опасным, поскольку участвовал ранее в «польском мятеже». Означенный Мигурский был пойман в Саратовской губернии.

Таким образом, совместные усилия и планы противников российского присутствия на Кавказе, не смогли реализоваться в полном объеме, хотя имели определенный результат – способствовали продлению горского сопротивления. Европейским агентам, а равно и турецким эмиссарам, не удалось сплотить горцев ненавистью и направить её разрушительную силу в целенаправленное русло, ведущее к сокрушению Российского государства. Европейские политики также не сумели преодолеть горской подозрительности к чужакам, поскольку намеревались использовать черкесов и даже поляков в своих собственных интересах, не считаясь с их устремлениями. Черкесы лишились иллюзий, связанных с обещаниями турок и европейцев подать им реальную военную помощь, «и это разочарование очень сильно повлияло на развитие событий на Кавказе во время кампаний 1853 – 1856 гг.» [2, с. 60]. Россия же приобрела новый опыт и научилась большей вариативности в своих действиях.

Список литературы

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1881. Т. 8. 1009 с.
2. Аллен У., Муратов П. Битвы за Кавказ. История войн на турецко-кавказском фронте. 1828-1921 / Пер. с англ. Е. В. Ламановой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2016. 607 с.
3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 444. Оп.1. Д. 714.
4. ГАСК. Ф. 444. Оп.1. Д. 849.
5. ГАСК. Ф. 444. Оп.1. Д. 877.
6. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. 560 с.
7. Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык паши) // Русская 8. старина. 1898. Август. С. 435-464.
8. Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык паши) // Русская старина. 1900. Апрель. С. 219-236.
9. Кельсиев В.И. Польские агенты в Царьграде // Русский вестник. 1869. Т.81. № 5-6. С. 520-544.
10. Лазарев М.П. Документы / Под ред. полковника А.А. Самарова. М.: Воениздат МО СССР, 1955. Т. II. 712 с.
11. Медведев А.А. Война империй. Тайная история борьбы Англии против России. М.: Изд-во «Э», 2016. 800 с.
12. Спенсер Э. Описание поездок по Западному Кавказу в 1836 году/ Пер. с англ. К.А. Мальбахов. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года», 2008. 256 с.
13. Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30-60-х годов XIX века. М.; СПб.: Нестор - История, 2017. 320 с.
14. Ходарковский М. Горький выбор: верность и преданность в эпоху российского завоевания Северного Кавказа / Авторизированный пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
15. Хопкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром / Пер. с англ. И.И. Кубатько. М.: РИПОЛ КАССИК, 2004. 640 с.
16. Widerzal L. Sprawy Kauraskie w polityce Europejskiej w latach 1831-1864. Warszawa, 2011. 268 s.

References

1. Akti, sobrannie Kavkazskoi arheograficheskoi komissiei (AKAK) (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission). Vol. 8. Tiflis, 1881. 1009 p. (In Russian).
2. Allen U., Muratov P. Bitvi za Kavkaz. Istoriya voin na turecko-kavkazskom fronte 1828 – 1921 (Battles for the Caucasus. History of wars on the Turkish-Caucasian front 1828 – 1921) / translated by E.V. Lamanova. Moscow: ZAO Centrpoligraf, 2016. 607 p. (In Russian).
3. State archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 444. Inv.1. D. 714. (In Russian).
4. GASK. F. 444. Inv.1. D. 849. (In Russian).
5. GASK. F. 444. Inv.1. D. 877. (In Russian).
6. Degoev V.V. Kavkaz i velikie derzhavi 1829-1864 gg. Politika, voina, diplomatiya (The Caucasus and the Great Powers 1829-1864 Politics, war, diplomacy). Moscow: Rubezhi XXI, 2009. 560 p. (In Russian).
8. Zapiski Mihaila CHaikovskogo (Mehmet-Sadik pashi) (Notes by Mikhail Tchaikovsky (Mehmet Sadyk Pasha) // Russkaya starina. 1898. August. P. 435 – 464; 1900. (In Russian).
8. Zapiski Mihaila CHaikovskogo (Mehmet-Sadik pashi) (Notes by Mikhail Tchaikovsky (Mehmet Sadyk Pasha) // Russkaya starina. 1898. April. P. 219–236. (In Russian).
9. Kelsiev V.I. Polskie agenti v Cargrade (Polish agents in Tsargrad) // Russkii vestnik. 1869. Vol. 81. No. 5 – 6. P. 520-544. (In Russian).
10. Lazarev M.P. Dokumenti (Documentation) / ed. by A.A. Samarova. Moscow: Voenizdat MO SSSR, 1955. Vol. II. 712 p. (In Russian).

11. Medvedev A.A. Voina imperii. Tainaya istoriya borbi Anglii protiv Rossii (War of Empires. The secret history of the struggle of England against Russia). Moscow: E, 2016. 800 p. (In Russian).
12. Spenser E. Opisanie poezdok po Zapadnomu Kavkazu v 1836 godu (Description of trips to the Western Caucasus in 1836) / translated by K.A. Malbahov. Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 goda, 2008. 256 p. (In Russian).
13. Falkovich S.M. Polskaya politicheskaya emigraciya v obsh'estvenno-politicheskoi zhizni Evropi 30-60-h godov XIX veka (Polish political emigration in the social and political life of Europe in the 30-60s of the XIX century). Moscow; St.petersburg: Nestor - Istoriya, 2017. 320 p. (In Russian).
14. Hodarkovskii M. Gorkii vibor: vernost i predannost v epohu rossiiskogo zavoevaniya Severnogo Kavkaza (A Bitter Choice: Loyalty and Devotion in the Era of the Russian Conquest of the North Caucasus) / translated by A. Teresh'enko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 232 p. (In Russian).
15. Hopkirk P. Bolshaya igra protiv Rossii: Aziatskii sindrom (The Big Game Against Russia: The Asian Syndrome) / translated by I.I. Kubatko. Moscow: RIPOL KASSIK, 2004. 640 p. (In Russian).
16. Widerzal L. Sprawy Kaukaskie w polityce Europejskiej w latach 1831-1864 (Caucasian affairs in European politics in 1831–1864). Warszawa, 2011. 268 p. (In Polish).

Сведения об авторе

Лазарян Сергей Степанович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета / aflost@yandex.ru
Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the author

Lazaryan Sergey Stepanovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / aflost@yandex.ru
The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.

CC BY

УДК 94(611)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.9

Е. Н. Моисеева

«ГОСТЕПРИИМНОЕ» ПРОСТРАНСТВО САХАРЫ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ПРОЕКТАХ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.

В статье речь пойдет о репрезентациях пустыни Сахары в проектах инженеров А. Дюпонщеля (постройка Транссахарской железной дороги) и Ф.-Э. Рудэра (создание внутреннего моря в Алжире и Тунисе), которые ставили перед собой цель трансформировать пространство Сахары и включить его в единое пространство французской империи. Неудача этих проектов, несомненно, помешала анализу их влияния на представление о пустыне как о зоне соединения французских колониальных территорий. Будут также изучены представления о Сахаре французского путешественника П. Солейе, который поддержал оба проекта. В данной статьей сделана попытка выяснить, как в исследуемых текстах конструировался образ «новой» Сахары? Как Сахара «превращалась» из враждебного и таинственного пространства, в пространство – гостеприимное и «обычное»? Пространство империи в рамках имперского дискурса будет рассматриваться не просто сценой, где разыгрывались колониальные события, а центральным объектом при анализе колониальной ситуации и территорией смыслов. Вполне вероятно, что удачная реализация этих проектов изменила бы образ Сахары в общественном сознании, а основой формирования нового образа как раз и послужили бы тексты вышеперечисленных авторов.

Ключевые слова: имперское пространство, имперский дискурс, проект Трассахарской железной дороги, А. Дюпоншель, проект внутреннего моря, Ф.-Э. Рудэр, Поль Солейе, Алжир, Тунис, образ Сахары, французские колонии.

Для цитирования: Моисеева Е. Н. «Гостеприимное» пространство Сахары во французских проектах последней трети XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 237–243. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.9

Ekaterina N. Moiseeva

«HOSPITABLE» SPACE OF THE SAHARA IN FRENCH PROJECTS OF THE LAST THIRD OF THE 19TH CENTURY

The article examines the concept of the Sahara Desert in the projects of engineers A. Duponschel (construction of the Trans-Saharan Railway) and F.-E. Roudaire (creation of an inland sea in Algeria and Tunisia). The Objective of the projects is to transform the space of the Sahara and include it in a single space of the French empire. The ideas about the Sahara of the French traveler Soleillet Paul, who supported both projects, will also be studied. This article attempts to find out how the image of the «new» Sahara was constructed in the studied texts? How did the Sahara «transform» from a hostile and mysterious space into a space that was hospitable and «ordinary»? The space of the empire in the context of the study of imperial discourse will be considered not just a scene where colonial events played out, but the central object in the analysis of the colonial situation and the territory of meanings. It is likely that the successful implementation of these projects would change the image of the Sahara in the public mind, and the texts of the above authors would serve as the basis for the formation of a new image.

Key words: imperial space, imperial discourse, Trassahara railway project, A. Duponchel, inland sea project, F.-E. Roudaire, Soleillet Paul, Algeria, Tunisia, image of the Sahara, French colonies.

For citation: Moiseeva E. N. «Hospitable» space of the Sahara in French projects of the last third of the 19th century // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 237–243. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.9

В 2012 г. под редакцией Элен Блэ вышла книга «Имперские территории. Пространственная история колонизации» [6]. Во введении автор пишет, что «Знание пространства во всех его измерениях является фундаментальным элементом осуществления колониальной власти. Будь то делимитация границ, распространение ландшафтных стереотипов или категоризация коренного населения, эти знания были инструментом для строительства и управления колониальными и имперскими территориями» [6. p. 1]. Велика была и роль дискурсов в процессе освоения пространства. Поль Картер в работе «Дорога в залив Ботани» [9] писал о способности дискурса организовывать пространство империи в таких структурах, которые затем позволяют эффективно управлять им. Он анализировал австралийское пространство как дискурсивное произведение, основанное, в частности, на рассказах британских исследователей и путешественников. Его «пространственная история» пытается объяснить, как пространство было присвоено колонизаторами, например, с помощью практики топонимии, которая делает территорию знакомой европейцам и чужой для туземцев.

Теоретики пространственной истории считают, что «прошлое есть совокупность всех мест, созданных человеком», а историческая интерпретация – это «акт чтения мест». По мнению Филипа Этингтона, истории, представляющие прошлое, представляют места (топосы) человеческой деятельности. Таким образом, знание о прошлом в буквальном смысле картографично [12].

2019 г. 69 номер журнала «Диалог со временем» был посвящен пространственному повороту в истории. «Главной темой спатиальных исследований стал «ландшафт как продукт властных отношений» в пространственных конфигурациях разного масштаба – от локального до геополитического» [4. с. 7], - считает Л. П. Репина.

Пространственная имперская история – это не только изучение практик освоения пространства (очевидно, что имперское завоевание Африки и Азии сопровождалось интеграцией завоеванных территорий посредством коммуникационных сооружений), но и его репрезентаций. Я буду исходить из того, что имперский дискурс неотделим от имперского пространства. Современники писали не об империи вообще, а об определенном локусе империи (Алжире, Тонкине, Мадагаскаре и т.д.). Пространство империи в рамках имперского дискурса не может рассматриваться просто сценой, где разыгрывались колониальные события. Оно само являлось центральным объектом при анализе колониальной ситуации, территорией смыслов, определяло взгляды имперских идеологов. Особый интерес в этой связи представляет пространство Сахары. Идеи трансформации Сахары, ее включения в единое пространство французской империи были популярны в среде французских колонизаторов.

В качестве источников были выбраны работы географа Ф.-Э. Рудэра [11, 19; 20; 21] – автора проекта создания внутреннего моря в Алжире и Тунисе, работы французского инженера А. Дюпоншеля [13; 14; 15] – автора проекта Транссахарской железной дороги, работа путешественника Поля Солейе [22], который поддержал оба проекта. Доклады, отчеты, статьи этих авторов рассматриваются как составная часть имперского дискурса.

Работ отечественных авторов, посвященных французскому путешественнику Полю Солейе обнаружить, не удалось. Аргументы Дюпоншеля в защиту строительства железной дороги и Рудэра – в защиту внутреннего моря, мною были исследованы, в частности было изучено как идеи авторов проектов коррелировали с популярными среди пропагандистов колонизации идеями цивилизаторской миссии, экономической и политической целесообразностями колонизации [1; 2].

В данной статьей сделана попытка выяснить, как в исследуемых текстах конструировался образ «новой» Сахары? Была ли она просто препятствием, которое необходимо преодолеть или являлась ценностью сама по себе? Как Сахара «превращалась» из враждебного и таинственного пространства, в пространство – гостеприимное и «обычное»? Неудача этих проектов, несомненно, помешала анализу их влияния на представление о пустыне как о зоне соединения французских колониальных территорий.

В зарубежной историографии тема Сахары звучала и звучит. Джулия Клэнси Смит, изучая пространство Сахары, считает, что к ней применим термин «цивилизации пустыни» [10]. Идею единства Сахары поддерживает Г. Лайдон в своей монографии, посвященной транссахарской караванной торговле [17]. Элен Блэ называет Сахару «империей песка» [7]. Сахара рассматривается Э. Блэ как опора имперского мифа в Африке. Изучая концепт «Алжирская Сахара», автор отмечает, что в XIX в. Сахара воспринималась как неизвестный внутренний район Алжира, несомненно, опасный и способный противостоять французскому господству [7]. По мнению автора, французам было трудно понять пустыню, найти ее пределы и представить ее.

Нума Брок пишет, что в 1830 г. французы почти ничего не знали о Сахаре и до середины века вынуждены были довольствоваться сведениями, полученными от туземцев. Проникновение на «большой юг» начинается только после 1850 г., знания о пустыне формировались по мере продвижения на юг, но пустыня рассматривалась, скорее, как препятствие, которое необходимо преодолеть, чем как пространство, которое необходимо занять [8]. Авторы сборника «Европейские женщины в Сахаре с XIX в. до периода независимости» [23] пишут, что в пространстве Сахары «есть что-то мифическое. Великая пустыня, которую мы знаем, никогда на самом деле не находится там, где мы ее ищем, настоящая пустыня такова, какой мы ее воображаем» [23].

О том, как пустыня Сахара постепенно приоткрывала европейцам свои тайны благодаря исследователям пишет Подцероб А.Б. в монографии «История Сахары (XVI–XXI) века» [3]. По мнению автора, «Великая пустыня интересовала их, впрочем, не столько сама по себе, сколько как район, через который пролегали, согласно легендам, пути к богатым золотом странам» [3, с. 31].

На мой взгляд, представление о Сахаре как об опасном препятствии требовало от колонизаторов либо поиска путей ее быстрого преодоления, либо ее трансформации в гостеприимное и безопасное пространство. Задачу преодоления пространства Сахары должен был решить проект Транссахарской железной дороги А. Дюпоншеля. А проект строительства внутреннего моря в Алжире и Тунисе, предложенный Ф.-Э. Рудэром мог трансформировать пространство Сахары до неузнаваемости.

Франсуа-Эли Рудэр (1836 – 1885) в 1873 г. побывал в Алжире с исследовательскими целями, и, вернувшись на родину, написал статью «Внутреннее море в Алжире» [19], в которой высказал основные идеи по поводу создания внутреннего моря. Окончательный проект, представленный на рассмотрение правительственной комиссии в 1882 г. [11] включал в себя искусственное море 8000 км2 и 24 м глубиной в районе шоттов Мельгир и Меруан к югу от Бискры, соединенное через залив Габес с Средиземным морем каналом протяженностью 240 км, шириной 100 м и глубиной 10 м. [18].

В 1872–1874 гг. Поль Солейе (1842–1886) исследовал Сахару, достиг оазиса Эль-Голея и Ин-Салах на пути к Томбукту. Он высказал идею строительства железной дороги, которая связала бы Алжир, Томбукту и Сен-Луи и поддержал идею создания внутреннего моря. О своем путешествии и идеях по поводу организации транссахарской торговли он высказался в работе «Исследования Центральной Сахары. Будущее Франции в Африке» [22]. Инженер Адольф Дюпоншель (1821–1903) при поддержке алжирской колониальной администрации совершил поездку в Алжир с целью изучить возможность постройки железной дороги через Сахару, чтобы соединить побережье Алжира с долиной реки Нигер. В 1877 г. он опубликовал небольшую брошюру [13], где высказал основные идеи, а в 1878 г. составил тщательный проект из 9 глав [14]. Четвертая глава представляет собой географическое, орографическое, гидрологическое описание Сахары.

Описывая пространство Сахары, авторы стремились ментально «приблизить» его к метрополии. Вот как Рудэр описывает шотты (многочисленные сухие или занятые солончаковыми озёрами впадинами в Северной Африке, которые как раз и планировалось превратить в море, наполнив их водой их Средиземного моря, прорыв канал из залива Габес). «Шотт Мельгир в 70 км южнее Бискры занимает площадь примерно 150 квадратных лье, его ложе соседствует с шоттом Селлем. От шотта Селлем до бухты Габес, расположенной в 80 лье на восток мы находим серию углублений, среди которых шотты Эль-Гарса и Эль-Джерид. Берег последнего находится лишь в 18 км от Средиземного моря» [19, p. 325]. Близость к Средиземному морю означала близость к Франции. Четко обозначая в тексте границы территории и их расстояние до Средиземного моря, которое воспринималось французами как «французское озеро», Рудэр конструировал пространство Северной Африки, делал его понятным для читателей, очерчивал рамки пейзажа, который предстояло трансформировать.

Поль Солейе также «приближал» пространство империи к метрополии, когда описывал с какой скоростью можно преодолеть расстояние от Сенегала до Парижа при условии, что будет построена Трассахарская железная дорога: «всего за 50 часов можно доехать от Сен-Луи до Алжира на поезде, пройдя через Томбукту. От Алжира до Марселя понадобится 30 часов и еще 16 от Марселя до Парижа». [22, p. 53]. Аналогично поступал и Дюпоншель. «Мало кто знает, – писал он брошюре «Железная дорога в Центральную Африку», – что дистанция между Парижем и Томбукту меньше, чем между Лиссабоном и Санкт-Петербургом» [13, p.10].

Но прежде, чем ментально «приблизить» Сахару к метрополии, Солейе и Дюпоншель пытаются разрушить восприятие Сахары как бескрайней, варварской и враждебной пустыни, которое сложилось благодаря описаниям путешественникам еще с XVI в. Дюпоншель писал, что само «слово Сахара создано для того, чтобы будоражить воображение» [13, p.23]. «Нам представляется море движущегося песка, бескрайнего одиночества, пространство без растительности и воды, под палящими лучами солнца, длинные караваны людей и верблюдов, бредущих по бесконечной дороге…» [13, p. 23]. Но такой образ Сахары не благоприятствовал ее освоению и Дюпоншель писал, что «репутация ее сильно преувеличена». Если французам действительно было трудно вообразить Сахару, то, упорядочив в своих текстах ее пространство, авторы могли помочь им сделать это. Поль Солейе, например, делит пространство Сахары на 5 частей, выделяя дюны, шотты, каменистые плато, горы и русла рек [22, p. 58–59], тем самым структурирует пространство пустыни. Для того, чтобы читателям легче было представить размеры Сахары, Солейе пишет, что Сахара представляет собой «пространство, равное Европе, за исключением территории России» [22, p.58]. Дюпоншель не просто отмечает размеры пустыни– «площадь Сахары – 9 миллионов квадратных километров», но добавляет, чтобы французу легче было представить эти размеры, «это в 15 раз больше Франции» [14, p. 109]. Дюпоншель приводит читателям сведения, которые он почерпнул у исследователя Сахары Анри Дюверье (1840–1892), совершившего с 1859 по 1862 гг. путешествие по северным районам Сахары. В 1864 г. вышла его работа «Исследования Сахары. Северные туареги» [16]. Помимо своей работы о туарегах, Дюверье убедительно иллюстрирует постоянство идеи Французской империи в Африке, объединяющей различные колонии за пределами Сахары.

Огромное пространство пустыни в описаниях Солейе и Дюпоншеля не выглядит опасным и враждебным. Более того, П. Солейе пишет, что «знает мало стран, столь же безопасных, как Сахара» [22, p. 30]. Для того чтобы сформировать положительный и благоприятный для колонизации образ Сахары одной близости региона было

недостаточно. Пространство империи не должно было пугать, отталкивать. Так, например, Дюпоншель старался доказать своим читателям, что Сахара не «абсолютная пустыня», а «обычный геологический объект» [13, p. 24]. Солейе и Дюпоншель предложили читателям забыть легенды о Сахаре и взглянуть на нее как на пространство, «аналогичное всем остальным по своим физическим характеристикам»: там имеются как горы, плато и долины, так и реки, включая русла, хотя почти постоянно сухие [14 p. 111]. Солейе пишет, что горы в Сахаре – это «настоящие Альпы, имеющие снег на вершинах и реки, которые берут оттуда начало» [22, p. 59]. Да и реки такие же как в Европе, только не текут «из-за чрезмерного испарения воды и губчатости почвы». Вот пример описания Дюпоншеля: «В центре Сахары, между 22 и 27 градусом широты, 1 и 6 градусом долготы к востоку от Парижского меридиана, есть значительный горный хребет, это нагорье Ахаггар, с него начинается Главная пустыня» [14, p. 111].

«Освоение» пространства Сахары происходило путем избавления его от маркеров «опасной» загадочности и таинственности. В предисловии к своей книге П. Солейе пишет, что одной из целей его путешествия было посещения «таинственного» оазиса Ин-Салах [22, p.7]. Таким его представляло общественное мнение. Но для Солейе – это важный пункт на пути транссахарской торговли. Он считает его местоположение уникальным и называет его «маяком» на пути транссахарской торговли [22, p. 10], однако ничего «таинственного» Солейе в нем не замечает. Таинственность Сахары разбивается вдребезги и у Дюпоншеля. Он описывает миражи, при этом отмечает, что точно такие он наблюдал и во Франции на Средиземноморском побережье [14, p. 131].

Дюпоншель и Солейе стремились разрушить образ Сахары как засушливого региона. «Сахара не совсем лишена дождя и воды…Дожди идут довольно часто в Сахаре, но количество воды никогда не бывает достаточным, чтобы компенсировать солнечное испарение» [14, p. 134]. Об этом же пишет и Поль Солейе: «Сахара, называемая также Великой пустыней, – это не та засушливая и пустынная область, которую представляет нам классическая география без воды, заполненная зыбучими песками, которые, палящими ветрами хоронят караваны. Зыбучие пески в виде дюн существуют на самом деле в Сахара, но занимает лишь крошечную ее часть. Кроме того, эти пески могли быть закреплены насаждениями (соснами и ракитниками) [22, p. 58].

Дюпоншель обратил внимание читателей на то, что песчаные дюны вовсе не составляли большинство поверхности Сахары «Какую бы важность не имели дюны движущегося песка, они не занимают большую часть пространства Сахары» [14, p. 122]. В своем отчете он ссылался на работы Огюста Помеля (1821–1898) – геолога, антрополога, ботаника, исследовавшего Алжир. «Мистер Помель считает, что они (песчаные дюны) едва ли покрывают девятую часть Сахары, остальная часть которой, наоборот, представляет собой жесткую и устойчивую почву» [14, p. 122].

Пустыня в тексте Дюпоншеля наполнялась красками: по ней бродили стада животных, росли разнообразные растения, среди них даже полезные, как альфа (многолетнее травянистое растение), пригодное для изготовления ткани и бумаги [14, p. 136]. А у Солейе в будущем Сахара вообще перестает быть пустыней. Он пишет: «Сахара – пустыня только потому, что она необработанная и необитаемая… Населенная, великая пустыня станет обширным оазисом» [22, p.60]. Чтобы подчеркнуть плодородие Сахары и создать у французского читателя образ Сахары как плодородной земли, Солейе пишет: «Арабы дали ей это имя Сахара, которое соответствует нашему французскому названию herbage (пастбище). Земля, на которой простираются эти пастбища имеет несравнимое плодородие, если ее начнут возделывать и поливать…» [22, p. 59]. В современных словарях пишут, что слово Sahara ṣaḥā’ означает «пустыня», оно происходит от корня saḥar, который вызывает цвет и материал, рыжевато-коричневый цвет песка [5].

В отличие от Дюпоншеля, Рудэр не отрицает опасности, которая таит в себе пустыня. В описании Рудэра шотты – это, безусловно, враждебное для европейца пространство. «Когда устремляешься вглубь шоттов, испытываешь тяжелую, удушающую жару… В некоторых местах можно провалиться до щиколоток. Было бы неосторожно путешествовать без гида. Встречаются широкие дыры, в которые можно полностью погрузиться» [19, p. 326]. Возможность освоения враждебного пространства шоттов лежала, по мнению автора проекта, в его полной трансформации – в превращении шоттов в море. Таким образом, необходимо было заменить непривычные французам соленые пересыхающие озера на знакомые морские пейзажи.

«Когда мы видим мрачный и тоскливый шотт Мельгир и мечтаем о глубоких изменениях, которые могут прийти вслед за морем: смягчение климата, упорядочивание осадков, повышение естественного плодородия земли, мы не можем не быть взволнованными величием этого предприятия» [19, p. 327], – писал Рудэр. Также как должны были смягчаться нравы туземцев под цивилизационным воздействием Франции, должна была смягчиться и природа. Стоит отметить, что по мнению Рудэра, некоторые туземцы даже мечтали о море. Он привел слова главы одного из туземных племен: «Я часто созерцаю шотты, иногда я думаю, что однажды они станут морем и по нему пойдут корабли» [19, p. 327]. Когда ин-

женер объяснил, как это может произойти, стоит прорыть канал между заливом Габес и шоттами, туземец очень удивился и после минуты молчания воскликнул: «Бог этого хочет! Это будет великим делом» [19, p. 327].

Здесь перед нами попытка представить трансформацию привычной природной среды благом с точки зрения коренных народов. Мы видим это и у Дюпоншеля, когда он выражает надежду на то, что население вскоре поймет выгоды и преимущества, которые принесет им железная дорога, так как исчезнет возможность голода, будет облегчен обмен [14, p. 243]. Если же население не поймет своей выгоды, то, по словам Дюпоншеля, «Простой демонстрации нашей силы будет достаточно, чтобы подчинить это население» [14, p. 244]. «Я говорил, насколько они малочисленны по сравнению с краснокожими в Америке…». «На всем огромном пространстве Сахары, в пятнадцать раз превышавшем территорию Франции, проживало 1 500 000 человек [14, p. 154]. Из общего числа населения выделяются туареги, которых насчитывается «50 000 человек, но они контролируют пространство в 4-5 раз превышающее пространство нашей страны» [14, p. 159–160].

Рудэр серьезнее воспринимал опасность, которая могла исходить от местного населения. Выступая перед правительственной комиссией на сеансе 15 мая 1882 г. Рудэр вновь подчеркнул враждебность пространства шоттов для колонизаторов, тем самым настаивая на их трансформации. «Сегодня арабы переходят шотты, где хотят. Они знают там опасные места, мы же не осмелимся туда сунуться, мы не сможем их преследовать. Будет море – они не смогут пройти, а мы сможем его пересечь. С военной точки зрения, это важная задача, создать подобный рубеж» [11, p. 207]. «Арабы перекрывают дороги, также они перекроют и железную дорогу, ни простая дорога, ни железная дорога не создадут границу» [11, p. 207], – продолжал Рудэр. Если пространство шоттов не было препятствием для туземцев, но было таковым для европейцев, то море, наоборот, стало бы непреодолимым барьером для туземцев в случае восстания, тогда как французы легко бы его смогли преодолеть. Кроме того, проект создания внутреннего моря должен был связать города, лежавшие к северу и югу от шоттов – Бискру и Туггурт, а строительство новых портов на побережье моря, по мнению Рудэра, должно было привлечь караваны из центральной Африки. Фрагментарная и прерывистая империя представляла собой разрозненный набор территорий разного размера, в пределах которых европейцы осуществляли свое господство и свое регулирование с большим или меньшими трудностями. Естественным было стремление преодолеть их. Разделенные естественными преградами завоеванные территории в представлении авторов проектов должны были слиться в единое пространство империи, и чем это пространство станет доступнее, тем оно будет легче управляться. Интересно отметить, что П. Солейе предлагал посадить в оазисе Ин-Салах французского консула [22, p. 30], что повысило бы управляемость региона.

Сахара у Дюпоншеля, Рудэра и Солейе не только препятствие, которое необходимо было преодолеть, чтобы достигнуть Судана. Она приобретала ценность сама по себе. Дюпоншель писал, что австралийские пастбища ненамного богаче Сахары по количеству воды и растительности [14, p. 139], однако англичане налаживали там коммуникации. По его мнению, когда по Сахаре пройдет железная дорога, появятся и колодцы с водой, и растительность (то есть решиться главный вопрос, ограничивающий сельскохозяйственную деятельность в Сахаре – сухость почв). Он верил, что однажды Сахара станет сельскохозяйственным регионом и не исключал возможности промышленного освоения Сахары. Солейе также верил в сельскохозяйственное будущее Сахары [22, p. 67].

По мысли Рудэра, благодаря морю в Сахаре, климат станет мягче, ветров меньше, а дождливых дней больше, это сделает климат умеренным и более привычным для европейцев. Внутреннее море увеличит количество дождей, а это благоприятно скажется на сельском хозяйстве. Наличие средств связи и транспорта, «абсолютная» безопасность региона будут способствовать, по мнению Рудэра, европейской переселенческой колонизации [19, p. 347]. Колонисты будут, если будет вода, считает Рудэр.

Дюпоншель увидел даже туристский потенциал Сахары. «Какой спектакль открылся передо мной, когда я впервые увидел оазис Лагуат» [14, p. 140]. Дюпоншель выразил уверенность, что если Лагуат соединить железной дорогой с побережьем, то он станет зимним курортом, городом «космополитической роскоши и удовольствия» [14, p. 151], который привлечет богатых туристов, а те, в свою очередь, «по-новому взглянут на небо, горизонты и климат Сахары» [14, p. 151], то есть освоят и присвоят пространство оазиса, сделав его местом отдыха и вовлекут в орбиту европейской культуры. Дюпоншель предполагал, что Сахара могла бы стать пространством безопасного путешествия для европейцев [14, p. 153].

Подводя итого, отмечу, что Сахара рассматривалась в исследуемых текстах, безусловно, как препятствие, которое необходимо преодолеть. Сперва очертить его границы и ментально «приблизить» к метрополии, далее – избавить от маркеров опасности, сделать его «обычным», а не таинственным, легким и безопасным для путешествия. Пространство Сахары из враждебного, непонятного, хотя и огромного должно было

превратиться в сознании читателей в «обычное», «аналогичное», привычное и легко преодолимое связующе звено между французскими колониями. Но Сахара рассматривалась и как ценность сама по себе, как сельскохозяйственный регион, привлекательный для колонистов и как туристический регион в обозримом будущем.

В любом случае это пространство необходимо было трансформировать. Проект постройки железной дороги через Сахару и проект создания внутреннего моря должны были повлечь за собой трансформацию природной пространственной среды пустыни Сахары и исторических ландшафтов, с последующим присвоения этого пространства европейцами. Однако имперская пропаганда была далека от реальности. На практике, Сахара прежде всего через своих жителей представляла собой преграду для французского проникновения и трансформации территории. Именно враждебность населения Сахары, как известно, и стало основной причиной, по которой проект строительства железной дороги через Сахару так и не был реализован. Общественное мнение Франции было настроено против дальнейшего проникновения в пустыню после гибели в 1881 г. миссии Флаттерса от рук туарегов.

Разрыв между имперским дискурсом Сахары как единого пространства и реальностью на местах, так и не был преодолён. На мой взгляд, вполне вероятно, что удачная реализация проектов изменила бы образ Сахары в общественном сознании, а основой формирования этого нового образа как раз и послужили бы тексты вышеперечисленных авторов.

Список литературы / References

1. Моисеева Е. Н. Проект Транссахарской железной дороги французского инженера А. Дюпоншеля: к вопросу о взаимосвязи имперского пространства и имперского дискурса // Новое прошлое • The new past • №3 2019. с. 162–177.
   Moiseeva E. N. Proekt Transsaharskoj zheleznoj dorogi francuzskogo inzhenera A. Dyuponshelya: k voprosu o vzaimosvyazi imperskogo prostranstva i imperskogo diskursa (The project of the Trans-Saharan railway by the French engineer A. Duponschel: on the question of the relationship between imperial space and imperial discourse) // Novoe proshloe. The new past. 2019. No. 3. P. 162–177. (In Russian)
2. Моисеева Е.Н. Проект инженера Ф.-Э. Рудэра создания внутреннего моря в Алжире и Тунисе: как имперские амбиции оказались связанными с практиками освоения имперского пространства // Гуманитарные и юридические исследования. 2020 № 3. с. 64–69.
   Moiseeva E. N. Proekt inzhenera F.-E. Roudaire sozdaniya vnutrennego morya v Alzhire i Tunise: kak imperskie ambicii okazalis' svyazannymi s praktikami osvoeniya imperskogo prostranstva (F.-E. Ruder's project engineer of creating an inland sea in Algeria and Tunisia: how imperial ambitions turned out to be connected with the practices of the development of imperial space) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2020. No. 3. P. 64 – 69. (In Russian)
3. Подцероб А.Б. История Сахары (XVI–XXI века) / А.Б. Подцероб. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 248 с.
   Podcerob A.B. Istoriya Sahary (XVI–XXI veka) (History of the Sahara (XVI-XXI centuries). Kazan': KSU publ., 2017. 248 p. (In Russian)
4. Репина Л. П. История регионов, или «территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. №69. С. 5–16.
   Repina L.P. Istoriya regionov, ili «territoriya istorika» posle prostranstvennogo povorota (The history of regions, or «the territory of the historian» after the spatial turn) // Dialog so vremenem. 2019. No. 69. P.5 – 16. (In Russian)
5. Словарь современных географических названий https://gufo.me/dict/geographical_names/%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B0 (дата обращения 2.04.2022).
   Slovar' sovremennyh geograficheskih nazvanij (Dictionary of modern geographical names) https://gufo.me/dict/geographical_names/%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B0 (Accessed: 2.04.2022) (In Russian)
6. Blais Hélène , Deprest Florence et Singaravélou Pierre, Territoires impériaux. Une histoire spatiale du fait colonial. Paris: Publication de la Sorbonne. 2011. 336 p.
7. Blais Hélène Un empire de sable ? L'espace saharien et la jonction Algérie-Soudan : histoire d'une construction impériale (1830–1930) // Blais Hélène , Deprest Florence et Singaravélou Pierre, Territoires impériaux. Une histoire spatiale du fait colonial. Paris: Publication de la Sorbonne. 2011. 336 p.
8. Broc Numa Les Français face à l'inconnue saharienne : géographes, explorateurs, ingénieurs (1830-1881) // Annales de Géographie. 1987. 96-e Année, No. 535 (Mai-Juin). P. 302–338.
9. Carter P. The Road to Botany Bay: An Exploration of Landscape and History. 1987. Minneapolis: University of Minnesota Press, 416 p.
10. Clancy-Smith J. Rebel and Saint. Muslim Notables, Populist Protest, Colonial Encounters (Algeria and Tunisia, 1800-1904), Berkeley: University of California Press, 1997. 370 p.
11. Commission supérieure pour l'examen du projet de mer intérieure dans le sud de l Algérie et de la Tunisie. Commission supérieure pour l'examen du projet de mer intérieure dans le sud de l'Algérie et de la Tunisie / Ministère des affaires étrangères ; présenté par M. le commandant Roudaire. Paris.1882. 548 p.
12. Ethington Philip J., «Placing the Past: 'Groundwork' for a Spatial Theory of History,» // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. 2007. Vol. №11. № 4. P. 465-493.
13. Duponchel A. Le chemin de fer de l'Afrique centrale. Paris: Imprimerie typographique de A. Pougin, 1877. 44 p.
14. Duponchel A. Le chemin de fer transsaharien, jonction coloniale entre l'Algérie et le Soudan : études préliminaires du projet et rapport de mission avec cartes generals et géologiues. Montpellier: Typographie et lithographiede Boehm & fils, 1878. 374 p.
15. Duponchel A. La colonisation africaine : état actuel de la question. Paris: Camus. 1890. 52 p.

16. Duveyrier H. L'Exploration du Sahara: Les Touâreg du Nord. Paris: Challamel Ainé, 1864. 567 p.
17. Lydon G. On Transsaharian Trails. Islamic Law, Trade Networks, and Cross-Cultural Exchange in Nineteenth-Century Western Africa, Cambridge, Cambrige University Press, 2009. 494 p.
18. Marçot Jean-Louis Une mer au Sahara. Mirages de la colonization. Algérie et Tunisie (1869–1887), Éditions de la Différence, 2003, 526 p.
19. Roudaire F.-E. Une mer interieure en Algerie // Revue des deux mondes. 1874. P. 324–350.
20. Roudaire F.-E. Rapport à M. le ministre de l'Instruction publique sur la dernière expédition des chotts: complément des études relatives au projet de mer intérieure / par le commandant.de Roudaire. PARIS: Challamel Ainé 1881. 187 p.
21. Roudaire F.-E. La mer intérieure africaine. Lettre- préface de M. Ferdinand de Lesseps. Paris: Imprimerie de la Société anonyme de publications périodiques. 1883. 108 p.
22. Soleillet P. Exploration du Sahara central: avenir de la France en Afrique. 1876. 106 p.
23. Verite Monique, Herve Patrick (dir.). Des Européennes au Sahara, du XIXe siècle aux Indépendances. Paris: La Rahla-Les Sahariens, 2019.

Сведения об авторе

Моисеева Екатерина Николаевна – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания Физико-Технического Лицея №1 / moiseevaen@rambler.ru
Адрес: 143, ул. Московская, 410023, Саратов, Российская Федерация.

Information about the author

Moiseeva Ekaterina N. – PhD in History, teacher of history and social studies, Physical-Technical Lyceum No. 1 / moiseevaen@rambler.ru
The address: 143, Moscovskaya st., 410023, Saratov, Russian Federation.

CC BY

УДК 94(411).07

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.10

М. А. Мухин

СОДЕРЖАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ В ГРАФСТВАХ ШОТЛАНДИИ НА ВЫБОРАХ В ПАЛАТУ ОБЩИН ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1707–1832)

В рамках статьи рассматривается содержание избирательной борьбы в парламент Великобритании в графствах Шотландии в условиях, когда набор правил, процессов, составляющих электоральную систему, был абсолютно дискредитирован. Традиционно исследователи (Р.М. Сантер, Дж. Фергюсон, А. Мердок, В. Фергюсон) акцентировали внимание на центральной роли системы патронажа и личных отношений на исход выборов в шотландских графствах. Также историки сходятся в позиции, что земельный ценз являлся причиной маленького числа избирателей, а возможность формальной передачи земельной собственности в пожизненное пользование – основанием для существования фиктивных избирателей. Однако, исследователи не акцентируют внимание на той степени, в какой распределение земельной собственности определяло содержание избирательной борьбы в различных регионах.

В основе исследования лежит источник «Взгляд на политическое состояние Шотландии в прошлом веке. Конфиденциальный отчет о политических взглядах, семейных связях и личных обстоятельствах 2662 избирателей округов в 1788 году». Упомянутый труд включает информацию обо всех избирателях и о ситуации с выборами в каждом из графств. С опорой на источник выявляется влияние распределения земельной собственности на процесс избирательной борьбы в графствах Шотландии. Указывается, что величина и число поместий задавали рамки системы, существовавшей в графствах, во много определяя содержание избирательной борьбы. Анализ источника показывает, что в графствах исходя из распределения земельной собственности, могли быть диаметрально противоположные ситуации. Например, в одном графстве, личные отношения между местными политическими акторами могли оказать ключевое воздействие на исход выборов, если несколько избирателей имели примерно равную земельную собственность (с учетом возможности создания фиктивных голосов), в другом – никакого, если графство контролировал один собственник.

Ключевые слова: Шотландия, избирательная борьба в Шотландии, Палата общин Великобритании, графства Шотландии, земельный ценз на выборах.

Для цитирования: Мухин М. А. Содержание избирательной борьбы в графствах Шотландии на выборах в палату общин Великобритании (1707–1832) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 244–249. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.10

Maksim A. Mukhin

THE ESSENCE OF ELECTORAL STRUGGLE IN THE SCOTTISH COUNTIES DURING THE ELECTIONS TO THE HOUSE OF COMMONS OF THE UNITED KINGDOM (1707–1832)

In this article the researcher examines the essence of the struggle to be elected to the UK Parliament in Scottish counties in the context of rules, processes comprising the electorial system being completely discredited. Traditionally, researchers (R. M. Sunter, J. Ferguson, A. Murdoch, W. Ferguson) concentrated their attention on the dominant role of patronage and personal relations on the outcome of elections in Scottish counties. Historians also agree that land qualification was the reason of the small number of voters and that the possibility of formal land cessions for life led to fictitious voters. However, researchers do not pay enough attention to the scale that land distribution influenced electoral struggle in different regions.

The research is based on the source «View of the political state of Scotland in the last century: a confidential report on the political opinions, family connections, or personal circumstances of the 2662 county voters in 1788». The aforementioned work contains information on all the voters and on the electoral situation in each of the counties. Based on this source the researchers determine the extent to which land distributions influenced the election process in Scottish counties. The authors come to the conclusion that the size and the number of estates created the framework of the system existing in the counties and thus largely determined the outcome of the elections. The analysis of the source reveals that depending on the land distributions counties could have completely different situations. For example, in one county personal relations between local political actors could have major influence on the outcome of the elections if several voters had more or less equal land ownership (including the possible fictitious votes), and no influence in another if the said county was controlled by a single landholder.

Key words: Scotland, electoral struggle in Scotland, the House of Commons, Scottish counties, land qualification.

For citation: Mukhin M. A. The essence of electoral struggle in the Scottish counties during the elections to the house of commons of the United Kingdom (1707–1832) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 244–249. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.10

Касательно сложившейся в Шотландии электоральной системы, Г.Т. Кокберн, юрист и литератор, писал: «Какой бы ни была эта система изначально, она превратилась по отношению к людям в полное издевательство, как если бы она была создана для их деградации» [3, p. 75]. Ф. Джеффри, лорд адвокат Шотландии, в выступлении в парламенте сообщал: «В Шотландии проживало немногим более двух миллионов жителей… и все же петиций из Шотландии в пользу Реформы было больше, чем петиций, полученных от всей остальной Империи вместе взятой» [9]. Эта ситуация не была случайностью, так как в Шотландии были сильны движения за парламентскую реформу [1, с. 73; 12; 16, p. 3]. Актуальным было обсуждение недостатков сложившейся системы, особенно части, касавшейся выборов в Палату общин от графств. Так, А. Манделл в труде «Соображения о ситуации с избирательным правом в графствах Шотландии» [13] говорил о большом количестве фиктивных избирателей, а также о политических и юридических механизмах, которые приводили к их появлению. Что же определяло содержание избирательной борьбы в парламент Великобритании в графствах в условиях, когда набор правил, процессов, составляющих электоральную систему, был абсолютно дискредитирован?

Изначально исследователи практически отрицали существование избирательной борьбы в графствах, указывая на подчиненное положение электората по отношению к небольшой группе политических акторов [7, p. 189–291; 15, p. 22–52; 21, p. 239; 24, p. 180]. В частности, Г. Т. Эрскин еще во второй половине XIX в. писал, что несмотря на недостатки избирательного механизма, действовавшего в Англии, положение в Шотландии было значительно хуже. Автор отмечал, что практически все избиратели в своем выборе не были независимы, а голосовали в соответствии с интересами политических покровителей [21, p. 239]. Критическое рассмотрение электорального механизма содержится и в исследовании Э. Поррита, в котором автор фокусируется на традиционной управляемости шотландской системы выборов [15, p. 28]. Дж. Л. Фрейзер [10, p. 42–54] на примере Генриха Дандаса показывает ключевое значение «шотландского управляющего» в контроле за результатами выборов, сравнивая его с Колоссом. Ранние исследователи были склонны к серьезным обобщениям, лишь изредка приводя яркие примеры, акцентирующие внимание на власти политических покровителей над избирателями, которая и обеспечивала исход выборов. При этом некоторые авторы делали акцент на личных способностях «шотландских управляющих». Так, Х. Фербер выводит итог выборов из контроля над системой патронажа и политического мастерства Генриха Дандаса [7, p. 189–291].

Многие тезисы, высказанные первыми исследователями шотландской избирательной системы, были оспорены в последующей историографии. И хотя более поздние историки (Дж. Фергюсон [5], В. Л. Берн [2], В. Фергюсон [6], А. Мердок [14], Р. М. Сантер [20]) не пересматривали коренным образом недостатки избирательной системы, их акцент на отдельных казусах влиял на общие выводы. Исследователи все больше и больше фокусировались на особенных ситуациях, на роли личных отношений между местными акторами, проникаясь симпатией к уникальным фактам политического процесса. Наиболее яркое проявление тенденции – в труде Р. М. Сантера «Патронаж и политика в Шотландии, 1707–1832» [20]. Автора завораживает то, что из-за сложившихся местных отношений Генрих Дандас мог потерпеть унизительное поражение от ангусских фригольдеров [20, p. 233].

Упомянутые историки не были склонны упрощать ситуацию и отводить политическим покровителям центральную роль в избирательной борьбе в графствах. Исследователи обращали внимание на сложные личные отношения как на горизонтальном, так и на вертикальном уровне, считая их определяющими в исходе выборов.

И ранние, и более поздние историки исходили из того, что шотландский электорат был маленьким (не более 3000 избирателей на 33 графства [7, p. 183; 10, p. 45; 18, p. 102; 27]), следовательно, избирательная система была открыта для влияния отдельных акторов на содержание избирательной борьбы. И этот тезис подталкивал исследователей к выводам о центральной роли либо политических покровителей, либо личных отношений.

Историки сходятся во мнении, что земельный ценз являлся причиной маленького числа избирателей, а возможность формальной передачи земельной собственности в пожизненное пользование – основанием для существования фиктивных избирателей. Но традиционно авторы не акцентируют внимание на той степени, в какой существующая ситуация определяла содержание избирательной борьбы. С нашей точки зрения именно распределение земельной собственности может быть наиболее важным фактором, влияющим на исход выборов в графствах в Палату общин Великобритании.

Рассмотрим роль распределения земельной собственности на процесс избирательной борьбы в шотландских графствах более детально.

Существовавшая электоральная система была следствием Акта об Унии [25; 26], принятого парламентами Англии и Шотландии, согласно которому 1 мая 1707 года государства объединились в рамках Королевства Великобритании. Фактически представительный орган Шотландии проголосовал за свою ликвидацию, так как в соответствие с утвержденным законом происходило

объединение парламентов. «Соединенное Королевство Великобритании будет представлено единым парламентом, который будет называться Парламентом Великобритании» [17, p. 269]. Если до Акта об унии в представительный орган в Шотландии избиралось 159 членов, то в Палату общин Великобритании попадало лишь 45 представителей [4, p. 56]. Из сорока пяти представителей Шотландии в Палате общин (общий состав 558 депутатов [22]) тридцать избирались представителями тридцати трех графств (округов) [18, p. 102], а пятнадцать – представителями шестидесяти пяти бургов [18, p. 102].

До 1832 года [23, p. 154–206] выборы в Палату общин от графств за исключением незначительных изменений основывались на законе 1681 года. Электорат составляло небольшое число жителей, обладающих существенной земельной собственностью стоимостью не менее 400 шотландских фунтов по оценке 1690 года [11, p. 46–47]. Так как право голоса от графств при выборах в Палату общин зависело от наличия у человека земельной собственности, любой крупный лендлорд мог создать некоторое количество фиктивных избирателей, формально передав земельную собственность [13, p. 40–45]. Она была единственным критерием для попадания в число избирателей. В 1788 году из 2662 избирателей, 1370 – фиктивные [7, p. 183]. Но в графствах было разное количество крупных землевладельцев, и они в разной степени пользовались возможностью создавать фиктивные голоса. В результате в избирательных списках графств число имеющих право голоса не было одинаковым, как по количеству реальных, так и по количеству фиктивных избирателей. Именно распределение земельной собственности задавало рамки политического положения, существовавшего в шотландских графствах, и создавало разные местные избирательные ситуации. То есть в графствах могли быть диаметрально противоположные причины, определявшие содержание избирательной борьбы. Например, в одном графстве, личные отношения между местными политическими акторами могли оказать ключевое воздействие на исход выборов, если несколько избирателей имели примерно равную земельную собственность (с учетом возможности создания фиктивных голосов), в другом – никакого, если графство контролировал один собственник.

Обращаясь к источникам для подтверждения, высказанного тезиса, необходимо учитывать, что в них нашли отражение в основном факты, вызывавшие эмоциональный отклик, они могут носить единичный характер и не представлять ситуацию в целом. Кроме того, тезисы, высказываемые политическими акторами могли быть вызваны конъюнктурой. К примеру, в графстве Бьют лишь один избиратель прошел необходимые процедуры и в результате избрал себя в парламент [9]. Но Ф. Джеффри обратил внимание на этот и подобные факты только, когда это стало политически актуально в борьбе за реформирование избирательной системы.

Одним из наиболее информативных источников является «Взгляд на политическое состояние Шотландии в прошлом веке. Конфиденциальный отчет о политических взглядах, семейных связях и личных обстоятельствах 2662 избирателей графств в 1788 году» [27]. Труд был написан с целью предоставления достоверной информации об избирателях для ограниченного круга людей (У. Адам, Г. Эрскин [27, p. V]), поэтому в отчете маловероятно принципиальное искажение фактов. Материал собирался для использования при защите интересов политической группы, выступающей против доминирования Генриха Дандаса в Шотландии. Источник включает информацию обо всех избирателях и о ситуации с выборами в каждом из графств. При этом труд ограниченно подвержен влиянию личностей авторов, нет попыток эмоционально-экспрессивного воздействия. Характерен стиль изложения: «Мистер Дандас из Мелвилла, казначей Военно-морского флота, нынешний член парламента от данного графства, который может получить три голоса от своего собственного поместья и который, независимо от интересов своей семьи (Дандасов из Арнистона), имеет большое личное влияние в этом графстве, хотя также есть много людей, которые не являются его друзьями» [27, p. 109]. Несмотря на то, что источник создан оппонентами Генриха Дандаса, в тексте отсутствуют публицистические вставки с критикой государственного деятеля, хотя для этого было немало возможностей. К примеру, в труде отмечается, что шотландский политик был дружен с Джоном Маккензи, лордом Маклаудом, но не делается акцент на то, что он в молодости был якобитом и выступал против правящей в Великобритании Ганноверской династии, и тем более не дается никаких комментариев и замечаний по этому поводу. [27, p. 84]. Именно потому, что источник не содержит личностно оценочной информации, опирается на сухие факты (так как создавался с информативной целью), его можно считать достаточно репрезентативным.

Анализ труда «Взгляд на политическое состояние Шотландии в прошлом веке. Конфиденциальный отчет о политических взглядах, семейных связях и личных обстоятельствах 2662 избирателей графств в 1788 году» [27] показывает, что степень влиятельности избирателей в шотландских графствах зависела от распределения земельной собственности. К примеру, графство Файфшир – «В нем мало поместий такого масштаба, которые могли бы оказать большое влияние, создав пожизненные голоса. Есть очень много свободных владельцев небольших поместий, и поскольку они

во многом связаны с армией, флотом, акцизным управлением или таможней, влияние министра должно иметь большой вес» [27, p. 121]; графство Пертшир – «Крайне обширное графство, в котором много средних поместий… и несколько очень больших поместий (принадлежащих пэрам и значительным коммонерам), разделив которые можно создать много голосов» [27, p. 256]; графство Роксбургшир – «Две самые влиятельные фигуры в этом графстве – герцог Баклю и герцог Роксбург. У каждого из них очень большие поместья, и они делят графство на две партии» [27, p. 302]. Из примеров становится ясно, что местный политический ландшафт мог коренным образом меняться от одного графства к другому. От размера и количества поместий целиком и полностью зависело число избирателей, имеющих влияние на исход выборов.

В отдельных случаях мнение практически всех избирателей могло не иметь никакого значения, единственный актор мог иметь абсолютный контроль над исходом выборов. Сазерленд: «Составитель менее уверен в этом графстве, чем в любом другом, относительно того, какие голоса являются реальными и независимыми, а какие пожизненными. Это, однако, имеет меньшее значение, поскольку влияние графини Сазерленд и графа Гауэра [муж и жена] почти абсолютно, и оно проявилось в создании пожизненных голосов, число которых превышает число реальных свободных земельных собственников» [27, p. 339]. Доминирующий землевладелец, создавший необходимое количество фиктивных избирателей, мог иметь абсолютный контроль над исходом выборов, становясь единственной фигурой, с которой имело смысл договариваться.

«Округ небольшой, и большая его часть принадлежит мистеру Грэму по собственности или превосходству… У него хорошее состояние, но не очень большое. Предполагается, что он намерен добиться своего повторного избрания на следующих выборах…» [27, p. 191]. Сторонник оппозиции Дж. Грэм сделал состояние в Индии и лишь потом купил значительное поместье в графстве Кинросшир [8]. Отсутствие существенных личных связей в регионе, также как и значительных покровителей, не помешало политику выиграть выборы в парламент Великобритании в 1790 году. Из этого следует, что наличие земельной собственности могло быть единственным фактором, определяющим исход выборов.

Положение избирателей, имеющих значительную земельную собственность в графствах, было достаточно прочным, даже в условиях конфликта с доминирующим в избирательном округе политическим покровителем. Так, сэр Джон Синклер, единственный крупный землевладелец в графстве Кейтнесс, поссорившись [27, p. 77] с администрацией Уильяма Питта и Генриха Дандаса, все же сохранил на выборах 1790 года представительство в парламенте, хотя упомянутые государственные деятели имели устойчивые позиции в регионе [19].

Характеристика каждого из графств Шотландии в источнике «Взгляд на политическое состояние Шотландии в прошлом веке. Конфиденциальный отчет о политических взглядах, семейных связях и личных обстоятельствах 2662 избирателей графств в 1788 году» [27] включает список, содержащий информацию о примерном числе фиктивных избирателей, которые были созданы каждым из местных акторов через формальное разделение земельных участков. В частности, графство Мори: граф Файф – 27, герцог Гордон – 21, граф Финдлейтер – 3, мистер Броуди – 3 [27, p. 238]; графство Уигтауншир: граф Галлоуэй – 12, М'Доуол из Гартленда – 6, граф Стейр – 3, Граф Дамфрис – 2, сэр Томас Хэй – 2, Гордон из Калвеннана – 2 [27, p. 350]. Характерно, что избиратели, отмеченные как имеющие наибольшее значение в графствах в абсолютном большинстве случаев, также являлись крупнейшими земельными собственниками. Например, в графстве Дамбартон наиболее значительными политическими фигурами являлись: граф Элфинстоун, герцог Монтроуз, сэр Джеймс Колкхаун, герцог Аргайл, сэр Арчибальд Эдмонстон, лорд Блантайр, лорд Стоунфилд [27, p. 89–90], они же – наиболее крупные землевладельцы [27, p. 351–352]. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что исследователями недооценивается значение влияния распределения земельной собственности на содержание избирательной борьбы и итог выборов.

Авторы источника «Взгляд на политическое состояние Шотландии в прошлом веке. Конфиденциальный отчет о политических взглядах, семейных связях и личных обстоятельствах 2662 избирателей графств в 1788 году» [27] стремились выяснить точную информацию о числе избирателей, которые могли быть созданы каждым из акторов через формальное разделение поместий. К примеру, труд содержит подробные сведения о положении в графстве Ренфрушир, часть из которых приведена ниже. «Составитель, проведя поиск в Канцелярии и в Списках Графства, точно установил количество голосов, которое каждый фригольдер в этом графстве может создать, разделив земельное владение» [27, p. 278]. Создано фиктивных избирателей: герцог Гамильтон – 11; Блайтсвуд – 1; Граф Гленкэрн – 10; сэр Дж. Максвелл – 10; граф Аберкорн – 2; граф Эглинтон – 10; Уишоу – 1; Уильямвуд – 1,5; господин Спайрс – 5; мистер Флеминг – 1 [27, p. 278–293, 352–353]. Может быть создано фиктивных избирателей: герцог Гамильтон – 0,5; Блайтсвуд – 2,25; граф Гленкэрн – 6,5; сэр Дж. Максвелл – 3,25; граф Аберкорн – 2; граф Эглинтон – 3,75; Уишоу – 3,75; Уильямвуд – 0; господин Спайрс – 10; мистер Флеминг – 0

[27, p. 278–293, 352–353]. В другом труде «Общий отчет о Шотландии: статистические таблицы и результаты исследований, касающихся географического, сельскохозяйственного и политического положения Шотландии» (1817 г.) указывается не только действительное число избирателей в графствах – 2429 [18, p. 102], но и их возможное количество – 9511, если бы земельные участки были бы разделены с целью включения в электорат максимального числа фиктивных избирателей [18, p. 102]. Судя по всему, авторы источников считали актуальным для современников информацию о количестве земельной собственности, доступной для создания фиктивных избирателей.

Показательно, что термин «поместье» упоминается не менее семисот пятидесяти раз в источнике «Взгляд на политическое состояние Шотландии в прошлом веке. Конфиденциальный отчет о политических взглядах, семейных связях и личных обстоятельствах 2662 избирателей графств в 1788 году» [27]. К примеру, слово «друг» фигурирует в тексте чуть менее ста раз, премьер министр Великобритании, Уильям Питт Младший, упоминается лишь около двадцати раз, а наиболее значительный покровитель, Генрих Дандас, встречается в труде не более двухсот раз, [27]. Нет ни одного графства, в котором не описывалось бы состояние поместий избирателей, однако, Генрих Дандас не упоминается как минимум при описании следующих графств: Аргайл [27, p. 43–49], Бьют [27, p. 75–76], Кинросшир [27, p. 191–194]. Следует также отметить, что политические события, происходящие в Лондоне, не нашли отражения в источнике (за исключением «Регентского кризиса» 1788–1789 гг. [27, p. 50, 77, 208, 233, 279]). Вышесказанное и тот факт, что о существенной части фиктивных избирателей вообще ничего не указано (например, Фрэнсис Лесли из Далмора [27, p. 4]; Роберт Кэмпбелл из Дауни [27, p. 25]; Джеймс Огилви из Мелроуза [27, p. 51]; Уильям Харви из Браунли [27, p. 217]; Родерик Маккензи из Рарига [27, p. 296]), подчеркивает частоту использования слова «поместье». При этом даже если поместье не упоминается составителями источника, то при характеристике избирателя иногда косвенно идет речь о размере земельной собственности (так как ее наличие является основным условием для создания фиктивных избирателей). Например, «Лорд Блантайр, который является несовершеннолетним, мог бы создать десять голосов» [27, p. 280]; «Миссис Нейпир из Милликена, чей сын и наследник служит в армии, и которая состоит в родстве с мистером М'Доуоллом из Гартленда, может создать восемь голосов» [27, p. 280].

Характеристика избирателей, обладавших наибольшим авторитетом в регионе, в большей части случаев содержит информацию о величине поместья. В частности, авторы источника описали поместье каждого из наиболее авторитетных представителей электората в графстве Айршир [27, p. 18–20]. Описание поместий – важнейшая характеристика избирателя («хорошее поместье» [27, p. 8, 12, 47, 90, 106, 213, 279], «достаточно хорошее поместье» [27, p. 119, 142, 222, 309, 319], «независимое поместье» [27, p. 54, 111, 178, 183, 248, 342], «поместье выставлено на продажу» [27, p. 14, 125, 207, 236, 312], «обширное поместье» [27, p. 19, 343], «обремененное долгами поместье [27, p. 264]», «небольшое поместье» [27, p. 32, 35, 95, 155, 286, 298, 320], «крупное поместье» [27, p. 19, 77, 161, 227, 302, 320], «существенная часть поместья продана» [27, p. 317], «неплохое поместье» [27, p. 318], «среднее поместье» [27, p. 31, 64, 69, 151, 266, 310], «превосходное поместье» [27, p. 166, 172, 192, 325], «самое крупное поместье в округе» [27, p. 280], «хорошее поместье и влияние» [27, p. 122, 125, 239, 279], «отличное поместье и много друзей в этом графстве» [27, p. 19]). Заслуживает внимания тот факт, что составители источника посчитали необходимым в ряде случаев рассмотреть линию наследования поместий (обычно при отсутствии прямых наследников). К примеру, «Уильям Холл из Уайтхолла. Поместье приносит 1000 фунтов в год. Неженат. Неясно как поступит. Его наследником является племянник, сэр Джеймс Холл из Дангласса, который женат на дочери графа Селкирка» [27, p. 66]. Таким образом, для современников знание о распределении земельной собственности являлось ключевым в процессе построения плана избирательной борьбы.

Итак, содержание избирательной борьбы зависело не только от личных отношений, сформировавшихся в графстве между акторами, практик предоставления выгод политическими покровителями своим сторонникам, но и от распределения земельной собственности в рамках региона. Более того величина и число поместий задавали рамки системы, существовавшей в графствах, во много определяя содержание избирательной борьбы.

Список литературы / References

1. Максименко М.А. Подготовка закона о представительстве шотландского народа в 20-30-х годах XIX века и его влияние на формирование политических потребностей среднего класса // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2021. №1 (209). С. 72–77.
Maksimenko M.A. Podgotovka zakona o predstavitelstve shotlandskogo naroda v 20-30-h godah XIX veka i ego vlijanie na formirovanie politicheskih potrebnostej srednego klassa (Preparation of the law on the representation of the Scottish people in the 20–30 years of the 19th century and its influence on the formation of the political needs of the middle class) // Izvestija vuzov. Severo-Kavkazskij region. Serija: Obshhestvennye nauki. 2021. No. 1 (209). P. 72–77. (In Russian).

2. Burn W. L. The general election of 1761 at Ayr // The English Historical Review. 1937. Vol. 52. No. 205. P.103–109.
3. Cockburn H. Life of lord Jeffrey: with a selection from his correspondence. Edinburgh: Adam and Charles Black, 1852. Vol. 1. 435 p.
4. Cowan E. J., Finlay R. Scotland since 1688: struggle for a nation. New York: Barnes and Noble, 2000. 192 p.
5. Ferguson J. Making interest in Scottish county elections // The Scottish Historical Review. The Scottish Historical Review. 1947. Vol. 26, No. 102, Part 2. P. 119–133.
6. Ferguson W. Dingwall Burgh politics and the parliamentary franchise in the eighteenth century // Scottish Historial Review. 1959. Vol. 38. No. 126. Part 2. P. 89–108.
7. Furber H. Henry Dundas, First Viscount Melville, 1741–1811, Political Manager of Scotland, Statesman, Administrator of British India. London: Oxford university press, 1931. 331 p.
8. Graham, George (1730–1801), of Kinross House, Kinross. URL: http://www.historyofparliamentonline.org/volume/1790-1820/member/graham-george-1730-1801 (Accessed: 18.09.2021).
9. Hansard's parliamentary debates. Parliamentary reform bill for Scotland. Second reading. 23 September 1831. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1831/sep/23/parliamentary-reform-bill-for-scotland (Accessed: 18.09.2021).
10. Lovat Fraser J. A. Henry Dundas, Viscount Melville. Cambridge: Cambridge University Press, 1916. 146 p.
11. MacLeod R. C. The Western Highlands in the Eighteenth Century // The Scottish Historial Review. 1921. Vol. 19. No. 73, P. 33–48.
12. Montgomery F. A. Glasgow and the struggle for parliamentary reform, 1830–1832 // The Scottish Historical Review. 1982. Vol. 61. No. 172. P. 130–145.
13. Mundell A. Considerations upon the situation of the Elective Franchise as it respects Counties in Scotland; stated in a letter addressed to the land-owners of that part of the United Kingdom. London: John Murray, 1821. URL: https://archive.org/details/considerationsu00mundgoog/page/n6/mode/2up (Accessed: 18.09.2021).
14. Murdoch A. The Importance of Being Edinburgh: Management and Opposition in Edinburgh Politics, 1746–1784 // The Scottish Historical Review. 1983. Vol. 62. No. 173. P. 1–16.
15. Porritt E. The unreformed House of Commons; parliamentary representation before 1832. Cambridge: Cambridge University Press, 1903.Vol 2. 584 p.
16. Report of the Proceedings at the General Meeting of the Inhabitants of Edinburgh, December 16, 1820: to consider the propriety of a petition to his Majesty to dismiss his present ministers. Edinburgh; London, 1820. 40 p.
17. Scottish historical documents / Ed. by G. Donaldson. Edinburgh: Scottish Academic Press, 1970. 287 p.
18. Sinclair J. General report of Scotland: statistical tables, or, result of the inquiries regarding the geographical, agricultural, and political state of Scotland. URL: https://archive.org/details/generalreportofs00sincuoft/page/102/mode/1up (Accessed: 18.09.2021).
19. Sinclair, Sir John, 1st Bt. (1754–1835), of Ulbster and Thurso Castle, Caithness. URL: http://www.historyofparliamentonline.org/volume/1790-1820/member/sinclair-sir-john-1754-1835 (Accessed: 18.09.2021).
20. Sunter R.M. Patronage and politics in Scotland, 1707–1832. Edinburgh: John Donald Publishers LTD, 1986. 254 p.
21. The constitutional history of England since the accession of George the Third / Ed. by M.T. Erskine, F. Holland. London: Longmans Green and Co, 1912. Vol. 1. 435 p.
22. The History of Parliament. Constituencies 1690–1715. URL: http://www.historyofparliamentonline.org/research/constituencies/constituencies-1690-1715 (Accessed: 18.09.2021).
23. The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. URL: https://books.google.ru/books?id=Uq0uAAAAIAAJ&pg=PA154&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (Accessed: 18.09.2021).
24. Trevelyan G.M. Ramillies and The Union with Scotland. London: Longmans Green and Co, 1948. 468 p.
25. Union with England Act 1707. URL: http://rahbarnes.co.uk/union/union-of-1707/union-with-england-act-1707/ (Accessed: 18.09.2021).
26. Union with Scotland. Act 1706. URL: http://rahbarnes.co.uk/union/union-of-1707/union-with-scotland-act-1706/ (Accessed: 18.09.2021).
27. View of the political state of Scotland in the last century: a confidential report on the political opinions, family connections, or personal circumstances of the 2662 county voters in 1788 / ed. by A. Elphinstone. Edinburgh: David Douglas, 1887. 360 p.

Сведения об авторе

Мухин Максим Андреевич – аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений института истории и международных отношений Южного федерального университета / mmuhin@sfedu.ru
Адрес: д. 105/42, ул. Б. Садовая, 344006, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Information about the author

Mukhin Maksim – Postgraduate student, Department of World History and International Relations, Institute of History and International Relations, Southern Federal University / mmuhin@sfedu.ru
The address: 105/42, st. B. Sadovaya, 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation.

CC BY

УДК 908(470)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.11

А. Ю. Перетятько
К. Т. Абдуллаева

ВЫУЧЕННАЯ БЕСПОМОЩНОСТЬ КАК ФАКТОР ОБЕДНЕНИЯ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

В статье предпринимается попытка проанализировать психологические причины обеднения донских казачьих хозяйств конца XIX – начала XX вв. До настоящего времени не предпринималось попыток применять наработки современной психологии для изучения истории казачества. Более того, некоторыми современными авторами отмечается абстрактность исторической психологии как научной дисциплины, ее неприменимость для решения конкретных исторических проблем. Между тем, еще в 1890 гг. крупный исследователь донского казачества, Н.А. Маслаковец, отмечал, что обеднение казачьих хозяйств вызвано как объективными социально-экономическими, так и субъективными психологическими причинами. Вопрос об отсутствии у казаков «личной энергии» в хозяйственной деятельности подробно рассматривался так называемой «комиссией Н.А. Маслаковца», заседавшей в Новочеркасске в 1899 г. Однако в историографии вопрос о субъективных психологических причинах обеднения донского казачества не ставился вовсе. Между тем описание психологических проблем казаков современниками позволяет четко классифицировать главную проблему донского казачества как синдром выученной беспомощности. Судя по всему, он начал формироваться в середине XIX в., когда донское казачество оказалось в стрессовых и неподконтрольных ему условиях развития товарной экономики и роста повинностей (ситуативная беспомощность), а в казачьей среде подчинение внутри семьи было дополнено введением военной дисциплины в гражданской жизни (личностная беспомощность). При этом из состояния синдрома выученной беспомощности достаточно трудно выйти самостоятельно, и, с точки зрения современной психологии, он должен рассматриваться как значимый фактор обеднения казачьих хозяйств.

Ключевые слова: историческая психология, выученная беспомощность, психология отношений с государством, донское казачество, обеднение казачьих хозяйств, комиссия Н.А. Маслаковца.

Для цитирования: Перетятько А. Ю., Абдуллаева К. Т. Выученная беспомощность как фактор обеднения донского казачества на рубеже XIX – XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 250–257. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.11

Artyom Yu. Peretyatko
Karina T. Abdullaeva

LEARNED HELPLESSNESS AS A FACTOR OF IMPOVERISHMENT OF THE DON COSSACKS AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES

The article attempts to analyze the psychological cause for the impoverishment of the Don Cossacks in the late 19th and early 20th centuries. Attempts to apply the developments of modern psychology to study the history of the Cossacks have not been made up to the present time. Meanwhile, back in 1890 a major researcher of the Don Cossacks N.A. Maslakovets noted that the impoverishment of the Cossack farms is caused by both objective socio-economic and subjective psychological causes. The question about the Cossacks' lack of «personal energy» in economic activity was considered in detail by the so-called «commission of N.A. Maslakovets», which met in Novocherkassk in 1899. However, historiography did not raise the question about the subjective psychological causes for the impoverishment of the Don Cossacks. Meanwhile, the description of the psychological problems of the Cossacks by their contemporaries makes it possible to clearly classify the main problem of the Don Cossacks as a syndrome of learned helplessness. Apparently, it began to form in the middle of the 19th century, when the Don Cossacks found themselves in stressful and uncontrollable conditions for the development of a commodity economy and the growth of duties (situational helplessness), and in the Cossack environment, subordination within the family was supplemented by the introduction of military discipline in civil life (personal helplessness). At the same time, it is rather difficult to get out of the state of learned helplessness syndrome on our own, and, from the point of view of modern psychology, it should be considered as a significant factor in the impoverishment of Cossacks.

Keywords: historical psychology, learned helplessness, psychology of relations with the state, Don Cossacks, impoverishment of Cossack farms, commission of N. A. Maslakovets.

For citation: Peretyatko A.Yu., Abdullaeva K. T. Learned helplessness as a factor of impoverishment of the Don Cossacks at the turn of the XIX-XX centuries // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 250–257. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.11

Использование теоретических моделей современной психологии при изучении истории донского казачества представляется нам крайне перспективным направлением. Этому способствует сама историографическая ситуация: если в советской историографии история казачества трактовалась преимущественно как история социальной группы, и основное внимание исследователей привлекали социально-экономические процессы, то в последние десятилетия наметился очевидный поворот к персонализации донской истории, к «населению» прежде почти безличного исторического ландшафта конкретными фигурами [21, p. 210]. Однако при этом историки пытаются анализировать психологические особенности явлений, наблюдавшихся в прошлом, не обладая специальными психологическими знаниями.

Подобная ситуация вообще является типичной для российской историографии. А породила ее специфика исторической психологии как научной дисциплины. Так, известный ростовский ученый В. А. Шкуратов, выступая в МГУ на заседании Московского общепсихологического семинара с докладом «Существует ли еще историческая психология?», прямо заявил, что конкретные практические результаты применения данной дисциплины крайне незначительны [10, с. 389]. О.М. Морозова, автор ряда биографических работ, в которых производится мировоззренческая и психологическая реконструкция личностей их героев, пришла к выводу, что что на данный момент «общая теоретическая база» исторической психологии отсутствует, и поэтому каждый историк, обращающийся к проблемам психологии прошлого, «создает собственный набор приемов работы», причем эти приемы порой даже не описываются детально [10, с. 389-390].

Между тем применение наработок современной психологии при изучении истории донского казачества позволяет не только уточнить частные вопросы биографического характера, но и иначе взглянуть на некоторые принципиально важные сюжеты. Наиболее рельефно это видно на примере обеднения казачьих хозяйств, имевшего место в конце XIX – начале XX вв.

Оценка психологических причин обеднения донских казачьих хозяйств современниками

Традиционно процесс обеднения казачьих хозяйств в конце XIX – начале XX вв. принято связывать с растущим казачьим малоземельем: подобный подход был характерен как для современников, так и для советской историографии [1, с.147–149]. В последние годы появлялись работы, критикующие данную точку зрения и связывающие обеднение казачьих хозяйств, например, с ростом стоимости снаряжения на службу [14, с.156–167]. Однако на научном уровне до настоящего времени специально анализировались только объективные социально-экономические причины обеднения донского казачества.

Между тем один из крупнейших дореволюционных правительственных специалистов по казачьим войскам, генерал от инфантерии Н. А. Маслаковец, связывал обеднение казачьих хозяйств преимущественно с субъективными психологическими причинами. Самое развернутое его высказывание на этот счет звучит так: «Донской казак, после трехсотлетнего славного прошлого войска Донского, мог очутиться, вовсе им, быть может, не заслуженно, если и не на пороге полного разорения, то, во всяком случае далеко не в благоприятных экономических условиях естественно лишь потому, что не успел как бы следовало ориентироваться в целой массе нахлынувших на него новых нравственных, культурных и служебных условий, с серьезным влиянием которых, как в данном случае и не совсем благоприятным, казаку, с его устаревшим мировоззрением и не вполне отвечающими современным обстоятельствам хозяйственными приемами, справиться уже очень затруднительно» [9, с. 4]. Позиция Н. А. Маслаковца вызывала бурные споры среди донских чиновников и общественных деятелей, а вот позднейшими учеными ее обоснованность никогда специально не изучалась.

Современниками же вопрос о соотношении объективных социально-экономических и субъективных психологических причин обеднения казачества подробнее всего рассматривался в рамках работы «Высочайше утвержденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния», или «комиссии Н. А. Маслаковца» (по фамилии председателя), заседавшей в Новочеркасске в 1899 г. Казачье большинство комиссии связывало обеднение казаков с объективными факторами (в частности, как раз, со «стеснением станичных обществ в юртовых земельных довольствиях» и с ростом требований по несению военной повинности) [15, с. 136]. А вот ее председатель, не отрицая важности этих факторов, в очередной раз заявил, что не следует сбрасывать со счетов и фактор «личной энергии и настойчивости местного населения в сфере сельскохозяйственной его деятельности» [15, с. 136]. По мнению Н. А. Маслаковца, прежде всего самим казакам следовало «оставить легкий, пассивный образ косного существования, поддерживаемый сдачею земель в арендное содержание» и «вступить на серьезный, освященный знанием и опытом путь личной инициативы и активной деятельности в сфере эксплуатации окружающих их естественных богатств природы» [12, л. 10]. И именно поэтому, как всячески подчеркивал генерал, власти должны были оставаться очень осторожными в своей помощи казачеству: хотя помочь беднеющим казакам было, безусловно, необходимо, следовало опасаться

причинить «еще более трудно поправимое зло» «потворством укоренившимся в той или другой части казачьего населения дурным привычкам и личной беспечности» [12, л. 10 – 10об].

Выступление Н.А. Маслаковца вызвало крайне бурную реакцию на Дону. Один из членов его комиссии, А. А. Донецкий, даже произнес целую речь, в которой обвинял председателя в том, будто бы он оскорбил казачество необоснованными обвинениями и не объяснил, каким образом хозяйственная пассивность и бездеятельность могли развиться среди жителей Дона, в прежние времена их не проявлявших: «Никому еще не приходилось наблюдать того, что мощные телом, бодрые духом и предприимчивые люди вдруг ни с того, ни с сего, по мановению какого-то волшебного жезла, в массе своей как-то разом становятся празднолюбцами» [15, с. 157]. Однако нашлись и люди, полностью поддержавшие мнение Н. А. Маслаковца. Новочеркасский прокурор А. А. Чигринцев обратился к нему с частным письмом, в котором отмечал, что, по существу, многие утверждения самого А.А. Донецкого как раз и сводятся к следующему: «Пусть мол, в России живут как хотят, а у нас, на Дону, по словам Донецкого, государство должно прийти на помощь к казакам, улучшить их экономическое благосостояние в настоящем и упрочнить безбедное существование в будущем» [12, л. 4об].

Наконец, с очень интересным докладом, во многом подведшим итог данной дискуссии, выступил другой член комиссии Н. А. Маслаковца, П. Г. Мордвинцев. Хотя его выступление было несколько сумбурным (возможно, из нежелания открыто критиковать власти), П. Г. Мордвинцев, с одной стороны, признал, что в принципе богатств донского края и размеров казачьих наделов достаточно для благосостояния проживающих на них людей, но, с другой стороны, подчеркивал, что реальные казаки не обладают такими навыками и качествами, с помощью которых они могли бы извлечь из своей земли это благосостояние, а местная администрация не только не пытается данные качества развить, но и, напротив, часто убивает их в зародыше [15, с. 173–177]. В частности, П. Г. Мордвинцев указывал на неуважение властей к личному достоинству казаков, постоянное вмешательство администрации в деятельность их хозяйств, причем в самой унизительной форме, вследствие чего «энергия духа казачьего населения» подтачивалась сверху [15, с. 176–177]. Таким образом, речь П. Г. Мордвинцева смогла соединить позиции Н. А. Маслаковца, А. А. Чигринцева и А. А. Донецкого воедино: из нее следовало, что психологическая проблема, недостаточная энергичность казаков в занятиях хозяйством, действительно была важнейшим фактором обеднения донского казачества, но эта проблема возникла не случайно и не по вине казаков, но была сформирована ошибочной государственной политикой, в рамках которой власти выдвигали к казакам завышенные требования, не только не помогая, но и мешая в их достижении, а затем вмешивались в деятельность «не справившихся» с повинностями казачьих хозяйств. И именно после данной речи дискуссии о психологических причинах обеднения казачества в комиссии Н. А. Маслаковца прекратились, из чего можно сделать вывод, что высказанные П. Г. Мордвинцевым идеи удовлетворили всех ее членов.

Итак, специальная комиссия, созданная по указу лично Николая II и детально исследовавшая экономическое положение казаков, комиссия, результаты работы которой высоко оцениваются современными историками [17, с. 268–273], пришла к выводу, что нельзя объяснить обеднение казаков в конце XIX в. без учета субъективных психологических факторов. Однако этот вывод не нашел развития у позднейших авторов, и большинство историков до сих пор предпочитает, подобно членам этой комиссии до выступления Н. А. Маслаковца, объяснять экономические проблемы казачьих хозяйств их объективным обезземеливанием. Это естественно связать с тем, что историкам куда проще описывать экономические, чем психологические процессы: в конце концов, даже понять, насколько серьезным препятствием для развития донской экономики стало отсутствие должной «личной энергии» у казаков, без специальных психологических знаний достаточно сложно. Между тем с точки зрения современной психологии описанная членами комиссии Н. А. Маслаковца психологическая проблема может быть достаточно четко классифицирована как синдром выученной беспомощности.

Синдром выученной беспомощности, личностная и ситуативная беспомощность: некоторые особенности

Выученная беспомощность представляет собой состояние человека, сформированное неблагоприятным прошлым или происходящими в данный момент негативными событиями, неподконтрольность и непредсказуемость которых порождает пассивность, отсутствие самостоятельности и мотивации действовать. Человек, проявляющий симптомы выученной беспомощности, нуждается в помощи, поддержке и опеке со стороны окружающих, он не способен делать собственный выбор, нести за него персональную ответственность [18, с. 132 – 137].

Беспомощность вообще – это пассивное, неадаптивное поведение, когда человек не улучшает неблагоприятные условия своей жизни, даже когда имеет такую возможность. Беспомощность может быть ситуативной и личностной. В случае донского казачества второй половины XIX в. можно говорить о проявлении обоих вариантов беспомощности. Вот что писал А. А. Чигринцев в своем

письме Н. А. Маслаковцу: «С половины текущего столетия войны стали очень редки <…>, но донская область продолжает быть военным станом, не ведущим войны, но всегда готовым к ней» [12, л. 2]. Социальная группа, испокон веков жившая войной и для войны, рассматривавшая ее как цель своего существования и важный источник обогащения, вдруг оказалась поставлена в совершенно иные условия, условия гражданской жизни внутри Российской империи. Более того, вышестоящие власти кардинально пересмотрели требования к казачьим войскам, в 1860 гг. попытавшись искусственно, сверху развивать «гражданственность» на их территории (что, кстати, вызвало крайнее недовольство на Дону) [8, с.167–174]. Таким образом, донское казачество оказалось в ситуации, к которой было не готово, и к которой не смогло полноценно психологически адаптироваться, что в полной мере отвечает понятию ситуативной беспомощности.

Более сложный и не менее важный для нашего исследования феномен представляет беспомощность личная. Дело в том, что предрасположенность к возникновению выученной беспомощности обычно встречается у людей с хорошо развитой личностной беспомощностью, которая является устойчивым образованием, и входит симптомокомплекс личностных качеств. В основе личностной беспомощности лежит сочетание устойчивых личностных стилевых особенностей. Д. А. Циринг характеризует личностную беспомощность, как «сложное устойчивое образование, формирующееся в процессе онтогенеза и воспитания личности под влиянием, в том числе системы взаимоотношений с окружающими» [19, с. 17]. Структура личностной беспомощности состоит из четырех компонентов, включая в себя волевую, эмоциональную, когнитивную и мотивационную составляющие. Более подробно к вопросу о причинах развития личностной беспомощности у донских казаков мы вернемся ниже, поскольку для его характеристики нужно больше места.

Внешние причины и последствия формирования синдрома выученной беспомощности у донских казаков

Как нельзя лучше о механизме формирования синдрома выученной беспомощности говорит современный психолог Д. А. Жуков: по ее мнению, выученная беспомощность возникает, когда индивидуум оказывается в условиях стрессовой ситуации, изменений среды, к которым невозможно приспособиться, невозможно избежать и невозможно предсказать [5, с. 79-86]. Иными словами, толчком к возникновению выученной беспомощности часто становится беспомощность ситуативная. А вот что говорил П.Г. Мордвинцев, объясняя, почему государство должно прийти на помощь казакам: «Очевидно, казак запутался; очевидно, что произошел какой-то резкий перелом в его жизни, который не дал ему ни времени, ни возможности разобраться в новых надвинувшихся на него условиях, разобраться и последовательно перейти от одной формы хозяйства к другой, логически за ней следующей. Этот признак человека, выбитого из колеи, мы проследим» [15, с. 100]. Как мы видим, современники, объясняя психологические проблемы казачества, хотя и использовали терминологию, далекую от современной, но понимали, что утрата казаками «личной энергии» связана со стремительным изменением условий их существования и с неспособностью адаптироваться к этому изменению. Более того, выше мы показали, что ими делалась и оценка того, когда ситуация вокруг казачества резко изменилась. Все вышеуказанное позволяет нам сделать вывод, что выработка у донских казаков выученной беспомощности началась в середине XIX в. («с половины текущего столетия», по выражению А. А. Чигринцева), когда донское казачество оказалось в условиях ситуативной беспомощности.

Е. П. Ильин особенно акцентирует внимание на том, что для развития синдрома выученной беспомощности благоприятной является полностью неподконтрольная индивидууму ситуация, когда результат не зависит от прилагаемых им усилий («сколько не старайся, все без толку») [6, с. 380]. И именно подобную ситуацию мы можем в полной мере наблюдать на Дону во второй половине XIX в. Дело в том, что денежные обязанности казаков перед государством стремительно росли, обрекая на разорение множество казачьих хозяйств независимо от действий самих казаков. Только стоимость покупаемого казаком при выходе на службу снаряжения с 1860 гг. до 1900 гг. выросла примерно втрое, с 70–100 руб. до 250–300 руб. [14, с. 164]. П. Г. Мордвинцев особенно подчеркивал, что в это время наблюдалась и интенсификация казачьих хозяйств, переход от преобладания скотоводства к преобладанию земледелия: если еще в 1870 гг. средняя казачья семья засевала под хлеб 5 десятин, то к концу 1890 гг. этот показатель вырос до 12 десятин [15, с. 174]. И можно только согласиться его с выводом: первоначально казаки пытались адаптироваться к изменившимся условиям, и им удалось достичь определенных успехов в этом направлении, сменив хозяйственную направленность своих хозяйств на более интенсивную (с натурального скотоводства на товарное земледелие), однако слишком быстрый рост государственных повинностей в долгосрочной перспективе не оставлял им шансов [15, с. 174].

От причин развития синдрома выученной беспомощности в казачьей среде перейдем к последствиям этого явления. С. А. Палеха утверждает, что пораженный синдромом вынужденной беспомощности человек становится пассивным и его поведение теряет адаптивность [13, с.10 –

11]. Действительно, зачем казаку было продолжать прикладывать «личную энергию» к своему хозяйству, если спасти последнее могли только сверхусилия, причем даже они не гарантировали от разорения в будущем, при дальнейшем росте финансового бремени? И еще один член комиссии Н. А. Маслаковца, В. Я. Бирюков, возражая мнению о том, будто бы казаки могли кормиться с существующих наделов, обладай они большей хозяйственной энергией, отвечал: «Говорят еще, что казаки зимой, в свободное от полевых работ время, могли бы заниматься ремеслами. Но почему офицеру, праздно гуляющему по бульварам, не посоветовать в свободное время заниматься, например, адвокатурой, коммерцией, железнодорожной службой и прочая, и прочая. Все специализируются, одни казаки-воины-земледельцы должны быть почему-то энциклопедистами» [15, с. 123]. Таким образом, идея необходимости личных сверхусилий со стороны казаков для сохранения собственных хозяйств некоторыми донскими общественными деятелями отвергалась априори, на том основании, что сравнимые усилия не прилагались привилегированными социальными группами Российской империи.

И нам остается констатировать, что, с точки зрения современной психологической науки, восстановлению благосостояния донских казачьих хозяйств на рубеже XIX–XX вв. препятствовали не только объективные социально-экономические причины, но и причины социально-психологические. В казачьей среде распространялся синдром выученной беспомощности, проявлявшийся в неготовности казаков принимать на себя личную ответственность за свое обеднение и в попытках переложить эту ответственность на государство. Особенно же осложняло ситуацию то, что до этого власти действительно поставили казаков в такие условия, в которых их попытки интенсифицировать свои хозяйства не защищали от разорения, и синдром выученной беспомощности основывался на многолетнем опыте. Можно с уверенностью утверждать: условия конца XIX в. объективно формировали у донских казаков ощущение бессилия, уничтожали их мотивацию самостоятельно решать хозяйственные проблемы, и в итоге многие казаки отказывались от попыток использовать имеющиеся резервы свободного времени для освоения новых навыков, потенциально способных улучшить их положение.

Внутренние факторы формирования синдрома выученной беспомощности у донских казаков

Единичные травмирующие события не могут быть источником формирования выученной беспомощности у крупной социальной группы. Даже в том случае, если эта группа, подобно донским казакам, подвергается воздействию подобных событий систематически, на протяжении нескольких десятилетий для того, чтобы результатом этого воздействия стало именно формирование синдрома выученной беспомощности, желательно наличие некоторых других факторов. Так, как мы писали выше, синдром выученной беспомощности легче формируется у людей, у которых выработана беспомощность личностная. Другим значимым фактором в формировании синдрома являются социально-психологические отношения: отношения в семье, отношения в школе и отношения с близким окружением.

С наибольшей вероятностью выученная беспомощность формируется в семьях, где присутствуют жесткие и непоследовательные в своем воспитании родители с доминирующей гиперпротекцией и повышенной моральной ответственностью [20, с.174 – 175]. И здесь нельзя не отметить, что для донских казаков второй половины XIX в. были характерны большие патриархальные семьи. Хотя наметилась и тенденция к разрушению подобных семей, общественное мнение в станицах обычно стояло на стороне родителей. Интересно отметить, что, когда в конце 1870 гг. другая специальная комиссия выясняла причины обеднения донских казаков, представители ряда станичных обществ заявили, что одной из причин проблемы является непочтительность детей к родителям. Так, представители Дурновского и Павловского станичных обществ требовали, «чтобы дети, преждевременно и без всяких причин от родителей не уходили, а были в полном их повиновении и подчинении» [3, л. 72 об – 73]; Иловлинское и Качалинское станичные общества шли еще дольше, призывая дать им право «рассматривать жалобы родителей на их детей, в случае явного их неповиновения, преднамеренной уклонности от присмотра за хозяйством, и над теми, которые, без всяких причин, оставили престарелых родителей без призрения, принимать исправительные меры: делать внушения на сходах и содержать под арестом», причем дополнительно отмечалось, что прежде станичные общества имели куда больше способов борьбы со «своеволием детей» [3, л. 105 об – 106]. Между тем, закрепление командных функций за главой патриархальной семьи оставляет всем домочадцам только роли покорных исполнителей. Таким образом, патриархальная специфика казачьих семей и воспитание, предполагавшее полное подчинение родительской воле (с угрозой публичного наказания станичным обществом за неповиновение), способствовали формированию у молодых казаков личностной беспомощности.

В виду ограниченности объема статьи не будем здесь подробно останавливаться на отношениях казаков в школе (учебные заведения даже в 1890 гг. посещались далеко не всеми казачатами) и с ближайшим окружением (и так понятно, что поголовная военная служба с ее дисципли-

ной и подчинением способствовала формированию личностной беспомощности). Просто отметим, что члены комиссии Н. А. Маслаковца как раз много жаловались на то, что даже местные, станичные власти в 1880–1890 гг. стали лишать недовольных казаков права голоса в хозяйственных делах станицы, ссылаясь как раз на военную дисциплину: «Не успеет «супортивник» <решений начальства> – как их называют станичники – раскрыть рот и произнести два-три протестующих слова, как сию же минуту отдается приказ об аресте, и его на глазах всего сбора волокут в станичную тюрьму, где он просиживает двое-трое суток на хлебе и воде» [15, с. 133 – 134]. Отметим, что, по мнению членов комиссии Н.А. Маслаковца, подобное ужесточение дисциплины за пределами военной службы тоже наметилось с середины XIX в., а до этого казаки пользовались в гражданской и общественной жизни свободой и самоуправлением [15, с. 124]. Таким образом, до этого времени формирование личностной беспомощности у молодых казаков в семье и на службе в определенной степени нивелировалось традиционными казачьими привилегиями, но к 1890 гг. баланс в этой области так же был разрушен недальновидными действиями властей.

Итак, уникальность случая донского казачества состоит в том, что в его среде феномен вынужденной беспомощности не существовал исторически, а был сформирован ошибочной политикой имперских властей во второй половине XIX в. И эта политика была вдвойне ошибочна: донское казачество не только оказалось поставлено в условия ситуативной беспомощности, но и одновременно произошло усиление элементов личностной беспомощности в его среде, порожденное разрушением баланса между семейной и военной дисциплиной и свободой и самоуправлением в гражданской и общественной жизни.

Усугубление проблем вынужденной беспомощности донского казачества

Итак, в среде казаков второй половины XIX в. все большее распространение получало желание заботы, опеки и покровительства со стороны государства, а также перекладывание ответственности за все, что происходит в регионе, на власть. Вместо того, чтобы решать сложившиеся проблемы самостоятельно, представители казачества надеялись на помощь имперских властей. Собственно, примером этого была сама комиссия Н. А. Маслаковца, созданная по инициативе снизу, вследствие ходатайства донских дворян [4, л. 2-3 об]. И эта комиссия отработала блестяще, выявив не только объективные социально-экономические проблемы обеднения казачества, но и вскрыв более глубинную и неочевидную проблему, существование синдрома выученной беспомощности у казаков.

Однако имперские власти избрали наихудший вариант действий, не только не начав борьбу с этим синдромом, но и усугубив его распространение в казачьей среде. Все сущностные предложения комиссии Н.А. Маслаковца, направленные на возрождение «личной энергии» казаков были проигнорированы, а принято было предложение, максимально подчеркивающее несамостоятельность донцов и их зависимость от государства: было постановлено выделять каждому казаку при снаряжении на службу 100 руб. на покупку лошади [16, л. 57]. Более того, прибывший на Дон лично военный министр А. Н. Куропаткин публично заявил, что «в упадке экономического благосостояния Донского края виновны прежде всего сам казак и его ближайшее окружение» [16, л. 51об]. Далее он отметил, что казачьи хозяйства экономически неэффективны, имеющиеся ресурсы используются ими нерационально, а многие потенциальные экономические резервы не применяются вовсе [16, л. 51об-52]. О вине же государства в сложившейся ситуации А. Н. Куропаткин не счел нужным упоминать. Зато он призвал казаков усерднее трудиться, «ведь не все же рассчитывать на пособия от правительства» [16, л. 52]. Итак, хотя комиссия Н. А. Маслаковца однозначно показала, что вину за разорение казаков в первую очередь нужно возложить на власти, и даже упадок «личной энергии» казаков был во многом вызван неверной государственной политикой в их отношении, в пространстве официальной риторики Российская империя не только осталась невиновной в этом, но и, напротив, казаков обвинили в собственном разорении, а имперские власти позиционировались как благодетели, в этой ситуации пришедшие им на помощь.

Таким образом, если с точки зрения объективных социально-экономических отношений донское казачество получило помощь, то его субъективные психологические проблемы были только усугублены. Хотя внутри комиссии Н. А. Маслаковца ее членам удалось, несмотря на первоначальные обвинения и конфликты, осознать существование у казаков проблем с «личной энергией» и даже грамотно проработать ее причины, признав обоюдную вину казаков и государства, полученные результаты не стали достоянием общественности. Вместо этого государство снова поставило донское казачество в ситуацию одновременно стрессовую (гордым казакам было объявлено о их новой вине) и неподконтрольную (казакам была предоставлена односторонняя помощь сверху, никак не зависящая от их усилий). Между тем, как мы показали выше, синдром выученной беспомощности является достаточно серьезной психологической проблемой, в большинстве случаев неразрешимой без поддержки окружения. Итак, донское казачество начала XX в. продолжало страдать от психологических проблем, и его экономические проблемы (а, возможно, и социальная агрессия в отношении иногородних) не могут быть в полной мере осознаны без понимания этого факта.

Список литературы

1. Волвенко А. А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2017. 226 с.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 28.
3. ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85.
4. ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682.
5. Жуков Д.А. Роль неконтролируемого стресса в детерминации рискованного поведения // Известия РГПУ. 2010. №136. С. 79–86.
6. Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб.: АСТ, 2011. 380 с.
7. Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив. 1896. Кн. 12. С. 569–591.
8. Карасев А. А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 167–174.
9. Маслаковец Н.А. Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донецкого. Новочеркасск: б. и., 1899. 11 с.
10. Морозова О. М. У истоков нового подхода: к сорокалетию публикации статьи И.Г. Белявского и А.П. Пронштейна «Некоторые психологические аспекты отражения действительности в исторических источниках» // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2014. С. 386–390.
11. Морозова О. М. Цари, казаки, красные командиры… Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2010. 274 с.
12. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1055. Д. 24.
13. Палеха, С.А. Выученная беспомощность в системе обучения // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 5. С. 10–11.
14. Перетятько А. Ю. О причинах экономического кризиса казачества накануне XX в.: динамика цен на казачье снаряжение в 1860-1890 гг. // Новое прошлое/The New Past. 2018. № 3. С. 156–167.
15. Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б. м.: б. и., 1899. 289 с.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 48.
17. Скорик А.П. Проблемы и противоречия традиционного быта донских казаков на рубеже XIX – XX вв. (о результатах работы комиссии Н. А. Маслаковца) // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития. Ростов-на-Дону: издательство ЮНЦ РАН, 2014. С. 268–273.
18. Хрушкова К. А. Выученная беспомощность как социально сформированный феномен // Осознание культуры – залог обновления общества. Перспективы развития современного общества. Севастополь: Рибест, 2020. С. 132–137.
19. Циринг Д.А. Личностная беспомощность у студентов: психологическое содержание структурных компонентов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура. 2006. № 8. С. 17–21.
20. Циринг Д.А., Пономарева И.В. Психологические функции личностной беспомощности // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 174–175.
21. Rajović G., Krinko E.F., Vazerova A.G., Trailovic M. Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part I // Bylye Gody. 2019. 51(1): 209–218.

References

1. Volvenko A. A. Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskij period (II pol. XIX – nach. XX vv.) (Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half XIX - beginning of XX centuries). Rostov-on-Don: The publishing house of RSUE (RINCh), 2017. 226 p. (in Russian).
2. State archive of the Rostov region (GARO). F. 243. Inv. 1. D. 28.
3. ГАРО. F. 301. Inv. 10. D. 85.
4. ГАРО. F. 410. Inv. 1. D. 682.
5. Zhukov D.A. Rol' nekontroliruemogo stressa v determinatsii riskovannogo povedeniya (The role of uncontrolled stress in the determination of risky behavior) // Izvestiya RGPU. 2010. No. 136. P. 79–86 (In Russian).
6. Il'in E.P. Rabota i lichnost'. Trudogolizm, perfektsionizm, len' (Work and personality. Workaholism, perfectionism, laziness). St.Petersburg: AST, 2011. 380 p. (In Russian).
7. Karasev A.A. Zapiska knyazya A. M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo (Note by Prince A. M. Dondukov-Korsakov about the Don Host Oblast) // Russkii arkhiv. 1896. Vol. 12. P. 569–591 (In Russian).
8. Karasev A.A. Bunt na Donu v 1862–1863 godakh (Riot on the Don in 1862-1863) // Istoricheskii vestnik. 1900. No. 80. P. 167–174 (In Russian).
9. Maslakovets N. A. Predstavlennye g. Predsedatelem komissii soobrazheniya po povodu dokladov gg. Mordvintseva, Biryukova i Donetskogo (Submitted by the Chairman of the Commission considerations of reports of Mordvintsev, Biryukov and Donetskii). Novocherkassk, 1899. 11 p. (In Russian).
10. Morozova O.M. U istokov novogo podkhoda: k sorokaletiyu publikatsii stat'i I.G. Belyavskogo i A.P. Pronshteina «Nekotorye psikhologicheskie aspekty otrazheniya deistvitel'nosti v istoricheskikh istochnikakh» (At the origins of a new approach: to the fortieth anniversary of the publication of the article by I. G. Belyavsky and A. P. Pronshtein «Some psychological aspects of the reflection of reality in historical sources») // Nauchnoe nasledie professora A. P. Pronshteina i aktual'nye problemy razvitiya istoricheskoi nauki (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiiskogo uchenogo): materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 4–5 aprelya 2014 g.). Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya, 2014. P. 386–390 (In Russian).

11. Morozova O. M. Tsari, kazaki, krasnye komandiry… Sem' ocherkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta (Tsars, Cossacks, Red commanders ... Seven essays in the genre of historical and psychological portrait). Rostov-on-Don: The publishing house of SSC RAS, 2010. 274 p. (in Russian).
12. Department of manuscripts of Russian national library (OR RNB). F. 1055. D. 24. (In Russian).
13. Palekha, S.A. Vyuchennaya bespomoshchnost' v sisteme obucheniya (Learned helplessness in the training system) // APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2017. No. 5. Pp. 10–11. (In Russian).
14. Peretyat'ko A. Yu. O prichinakh ekonomicheskogo krizisa kazachestva nakanune XX v.: dinamika tsen na kazach'e snaryazhenie v 1860-1890 gg. (On the causes of the economic crisis of the Cossacks on the eve of the XX century: the dynamics of prices for Cossack equipment in the 1860–1890) // Novoe proshloe/The New Past. 2018. No. 3. P. 156–167 (In Russian).
15. Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti (Logs of the Commission for the Study of needs of the Cossack Population of the Don Region). Without a place: without a press, 1899. 289 p. (In Russian).
16. Russian state historical archive (RGIA). F. 1263. Inv. 4. D. 48. (In Russian).
17. Skorik A. P. Problemy i protivorechiya traditsionnogo byta donskikh kazakov na rubezhe XIX-XX vv. (o rezul'tatakh raboty komissii N. A. Maslakovtsa) (Problems and contradictions of traditional life of don Cossacks in the XIX-XX centuries (based on the results of the work of the Commission of N. A. Maslakovets) // Modernizatsiya polietnichnogo makroregiona i sopredel'nykh gosudarstv: opyt, problemy, stsenarii razvitiya. Rostov-on-Don: The publishing house of SSC RAS, 2014. P. 268–273 (In Russian).
18. Khrushkova K. A. Vyuchennaya bespomoshchnost' kak sotsial'no sformirovannyi fenomen (Learned helplessness as a socially formed phenomenon) // Osoznanie kul'tury – zalog obnovleniya obshchestva. Perspektivy razvitiya sovremennogo obshchestva. Sevastopol': Ribest, 2020. P. 132–137 (In Russian).
19. Tsiring D. A. Lichnostnaya bespomoshchnost' u studentov: psikhologicheskoe soderzhanie strukturnykh komponentov (Personal helplessness in students: psychological content of structural components) // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie, zdravookhranenie, fizicheskaya kul'tura. 2006. No. 8. P. 17–21 (In Russian).
20. Tsiring D.A., Ponomareva I.V. Psikhologicheskie funktsii lichnostnoi bespomoshchnosti (Psychological functions of personal helplessness) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. No. 357. P. 174–175 (In Russian).
21. Rajović G., Krinko E. F., Vazerova A. G., Trailovic M. Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part I. // Bylye Gody. 2019. No. 51(1) P. 209–218 (In Russian).

Сведения об авторах

Перетятько Артем Юрьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель Таганрогского института имени А.П. Чехова – филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) / ArtPeretatko@yandex.ru
Адрес: 48, ул. Инициативная, 347936, Таганрог, Российская федерация.
Абдуллаева Карина Турсуналиевна – психолог Медицинского центра «Ревиталь» / Carina1982@mail.ru
Адрес: 31, Оренбургский пер., 344000, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Information about the authors

Peretyatko Artyom Y. – PhD in History, Lecturer, Taganrog Institute of A.P. Chekhov – Branch of Federal Statefunded Educational Institution of the Higher Education of the Rostov State Economic University (RINH) / ArtPeretatko@yandex.ru
The address: 48, st. Initiativnaya, 347936, Taganrog, Russian Federation.
Abdullaeva Karina T. – psychologist, Medical Center «Revital» / Carina1982@mail.ru
The address: 31, Orenburgskii lane, 344000, Rostov-on-Don, Russian Federation.

CC BY

УДК 94 (436)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.12

А. Н. Птицын

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

В статье анализируется одна из важных и малоисследованных проблем, связанная с историей миграций в Европе в конце XIX – начале XX века. Важнейшим участником этих процессов являлась Австро-Венгерская монархия. Система австро-венгерских внешних переселений до сих пор изучена недостаточно, что выражается в отсутствии комплексных обобщающих работ. Она рассматривалась лишь фрагментарно – в разрезе отдельных национальных диаспор или отдельных стран. При этом основное внимание исследователей было приковано к заокеанским передвижениям габсбургских подданных. Научная новизна данной статьи состоит в том, что ее предметом является европейское направление австро-венгерской эмиграции, которое долгое время оставалось на периферии внимания историков.

Габсбургская монархия была в той или иной степени связана системой трансграничных миграций практически со всеми странами тогдашней Европы. При этом она выступала в двух ролях – как донора, так и реципиента, но первая из них ощутимо преобладала. В начале XX в. численность подданных Франца-Иосифа, проживавших в других странах Европы, в два раза превосходила количество иностранцев на территории габсбургских земель.

На основе анализа материалов переписей населения определена суммарная численность австро-венгерских иммигрантов в странах Европы. К началу XX в. она достигла 600 тыс. человек, а к началу Первой мировой войны приблизилась к 900 тыс. человек. Основными направлениями внешних миграций габсбургских подданных являлись: западноевропейское с доминирующей ролью Германии (основная страна-реципиент, принявшая от двух третей до трех четвертей переселенцев), российское, южноевропейское (Италия) и балканское (Румыния и Болгария).

Австро-венгерская эмиграция в страны Европы носила экономический, трудовой характер. Среди переселенцев преобладали промышленные и сельскохозяйственные рабочие и были широко представлены выходцы из других социальных слоев. Иммигранты принадлежали к различным народам дуалистической монархии: немцам, чехам, полякам, русинам, венграм, румынам и др. Большая часть из них были выходцами из австрийских земель, венгерские уроженцы доминировали только на балканском направлении.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Европа, история миграций, австро-венгерская эмиграция, австро-венгерские переселенцы, иммиграция в Европу.

Для цитирования: Птицын А. Н. Европейский вектор Австро-Венгерской эмиграции на рубеже XIX–XX веков // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 258–265. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.12

Andrey N. Ptitsyn

EUROPEAN DIRECTION OF AUSTRIA-HUNGARIAN EMIGRATION AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

The article analyzes one of the most important and little-studied problems related to the history of migrations in Europe in the late 19th - early 20th centuries. The most important participant in these processes was the Austro-Hungarian monarchy. The system of Austro-Hungarian external migrations has not yet been sufficiently studied, which is expressed in the absence of comprehensive generalizing works. It was considered only fragmentarily - in the context of individual national diasporas or individual countries. At the same time, the main attention of researchers was glued to the overseas movements of Habsburg citizens. The scientific novelty of this article lies in the fact that its theme is the European direction of the Austro-Hungarian emigration, which for a long time remained on the periphery of the attention of historians.

The Habsburg Monarchy was, to one degree or another, connected by a system of cross-border migrations with almost all countries of what was then Europe. At the same time, it acted in two roles - both a donor and a recipient, but the first of them significantly prevailed. At the beginning of the 20th century, the number of nationals of Franz Joseph living in other European countries was twice the number of foreigners in the territory of the Habsburg lands.

Based on the analysis of census materials, the total number of Austro-Hungarian immigrants in European countries was determined. By the beginning of the twentieth century, it has reached 600 thousand people, and by the beginning of the First World War it has approached 900 thousand people. The main directions of external migration of the Habsburg nationals were: Western European with the dominant role of Germany (the main recipient country, which accepted more than two thirds of the settlers), Russian, South European (Italy) and Balkan (Romania and Bulgaria).

Austro-Hungarian emigration to European countries was of an economic and labor nature. Industrial and agricultural workers predominated among the settlers, and people from other social strata were widely represented. The immigrants belonged to various peoples of the dualistic monarchy: Germans, Czechs, Poles, Rusyns, Hungarians, Romanians, etc. Most of them came from Austrian lands, Hungarian natives dominated only in the Balkan direction.

Key words: Austria-Hungary, Europe, history of migrations, Austro-Hungarian emigration, Austro-Hungarian settlers, immigration to Europe.

For citation: Ptitsyn A. N. European direction of Austria-Hungarian emigration at the turn of the XIX–XX centuries // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 258–265. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.12

Австро-Венгерская монархия являлась важнейшим участником системы международных миграций второй половины XIX – начала XX в. Там она преимущественно играла роль донора, при которой количество покидавших страну граждан существенно превосходит численность оседавших в ней иностранцев. Переселенческое движение из габсбургских земель подразделялось на два основных потока – межконтинентальный (в Северную и Южную Америку, Австралию) и европейский (в Западную и Южную Европу, на Балканский полуостров и в Россию).

Межконтинентальные миграции из Австро-Венгрии были более масштабными и оказались полнее отражены в источниках, чем внутриевропейские. Поэтому основное внимание исследователей феномена австро-венгерской эмиграции было сосредоточено на них, а европейский миграционный вектор рассматривался ими лишь фрагментарно. Современные австрийские историки называют систему межгосударственных перемещений между Австро-Венгрией и соседними странами «забытой», констатируя при этом настоятельную необходимость ее изучения для воссоздания социальной и демографической истории стран Центральной и Восточной Европы [8, p. 28].

Целью данной статьи является рассмотрение европейского вектора австро-венгерской эмиграции. Как свидетельствуют данные статистики, дуалистическая монархия в большей или меньшей степени была связана каналами трансграничных миграций практически со всеми странами тогдашней Европы [7, s. 40].

В структуре австро-венгерской внутриконтинентальной эмиграции можно выделить четыре основных направления: западноевропейское, южноевропейское, балканское и российское. Но два последних направления проникали и в другую часть света – Азию (соответственно, в азиатские провинции Османской империи и азиатскую часть России). Оба они отличались значительной спецификой и заслуживают специального рассмотрения в рамках отдельных работ.

Эмиграция из габсбургских земель приобрела массовый характер в период перехода к дуализму (60-е гг. XIX в.) и продолжалась вплоть до начала Первой мировой войны. Ее предпосылки сформировались в тот период, когда страна вступила на путь кардинальной социально-экономической и политической модернизации. Они носили комплексный характер и были связаны с целым рядом факторов – экономических, социальных, демографических, правовых, политических, социально-психологических. Главную роль при этом играли особенности социально-экономического и демографического развития страны.

Наблюдавшийся в то время в Европе прирост рождаемости и продолжительности жизни привели к значительному увеличению численности населения Австро-Венгрии, которое с момента установления дуализма (1867 г.) и до начала Первой мировой войны выросло в полтора раза – с 35,7 до 52,7 млн человек [4, с. 144].

В то же время, по темпам экономического роста и достигнутому уровню социально-экономического развития эта страна существенно уступала передовым государствам Западной Европы. По сравнению с ними процессы экономической модернизации в австрийских и венгерских землях имели запаздывающий и незавершенный характер. Сохранялись многие пережитки прежних хозяйственных укладов. Экономическое развитие шло неравномерно и периодически сталкивалось с острыми кризисами. Происходило постепенное разрушение прежней социальной структуры, что вело к социальному расслоению и падению уровня жизни отдельных групп населения. Характерное для Австро-Венгрии сочетание существенного демографического прироста с замедленными темпами экономического развития вело к переизбытку трудовых ресурсов и высокой безработице, а также консервировало низкий уровень доходов населения [3, с. 78, 185]. По оценке современного российского историка Ч.Б. Желицки, «резкий рост численности населения привел к тому, что в 1890-1900 гг. значительная часть достигшей трудоспособного возраста молодежи не могла найти работу на родине» [1, с. 74].

Выход из сложившейся социально-экономической ситуации некоторые жители страны стали видеть в эмиграции. У них сформировались психологическая готовность к данному шагу и соответствующая поведенческая модель. По мере расширения миграционного движения все большее значение приобретали «сила примера» переселенцев «первой волны» и их свидетельства об успешной адаптации в других странах. Важную роль сыграло также развитие системы транспортных коммуникаций (железнодорожных и морских), что привело к существенному удешевлению расходов на заграничные поездки [1, с. 72, 88].

Правовые предпосылки для начала массовой эмиграции обеспечили австро-венгерские Конституционные законы 1867 г., разрешившие всем жителям свободный выезд за границу, с одним ограничением – военнообязанные мужчины вначале должны были отбыть воинскую повинность [4, с. 147]. В тех же странах, которые принимали переселенцев, в рассматриваемый период существовали либеральные правовые режимы для иммиграции, при этом многие из них приезд иностранцев целенаправленно поощряли.

Общее количество австро-венгерских эмигрантов за почти полувековой период от установления дуализма и до начала Первой мировой войны (1867–1914) составило около 5 млн человек. По степени вовлеченности своего населения в переселенческое движение эта страна в рассматриваемый период

не имела себе равных в мире – количество эмигрантов составило почти 10 % от общей численности ее жителей [9].

Динамика переселенческого движения из дуалистической монархии шла по нарастающей, увеличиваясь с каждым десятилетием, и достигнув максимальных значений накануне Первой мировой войны. Численность австро-венгерских эмигрантов составляла по десятилетиям: в 1860-е – 40 тыс., в 1870-е гг. – 111 тыс., в 1880-е гг. – 436 тыс., в 1890-е гг. – 724 тыс., в 1900-е гг. – 2 млн 342 тыс., в 1911–1913 гг. – 731 тыс. Таким образом, за последнюю треть XIX в. родину покинуло более 1,3 млн. жителей дуалистической монархии, а за первые 13 лет XX века – еще 3,1 млн [10, p. 230–231].

Примерно 60 % из общего количества австро-венгерских эмигрантов (примерно 3 млн человек) отправились за океан. Их подавляющее большинство осело в США (около 2,5 млн человек, или половина всех австро-венгерских эмигрантов). Примечательно, что по данным американской статистики, в конце XIX в. каждый пятый иностранец, прибывший на жительство в эту страну, был уроженцем габсбургских земель. Десятки тысяч габсбургских уроженцев приняли Канада, Аргентина, Бразилия и Австралия, масштабы переезда в другие заокеанские страны были менее значительными [10, p. 544, 952–953].

В различные европейские страны перебрались на жительство примерно 40 % от общей численности габсбургских эмигрантов (около 2 млн человек). Эти трансграничные перемещения, осуществляемые по разным направлениям с помощью различных видов транспорта, гораздо труднее отследить, чем заокеанские путешествия, где в портах велась подробная статистика с указанием гражданства пассажиров. В то время в большинстве европейских сран существовал либеральный режим трансграничных передвижений, поэтому миграционные потоки контролировались и фиксировались слабо.

В отличие от системы межконтинентальных миграций, где Габсбургская монархия играла исключительно роль донора, во внутриевропейских перемещениях населения она совмещала роли донора и реципиента, однако донорская функция ощутимо преобладала и здесь. В 1910 г. около 1,5 млн подданных Австро-Венгрии жили и работали в европейских странах, в то время как ее территории проживало вдвое меньше иностранцев [13, p. 76].

В структуре австро-венгерского переселенческого движения за рубеж безраздельно доминировала трудовая миграция. Страну покидали представители различных социальных слоев, стремившиеся, как правило, к улучшению своего материального положения путем ведения трудовой деятельности за границей: малоземельные и безземельные крестьяне, сельскохозяйственные и промышленные рабочие, ремесленники, специалисты экономической сферы, представители интеллектуальных и творческих профессий и др. [4, с. 147].

Основные потоки австро-венгерских эмигрантов были направлены в те страны, где экономика развивалась быстрыми темпами, существовал дефицит трудовых ресурсов, имелись возможности для успешного трудоустройства и получения более высокого заработка, были благоприятные условия для занятий предпринимательством, приобретения земли и ведения хозяйства в качестве фермеров или колонистов.

При этом страны Западной Европы, в первую очередь, предоставляли условия для привлечения австро-венгерских промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Современный австрийский историк А. Штайдль отмечает, что «перед Первой мировой войной Центральная и Восточная Европа представляла собой крупнейший резервуар дешевой рабочей силы для растущих промышленных секторов Западной и Северной Европы, а также для коммерциализированного сельского хозяйства» [13, p. 76]. Социально-профессиональный состав габсбургских эмигрантов в других регионах Европы был более широким и разноплановым, без доминирования какой-либо социальной группы.

Трудовой характер австро-венгерской внешней миграции обусловил ее сложный характер. В ней сочетались два типа переселений – временное и постоянное. Определенная часть габсбургских подданных уезжала за границу с твердым намерением осесть там навсегда (осознанная эмиграция). Однако большинство трудовых мигрантов выезжали в другие государства на заработки и планировали со временем вернуться домой. Однако весьма часто, в случае успешной адаптации, их проживание на новом месте приобретало постоянный характер и превращалось в полноценную эмиграцию. Процент реэмигрантов, возвратившихся на родину после пребывания за границей, составлял, по оценкам современников, от 24% до 38% от их общего количества [1, с. 81]. Ввиду небольших расстояний и транспортной доступности процент «возвращенцев» среди лиц, уехавших в европейские страны, был выше, чем у заокеанских мигрантов.

Составной частью австро-венгерских внешних миграций являлась сезонная трудовая миграция. Каждую весну десятки, а затем и сотни тысяч сельскохозяйственных рабочих выезжали из габсбургских земель за заработки в Германию и скандинавские страны, а осенью возвращались на родину. Определенная часть из них также оставалась в этих странах на постоянной основе [10, с. 224, 596].

Основными источниками для изучения европейского миграционного направления являются материалы национальных переписей

различных стран. Примечательно, что эти данные обобщались статистиками дуалистической монархии и включались в сборники материалов австрийских переписей населения. На их основе можно составить сводную таблицу о численности австро-венгерских переселенцев в европейских странах в рассматриваемый период (Таблица).

Таблица

Австро-венгерские подданные в странах Европы на рубеже XIX-XX вв.

Table

Austro-Hungarian subjects in European countries at the turn of the XIX-XX centuries [2, c. 48; 5, s. XXXV-XXXIX; 6, s. XXVI-XXX; 7, s. 29-40; 11, p. 387; 12, s. 475, 517-519].

№ п/п	Государство	Количество австро-венгерских подданных (курсивом выделена численность только австрийских подданных) Тыс. человек (год переписи)		
1	Германия	202 (1890)	391 (1900)	667 (1910)
2	Европейская Россия	119,2 (1897)		
3	Швейцария	*13,7* (1888)	*23,4* (1900)	*37,7* (1910)
4	Италия	*15,8* (1890)	*10,9* (1901)	*11* (1911)
5	Великобритания	5,1 (1891)	10,1 (1901)	13,7 (1910)
6	Франция	*9,6* (1891)	*9,8* (1901)	
7	Румыния	*8,7* (1899)		
8	Болгария	5,2 (1892)	6,5 (1900)	6,3 (1910)
9	Бельгия	1,4 (1890)	2,5 (1900)	5,9 (1910)
10	Европейская Турция	*0,5* (1891)	*4,2* (1900)	*3,9* (1910)
11	Сербия	*4* (1890)	*1,8* (1900)	

Как видно из таблицы, на рубеже 1890–1900-х гг. численность габсбургских подданных на территории европейских стран приближалась к 600 тыс. человек. К началу 1910-х гг. она выросла почти на треть, вплотную приблизившись к 900 тыс. человек. Вероятно, к началу Первой мировой войны эта цифра подходила уже к миллиону человек. Три четверти австро-венгерских иммигрантов приходилось на долю Западной Европы, пятая часть – на Россию, остальные – на южноевропейские и балканские страны.

Ведущей страной-реципиентом австро-венгерской эмиграции в Европе являлась Германия (на рубеже веков она приняла две трети иммигрантов, а к началу Первой мировой войны ее доля составляла уже три четверти). За ней с большим отрывом следовала Россия (20% на рубеже веков), а затем, опять-таки с большим отрывом, шли Швейцария (4%) и еще 5 стран с долей иммигрантов от 1% до 2% – Италия, Великобритания, Франция, Румыния и Болгария. В каждой из остальных странах Европы находилось менее 1% габсбургских иммигрантов.

Западноевропейский вектор австро-венгерского переселения был направлен преимущественно в пределы Германии, а также в Швейцарию, Францию, Великобританию и Бельгию. Самая многочисленная в Европе общность габсбургских подданных сформировалась на германской территории. Обе страны связывали тесные связи – политические, экономические, языковые, культурные. Австро-немецкие земли в то время считались составной частью «германского мира». Немецким языком в той или иной степени владело подавляющее большинство жителей двуединой монархии.

Для тогдашней Германии были характерны самые высокие в Европе темпы экономического развития, что вызывало значительную потребность в рабочих руках и обеспечивало высокий уровень заработной платы. Все это делало ее весьма привлекательной для иностранных рабочих – как промышленных, так и сельскохозяйственных. При этом первые, как правило, переселялись на постоянной основе, а привлечение вторых носило сезонный характер.

Австрийско-германская граница в рассматриваемое время была одним из самых активных мест трансграничных перемещений на континенте. Примечательно, что они шли в обе стороны, в результате чего сложилась ситуация, при которой подданные Франца-Иосифа занимали первое место среди иностранных выходцев в Германии, а германские граждане преобладали среди иностранцев в Дунайской монархии. Так, в 1890 г. на территории Германии проживало около 200 тыс. габсбургских подданных, а на территории Австро-Венгрии – около 100 тыс. германских граждан. Таким образом, имел место двукратный перевес в миграционном балансе в пользу Германии [12, s. 475].

Численность австро-венгерской переселенческой общины в Германии росла быстрыми темпами, особенно высокими они были на рубеже

веков. По данным германских переписей населения, в 1871 г. в этой стране проживало 76 тыс. подданных Франца-Иосифа, в 1880 г. – 118 тыс., в 1890 г. – 202 тыс., в 1900 г. – 391 тыс., в 1910 г. – 667 тыс. Таким образом, за 40 лет ее объемы выросли почти в 9 раз [11, p. 387].

Австро-венгерская переселенческая община преобладала среди всех иностранных диаспор на германской территории, причем ее удельный вес постоянно увеличивался, достигнув половины от общего числа иностранцев. В 1871 г. он составлял 37 %, в 1880 г. – 43 %, в 1890 г. – 47 %, в 1900 г. – 50 %, в 1910 г. – 53 %. Граждане других стран в этой структуре составляли: Нидерландов – 11 %, Италии – 9 %, Швейцарии – 7 %, России – 6 % [11, p. 387].

Как уже отмечалось выше, подавляющее большинство габсбургских подданных, прибывших в Германию, были выходцами из австрийской половины монархии. Австро-венгерская иммиграция в эту страну носила многонациональный характер. Ее состав по переписи 1900 г. был следующим: австрийские немцы – 36%, чехи и словаки – 23 %, поляки – 17 %, русины – 13 %, словенцы – 5 %, сербы и хорваты – 3%, итальянцы – 3% [6, s. XXV].

Подданные Франца-Иосифа расселялись на германской территории неравномерно. В основном, они концентрировались в южных пограничных регионах, в крупных индустриальных районах и на прусских территориях с крупными помещичьими хозяйствами. Основными центрами их размещения были Саксония, Бавария и Пруссия. По данным германской переписи 1890 г., в них было сосредоточено соответственно 34 %, 31 % и 24 % австрийских подданных. Крупными городскими центрами их расселения был Дрезден, Лейпциг и Берлин [12, s. 511–512].

Среди австрийских подданных, зарегистрированных в Германии в 1890 г., мужчины составляли 57 %, женщины – 43 %. Примечательно, что 28 % из них родились уже на германской территории (дети переселенцев) [12, s. 513]. Все это свидетельствует о том, что переселение в Германию носило в значительной степени семейный и долговременный характер. В начале XX в. доля женщин среди иммигрантов несколько увеличилась, вследствие большего притока женщин-работниц из Галиции, Чехии и других земель. Женщины из чешских земель составляли большинство среди домашней прислуги в германских семьях [7, s. 475; 13, s. 77].

Габсбургские выходцы в Германии, по данным переписи 1890 г., были заняты в следующих сферах: промышленность (63 %), торговля (10 %), сельское и лесное хозяйство (8 %), общественная служба, интеллектуальные и творческие профессии (8 %) и прочие сферы – 8 %. Таким образом, почти две трети переселенцев были заняты в промышленности (преимущественно в отраслях по производству одежды и текстиля, строительстве, металлургии, деревообработке) [12, s. 514–519].

Следует отметить, что фактическое число занятых в германском сельском хозяйстве австрийцев было гораздо больше, чем показывали переписи населения. Они проводились зимой, поэтому не фиксировали основную массу сельскохозяйственных рабочих, которые в этот период уезжали на родину. В то же время, статистика фиксировала тенденцию увеличения количества сельскохозяйственных рабочих из габсбургских земель. Так, если в 1890 г. в аграрном секторе было занято 8 % австрийцев, проживавших в Германии, то в 1910 г. – уже 15 % [11, p.388]. По своему социальному положению габсбургские подданные в Германии распределялись следующим образом: наемные рабочие составляли 67 %, самостоятельные хозяева – 26 %, служащие – 5 %, поденщики – 2 % [12, s.515]. Таким образом, австро-венгерскую эмиграцию в Германию можно с полным правом считать трудовой, с полным преобладанием в ее составе промышленных и сельскохозяйственных рабочих.

Важным партнером Габсбургской монархии в системе трансграничных перемещений была Швейцария, куда активно перебирались жители соседних немецкоязычных регионов Австрии. Их численность примерно в два раза превышала количество швейцарцев, переселявшихся на габсбургские земли. Данные швейцарских переписей населения фиксировали устойчивый рост численности проживавших там подданных Франца-Иосифа: 4,2 тыс. в 1880 г., 13,7 тыс. в 1888 г., 23,4 тыс. в 1900 г. и 37,7 тыс. в 1910 г. Таким образом, за три десятилетия она выросла в 9 раз [5, s. XXXVI; 7, s. 29].

Среди габсбургских подданных, живших в швейцарских кантонах, мужчины составляли 57 %, женщины – 43 %. Примечательно, что около трети этих людей родилось уже на швейцарской территории, что свидетельствовало о семейном и долговременном характере миграции. Профессиональная структура австрийской иммиграции в Швейцарии напоминала ситуацию в Германии: 69% были заняты в промышленности (преимущественно в строительстве, текстильной отрасли и производстве одежды), 5,5 % – в сельском и лесном хозяйстве, 16,5 % – в торговле и 9 % составили занятые общественной службой и свободными профессиями [12, s. 475, 517].

Миграционные потоки связывали Дунайскую монархию не только с соседями, но и с удаленными государствами. Одним из них являлась Франция, где число австро-венгерских подданных в рассматриваемый период сохранялось на стабильном уровне (9,6 тыс. в 1891 г. и 9,8 тыс. в 1900 г.). [7, s. 36]. Половина из них проживала в Париже и его окрестностях. Доля женщин среди

иммигрантов составляла 41%. Австро-венгерская колония во Франции состояла из двух основных групп: лиц творческих и интеллектуальных процессий (42 %) и рабочих (38 %). Кроме того, 15 % австрийских выходцев было занято торговлей и 5 % – сельским хозяйством. «Интеллигентский» и «богемный» облик имела не только австро-венгерская, и другие зарубежные диаспоры во Франции того времени. Миграционный баланс двух стран был в пользу Франции, чьих граждан в габсбургских провинциях насчитывалось в 3,5 раза меньше, чем австрийцев во Франции [7, s. 36; 12, s. 475, 519].

В Великобритании, по данным переписи 1891 г., было зарегистрировано 5,1 тыс. австро-венгерских уроженцев, к 1901 г. их стало вдвое больше – 10,1 тыс., а в 1910 г. их количество составило 13,7 тыс. [5, s. XXXIX; 6, s. XXVII; 7, s. 36]. Почти все они находились на территории Англии и Уэльса, при этом подавляющее большинство (около 60 %), было сконцентрировано в Лондоне. Женщин среди них было только 34% – меньше, чем в других европейских странах-реципиентах. Основной сферой занятости иммигрантов была промышленность (60 %). Кроме того, 17 % из них были заняты в торговле и на морском транспорте, а 10 % составляли люди свободных профессий [7, s. 36].

В промышленно развитой Бельгии в 1890 г. проживало 1,4 тыс. подданных Франца-Иосифа, в 1900 г. – 2,5 тыс., в 1910 г. – 5,9 тыс. Среди них около 40 % было занято в торговле и на транспорте, 33 % – в промышленности, 20 % составляли лица интеллектуальных и творческих профессий [7, s. 36; 12, s. 519]. В прочих странах Западной Европы численность австро-венгерских диаспор была незначительной: в Нидерландах – 1 тыс. (1909), в Люксембурге – 0,9 тыс. (1910), в Лихтенштейне – 0,6 тыс. (1901) [7, s. 40].

Для стран Северной Европы в начале XX в. было характерно массовое привлечение австро-венгерских сезонных рабочих для работы в сельском хозяйстве [13, s. 78]. Постоянная же иммиграция здесь была небольшой. В начале XX в. в Дании насчитывалась 1 тыс. габсбургских подданных (1911), в Швеции – 0,6 тыс. (1910), в Норвегии – 0,1 тыс. (1910) [7, s. 40].

Южноевропейское направление миграций габсбургских подданных было представлено преимущественно Италией. В 1900 г. в Испании их численность не превышала 0,5 тыс., в Португалии – 0,1 тыс. [7, s. 40].

Италия была единственной страной Европы, чей миграционный баланс с Австро-Венгрией был отрицательным. Так, в 1890 г. ее граждан в габсбургских землях проживало почти в 3 раза больше, чем австрийцев на итальянской территории: 46,3 тыс. и 15,8 тыс. соответственно [12, s. 475]. Эта ситуация объяснялась тем, что по уровню социально-экономического развития Италия во многом уступала Австро-Венгрии, и эмиграционное движение охватило там многие слои населения. Итальянские рабочие активно перебирались во многие европейские страны, в том числе и в экономически развитые районы габсбургских земель. Кроме того, итало-австрийское пограничье имело смешанный этнический состав (итальянцы, немцы, южные славяне), что вело за собой интенсивные приграничные миграции, имевшие этническую окраску.

Для конца XIX в. была характерна тенденция к сокращению австрийской диаспоры на итальянских землях, а в начале XX в. ее численность стабилизировалась. Она составляла 15,8 тыс. в 1890 г., 10,9 тыс. в 1901 г. и 11 тыс. в 1911 г. [7, s. 32]. Габсбургские подданные пребывали, в подавляющем большинстве, на севере Итальянского полуострова – в бывших австрийских провинциях Ломбардия и Венеция, отошедших к Италии в 1859-1866 гг. Некоторые из них оставались там еще с тех времен, их потомки также часто сохраняли австрийское гражданство. В Италию активно переселялись этнические итальянцы, родившиеся и проживавшие в пограничных австрийских районах. Также эта страна была привлекательной для представителей творческих профессий и аристократии.

Значительные австрийские общины были сконцентрированы в городах Северной и Центральной Италии – Венеции, Милане, Риме, Вероне и др. Процент женщин среди габсбургских подданных в Италии составлял 41%. Дети в возрасте до 14 лет составляли 11% от общего числа переселенцев. Все это свидетельствует о том, что габсбургская иммиграция в Италии в значительной степени состояла из семейных групп [12, s. 516].

В дуалистической монархии обе ее части – Австрия и Венгрия – обладали многими атрибутами суверенных государств, в том числе собственным гражданством. Это обстоятельство создавало сложности для учета мигрантов – иногда австрийские и венгерские подданные учитывались отдельно, иногда вместе. Поэтому выявление вклада каждой из частей дуалистической монархии в общий миграционный баланс представляет определенные трудности. На основе переписей тех европейских стран, которые дифференцировали австрийских и венгерских подданных, можно сделать следующие выводы.

В общем массиве габсбургских подданных в европейских странах полностью доминировали выходцы из австрийской половины империи (Цислейтании), только на одном – балканском направлении преобладали выходцы из Венгерского королевства (Транслейтании). Это объясняется рядом факторов – двукратным перевесом численности населения Цислейтании над Транслейтанией, географическим положением, большей ориентацией венгерских миграций на заокеанское направление.

Венгерские уроженцы полностью доминировали среди габсбургских иммигрантов в балканских странах – Румынии, Болгарии, Сербии. Так, их доля в Болгарии в начале XX в. составляла две трети [2, с. 61]. На западноевропейском направлении выходцы из Транслейтании наиболее активно переселялись в Германию и Бельгию. В Германии в 1890 г. они составляли 4% от общего числа зафиксированных там подданных Франца-Иосифа, а в 1910 г. – уже 7%. В Бельгии же на рубеже веков их доля достигала 19% [7, s. 24, 36; 10, p. 387; 12, s. 475].

Таким образом, в последней трети XIX – начале XX в. сложилось мощное миграционное движение, направленное из габсбургских земель в различные страны Европы. Оно представляло собой трудовую миграцию – как постоянную, так и временную, в том числе сезонную. Вследствие этого во многих европейских странах сформировались переселенческие общины габсбургских подданных. Их совокупная численность составляла на рубеже веков около 600 тыс. человек, а к началу Первой мировой войны приблизилась к миллиону человек.

Австро-венгерская эмиграция в европейские страны состояла из людей, принадлежавших к различным национальным, демографическим, социальным и профессиональным группам. Большинство из них были уроженцами австрийской половины монархии – австро-немцами, чехами, русинами и поляками. Среди эмигрантов преобладали мужчины трудоспособного возраста, доля женщин составляла около 40 %, что указывало как на их вовлеченность в трудовую миграцию, так и на семейный характер переселения. Ведущие позиции в эмигрантских сообществах занимали промышленные и сельскохозяйственные рабочие, за ним следовали торговцы и представители интеллигенции – как технической, так и творческой.

Процессы массовых миграций габсбургских подданных оказали серьезное влияние на социально-экономическое и демографическое развитие дуалистической монархии, а также в определенной степени повлияли и на принимавшие иммигрантов страны.

Список литературы

1. Желицки Б. Й., Желицки Ч. Б. Венгерские эмиграционные волны и эмигранты (середина XIX – конец 50-х годов XX в.). М.: Индрик, 2012. 600 с.
2. Пейковска П. Миграция из Австро-Венгрии в Болгарию в конце XIX – начале XX в. По данным переписей населения Болгарии // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. №7. Сер. Балканика. Вып.2. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2010. С.40-81.
3. Полтавский М.А. История Австрии. Пути государственного и национального развития. Ч.2. М.: Б.и., 1992. 343 с.
4. Птицын А.Н. Причины и предпосылки массовой эмиграции населения Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX в. // История: факты и символы. 2018. №4. С.142-150.
5. Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. December 1890 in den im Reichsrathe vertretenen Königreichen und Ländern // Österreichische Statistik. Bd. 32. Heft 5. Wien: Aus der Kaiserlich-Königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1895. 276 s. URL: https://alex.onb.ac.at/cgi-content/alex?aid=ors&datum=0032&pos=803 (Дата обращения: 21.03.2022).
6. Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. December 1900 in den im Reichsrate vertretenen Königreichen und Ländern // Österreichische Statistik. Bd. 64. Heft 2. Wien: Aus der Kaiserlich-Königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1905. 78 s. URL: https://alex.onb.ac.at/cgi-content/alex?aid=ors&datum=0064&pos=183 (Дата обращения: 21.03.2022).
7. Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. Dezember 1910 in Österreich // Österreichische Statistik. Neue Folge. Bd. 2. Heft 3. Wien: Deutschösterreichische Staatsdruckerei, 1919. 102 s. URL: https://alex.onb.ac.at/cgi-content/alex?aid=ost&datum=0002&pos=373 (Дата обращения: 21.03.2022).
8. Ehmer J., Steidl A., Zeitlhofer H. Migration Patterns in Late Imperial Austria // KMI Working Paper Series. 2004. №3. P. 1–33. URL: https://www.oeaw.ac.at/ fileadmin/kommissionen/KMI/Dokumente/Working_Papers/kmi_WP3.pdf (Дата обращения: 21.03.2022).
9. Faßmann H. Auswanderung aus der österreichisch-ungarischen Monarchie 1869-1910 // Auswanderungen aus Österreich. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zur Gegenwart / Ed. T. Horvath, G. Neyer. Wien: Böhlau, 1996. S.33-56.
10. International Migrations. Vol.I. Statistics / Ed. W.F. Willcox. New York: National Bureau of Economic Research, 1929. 1110 p.
11. International Migrations. Vol.II. Interpretations / Ed. W.F. Willcox. New York: National Bureau of Economic Research, 1931. 672 p.
12. Rauchberg H. Die Bevölkerung Österreichs auf Grund der Ergebnisse der Volkszählung vom 31. Dezember 1890. Wien: Alfred Hölder, 1895. 567 s. URL: https://books.google.com.cu/books?id=ZMEsAAAAYAAJ (Дата обращения: 21.03.2022).
13. Steidl A. Migration Patterns in Late Habsburg Empire // Migration in Austria. Contemporary Austrian Studies. Vol.26. Innsbruck-New Orleans: UNO PRESS, 2017. P. 69-86.

References

1. Zhelitski B. I., Zhelitski Ch. B. Vengerskie emigratsionnye volny i emigranty (seredina XIX – konets 50-kh godov XX v.) (Hungarian emigration waves and emigrants (mid-19th – late 50s of the 20th century). Moscow: Indrik, 2012. 600 p. (In Russian).
2. Peikovska P. Migratsiya iz Avstro-Vengrii v Bolgariyu v kontse XIX – nachale XX v. Po dannym perepisei naseleniya Bolgarii (Migration from Austria-Hungary to Bulgaria in the late 19th - early 20th centuries. According to the Bulgarian census data) // Imagines mundi: al'manakh issledovanii vseobshchei istorii XVI-XX vv. No.7. Series Balkanika. Part.2. Ekaterinburg: Gumanitarnyi unstitut, 2010. P.40-81. (In Russian).

3. Poltavskii M.A. Istoriya Avstrii. Puti gosudarstvennogo i natsional'nogo razvitiya (History of Austria. Ways of state and national development). Part.2. Moscow, 1992. 343 p. (In Russian).
4. Ptitsyn A.N. Prichiny i predposylki massovoi emigratsii naseleniya Avstro-Vengrii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (Causes and prerequisites for the mass emigration of the population of Austria-Hungary in the second half of the 19th – early 20th centuries) // Istoriya: fakty i simvoly. 2018. No.4. P. 142–150. (In Russian).
5. Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. December 1890 in den im Reichsrathe vertretenen Königreichen und Ländern // Österreichische Statistik. Bd. 32. Heft 5. Wien: Aus der Kaiserlich-Königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1895. 276 s. URL: https://alex.onb.ac.at/cgi-content/alex?aid=ors&datum=0032&pos=803 (Accessed: 21.03.2022).
6. Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. December 1900 in den im Reichsrate vertretenen Königreichen und Ländern // Österreichische Statistik. Bd. 64. Heft 2. Wien: Aus der Kaiserlich-Königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1905. 78 s. URL: https://alex.onb.ac.at/cgi-content/alex?aid=ors&datum=0064&pos=183 (Accessed: 21.03.2022).
7. Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. Dezember 1910 in Österreich // Österreichische Statistik. Neue Folge. Bd. 2. Heft 3. Wien: Deutschösterreichische Staatsdruckerei, 1919. 102 s. URL: https://alex.onb.ac.at/cgi-content/alex?aid=ost&datum=0002&pos=373 (Accessed: 21.03.2022).
8. Ehmer J., Steidl A., Zeitlhofer H. Migration Patterns in Late Imperial Austria // KMI Working Paper Series. 2004. No. 3. P.1-33. URL: https://www.oeaw.ac.at/ fileadmin/kommissionen/KMI/Dokumente/Working_Papers/kmi_WP3.pdf (Accessed: 21.03.2022).
9. Faßmann H. Auswanderung aus der österreichisch-ungarischen Monarchie 1869-1910 // Auswanderungen aus Österreich. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zur Gegenwart / ed. T. Horvath, G. Neyer. Wien: Böhlau, 1996. S.33-56.
10. International Migrations. Vol.I. Statistics / ed. W.F. Willcox. New York: National Bureau of Economic Research, 1929. 1110 p.
11. International Migrations. Vol.II. Interpretations / Ed. W.F. Willcox. New York: National Bureau of Economic Research, 1931. 672 p.
12. Rauchberg H. Die Bevölkerung Österreichs auf Grund der Ergebnisse der Volkszählung vom 31. Dezember 1890. Wien: Alfred Hölder, 1895. 567 p. URL: https://books.google.com.cu/books?id=ZMEsAAAAYAAJ (Accessed: 21.03.2022).
13. Steidl A. Migration Patterns in Late Habsburg Empire // Migration in Austria. Contemporary Austrian Studies. Vol.26. Innsbruck-New Orleans: UNO PRESS, 2017. P. 69–86.

Сведения об авторе

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / ptiandr@gmail.com
Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Ptitsyn Andrey – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / ptiandr@gmail.com
The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

CC BY

УДК: 94(47).084.072(470.62)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.13

Н. С. Ткаленко

«УБЕГАЮЩИХ ЖЕ ОТ ЖЕСТОКОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ПРИНИМАТЬ ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВО…»: ПЛЕННЫЕ И БЕГЛЫЕ НА КУБАНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В 20-е ГОДЫ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Геополитические реалии, сложившиеся в результате победы Российской империи в войне против Турции 1787 – 1791 гг., несли для Петербурга новые вызовы, связанные с обустройством границы по реке Кубань. Здесь пришлось выстраивать отношения с горскими народами, специфический жизненный уклад которых не мог быть безоговорочно принят российской стороной. Серьёзным вызовом для добрососедских отношений стали набеги с целью захвата пленников. Это провоцировало ответные военные акции, что ещё больше осложняло процесс мирного сосуществования.

В плен к горцам попадали не только военнослужащие, но и представители гражданского населения, проживающие в населенных пунктах, расположенных близ приграничного кордона. Многие полоняники, пройдя тяжелейшие условия рабской жизни, иногда получали возможность бегства из плена, и единственным спасением для них являлась российская граница. Сюда же выбегали и адыги, которые часто оказывались в неволе у своих соотечественников в результате междоусобиц. В надежде получить защиту на правобережье Кубани также уходили представители адыгских зависимых сословий, которые испытывали на себе всё более усиливающееся феодально-крепостническое притеснение от своих владетелей. Царская администрация оказывала защиту и гарантировала свободу бежавшей на российскую сторону черкесской бедноте, пленным ногайцам и татарам. Это приводило к осложнениям во взаимоотношениях с горской аристократией, провоцировало новые военные столкновения. Преодолеть взаимную неприязнь и выстроить модель взаимоотношений, которая устроила бы все стороны межкультурного диалога в рассматриваемый период, так и не удалось.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, Российская империя, рабство, пленопродавство, горцы, ясыри, набеги, бегство.

Для цитирования: Ткаленко Н. С. «Убегающих же от жестокости владельцев принимать под покровительство…»: пленные и беглые на Кубанском пограничье в 20-е годы XIX в. (по материалам Государственного архива Краснодарского края) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 266–273. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.13

Nikita S. Tkalenko

«THOSE FLEEING FROM THE CRUELTY OF THE OWNERS SHOULD BE TAKEN UNDER THE PROTECTION OF…»: PRISONERS AND FUGITIVES ON THE KUBAN BORDER IN THE 20s OF THE XIX CENTURY (ACCORDING TO THE STATE ARCHIVE OF KRASNODAR REGION)

The geopolitical realities that developed as a result of the victory of the Russian Empire in the war against Turkey in 1787 – 1791 carried new challenges for St. Petersburg related to the arrangement of the border along the Kuban River. Here it was necessary to build relations with the mountain peoples, whose specific way of life could not be unconditionally accepted by the Russian side. Raids aimed at capturing prisoners have become a serious challenge to good-neighborly relations. This provoked retaliatory military actions, which further complicated the process of peaceful coexistence.

Not only military personnel, but also representatives of the civilian population living in settlements located near the border cordon were captured by the highlanders. Many polonyaniks, having passed the most difficult conditions of slave life, sometimes got the opportunity to escape from captivity, and the only salvation for them was the Russian border. The Adygs also ran out here, who often found themselves in captivity with their compatriots as a result of internecine strife. In the hope of receiving protection on the right bank of the Kuban, representatives of the Adyghe dependent estates also left, who experienced increasingly increasing feudal and serfdom oppression from their owners. The tsarist administration provided protection and guaranteed freedom to the Circassian poor, captive Nogais and Tatars who fled to the Russian side. This led to complications in relations with the mountain aristocracy, provoked new military clashes. It was not possible to overcome mutual hostility and build a model of relations that would suit all parties to intercultural dialogue during the period under review.

Key words: North-West Caucasus, Russian Empire, slavery, plethora, highlanders, yasyri, raids, flight.

For citation: Tkalenko N.S. «Those fleeing from the cruelty of the owners should be taken under the protection of…»: prisoners and fugitives on the Kuban border in the 20s of the xix century (according to the State archive of Krasnodar region) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 266–273. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.13

Завершившаяся 29 декабря 1791 г. война между Османской и Российской империями привела к очередному изменению границы между ними, которая отныне пролегала по реке Кубань [25, с. 124]. Здесь проживали народы, ранее считавшиеся подданными турецкого султана, но сохранявшими значительную самостоятельность, что позволяет утверждать о формальном распространении на них власти Стамбула. Российской администрации предстояло выстраивать с ними взаимовыгодное партнёрство, чтобы обеспечить мирное сосуществование на вновь обретённых рубежах [30, с. 976]. Однако специфика социально-экономического и культурного уклада туземного населения не могла не вызывать отторжение у российской стороны, в частности, в вопросе, который касался такого явления, как работорговля или, вернее сказать, «пленопродавство».

Эта практика зародилась в регионе уже в античную эпоху и в дальнейшем сделалась неотъемлемым атрибутом местных реалий [4, с. 20]. В рассматриваемый период у горцев появились новые возможности для захвата «живого товара», т. к. начавшийся процесс освоения новых рубежей российским государством сопровождался колонизацией этих территорий и появлением здесь людей, плохо адаптированных к местной специфике. Они и становились потенциальной добычей горских «людокрадов» [21, с. 9]. Отметим, что при всём желании властей пресечь подобную практику, они не смогли справиться со столь сложной задачей и найти для местных «удальцов» иную привлекательную альтернативу. Вплоть до начала массового исхода черкесского населения в Турцию, захват пленников с целью их продажи оставался суровой реальностью северокавказского фронтира.

Данная проблема уже не раз становилась предметом внимания со стороны исследователей-кавказоведов. Уже дореволюционные авторы отмечали различные аспекты этой стороны горского уклада. В частности, С.М. Броневский говорил о данном промысле у горцев следующее: «Все вообще наклонны к воинскому ремеслу, в коем упражняясь начально от бедности и единственно для похищения добыч, присвоили, наконец, сему званию понятие честолюбия и учредил по своему образу мыслей отличительныя почести для поощрения к храбрости» [6, с. 38 – 39]. Ему вторил И.Ф. Бларамберг: «Они называют ремесло добывания – военной профессией, и те из них, которые являются мастерами своего дела, пользуются наивысшим уважением и создают себе имя, особенно если это князь, дворянин или один из старейшин; даже простолюдины приобретают себе репутацию таким же способом» [1, с. 19.]. Н.Ф. Дубровин обращал внимание на тот факт, что отличившийся в походе черкесский воин в дальнейшем сам собирал партии, количество участников которой было лучшей вывеской репутации предводителя [16, с. 67].

Изучение этой проблемы получило продолжение в трудах советских и российских учёных, акцентировавших внимание на социокультурных, экономических и политических причинах практики «пленопродавства». Например, М. М. Блиев рассматривал набеги горцев как источник получения материальных ресурсов, которые насильственно изымались у соседей, так как местная экономика не могла решить вопрос удовлетворения запросов общества [2, с. 16–17]. Это привело к возникновению такого понятия, как «хищничество», под которым скрывалось весьма сложное по своим целям и задачам явление [4, с. 20–21.]. Высказывается предположение, что набеги являлись рычагом внутриполитической борьбы адыгских князей. Князь обязан был защищать своих подвластных от нападений других феодалов и, в случае потери имущества у своих подданных, обязан был возместить утраченное, дабы не допустить ухода последних к иным феодалам [23, с. 31].

Набеговая деятельность у горцев являлась отработанной схемой. Прежде чем захватить пленников, они старались разузнать, каково благосостоянии их семей, живущих на Линии, и после набега назначали сумму выкупа в соответствии с достатком семьи похищенного. Помимо этого, горцы требовали сумму за еду, крышу над головой и даже за цепи, которые носил человек, находившийся в неволе [20, с. 22].

Пленопродавством на территории Северо-Западного Кавказа в середине XIX в. занимались и российские выходцы. Как правило, это были беглые казаки и крестьяне, которые стремились «раствориться» в адыгском обществе, дабы избежать военной службы и ответа за дезертирство перед российским судом [27, с. 32].

Не меньший интерес вызывает и процесс бегства на русскую сторону жителей Закубанья. Причины и последствия этих событий позволяют лучше понять особенность местных реалий, с которыми пришлось столкнуться Российской империи. Они во многом объясняют те политические шаги, которые предпринимала кавказская администрация, взаимодействуя с «горским миром». Ещё И.Ф. Бларамберг говорил, что «князь, так же как и дворянин, имеет право распоряжаться жизнью и смертью своих крепостных и даже по своему усмотрению может продавать тех, кто занят в его домашних службах» [1, с. 82]. Таким образом, усиление феодализации адыгского общества могли быть мотивом бегства зависимых слоев на российскую сторону.

М. В. Покровский в своих трудах отмечал, что вследствие социальных сдвигов в адыгском обществе многие горцы попадали в плен к своим соотечественникам, которые перепродавали их

в отдаленные аулы, после чего те пытались бежать в российские пределы и получить свободу [24, с. 181–182].

Описывая причины бегства зависимого горского населения в российские пределы, А. Т. Керашев выделил общую значительную группу бежавших на российскую сторону закубанцев, которые испытывали притеснения местной знати, нависающие над подданными угрозы продажи в рабство на чужбину, а также захват в неволю соседними народами [19, с. 39].

По мнению М. М. Блиева и В. В. Дегоева, зависимые адыгские крестьяне, приравненные к невольникам, могли испытывать притеснения от своих господ. [3, с. 107]. А П. А. Кузьминов и Д. А. Огузова отмечали, что определенную роль в эмансипации крестьян сыграли прокламации А. П. Ермолова, в которых было объявлено, что те, крестьяне, у которых владельцы выступали против российского правительства, могли бежать на российскую сторону, где после этого получали свободу и защиту [22, с. 83].

В трудах Н. С. Степаненко основными причинами бегства на российскую сторону «черного народа» называются усиление закрепощения крестьян верхушкой черкесского общества, голод, криминал, бытовые разногласия, страх быть проданным в рабство [28, с. 144]. Помимо этого, российская администрация иногда обменивала бежавших беглых горцев на российских перебежчиков, ушедших к закубанцам [29, с. 204]. Данные обстоятельства могли подорвать доверие со стороны адыгов, желающих бежать от своих феодалов на российскую сторону, но с другой стороны пресечь процесс бегства российских подданных на территорию Закубанья.

В целом уже сейчас проблема набегов, пленопродавства и перехода на «русскую» сторону выходцев из горских сообществ вполне может стать предметом отдельного историографического исследования. В то же время её источниковая база нуждается в дополнительных свидетельствах, что позволит уточнить и углубить наше представление по данному вопросу.

К концу XVIII – началу XIX вв., благодаря российской внешней политике на Кавказе, крымские и ногайские татары как купцы «живого товара» выпали из системы работорговли, однако горцы продолжали заниматься пленопродавством, а Османская империя являлась главным потребителем невольников. В одной из российских публикаций отмечалось, что «до пришествия русских, весь край только и думал о личной безопасности» [20, с. 40 – 41].

Английский путешественник Э. Спенсер, весьма комплиментарно оценивавший горские племена, указывал, что до Черноморской блокады 1832 г., учреждённой российским правительством, процветала торговля черкесов с жителями Трапезунда, а также с турецкими торговцами из других портов Эвксина [26, с. 14]. В период господства турок, когда «пленопродавство» не только не пресекалась, но и всячески поощрялась, число вывозимых рабов только росло, поскольку спрос на них никогда не прекращался [18, с. 96]. Известны примерные расценки, которые колебались в зависимости от многих факторов (пол, возраст, физические особенности, место приобретения и т. д.). К примеру, раб мог стоить на территории Черкесии от 200 до 800 рублей серебром, а после доставки в Турцию, цена вырастала до 1500 рублей серебром [20, с. 53]. Особо ценились молодые девушки, а если они еще были и невинными, то их цена вырастала в три раза [20, с. 53]. Для сравнения стоимости, можно привести таксу российских меновых дворов 1827 г.: волы рабочие стоили от 40 до 50 рублей за пару; корова от 10 до 15 рублей; лошадь от 25 до 30 рублей и т.д. [14, л. 14].

Таким образом, за невольников черкес мог получить огромнейшее состояние. Рассуждения о «самобытности, своей системе морально-этических ценностей» [23, с. 24], не отменяли наличие и вполне меркантильных, коммерческих мотивов, связанных с наживой.

В неволе у горцев Северо-Западного Кавказа, как правило, оказывались военнослужащие (солдаты и офицеры российской армии, казаки). При этом пленение могло произойти не только в результате боестолкновения, но и в связи с утратой бдительности офицерами и солдатами, которых могли похитить в непосредственной близости от укрепления или колонны, находящейся на марше, а также по причине выполнения военнослужащими работ по заготовке сена, дров и т.д. [1, с. 40].

Так, в 1822 г. на российскую сторону выбежал бывший рядовой российской армии 23-летний Кирилл Филиппов. Он родился в Симбирской губернии, по совершеннолетию принял военную присягу и попал в пехотный полк на Кавказ. Вскоре российский военный отряд, где служил рядовой Филиппов, попал в засаду и был разбит. К.Филиппов во время боя был ранен кинжалом в руку, взят в плен и продан абазинскому князю Мегмет Кирею. Оправившись от ранения и набравшись сил, Кирилл Филиппов бежал в российские пределы [11, л. 46].

Другим источником захвата пленников являлись набеги горцев на селения, станицы и города, из которых похищались молодые женщины и дети [17, с. 172]. В. Б. Броневский отмечал, что «черкесы производят ныне поиски свои следующим образом. Тайно переправившись через пограничные реки, разделяются на малые партии, от 20 до 30 и редко более 50 человек, разъезжаются в разные стороны; и засевши в ущельях гор или в каких-либо скрытых местах, в зрительную трубу высматривают, нет ли где крестьян отдельно в поле работающих, не видно ли по дороге обоза,

или путешественников с небольшим конвоем и в малом числе едущих. Высмотрев нападают там, где менее предвидят для себя опасности, и схвативши что под руку попадется, дабы избежать преследования, пускаются целиком чрез степь или по непроходимым стезям горами, и через ночь являются за сто верст; где снова высматривают, снова улавливают минуту способную для нападения» [5, с. 89–90].

В плену у адыгов постоянно находилось большое число ясырей, со своими трагическими обстоятельствами закабаления в неволю. Согласно одному из архивных дел, 30 января 1822 г. на российскую сторону из-за Кубани выбежал российский подданный, который с малолетства и более 30 лет пребывал в неволе и неоднократно продавался. Матвей Иванов, уроженец г. Сумы Слободско-Украинской губернии, происходил из семьи однодворцев. На допросе он вспоминал, что в раннем возрасте лишился отца, после чего мать его в возрасте 12-13 лет отдала трем купцам (скорее всего, из-за невозможности прокормить), которые в дальнейшем отправились на Кавказскую линию. На привале, не доехав до места прибытия, на купцов напали горцы. Всех, в том числе и Матвея, они увезли в свои владения. Продержав в ауле несколько дней, адыги переправили ясырей в Анапу, где Матвей был продан турку Мустафе на его корабль, прибывший из Анатолии. На данном судне Матвей был доставлен в поселение своего хозяина, находившееся недалеко от речки Кучук. Здесь в неволе он прожил 12 лет. Позже брат Мустафы Осман отправился на торговом судне к Кавказскому побережью, однако, не дойдя до места назначения, торговцы были схвачены, в том числе и раб Матвей Иванов, и вскоре проданы ногайцу Байчесу, у которого юноша пробыл в неволе 20 лет. Позже Матвей был продан ногайцу Девлесу, чьи владения находились в ауле Калембет. Здесь он находился 4 года. Затем Матвея продали в аул Азимат ногайцу Муртазу, у которого он проработал еще 5 лет, а позже – черкесу Наврузу, жившему рядом с крепостью Анапа. От него Матвей Иванов пытался бежать три раза, первые две попытки были неудачными, третья увенчалась успехом. Узник бежал три ночи, а днем скрывался от преследователей. Ему удалось выйти на российских рыбаков, а затем и военных. По его сведениям, закубанцы собирались вести русских пленных к Анапе (там было уже около 20 солдат и казаков), с тем, чтобы выменять их у российской стороны на своих людей, однако анапский паша запретил «мену», сказав, что в ближайшее время сам отправится на дипломатический разговор с российскими властями [12, л. 2–12].

Документы рисуют трагическую судьбу 75-летнего Ивана Петрова, выбежавшего на российскую сторону в 1823 г. Он родился в Нижегородской губернии в семье крепостного крестьянина. После смерти его родителей, помещик отпустил Ивана на волю, дав отпускную грамоту. И. Петров отправился на рыболовный промысел в прикаспийские земли, где на разных заводах проработал около 20-ти лет. Однако здесь он потерял свою отпускную грамоту, был взят под стражу и отправлен как бродяга в Крым на крепостные работы. Оттуда вместе с российскими солдатами его переправили на Черноморское побережье, где весь строительный отряд попал в плен к черкесам. Иван Петров 10 лет находился в неволе у черкеса Муссы, затем был продан шапсугу Исламу, аул которого находился недалеко от реки Псеба. Подобрав удачный момент, Петров бежал в российские пределы [7, л. 68–69].

В неволе у закубанцев оказывались и торговцы. Так, в июле 1822 года на российскую сторону вышел 50-летний торговец Калашниченко, который происходил из Саратовской губернии. С семьей он переселился в Кавказскую губернию, в селение Петровское, вскоре женился на казачьей дочери, с которой нажил 4-х сыновей и 4-х дочерей. В 1820 г. Калашниченко поехал в Ставрополь торговать сеном. Возвращаясь обратно домой, он увидел группу черкесов, от которых попытался скрыться в камыше ближайшего водоема, однако был схвачен и уведён в черкесский аул. После недельного пребывания в темнице был продан князю Магмет Косяку, который отдал его своей тёще. От неё полоняник бежал. Однако из-за голода и обморожения пальцев ног он сильно ослаб и был пойман другими черкесами, которые вернули его обратно тёще Магмет Косяка, получив за это несколько быков. Через месяц Калашниченко был продан князю Шеретлоку, от которого ему удалось бежать и выйти к Александровскому посту [11, л. 16-17].

Также следует уделить особое внимание тому факту, что в 1820-е гг. на российской границе, в поисках защиты, появлялись выбежавшие из закубанского рабства ясыри – представители северокавказцев и соседних народов (черкесов, крымских татар, ногайцев и др.), а также представители адыгской бедноты, зависимой части населения.

В 1822 г. на российской границе появились два черкеса, которые попросили у российского правительства защиты. Один, по имени Магмет, в малолетстве потерял родителей и вскоре был продан анапскому турку, у которого находился в неволе, другой - до этого принял подданство России и вскоре после одного из сражений оказался в неволе [7, л. 73–79].

23 апреля 1822 г. на российскую сторону выбежал закубанец Хасан со своею женой Баабухой, которые прибыли к Ольгинскому посту и попросили переправить их со своими вещами на правобережье Кубани. Они собирались принять подданство России. В ходе допроса было выяснено, что Хасану 28 лет, он шапсуг по происхождению,

родом из аула, располагающегося недалеко от реки Абль. В 15 лет Хасан был захвачен в плен натухайцами и продан ими шапсугскому владельцу Шеблеку, живущему не далеко от реки Абин. У данного владельца он являлся рабом до самого побега. Во время пребывания в кабале женился на ясырке, рожденной в неволе, черкешенке Бабухе. Российское командование привело беглецов к присяге и пропустило в свои пределы [11, л. 7–13].

19 мая 1822 г. на российскую сторону к Новогригорьевскому посту выбежал ногаец Доут [9, л. 72]. Все беглецы, независимо от этнической принадлежности, на правобережье Кубани становились свободными. Российское правительство оказывало помощь бежавшим, очевидно, испытывая недоверие к большинству адыгских аристократов, пророссийская позиция которых не была постоянной и прочной.

В том же году подданства России попросил татарин Мустафа, который был взят в плен турецкими янычарами и отправлен в Анапу, откуда потом бежал. Мустафа просил отпустить его в Феодосию, где жили его родственники. Просьба была удовлетворена [11, л. 92–93].

Адыгские князья, терявшие рабов и зависимых своих людей в результате побегов, приезжали на кордон и требовали вернуть закубанских перебежчиков. 15 июля 1822 г. черкесский владелец Ханук объявил о побеге от него 9 крестьян мужского и женского пола. Однако российское правительство не спешило с их возвратом, заявив, что эти люди, среди которых есть и вдова с двумя детьми, поступили в Бугазский карантин и показали, что они вольные натухаевцы, жившие до этого во владениях дворянина Шупако [11, л. 32–33]. Позже, в апреле 1823 г. князь Ханук со своим дворянином Хасаном и другими подвластными людьми сам просил разрешения переселиться на российскую сторону. С согласия российского правительства переселенцев разместили в ауле, находящемся вблизи Пашковского селения [13, л. 1–12].

Данные события не оставляли равнодушным не только российское правительство, но и турецкого султана. 4 февраля 1822 г. у стен Екатеринодарского менового двора появился анапский паша. На переговорах он поднял вопрос о горско-казачьих отношениях, вспомнил ответные на горские набеги экспедиции черноморцев по близлежащим к Анапе черкесским аулам и увод казаками более 600 голов скота. Он обещал удерживать натухайцев и шапсугов от разорительных вторжений в российские пределы и просил российское правительство снизить таксу обмена пленными. В тот период 1 пленный черкес приравнивался к 2 русским невольникам (возможно, это говорит о том, что по факту русских полоняников у черкесов было в разы больше). Помимо этого, анапский паша в знак примирения отдал 15 черкесских детей в аманаты российской стороне. Был произведен и обмен несколькими невольниками с обеих сторон [10, л. 3–29].

В январе 1823 г. в пределах России оказался татарин Селим Теузук, который назвал себя крымским уроженцем. В 15 лет он был захвачен черкесами в плен, после чего отправлен в крепость Анапу. Бежав от своего владельца и выйдя на российскую сторону, С. Теузук принес российским властям важную информацию: в Анапе уже около недели собиралась большая партия шапсугов и натухайцев, которые намеревались перейти Кубань недалеко от Новогригорьевского поста, напасть на татарскую деревню для захвата жителей в рабство. Партией командовал дворянин Казбеч, которому анапский паша не только не мешал, а наоборот, помогал организовать поход, снабжая оружием. В походе собирался участвовать родной брат паши. Российское правительство оценило данную информацию, и вскоре пришло распоряжение от Александра I: «Селима Теузука пропустить через карантин и отпустить в город Бахчи-Сарай для жительства вместе со своими родственниками, осуществить свободный пропуск без задержки» [7, л. 3–8].

В июне 1823 г. на Лабинский карантин прибыл темиргоевский владелец Мисоуст, который требовал вернуть бежавших от него пятерых людей, объясняя это тем, что при отказе возникнет повод и для других адыгских крестьян бежать на российскую сторону. Требования Мисоуста сопровождалось вручением российским офицерам грамоты от И. В. Гудовича 1791 г., где говорилось об освобождении «от подданства, как сей Зановский народ, так и всею горские народы за рекою Кубанью живущие» [8, л. 1–4]. Тем самым Мисоуст принимал данный документ за факт того, что он имеет полные права на своих крестьян.

Российское правительство занимало другую позицию в данном вопросе. В августе 1823 г. Главноуправляющий на Кавказе генерал А. П. Ермолов предписал: «Убегающих же от жестокости владельцев принимать под покровительство и ни под каким видом не возвращать» [8, л. 6].

Так же, в июне 1827 г., Нагой-Зей в возрасте 25 лет выбежал на российскую сторону к Новогригорьевскому кордону от закубанского владельца, который его угнетал. Сам же он, Нагой-Зей являлся натухаевцем. Нагой-Зей попросил помощи у российского правительства и пожелал принять подданство. Он был поселён между горцами, также принявшими подданство России. Его местонахождение хранилось в тайне от остальных закубанцев, дабы не подвергать его риску вернуться в плен [15, л. 7].

Всё перечисленное не могло не обострять отношения с черкесскими князьями, требовавшими возврата беглецов. Однако и сами владельцы, если им в Закубанье угрожала опасность, стремились переселиться на российскую сторону.

В неволе ясыри не заслуживали хорошего отношения от своих владетелей. Если пленник являлся купцом, офицером, зажиточным человеком, то есть за которого горцы могли получить большую сумму, то его приковывали за шею, ногу, руку к стене, плохо кормили, не давали спать, а позже заставляли писать письмо о выкупе с назначенной ценой. После того как горцы получали от спасителей узника подтверждение о выкупе, к невольнику сразу же отношение менялось, заботились о здоровье и хорошо кормили. Ужаснее участь ожидала полоняников из простых людей, у которых не было богатой родни. Если они в дальнейшем не находили случая бежать из плена, то многие из них старились в неволе [20, с. 21–22].

Пленопродавство оставалось одним из главных раздражителей в русско-горских отношениях на Северо-Западном Кавказе. Оно затрудняло процесс органичного встраивания местных сообществ в правовое пространство империи, мешало налаживанию экономических и культурных контактов. Приведенные архивные документы показывают, что в 20-е гг. XIX в. на российскую сторону бежало немалое количество пленников-россиян, среди которых были однодворцы, крестьяне, купцы, военнослужащие Кавказского корпуса, оказавшиеся в горской кабале после набегов закубанцев. Пленниками-рабами также являлись захваченные в междоусобицах черкесы, ногайцы, татары и др. Кроме того, процессы социальной трансформации внутри «горского мира», сопровождались побегами в российские пределы представителей адыгской бедноты, которая стремилась избежать феодального гнёта своих владетелей. Это вызывало недовольство со стороны местной аристократии, провоцируя её на враждебные действия против империи. Найти в сложившейся ситуации модель взаимоотношений, которая устроила бы абсолютно все стороны затянувшегося конфликта, так и не удалось.

Список литературы

1. Бларамберг И. Ф. Кавказская рукопись. Ставрополь: Кн. изд-во, 1992. 240 с.
2. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации / Марк Блиев. М.: Мысль, 2004. 878 с.
3. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. 592 с.
4. Бобровников В. О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе. .. // Вестник Евразии. 2000. №1. С. 19–46.
5. Броневский В. Б. История Донского Войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод. Часть четвертая. Поездка на Кавказ. СПб: В тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг. 1834. 324 с.
6. Броневский С. М. Новейшия известия на Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: в 2 томах: т.1, т. 2 / Подготовка текста к изданию, предисловие, примечания, словарь малоупотребительных слов, указатели И.К. Павловой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 459 с.
7. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.261. Оп.1. Д. 63.
8. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.64.
9. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.74.
10. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.80.
11. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.83.
12. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.94.
13. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.100.
14. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.242.
15. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.269.
16. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. 656 с.
17. Дударев Д. С., Дударев С. Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.
18. Ильясова А. А., Гранкин Ю. Ю. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX веков. Монография. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. 224 с.
19. Керашев А. Т. Побеги адыгов в Россию (1828-1864 гг.) // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. / ред. В. Н. Ратушняк. Майкоп: Майкопское книжное изд-во, 1987. С. 35–58.
20. Клычников Ю. Ю., Цыбульникова А. А. «Так буйную вольность законы теснят…»: борьба Российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисловием Б. В. Виноградова. Пятигорск: Рекламно-информационное агенство на Кавминводах, 2011. 256 с.
21. Клычников Ю. Ю. Северокавказский «очаг» работорговли («пленопродавства»): к постановке проблемы рабства // Slavery: Theory and Practice. 2020. №5(1). С. 4-18.
22. Кузьминов П. А., Огузова Д. А. Трансформация социального статуса адыгского крестьянства в традиционном обществе (конец XVIII – первая половина XIX века) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1(89). С. 80–87.
23. Марзей А. С. Черкесское наездничество «зекIуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. 305 с.
24. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар: Кн. изд-во, 1989. 319 с.
25. Приймак Ю. В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир: «Полипринт», 2011. 358 с.
26. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994. 153 с.
27. Степаненко Н. С. Беглые казаки и крестьяне – рабовладельцы на Северо-Западном Кавказе в середине XIX в. Slavery and Practice. 2019. 4(1). С. 171–173.

28. Степаненко Н.С. Обстоятельства переселения адыгского «черного народа» на подконтрольные России территории в 30-40-е гг. XIX в. // Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России: материалы VI Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 13-15 ноября 2019 г.) Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С. 144–151.
29. Степаненко Н. С. Положение российских перебежчиков среди горцев Северо-Западного Кавказа в 30-60- е гг. XIX в. // Третьи Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвящённые памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича. Сб. статей Ч. 2. Махачкала: Издательство ДГУ, 2016. С. 202–205.
30. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. Т.2: История войны казаков с закубанскими горцами. Краснодар: Тип. «Краснодарские известия», 2007. 744 с.

References

1. Blaramberg I. F. Kavkazskaya rukopis' (Caucasian manuscript). Stavropol': Kn. izd-vo, 1992. 240 p. (In Russian)
2. Bliev M. M. Rossiya i gortsy Bol'shogo Kavkaza na puti k tsivilizatsii (Russia and the highlanders of the Greater Caucasus on the way to civilization). Moscow: Mysl', 2004. 878 p. (In Russian)
3. Bliev M. M., Degoev V.V. Kavkazskaya voyna (Caucasian War). Moscow: Roset, 1994. 592 p. (In Russian)
4. Bobrovnikov V.O. Abreki i gosudarstvo: kul'tura nasiliya na Kavkaze (Abreki and the state: a culture of violence on Kavkaz) // Vestnik Evrazii. 2000. No. 1. P. 19 – 46. (In Russian)
5. Bronevskiy V. B. Istoriya Donskogo Voyska, opisanie Donskoy zemli i Kavkazskikh mineral'nykh vod. Part 4. Poezdka na Kavkaz (History of the Don Army, description of the Don land and Caucasian Mineralinye Vody. Part 4. Trip to the Caucasus). St.Petersburg, 1834. 324 p. (In Russian)
6. Bronevskiy S. M. Noveyshiya izvestiya na Kavkaze, sobrannyya i popolnennyya Semenom Bronevskim: v 2 tomakh: t.1, t.2 (News in the Caucasus, collected and complete by Semyon Bronevsky: in 2 volumes: vol. 1, vol. 2) / ed by I. K. Pavlovoy. St.Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 459 p. (In Russian)
7. State archive of Krasnodar territory (GAKK). F.261. Inv.1. D. 63. (In Russian)
8. GAKK. F.261. Inv.1. D.64. (In Russian)
9. GAKK. F.261. Inv.1. D.74. (In Russian)
10. GAKK. F.261. Inv.1. D.80. (In Russian)
11. GAKK. F.261. Inv.1. D.83. (In Russian)
12. GAKK. F.261. Inv.1. D.94. (In Russian)
13. GAKK. F.261. Inv.1. D.100. (In Russian)
14. GAKK. F.261. Inv.1. D.242. (In Russian)
15. GAKK. F.261. Inv.1. D.269. (In Russian)
16. Dubrovin N. F. Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze (History of war and Russian rule in the Caucasus). Vol.1. St.Petersburg: Tipographia Departamenta udelov, 1871. 656 p. (In Russian)
17. Dudarev D. S., Dudarev S. L. Severnyy Kavkaz glazami predstaviteley rossiyskogo obshchestva pervoy poloviny – serediny XIX veka (North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society of the first half - mid-19th century). Armavir; Stavropol': Dizayn-studiya B, 2017. 402 p. (In Russian)
18. Il'yasova A. A., Grankin Yu. Yu. Torgovyy faktor v sisteme politiko-ekonomicheskogo razvitiya Severnogo Kavkaza v XVIII – pervoy polovine XIX vekov (Trade factor in the system of political and co-economic development of the North Caucasus in the XVIII – first half of the XIX centuries). Pyatigorsk: PSLU publ., 2013. 224 p. (In Russian)
19. Kerashev A. T. Pobegi adygov v Rossiyu (1828 – 1864 gg.) (The shoots of the Adyghs to Russia (1828 – 1864) // Voprosy obshchestvenno-politicheskikh otnosheniy na Severo-Zapadnom Kavkaze v XIX v. / ed V.N. Ratushnyak. Maykop: Maykopskoe knizhnoe izddatelstvo, 1987. P. 35–58. (In Russian)
20. Klychnikov Yu. Yu., Tsybul'nikova A. A. «Tak buynuyu vol'nost' zakony tesnyat…»: bor'ba Rossiyskoy gosudarstvennosti s khishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) («So violent liberty for the horses are being squeezed»...: the struggle of Russian statehood with predation in the North Caucasus (historical essays) / ed by B.V. Vinogradov. Pyatigorsk: Reklamno-informatsionnoe agenstvo na Kavminvodakh, 2011. 256 p. (In Russian)
21. Klychnikov Yu.Yu. Severokavkazskiy «ochag» rabotorgovli («plenoprodavstva»): k postanovke problemy rabstva (North Caucasus «hearth» of the slave trade («captive-selling»): to the formulation of the problem of slavery) // Slavery: Theory and Practice. 2020. No.5(1). P. 4–18. (In Russian)
22. Kuz'minov P. A., Oguzova D. A. Transformatsiya sotsial'nogo statusa adygskogo krest'yanstva v traditsionnom obshchestve (konets XVIII – pervaya polovina XIX veka) (Transformation of the social status of the Adyghe peasantry in traditional society (late XVIII – first half of the XIX century) // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2017. No. 1(89). P. 80–87. (In Russian)
23. Marzey A. S. Cherkesskoe naezdnichestvo «zeklue». Iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII – pervoy polovine XIX veka (Cherkess horseback «zeklue.» From the history of the military life of the Circassians in the XVIII – first half of the XIX century). Nal'chik: Izdatel'skiy tsentr «El'-Fa», 2004. 305 p. (In Russian)
24. Pokrovskiy M. V. Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka: Sotsial'no-ekonomicheskie ocherki (From the history of the Adyghs at the end of the 18th – the first polo wine of the 19th century: Socio-economic essays). Krasnodar: Kniznoe izdatelstvo, 1989. 319 p. (In Russian)
25. Priymak Yu. V. Severo-Vostochnoe Prichernomor'e vo vnutri- i vneshnepoliticheskikh protsessakh formirovaniya yuzhnykh granits Rossii (konets XVII – pervaya tret' XIX v.) (North-Eastern Black Sea Region in the internal and foreign policy processes of the formation of the southern borders of Russia (the end of the XVII – the first third of the XIX century). Armavir: «Poliprint», 2011. 358 p. (In Russian)
26. Spenser E. Puteshestviya v Cherkesiyu (Travels to Cherkessia). Maykop: RIPO «Adygeya», 1994. 153 p. (In Russian)
27. Stepanenko N. S. Beglye kazaki i krest'yane – rabovladel'tsy na Severo-Zapadnom Kavkaze v seredine XIX v. (Runaway Cossacks and peasants are slave owners in the Se-vero-West Caucasus in the middle of the XIX century) // Slavery and Practice. 2019. No. 4(1). P.171–173. (In Russian)

28. Stepanenko N. S. Obstoyatel'stva pereseleniya adygskogo «chernogo naroda» na podkontrol'nye Rossii territorii v 30–40-e gg. XIX v. (The circumstances of the resettlement of the Adyghe «black people» to the territories controlled by Russia in the 30-40s. XIX century) // Narody Kavkaza v tsivilizatsionnom prostranstve Rossii: materialy VI Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov (g. Rostov-na-Donu, 13-15 noyabrya 2019 g.) Rostov-on-Don: SSC of RAS publ., 2019. P. 144–151. (In Russian)
29. Stepanenko N. S. Polozhenie rossiyskikh perebezhchikov sredi gortsev Severo-Zapadnogo Kavkaza v 30-60- e gg. XIX v. (The situation of Russian defectors among the highlanders of the North-West Caucasus in the 30-60s. XIX century) // Tret'i Vserossiyskie (s mezhdunarodnym uchastiem) istoriko-etnograficheskie chteniya, posvyashchennye pamyati professora Magomedova Rasula Magomedovicha. Part. 2. Makhachkala: DSU publ., 2016. P. 202–205. (In Russian)
30. Shcherbina F. A. Istoriya Kubanskogo kazach'ego voyska: In 2 Vol. Vol.2: Istoriya voyny kazakov s zakubanskimi gortsami. Krasnodar (The history of the Kuban Cossack army: In 2 Vol. Vol.2: History of the war between the Cossacks and the Zakuban highlanders): Krasnodarskie izvestiya, 2007. 744 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Ткаленко Никита Сергеевич – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета / nik.tkalenko.1996@mail.ru
Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the author

Tkalenko Nikita S. – post-graduate student, Chair of Historical and Socio-Philosophical Courses, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / nik.tkalenko.1996@mail.ru
The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
LEGAL SCIENCES

CC BY

УДК 342 : 94(470)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.14

С. Ю. Королёв

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗЕМЕЛЬНОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье дается подробный анализ развития правового института государственного земельного контроля (надзора) начиная с периода Древнерусского государства до начала XX века. Актуальность статьи обусловлена большим вниманием государства к обозначенной сфере сегодня, о чем свидетельствуют частое изменение законодательства, регулирующее контрольно-надзорную деятельность в сфере земельных отношений. Цель статьи заключается в проведении правового анализа нормативных актов действующих в области государственного земельного надзора в обозначенный исторический интервал времени. Поставленные задачи были реализованы при помощи общенаучных методов (анализ, синтез, диалектический метод) и формально-юридического метода. Анализируя законодательство, автор определяет момент начала формирования в России законодательства о земельном контроле (надзоре), задачи, стоящие перед государством на отдельных этапах развития данного направления деятельности. На основе результатов проведенного исследования выявляются общие для всех исторических отрезков закономерности и тенденции.

Ключевые слова: правовая политика, государство, право, законодательство, модернизация правовой системы, правовое регулирование, история права, государственный земельный контроль, надзор, функция управления, эффективное использование земли, охрана земель.

Для цитирования: Королёв С. Ю. Генезис правовой политики в сфере государственного земельного контроля (надзора) в Российской Федерации: от Древней Руси до начала XX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 274–278. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.14

Stanislav I. Korolev

GENESIS OF LEGAL POLICY IN THE FIELD OF STATE LAND CONTROL (SUPERVISION) IN THE RUSSIAN FEDERATION: FROM ANCIENT RUSSIA TO THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article provides a detailed analysis of the development of the legal institution of state land control (supervision) from the period of the Old Russian state to the beginning of the twentieth century. The relevance of the article is due to the great attention of the state to the designated area today, as evidenced by frequent changes in legislation regulating control and supervisory activities in the field of land relations. The purpose of the article is to conduct a legal analysis of regulations in force in the field of state land supervision in the designated historical time interval. The tasks were implemented using general scientific methods (analysis, synthesis, dialectical method) and the formal legal method. Analyzing the legislation, the author determines the moment of the beginning of the formation of legislation on land control (supervision) in Russia, the tasks facing the state at certain stages of the development of this area of activity. Based on the results of the conducted research, patterns and trends common to all historical segments are revealed.

Key words: legal policy, state, law, legislation, modernization of the legal system, legal regulation, history of law, state land control, supervision, management function, effective use of land, land protection

For citation: Korolev S. I. Genesis of legal policy in the field of state land control (supervision) in the Russian Federation: from Ancient Russia to the beginning of the XX century // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 274–278. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.14

Как и любое явление, возникающее в обществе, исследовать правовой институт государственного контроля (надзора) за охраной и использованием земель в России, невозможно, не обращаясь к истории его развития. Поэтому, применение таких методов исследования как сравнительно-правовой и исторический, является той необходимостью, которая позволяет выявить тенденции возникновения и развития различных общественных процессов и реакции государства на их правовое регулирование [6]. Известный немецкий историк права профессор И. Колер

говорил по этому поводу: «Историческое познание освобождает нас, оно снимает с наших глаз ту повязку, которая мешает нам видеть сущность явлений. Там, где прежде мы могли лишь ощупью узнать их внешние очертания, мы теперь познаем их внутренний смысл; ибо как все существующее и человеческое общество есть результат развития, которое совершается по неизменным законам и направляется кроющимся в человечестве духом Божества. Историческая эволюция и есть внешнее проявление этого процесса, в котором присущее человечеству стремление к идеалу неизменно пробивается наружу, как цветок из ростка, в урочное время» [10].

В своем становлении правовой институт государственного земельного контроля (надзора) в России прошел несколько этапов, каждый из которых имел свои особенности и отличительные черты, обусловленные развитием государственности и правовой системы.

Законодательное закрепление он получил в период проведения крестьянской реформы 1861 года. Но, косвенные упоминания о нем, мы находим уже в самых первых источниках Древнерусского права, появившихся на рубеже IX–XII вв., которые, не давая четкого понятия, закрепляли контроль за охраной и использованием земель в различных его проявлениях, в частности, через установление мер ответственности за нарушение сложившегося порядка пользования землей. Так, ст. 34 Краткой редакции Русской Правды устанавливала высокий штраф за порчу межевых знаков: «А иже межу переореть любо перетесъ, то за обиду 12 гривнѣ» [14]. В буквальном переводе означает: «А если (кто-либо) перепашет межу или уничтожит межевой знак на дереве, то (платить) 12 гривен вознаграждения потерпевшему» [13]. Данные нормы свидетельствуют о деятельности сформировавшихся на тот момент органов управления (городовые и местные общины, сотни, верви, княжеская администрация [8, с. 16]), направленной на соблюдение землепользователями установленных требований по использованию земель. Тем самым, подчеркивается забота Древнерусского государства (Киевской Руси) об обеспечении устойчивости земельного правопорядка [20]. Однако, учитывая применение в Русской Правде казуального, или формального способа обработки материала: из реальной жизни правового обычая, судебной практики, византийского права брался конкретный казус, решение которого Русская Правда определяла сама [8, с. 18], можно говорить о том, что земельный контроль возник задолго до образования Древнерусского государства и регулировался нормами обычного права.

Нормативные правовые акты периода феодализма в России (XII–XV вв.) отражали уже более высокую ступень развития права по сравнению с законодательством Киевского государства: для них характерна большая системность в изложении норм, формулирование некоторых общих положений и понятий, в том числе и в области земельных отношений. Запрещался самовольный захват земли [12]. Согласно Псковской Судной грамоте контрольным органом по всем земельным вопросам являлись господа: князь, посадник, сотские. Именно эти люди определяли действительность земельных грамот [15].

Таким образом, на заре становления Российского государства и права, контрольная деятельность органов управления сводилась, прежде всего, к обеспечению соблюдения прав собственности на землю, а также фискальных интересов самого государства, что свидетельствует о направленности контрольно-надзорной деятельности в сторону наблюдения за использованием земли как недвижимого имущества, а не как природного объекта. Функция контроля (надзора) за охраной и использованием земель как компонента природной среды, в современном ее понимании, принадлежала самим землевладельцам, которыми был выработан целый комплекс природоохранительных мер, направленных на сохранение качества земельного фонда. Они состояли в правильном применении той системы земледелия (паровой, лесопольной, залежной), которая была пригодна в местных природно-климатических условиях. В свою очередь, система земледелия включала рациональное использование земли, определенную смену и чередование культур, пригодные приемы обработки почвы и ее удобрения [6].

Такое смещение приоритетов вполне объяснимо и обусловлено, на наш взгляд, рядом факторов. В частности, тем, что на ранних стадиях развития общества и государства воздействие на природу, как в целом, так и на отдельные ее составляющие было минимальным, в основном для удовлетворения человеком своих собственных нужд и биологических потребностей. Такое воздействие укладывалось в границы допустимого законами биосферы коридора [5]. Однако, здесь следует обратить внимание на влияние христианства, возникновение которого на Руси, как известно, относится к IX–X вв. В отличие от языческих религий, где человек обожествляет природу, в христианстве, заложена концепция по возвышению человека над природой [1], хотя и содержится немало экологических истин [3].

Последующие нормативные правовые акты, появившиеся в период сословно-представительной монархии в России (XVI–XVII вв.), период Российской Империи (XVIII – начало XIX вв.), сохранили указанную выше тенденцию.

Судебник 1497 г. определял порядок охраны земельных участков, включая в себя статьи об огораживании пашен и пожен. Вводилась в действие ответственность за повреждение изгородей,

учинение потрав, повреждение или уничтожение межевых знаков и запашку чужой земли. Эти же нормы были положены в основу Судебника 1550 г. Круг регулируемых в нем вопросов стал значительно шире, увеличилось число деяний в сфере землепользования, признаваемых преступлениями. Кроме того, были введены дополнительные санкции за потраву посева скотом. Владелец скота обязан возместить причиненный ущерб тому, чья изгородь, т. е. собственнику посева [16]. При чем, наметившийся еще в Русской Правде чисто «феодальный», сословный подход к определению наказания продолжился и в указанных памятниках права. Для разных социальных групп устанавливались разные наказания: нарушение прав на земли великого князя, бояр – битье виновного кнутом и взимание с него рубля; спор о земле между крестьянами – штраф 2 алтына и возмещение причиненных убытков [22].

Дальнейшее развитие законодательства, не привнесло значительных изменений в рассматриваемый нами правовой институт. Соборное Уложение 1649 г. содержало ряд составов правонарушений в области использования земли, в частности, связанных с самовольным ее захватом и распашкой: «А кто похочет чюжею землею завладети насильством, и для того ту чюжую землю хлебом посеет, и учнет ту землю называти своею землею…» [19]. В тоже время, усиление власти единого центрального аппарата, так необходимого для управления государством в столь сложный период – шла острая борьба феодалов за земельные наделы, обусловило внедрение системы Генерального межевания, прообразом которого стали писцовые, переписные и дозорные книги, предусмотренные Уложением [17].

Генеральное межевание успешно длилось в России почти сто лет (1765–1861 гг.) и было связано с закреплением земельной собственности методами землеустройства [4], что формировало основу для осуществления контрольно-надзорной деятельности в сфере земельных отношений. Сущность межевания заключалась в следующем: власть брала на себя заботу о размежевании (разделении) частных земель или в интересах фискальных органов, или для упрочнения поземельных прав. При Екатерине II, межевание получило принудительный и обязательный характер. Оно должно было распространяться на все губернии, и находилось под контролем различных органов [9].

Одной из задач, которую предстояло решить государству в ходе реформы 1861 г., стала задача обеспечения казенного интереса в процессе использования земли [11]. Для этого, была создана четкая система государственных органов управления земельным фондом, в полномочия которых входило осуществление земельного контроля (надзора). При этом, государство при регулировании землепользования придерживалось «не столько чисто экологических мотивов, сколько других – частнособственнических, военных, фискальных и т. д.» [2]. Реализация государственного принуждения за совершенное земельное правонарушение возлагалась на органы полиции, первоначально появившиеся в городах, а позже и в сельской местности.

Деятельность контролирующих государственных органов регулировалась Положением о губернских по крестьянским делам учреждениях. Первым и основным звеном в этой системе были мировые посредники. В соответствии со ст. 24 Положения они осуществляли контроль (надзор) за: правильной обработкой земли (пашня и бороньба); удобрением земельных участков (возка и раскидка навоза); посевом и уборкой хлебов, конопли, льна, картофеля, свекловицы и пр.; косьбой и уборкой сена, уборкой табака, молотьбой хлебов, рубкой дров, лесными работами, раскопкой канав, перевозкой грузов на недальнем расстоянии; выполнением норм выработки определенных сельскохозяйственных работ.

При выявлении нарушений мировой посредник принимал меры к их устранению, возмещению причиненного ущерба, и применению штрафных санкций к виновным. Кроме того, мировой посредник контролировал правильность составления уставных грамот, соблюдение норм земельных наделов при их выделе, в его компетенцию входили и судебно-полицейские разбирательства по потравам полей, лугов и других угодий, по отдаче земли в наем, если сумма штрафа не превышала тридцати рублей [18, с. 213].

При осуществлении деятельности по контролю (надзору) за охраной и использованием земель мировые посредники тесно взаимодействовали с сельскими обществами, органы управления которых (сельский староста, сельский сход), выступали в качестве местного самоуправления. Им, наряду с мировыми посредниками, были предоставлены некоторые полномочия в сфере земельного контроля (надзора). В частности, в обязанности сельского старосты, исполнительного органа сельского общества, входило наблюдение за сохранностью межевых знаков, содержанием дорог, мостов, гатей и т. д. При их порче сельский староста незамедлительно должен был принять меры по выявлению лиц ее совершивших, и известить мирового посредника [18, с. 35].

Сельское общество имело право контролировать хозяйственную деятельность своих общинников относительно использования земли. Прямые указания по этому поводу даны в законе относительно права застройки. В черте своего земельного участка крестьянин мог возводить любые жилые, хозяйственные, промышленные постройки. За пределами участка, без согласия общества этого делать было нельзя. Но дей-

ствительная жизнь свидетельствовала о том, что такой контроль сельского общества за использованием земли общинниками был гораздо шире. Характерно одно из решений Сената. Крестьянину было запрещено сажать картофель более одного загона полевой земли. Сенат нашел, что община, являясь собственником земли, отвечает за земельные платежи и выполнение повинностей, имеет право принимать меры к сохранению ее производительности, и, следовательно, обществу принадлежит наблюдение за надлежащим использованием отдельными домохозяевами отведенных им земельных участков. Проявлять самостоятельность они могут лишь в случае, когда это не противоречит интересам общества. Если домохозяин использует земельный надел под посевы, которые истощают почву, то общество имеет право воспрепятствовать такому пользованию. Будучи заинтересованным в том, чтобы домохозяева не обесценивали землю хищнической эксплуатацией, сельское общество было вправе требовать, чтобы последние удобряли землю, не засеивали ее растениями, истощающими почву, и т.п. При невыполнении отдельным крестьянином этих требований общество обращалось к мировому посреднику [21].

Указанные выше полномочия сельского общества в области использования и охраны земли свидетельствуют о наличии в рассматриваемый период времени не только государственного контроля (надзора) за охраной и использованием земель, но и контроля, который осуществляли органы местного самоуправления. То есть, можно говорить о правовом закреплении двух видов контрольной надзорной деятельности, а именно: контроля (надзора) со стороны государства и контроля со стороны органов местного самоуправления.

Вторым звеном являлся уездный съезд мировых посредников. Он, в соответствии со ст. 105 – 110 Положения о губернских по крестьянским делам учреждениях, во-первых, рассматривал жалобы на действия мировых посредников, волостных сходов и волостных должностных лиц; во-вторых, окончательно утверждал уставные грамоты (при отсутствии споров) и, в-третьих, рассматривал дела о разверствовании угодий между крестьянами и помещиками при отводе наделов.

Третьим звеном, утверждавшим решения мировых съездов, рассматривавшим жалобы на действия первых двух звеньев, выступало губернское по крестьянским делам присутствие, возглавляемое губернатором.

Контроль за деятельностью всех местных учреждений по крестьянским делам осуществлял Главный комитет об устройстве сельского состояния. Данный орган контролировал использование земли крестьянами и помещиками, утверждал порядок выполнения сельскохозяйственных работ. На Комитет была возложена функция контроля за деятельностью мировых посредников в области использования земельных угодий, а также судебные функции по земельным спорам.

При внедрении такой системы органов власти, осуществляющих управление земельным фондом в целом и функцию земельного контроля (надзора) в частности, государство исходило из особенностей России, ее огромных территорий, укоренившихся крестьянских традиций. Деятельность указанных органов была достаточно эффективной, о чем говорит тот факт, что данная система государственных органов просуществовала вплоть до революции 1917 г., и не была затронута в ходе преобразований аграрной реформы 1906 г.

Список литературы

1. Бажайкин А. Л. Принципы охраны окружающей среды – как основополагающие идеи (руководящие положения) экологического права и законодательства, государственной экологической политики // Экологическое право. 2012. № 1. С. 15–16.
2. Боголюбов С. А. Земельное право. М.: Норма, 2006. 255 с.
3. Борейко В.Е. Постижение экологической теологии. Киевский эколого-культурный центр, 2000. URL: http://svitk.ru/004_book_book/5b/1266_boreyko-eko_teologii.php? (Дата обращения: 05.04.2022).
4. Волков С. Глазами землемера // Сельская жизнь. 2002. № 32-33.
5. Гиззатуллин Р.Х. Экологическая функция государства // Экологическое право. 2012. №1. С. 58-60.
6. Грачева Е. Ю. История юридических наук в России : сборник статей / Московская гос. юридическая акад. им. О.Е. Кутафина; под ред. О. Е. Кутафина. М.: Московская гос. юридическая акад. им. О.Е. Кутафина, 2009. 503 с.
7. Земельный вопрос / Под ред. Е.С. Строева. М.: Колос, 1999. 536 с.
8. Исаев И.А. История государства и права России: учебное пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 336 с.
9. Кассо А.А. Русское поземельное право. М.: Изд. магаз. И.К. Голубева, под фирмой «Правоведение», 1906. 260 с.
10. Колер И. Право как элемент культуры / пер. А.Э. Вориса. М.: Изд-во книжного магазина Гросман и Кнобель, 1896. 53 с.
11. Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России. М.: Политиздат, 1991. 300 с.
12. Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X – XX вв. Законодательство Древней Руси. Т.1. М.: Юрид. лит., 1984. С.304 – 308.
13. Памятники русского права. Вып. I. М.: Госюриздат, 1956. 288 с.
14. Правда Русская / под общей редакцией Б. Д. Грекова, Т. III. М.: АН СССР, 1963. 471 с.
15. Российское законодательство X-XX вв. Законодательство Древней Руси. Т.1. М.: Юрид. лит., 1984. 430 с.
16. Российское законодательство X-XX вв. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1985. 519 с.

17. Российское законодательство X-XX вв. Т. 3. М.: Юрид. литература,1985. 511 с.
18. Российское законодательство X-XX вв. Т. 7. М.: Юрид. лит., 1989. 431 с.
19. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие, 2 – е издание. М., Проспект, 2008. 463 с.
20. Тихомиров М.Н. Пособие по изучению Русской Правды. М.: МГУ, 1953. 192 с.
21. Хауке О.А. Крестьянское земельное право. М.: Москва : типо-лит. В. Рихтер, 1914. 372 с.
22. Штамм С.И. Судебник 1497 г. // Учебное пособие по истории государства и права СССР:. М.: Гос. издат. юр. литер, 1955. С.44.

References

1. Bazhaikin A.L. Printsipy okhrany okruzhayushchei sredy – kak osnovopolagayushchie idei (rukovodyashchie polozheniya) ekologicheskogo prava i zakonodatel'stva, gosudarstvennoi ekologicheskoi politiki (Principles of environmental protection – as fundamental ideas (guidelines) of environmental law and legislation, state environmental policy) // Ekologicheskoe pravo. 2012. No. 1. P.15 – 16. (In Russian).
2. Bogolyubov S.A. Zemel'noe pravo (Land law). Moscow: Norma, 2006. 255 p. (In Russian).
3. Boreiko V.E. Postizhenie ekologicheskoi teologii (Comprehension of ecological theology). Kievskii ekologo-kul'turnyi tsentr, 2000. URL: http://svitk.ru/004_book_book/5b/1266_boreyko-eko_teologii.php? (Accessed: 05.04.2022). (In Russian).
4. Volkov S. Glazami zemlemera (Through the eyes of a land surveyor) // Sel'skaya zhizn'. 2002. No. 32-33. (In Russian).
5. Gizzatullin R.Kh. Ekologicheskaya funktsiya gosudarstva (Ecological function of the state) // Ekologicheskoe pravo. 2012. № 1. P. 58 – 60. (In Russian).
6. Gracheva E.Yu. Istoriya yuridicheskikh nauk v Rossii (History of legal sciences in Russia). Moscow: Moskow State Law Academy named after O.E. Kutafin publ., 2009. 503 p. (In Russian).
7. Zemel'nyi vopros (The land question) / ed by E.S. Stroev. Moscow: Kolos, 1999. 336 p. (In Russian).
8. Isaev I.A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii (History of the state and law of Russia): uchebnoe posobie. Moscow: TK Velbi, 2008. 336 p.
9. Kasso A.A. Russkoe pozemel'noe pravo (Russian land law). Moscow: Pravovedenie, 1906. 260 p. (In Russian).
10. Koler I. Pravo kak element kul'tury (Law as an element of culture) / translated by A.E. Voris. Moscow: Book shop's publishing house, 1896. 53 p. (In Russian).
11. Litvak B.G. Perevorot 1861 goda v Rossii (The Coup of 1861 in Russia). M.: Politizdat, 1991. 300 p. (In Russian).
12. Novgorodskaya Sudnaya gramota (Novgorod Judgment Certificate) // Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi. Vol.1. Moscow: Yuridiskaya literatura, 1984. P.304 – 308. (In Russian).
13. Pamyatniki russkogo prava (Monuments of Russian law). Issue. I. Moscow: Gosyurizdat, 1956. 288 p. (In Russian).
14. Pravda Russkaya (The truth is Russian) / ed B.D. Grekov, Vol. III. Moscow: SA of RAS publ., 1963. 471 p. (In Russian).
15. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi (Russian legislation of the X-XX centuries. The Legislation of Ancient Russia). Vol. 1. Moscow: Yuridecheskaya literatura, 1984. 430 p. (In Russian).
16. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva (Russian legislation of the X–XX centuries. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state). Vol. 2. Moscow: Yuridecheskaya literatura, 1985. 519 p. (In Russian).
17. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. Akty Zemskikh soborov (Russian legislation of the X-XX centuries. Acts of Zemsky Sobor). Moscow: Yuridecheskaya literatura,1985. 511 p. (In Russian).
18. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv (Russian legislation of the X-XX centuries). Vol. 7. Moscow: Yuridecheskaya literatura, 1989. 431 p. (In Russian).
19. Titov Yu.P. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii (A textbook on the history of the state and law of Russia). Moscow: Prospekt, 2008. 463 p. (In Russian).
20. Tikhomirov M.N. Posobie po izucheniyu Russkoi Pravdy (Handbook for the study of Russian Truth). Moscow: MSU publ., 1953. 192 p. (In Russian).
21. Khauke O. A. Krest'yanskoe zemel'noe pravo (Peasant land law). Moscow: Pravovedenie, 1914. 372 p. (In Russian).
22. Shtamm S.I. Sudebnik 1497 g. (Sudebnik 1497) // Uchebnoe posobie po istorii gosudarstva i prava SSSR: Gos. izdat . yur. liter. Moscow: Yuridecheskaya literatura, 1955. P.44. (In Russian).

Сведения об авторе

Королёв Станислав Юрьевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук, доцент кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии / skorolev1976@mail.ru

Адрес: д. 1, ул. Вольская, 410056, Саратов, Российская Федерация.

Information about the author

Korolev Stanislav Yu. – PhD in Law, Senior Researcher of the Saratov Branch of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Chair of Land and Environmental Law, Saratov State Law Academy / skorolev1976@mail.ru

The address:: 1, st. Volskaya, 410056, Saratov, Russian Federation

CC BY

УДК 343.3/.7

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.15

Т. Г. Лепина

ОТГРАНИЧЕНИЕ ХУЛИГАНСТВА ОТ ВАНДАЛИЗМА И МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Разграничение смежных составов преступлений главы 24 УК РФ зачастую вызывает сложности. Это обусловлено тем, что данные общественно опасные деяния объединяет наличие общих признаков. Так, видовым объектом этих преступлений является общественная безопасность, непосредственным – общественный порядок. Нередки случаи возникновения ошибок в правоприменительной деятельности, связанные с неправильной квалификацией. Проблема конкуренции перечисленных составов не теряет своей актуальности. Устранению этих сложностей способствует сравнительный анализ конкурирующих правовых норм. В частности, тех, которые предусматривают привлечение к уголовной ответственности за совершение хулиганства, вандализма, участие в массовых беспорядках. Перечисленные общественно опасные деяния имеют отличительные черты, позволяющие правоприменителю осуществить правильную квалификацию. В представленной работе осуществлен сравнительно-правовой анализ признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 212, 213, 214 УК. Несмотря на то, что у этих деяний одинаковый видовой объект (общественная безопасность), между ними существуют отличия по признакам непосредственного объекта и предмета. Кроме того, рассмотренные общественно опасные деяния отличаются по способу совершения (наличию либо отсутствию признака демонстративности), признакам субъекта, мотивам и другим элементам состава преступления. Отграничение хулиганства от вандализма и массовых беспорядков должно осуществляться на основе сопоставления всех признаков и элементов в комплексе.

По нашему мнению, включение в часть первую ст. 213 УК пункта «б» привело к сложностям в правоприменительной деятельности. Хулиганские и экстремистские мотивы являются взаимоисключающими. Хулиганство совершается без какого-либо существенного повода и не должно быть связано с личным неприязненным отношением. Экстремистские мотивы нельзя приравнивать к малозначительному поводу. Следует согласиться с авторами, предлагающими исключить п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ из уголовного закона.

Ключевые слова: хулиганство, вандализм, массовые беспорядки, отграничение.

Для цитирования: Лепина Т. Г. Отграничение хулиганства от вандализма и массовых беспорядков по отдельным признакам состава преступления // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 279–287. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.15

Tatyana G. Lepina

DELIMITATION OF HOOLIGANISM FROM VANDALISM AND MASS RIOTS ON CERTAIN SIGNS OF CRIMINAL COMPOSITION

The distinction between related offenses of Chapter 24 of the Criminal Code of the Russian Federation often causes difficulties. This is due to the fact that these socially dangerous acts are united by the presence of common features. Thus, the specific object of these crimes is public security, the direct object is public order. There are frequent cases of errors in law enforcement activities associated with incorrect qualifications. The problem of competition of the listed compositions does not lose its relevance. The elimination of these complexities is facilitated by a comparative analysis of competing legal norms. In particular, those that provide for bringing to criminal responsibility for committing hooliganism, vandalism, participation in mass riots. The listed socially dangerous acts have distinctive features that allow the right holder to carry out the correct qualification. In the presented work, a comparative legal analysis of the signs of the offenses provided for by Articles 212, 213, 214 of the Criminal Code is carried out. Despite the fact that these acts have the same specific object (public safety), there are differences between them on the basis of the direct object and subject. In addition, the considered socially dangerous acts differ in the way they were committed (the presence or absence of a sign of demonstrativeness), the characteristics of the subject, motives and other elements of the crime. Distinguishing hooliganism from vandalism and riots should be carried out on the basis of a comparison of all signs and elements in the complex.

In our opinion, the inclusion in the first part of Art. 213 of the Criminal Code of paragraph «b» led to difficulties in law enforcement. Hooligan and extremist motives are mutually exclusive. Hooliganism is committed without any significant reason and should not be associated with a personal hostile attitude. Extremist motives cannot be equated with an insignificant cause. One should agree with the authors who propose to exclude paragraph “b” of Part 1 of Art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation from the criminal law.

Key words: hooliganism, vandalism, mass riots, delimitation.

For citation: Lepina T. G. Delimitation of hooliganism from vandalism and mass riots on certain signs of criminal composition // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 279–287. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.15

Исследователи нередко обращают внимание на проблему конкуренции норм, предусматривающих ответственность за совершение хулиганства, вандализма, организацию и участие в массовых беспорядках [1, с. 152; 2, с. 73].

Отграничение по признакам объекта

Рассмотрим признаки объектов данных преступлений. В науке распространено мнение, что объектом хулиганства является общественный порядок, но также в качестве такого рассматривают здоровье, телесную неприкосновенность личности, честь и общественную безопасность, собственность [10, с. 85]. По нашему мнению, общественный порядок является более узким понятием, чем общественная безопасность. Одно не может существовать без другого. Общественный порядок – это определенная система отношений, которые складываются в результате соблюдения и исполнения правовых норм, регулирующих поведение людей [23, с. 7]. При этом общественная безопасность представляет собой состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от общественно опасных деяний и негативного воздействия чрезвычайных ситуаций, вызванных социальными конфликтами, неконтролируемой миграцией, стихийными бедствиями, катастрофами, авариями, пожарами, эпидемиями и иными обстоятельствами [8, с. 115]. Думается, что нельзя говорить о поддержании общественного порядка, если население будет чувствовать угрозу своей жизни и здоровью, осознавать невозможность реализации неотъемлемых прав человека. Таким образом, общественный порядок возможен только в случае обеспечения общественной безопасности. В связи с этим считаем, что непосредственным объектом хулиганства является общественный порядок, включенный в структуру общественной безопасности.

Некоторые исследователи полагают, что непосредственным объектом хулиганства может выступать только общественный порядок и не может быть отдельная личность [10]. Нельзя согласиться с такой точкой зрения. Поскольку зачастую хулиганство сопряжено с причинением вреда отдельным личностям. Из 30 проанализированных нами приговоров по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК 90% были связаны с причинением вреда здоровью потерпевших. В большинстве случаев преступник совершал выстрелы из пневматического и травматического пистолета. Так, 3 апреля 2017 г. Демский районный суд г. Уфы Республики Башкортостан вынес приговор по уголовному делу в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Виновный, будучи в состоянии алкогольного опьянения, находясь в помещении раздевалки катка, стал угрожать расправой администратору, отказавшейся выдать ему коньки, и направил на потерпевшую дуло пневматического пистолета. Действия преступника характеризуются как грубое нарушение общественного порядка, посягающее на физическую неприкосновенность граждан и препятствующее нормальному режиму работы указанного катка [11]. Нами также были рассмотрены приговоры по уголовным делам, в которых хулиганские действия были связаны с нанесением телесных повреждений деревянной битой [12] или ножом [13]. Таким образом, в рассмотренных нами примерах, в подавляющем большинстве случаев, в результате хулиганских действий вред был причинен не только общественной безопасности и общественному порядку, но и здоровью человека. В соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 30.12.2020 г. №543-ФЗ в ст. 213 УК РФ, уголовно наказуемым является хулиганство, совершенное «с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения» (п. «а», ч.1 с. 213). В предыдущей редакции этой нормы предусматривалось привлечение к уголовной ответственности в случае использования преступником оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Законодатель подчеркивает особую значимость такого объекта уголовно-правовой охраны, как здоровье, и в связи с этим устанавливает запрет на совершение хулиганских действий с угрозой применения насилия, даже без его осуществления.

В судебной практике имеются также примеры, в которых вред причиняется большему числу объектов. Так, судья Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга Е. А. Жигиль вынес обвинительный приговор в отношении В. Б. Хорева. Он, будучи в состоянии алкогольного опьянения, «беспричинно из хулиганских побуждений» не менее трех раз бросил в стеклянную дверь магазина фрагмент тротуарного кирпича. В результате дверь была разбита. Это нарушило нормальные условия работы магазина и повлекло причинение материального ущерба на сумму 4200 рублей. В.Б. Хорев осознавал, что своими действиями он может причинить вред находящемуся в помещении магазина охраннику Ш. Совершенное деяние было квалифицировано по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ [14].

Полагаем, что во всех случаях совершения хулиганства, предусмотренного п. «а» ч.1 ст. 213 объектом посягательства выступает не только общественный порядок. В данном случае можно говорить об обязательном наличии дополнительного объекта. В случае совершения хулиганства может причиняться вред правам, свободам, законным интересам человека (в первую очередь здоровью). По нашему мнению, дополнительный объект должен быть неотъемлемым элементом конкретного состава. Например, для такого деяния, как разбой, наличие дополнительного объекта (жизнь и здоровье человека) является необходимой составляющей. В случае совершения хулиганства с применением насилия к гражданам либо угрозой

его применения, подразумевается обязательное наличие дополнительного объекта (здоровья человека). Право собственности, другие права и законные интересы, не являющиеся обязательными признаками рассматриваемого состава, могут быть факультативными объектами.

Рассмотрим объект хулиганства, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК. Основным объектом здесь также выступает общественный порядок как составляющая общественной безопасности, а дополнительный – обусловлен местом совершения преступления. Хулиганство, предусмотренное п. «в» ч. 1 ст. 213 УК, совершается на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования. Дополнительными объектами такого преступления всегда являются спокойствие граждан, их честь и достоинство [7]. Так, Домодедовским городским судом Московской области вынесен приговор по уголовному делу в отношении 27-летнего жителя Москвы. Он, находясь в состоянии алкогольного опьянения на борту воздушного судна в качестве пассажира, выражался нецензурной бранью в адрес пассажиров и членов экипажа, на требования сотрудников авиакомпании соблюдать установленные правила не реагировал. Молодой человек был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ (хулиганство, совершенное на воздушном транспорте) [9]. В этом случае, по нашему мнению, отсутствовало посягательство на здоровье человека, собственность, условия эксплуатации общественного транспорта, которые исследователи называют в числе дополнительных объектов [2, с. 73]. Однако их, безусловно, можно рассматривать в качестве факультативных.

Так, Зимовниковский районный суд Ростовской области вынес 3 сентября 2018 г. обвинительный приговор в отношении С.В. Дука. Он, находясь в вагоне-ресторане пассажирского поезда, будучи в состоянии алкогольного опьянения, стал выражаться грубой нецензурной бранью в адрес посетителей и работников вагона-ресторана. На замечания последних прекратить хулиганские действия не реагировал. После возвращения в свой вагон С.В. Дука стал ложиться на чужие пассажирские места, плеваться. На замечания пассажиров прекратить хулиганские действия стал выражаться в их адрес грубой нецензурной бранью и угрожать им физической расправой. Начальнику поезда, попытавшемуся провести беседу с дебоширом, последний нанес удары, повлекшие причинение легкого вреда здоровью. С.В. Дука был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ [15].

В случае совершения вандализма основным объектом также выступает общественный порядок. Дополнительным объектом всегда выступает собственность, как правило, государственная или муниципальная. Однако речь не идет о посягательствах на здоровье человека. Честь и достоинство могут быть факультативными объектами.

Основным объектом массовых беспорядков также является общественный порядок. В качестве дополнительных называют здоровье человека, собственность, управленческую деятельность представителей власти [21, с. 76]. Не можем полностью согласиться с данной точкой зрения. По нашему мнению, правильнее говорить о том, что здоровье людей и собственность являются не дополнительными, а факультативными объектами, поскольку не любые массовые беспорядки сопряжены с соответствующими посягательствами. При этом, управленческая деятельность представителей власти всегда выступает в качестве дополнительного объекта. Следовательно, несмотря на то, что рассматриваемые нами конкурирующие составы преступлений имеют одинаковый основной объект, дополнительные и факультативные объекты у них отличаются.

Хулиганство, вандализм и массовые беспорядки отличаются также по предмету (в том числе по его наличию или отсутствию). В хулиганстве возможно наличие предмета, например, имущества. Но он не является обязательным признаком составов ст. 213 УК. В вандализме всегда предполагается предмет: здания, сооружения (жилые дома, учреждения, заборы, мосты и другое) или имущество на общественном транспорте или в общественных местах. В случае совершения массовых беспорядков наличие предмета возможно, но не обязательно.

Полагаем, что между рассматриваемыми преступлениями существуют различия и по другим признакам объекта. При хулиганстве потерпевшими преимущественно являются лица, находящиеся рядом с преступником в момент совершения преступления. Например, люди, которым угрожает или наносит повреждения преступник, прохожие, чье спокойствие нарушается, либо пассажиры самолета, слышащие нецензурную брань дебошира. А при вандализме потерпевшими в первую очередь являются собственники осквернённого или уничтоженного имущества. Кроме того, в результате данного преступления ущемляются права неограниченного круга лиц, которые могут видеть неприглядное изображение или нецензурную надпись на стене здания, либо посетители поврежденных общественных мест. Но при вандализме потерпевшие не присутствуют на месте преступления в момент его совершения. Массовые беспорядки могут сопровождаться применением насилия, поджогами, повреждением имущества и другое. Следовательно, потерпевшими могут быть как граждане, здоровью которых причинен вред, так и собственники, чье имущество повреждено или уничтожено, независимо от их присутствия на месте преступления.

Кроме того, если преступники уничтожили имущество, находящееся в общественных местах, потерпевшими являются люди, которые не смогут воспользоваться этим имуществом. Признаки объекта обусловлены признаками объективной стороны (например, способом совершения) рассматриваемых деяний.

Отграничение по признакам объективной стороны

Хулиганство рассматривается как грубое нарушение общественного порядка. Данный признак является оценочным. Считаем, что законодатель подразумевает совершение общественно опасных действий, которые причиняют или могут причинить существенный вред общественному порядку либо при этом нарушается нормальная деятельность предприятий, учреждений, организаций, транспорта [24, с. 263]. Нарушение можно считать грубым по временному признаку (длительное), по признакам, связанным со способом совершения деяния, по характеристикам, сопряженным с причиненными последствиями (издевательство над человеком, противодействие нормальной деятельности учреждений и работе транспорта, воспрепятствование проведению массового мероприятия, отдыху людей и другое). Однако, как справедливо указывают некоторые исследователи, различные грубые нарушения общественного порядка происходят при совершении любого общественно опасного деяния. В связи с этим, признак «грубое нарушение порядка» не является единственным и определяющим для хулиганства [22, с.152]. Этот критерий необходимо рассматривать в связке с другими, в том числе с признаками субъективной стороны. Кроме того, обязательным признаком хулиганства является демонстративность, показной характер действий (что одновременно характеризует и способ, и мотив, и цель). Преступник выражает неуважение к обществу, пренебрегая нормами морали, нарушая положения законодательства, обесценивая значимые для большинства людей идеалы.

По признаку демонстративности поведения преступника, хулиганство схоже с массовыми беспорядками. Однако вандализм, напротив, не предполагает действия напоказ. Преступники предпочитают совершать правонарушения без свидетелей (чаще в ночное время). На первый взгляд вандалы также бросают вызов обществу, но само деяние совершается исподтишка.

Хулиганство, предусмотренное п. «а», ч. 1 ст. 213 УК, должно быть совершено конкретным способом: с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения. Либо, в соответствии с ч. 2 ст. 213 УК РФ, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Массовые беспорядки могут быть совершены этим же способом. Вандализм, как правило, не предполагает применение оружия.

Отличия наблюдаются и в обстановке. Деяния, ответственность за совершение которых предусмотрена в ст. 212 УК, предполагают особую дестабилизирующую обстановку. Это подразумевает стихийные противоправные действия значительного числа людей, плохо поддающихся управлению. Изначально это могло быть мероприятие, носящее мирный характер, но затем принявшее иную форму. Хулиганство связано с присутствием людей (помимо виновного) на месте преступления. Это могут быть потерпевшие и (или) третьи лица. Но поскольку хулиганство носит демонстративный характер, преступник, совершающий это деяние, нуждается в «зрителях». Признак публичности оценивается некоторыми авторами как необязательный. Они высказывают мнение, что действия лица, вооруженного палкой или камнем и угрожающего прохожему на пустыре или лесной тропе, следует квалифицировать по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК [20, с. 6]. Полагаем, что в данном случае речь идет о совершении преступления против личности (ст. 119) из хулиганских побуждений. Поскольку основным объектом выступает жизнь и здоровье человека, такое деяние нельзя рассматривать как хулиганство.

Правоприменители сталкиваются со сложностями квалификации ст. ст. 213, 214 УК, обусловленными проблемой оценки признака «демонстративности». Так, 16 мая 2017 г. Сестрорецкий районный суд Санкт-Петербурга вынес приговор в отношении А.К. Макаренко. Он совершил два преступления: хулиганство и вандализм. А. К. Макаренко, будучи в состоянии алкогольного опьянения, находился на автобусной остановке. Там же присутствовали и другие люди. Они слышали нецензурную брань, оскорбления, которые высказывал Макаренко. Также люди видели, как последний достал из урны стеклянную бутылку и бросил в окно автобуса. В результате этого окно было повреждено. Автобусному парку был причинен ущерб на сумму 9847 руб. Содеянное было квалифицировано по п. «а» ч.1 ст. 213 и ч.1 ст. 214 УК. Хулиганство, по мнению правоприменителя, выражается в грубом нарушении общественного порядка, неуважении к обществу, также подчеркнуто, что виновный действовал «публично и демонстративно». Вандализм выразился в порче имущества в общественных местах [16]. Согласимся с тем, что правоприменитель акцентировал внимание на таких признаках хулиганства как публичность и демонстративность. Однако, по нашему мнению, квалификация содеянного по ч. 1 ст. 214 является ошибочной. Деяние полностью охватывается одной нормой (в соответствии с новой редакцией ст. 213) – ч.2 ст. 213 УК. Существуют прецеденты, демонстрирующие аналогичную точку зрения правоприменителя. В приведенном нами выше примере (приговор, который вынес судья Красногвардейского районного суда

г. Санкт-Петербурга Е. А. Жигиль) в сходной ситуации деяние справедливо квалифицировано только по ст. 213 УК РФ.

Полагаем, что рассматриваемые нами преступления (хулиганство, вандализм, массовые беспорядки) сходны по признаку места совершения преступления. В п. «в» ч. 1 ст. 213 конкретизировано место совершения преступления, однако различные виды транспорта также являются общественным местом, что характерно и для остальных перечисленных выше деяний.

Думается, что анализируемые составы следует разграничивать по степени общественной опасности. Они обусловлены, длительностью и характером посягательств, величиной причиненного вреда и другими признаками. Полагаем, что наибольшей общественной опасностью обладают массовые беспорядки. Хулиганство занимает промежуточное положение. Отличительной чертой хулиганства и массовых беспорядков является то, что они могут стать основой для совершения убийств, причинения вреда здоровью, либо посягательств на имущество (с различным количеством потерпевших) [5, с. 131]. Наименьшей общественной опасностью среди рассмотренных преступлений обладает вандализм, так как он не приводит к масштабной дезорганизации в различных сферах общественной жизни, многочисленным жертвам, нарушению работы государственных институтов, которые могут возникнуть при массовых беспорядках. Кроме того, вандализм не предполагает посягательств на жизнь и здоровье людей, в отличие от хулиганства и массовых беспорядков.

Отграничение по признакам субъекта

Субъектом хулиганства и массовых беспорядков является лицо, достигшее возраста 16 лет. Субъектом вандализма – лицо, достигшее возраста 14 лет. Хулиганство и вандализм может совершаться одним лицом. Совершение деяния группой лиц является квалифицирующим признаком. Массовые беспорядки изначально являются преступлением, которое предполагает участие в них значительного числа лиц [17, с. 413]. В частях первой и второй ст. 212 УК предусмотрена уголовная ответственность за организацию и за вовлечение в совершение этого деяния соответственно. Эти действия влекут применение более строгих санкций, чем участие в массовых беспорядках. Законодатель в самой статье разграничил различные роли участников этого преступления, что не характерно для хулиганства и вандализма.

Отграничение по признакам субъективной стороны

Субъективная сторона всех анализируемых деяний характеризуется виной в форме прямого умысла. Для хулиганства характерен особый мотив – хулиганские побуждения. Этот же мотив в некоторых случаях может быть присущ вандализму и массовым беспорядкам. Но для хулиганства он является обязательным и определяющим.

Среди исследователей существуют различные варианты трактовки хулиганских мотивов. Например, высказывается мнение, что преступником движет желание самоутвердиться и противопоставить обществу своё «Я» [18, с. 117]. Многие авторы указывают на то, что хулиган стремится продемонстрировать свое пренебрежение общепринятыми нормами поведения, правилами, положениями закона. На это указывает его готовность спровоцировать конфликт с потерпевшим без какого-либо повода или с использованием незначительного повода [20, с. 106]. А.Г. Степановская указывает, что хулиганам присуща антисоциальность – внутренняя готовность лица противодействовать правовым и нравственным установкам общества [19].

В п. «б» ч. 1 ст. 213 УК регламентировано привлечение к уголовной ответственности за совершение хулиганства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. По нашему мнению, наличие таких мотивов противоречит самой сущности понятия «хулиганство». Данное преступление предполагает, что виновный действует «непоследовательно, нелогично и хаотично» [4, с. 76, 77]. Многие исследователи [1, с. 152; 4, с. 76, 77] также подчеркивают, что это преступление совершается без какого-либо существенного повода и не должно быть связано с личным неприязненным отношением. В подавляющем большинстве рассмотренных нами приговоров, вынесенных по ст. 213 УК, подчеркивается, что виновный использовал малозначительный повод или действовал «беспричинно». Экстремистские мотивы нельзя приравнивать к малозначительному поводу. Для них характерно стремление «ограничить чужую групповую особенность или самобытность» [3]. Полагаем, что хулиганские и экстремистские мотивы являются взаимоисключающими.

Многие авторы справедливо указывают на то, что включение в часть первую ст. 213 УК пункта «б» привело к сложностям в правоприменительной деятельности [1; 3; 6]. Так, М. А. Агаджанян отмечает, что в УК РФ уже содержится норма (ст. 282 УК РФ), предусматривающая ответственность за унижение человеческого достоинства в зависимости от расы, религиозной принадлежности, пола, национальности и т.п., совершенные как с насилием, так и без насилия, т.е. способами, аналогичными хулиганским [1, с. 152]. К.А. Быкова, указывает на возникшие сложности, связанные с разграничением хулиганства и экстремизма [3]. Согласимся с исследователями [1, с. 12], предлагающими исключить п. «б» ч. 1 ст. 213 УК.

Возвращаясь к вопросу отграничения хулиганства от вандализма и массовых беспорядков, подчеркнем, что первое деяние обязательно характеризуется хулиганскими побуждениями и имеет особую цель. А именно: самоутверждение, демонстрация вседозволенности и пренебрежительного отношения к нормам морали, нравственности, положениям законодательства, правам и интересам других людей, общественным идеалам. Мотивы и цели вандалов, а также преступников, организующих, вовлекающих в совершение массовых беспорядков и (или) участвующих в них, вариативны. Часто цель массовых беспорядков – вызвать беспокойство, страх, даже панику среди населения. Преступники стремятся противопоставить себя представителям властных и силовых структур, подчеркнуто игнорировать их требования. Цели вандалов могут совпадать с теми, которые преследуют хулиганы и (или) организаторы и участники массовых беспорядков.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

Полагаем, что во всех случаях совершения хулиганства, предусмотренного п. «а» ч.1 ст. 213 объектом посягательства выступает не только общественный порядок. Полагаем, что соответствующие преступления обязательно имеют дополнительный объект: здоровье человека. Право собственности, другие права и законные интересы могут быть факультативными объектами. Основным объектом хулиганства, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК, также выступает общественный порядок как составляющая общественной безопасности, а дополнительным – спокойствие граждан, их честь и достоинство. В случае совершения вандализма основным объектом также выступает общественный порядок. Дополнительным объектом всегда выступает собственность, как правило, государственная или муниципальная. Основным объектом массовых беспорядков также является общественный порядок. Дополнительным объектом выступает управленческая деятельность представителей власти. Здоровье людей и собственность факультативными объектами, поскольку не любые массовые беспорядки сопряжены с соответствующими посягательствами.

Хулиганство, вандализм и массовые беспорядки отличаются также по предмету (в том числе по его наличию или отсутствию). В хулиганстве возможно наличие предмета, например, имущества. Но он не является обязательным признаком составов ст. 213 УК. В вандализме всегда предполагается предмет: здания, сооружения (жилые дома, учреждения, заборы, мосты и другое) или имущество на общественном транспорте или и общественных местах. В случае совершения массовых беспорядков наличие предмета возможно, но не обязательно.

Полагаем, что между рассматриваемыми преступлениями существуют различия и по другим признакам объекта. При хулиганстве потерпевшими преимущественно являются лица, находящиеся рядом с преступником в момент совершения преступления. А при вандализме потерпевшими в первую очередь являются собственники осквернённого или уничтоженного имущества. Массовые беспорядки могут причинять вред разным потерпевшим: гражданам, здоровью которых причинен вред, также собственникам, чье имущество повреждено или уничтожено. Кроме того, в результате всех анализируемых преступлений ущемляются права неограниченного круга посетителей поврежденных общественных мест.

По признаку демонстративности поведения преступника, хулиганство схоже с массовыми беспорядками. Однако вандализм, напротив, не предполагает действия напоказ. Преступники предпочитают совершать преступления без свидетелей. На первый взгляд преступники также бросают вызов обществу, но само преступление совершается исподтишка. Отличия наблюдаются в обстановке. Деяния, ответственность за совершение которых предусмотрена в ст. 212 УК, предполагают особую дестабилизирующую обстановку. Хулиганство связано с присутствием людей (помимо виновного) на месте преступления. Это могут быть потерпевшие и (или) третьи лица. Таким образом, хулиганству присуща публичность.

Полагаем, что рассматриваемые нами преступления (хулиганство, вандализм, массовые беспорядки) сходны по признаку места совершения преступления. В п. «в» ч. 1 ст. 213 УК конкретизировано место совершения преступления, однако различные виды транспорта также являются общественным местом, что характерно и для остальных перечисленных выше деяний.

Думается, что наибольшей общественной опасностью обладают массовые беспорядки. Хулиганство занимает промежуточное положение. Наименьшей общественной опасностью среди рассмотренных преступлений обладает вандализм, так как он не приводит к масштабной дезорганизации в различных сферах общественной жизни, многочисленным жертвам, нарушению работы государственных институтов, которые могут возникнуть при массовых беспорядках. Кроме того, вандализм не предполагает посягательств на жизнь и здоровье людей, в отличие от хулиганства и массовых беспорядков.

Субъектом хулиганства и массовых беспорядков является лицо, достигшее возраста 16 лет. Субъектом вандализма – лицо, достигшее возраста 14 лет. Хулиганство и вандализм может совершаться одним лицом. Совершение деяния группой лиц является квалифицирующим признаком. Массовые беспорядки изначально являются преступлением, которое предполагает участие в них значительного числа лиц.

Хулиганство обязательно характеризуется хулиганскими побуждениями и имеет особую цель. А именно: самоутверждение, демонстрация вседозволенности и пренебрежительного отношения к нормам морали, нравственности, положениям законодательства, правам и интересам других людей, общественным идеалам. Мотивы и цели вандалов, а также преступников, организующих, вовлекающих в совершение массовых беспорядков и (или) участвующих в них, вариативны. Полагаем, что отграничение хулиганства от вандализма и массовых беспорядков должно осуществляться не по одному признаку состава преступления, а на основе сопоставления всех признаков и элементов в комплексе.

В п. «б» ч. 1 ст. 213 УК регламентировано привлечение к уголовной ответственности за совершение хулиганства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. По нашему мнению, наличие таких мотивов противоречит самой сущности понятия «хулиганство». Это преступление совершается без какого-либо существенного повода и не должно быть связано с личным неприязненным отношением. В подавляющем большинстве рассмотренных нами приговоров, вынесенных по ст. 213 УК, подчеркивается, что виновный использовал малозначительный повод или действовал «беспричинно». Экстремистские мотивы нельзя приравнивать к малозначительному поводу. Полагаем, что хулиганские и экстремистские мотивы являются взаимоисключающими. Включение в часть первую ст. 213 УК пункта «б» привело к сложностям в правоприменительной деятельности. Полагаем, что следует согласиться с авторами, предлагающими исключить данное положение из уголовного закона.

Список литературы

1. Агаджанян М. А. Уголовно-правовые, криминологические меры противодействия преступлениям, совершаемым из хулиганских побуждений: дисс. ... канд. юрид наук. М., 2017. 227 с.
2. Баранчикова М. В. Уголовная ответственность за хулиганство на транспорте и его отграничение от смежных составов преступления // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2 (85). С. 71-76.
3. Быкова К. А. Актуальные проблемы законодательной регламентации хулиганства // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 4. С. 257–259.
4. Грибков А. В. Почему не работает ст. 213 УК РФ? // Современные проблемы права и управления: сборник докладов 6-й международной научной конференции. АНО ВПО Институт законоведения и управления ВПА. Тула: Папирус, 2016. С. 72–84.
5. Катункин А.С., Шевцов Н.А. Уголовно-правовая характеристика хулиганства // Евразийское научное объединение. 2021. № 7-2 (77). С. 131–133.
6. Кемова Н.Н. Разграничение уголовно наказуемого хулиганства // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 145–149.
7. Майкопский районный суд Республики Адыгея URL: http://maikopsky.adg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=41 (дата обращения 12.01.2022).
8. Нигматьянов И. Г., Дондоков Ц. С., Четвергов А. В. Содержание охраны общественного порядка и общественной безопасности в современном российском праве // Парламентаризм и развитие гражданского общества: региональные аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. И.Ю. Лупенко. Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. С. 113–121.
9. Официальный сайт Московской межрегиональной транспортной прокуратуры URL: http://www.mmtproc.ru/news/1/10986/ (дата обращения 12.01.2022).
10. Павлов В.Г. Понятие и значение объекта хулиганства // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2011. Т. 11. № 2. С. 83-88.
11. Приговор суда по ч. 1 ст. 213 УК РФ № 1-11/2017 URL: http://www.sud-praktika.ru/precedent/372312.html (дата обращения 30.01.2022).
12. Приговор суда по ч. 1 ст. 213 УК РФ URL: http://www.sud-praktika.ru/precedent/548060.html (дата обращения 15.01.2022).
13. Приговор суда по ч. 1 ст. 213 УК РФ URL: http://www.sud-praktika.ru/precedent/544280.html (дата обращения 15.01.2022).
14. Приговор суда по ч. 1 ст. 213 УК РФ URL: http://www.sud-praktika.ru/precedent/544046.html (дата обращения 15.01.2022).
15. Приговор № 1-145/2018 от 3 сентября 2018 г. по делу № 1-145/2018 URL: https://sudact.ru/regular/doc/bP1Qa1HT6KJ/ (дата обращения 12.01.2022).
16. Приговор суда по статьям 213, 214 УК РФ URL: http://www.sud-praktika.ru/precedent/252965.html (дата обращения 12.01.2022).
17. Рарог А.И. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ / А.И. Рарог. М.: Эксмо, 2018. 704 с.
18. Романова А.С. Понятие «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу» как обязательные признаки хулиганства: соотношение и характеристика // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 2. С. 115-122.
19. Степановская А.Г. Хулиганство, как форма противоправного поведения // Современная юриспруденция: Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXIV Международной научно-практической конференции. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 123–126.

20. Тараканов И.А., Пичугин С.А. Хулиганские побуждения как признак субъективной стороны состава преступления // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2018. № 1 (15). С. 103–107.
21. Уголовная ответственность за преступления в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий: монография / А. Н. Ильяшенко, К. Г. Вдовиченко. Краснодар: КРУ МВД России, 2016. 166 с.
22. Чуднова А. Д. Грубое нарушение общественного порядка в составе уголовно наказуемого хулиганства // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXIV Международной научно-практической конференции. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 151–153.
23. Шадрина Л.В. Общественный порядок как объект правонарушения // Правопорядок: история, теория и практика. 2019. № 2(21). С. 6-11.
24. Шебанов Д.В., Долгих И.П., Терещенко Л.С. Хулиганство: правовые нормы и реальная действительность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 262–268.

References

1. Agadzhanyan M. A. Ugolovno-pravovy`e, kriminologicheskie mery` protivodejstviya prestupleniyam, sovershaemy`m iz xuliganskix pobuzhdenij (Criminal law, criminological measures to counteract crimes committed out of hooligan motives): thesis. Moscow, 2017. 227 p. (In Russian).
2. Baranchikova M. V. Ugolovnaya otvetstvennost` za xuliganstvo na transporte i ego otgranichenie ot smezhny`x sostavov prestupleniya (Criminal liability for hooliganism in transport and its delimitation from related offenses) // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2019. No. 2 (85). P. 71–76. (In Russian).
3. By`kova K. A. Aktual`ny`e problemy` zakonodatel`noj reglamentacii xuliganstva (Actual problems of legislative regulation of hooliganism) // Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya. 2019. No. 4. P. 257–259. (In Russian).
4. Gribkov A.V. Pochemu ne rabotaet st. 213 UK RF? (Why doesn't Art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation?) // Sovremenny`e problemy` prava i upravleniya: sbornik dokladov 6-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. ANO VPO Institut zakonovedeniya i upravleniya VPA. Tula: Papirus, 2016. P. 72–84. (In Russian).
5. Katunkin A. S., Shevczov N. A. Ugolovno-pravovaya xarakteristika xuliganstva (Criminal legal characteristics of hooliganism) // Evrazijskoe nauchnoe ob``edinenie. 2021. No. 7-2 (77). P. 131–133. (In Russian).
6. Kemova N. N. Razgranichenie ugolovno nakazuemogo xuliganstva (Delimitation of criminal hooliganism) // Prikladnaya yuridicheskaya psixologiya. 2014. No. 1. P. 145–149. (In Russian).
7. Majkopskij rajonny`j sud Respubliki Ady`geya (Maikop district court of Republic Adyogea) URL: http://maikopsky.adg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=41 (Accessed: 12.01.20). (In Russian).
8. Nigmat`yanov I.G., Dondokov Cz.S., Chetvergov A.V. Soderzhanie oxrany` obshhestvennogo poryadka i obshhestvennoj bezopasnosti v sovremennom rossijskom prave (The content of the protection of public order and public safety in modern Russian law) // Parlamentarizm i razvitie grazhdanskogo obshhestva: regional`ny`e aspekty`: materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / ed by I.Yu. Lupenko. Chita: Transbaikal State University publ., 2018. P. 113-121. (In Russian).
9. Oficial`ny`j sajt Moskovskoj mezhregional`noj transportnoj prokuratury` (Official website of the Moscow Interregional Transport Prosecutor's Office) URL: http://www.mmtproc.ru/news/1/10986/ (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
10. Pavlov V.G. Ponyatie i znachenie ob``ekta xuliganstva (The concept and meaning of the object of hooliganism) // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoj akademii. 2011. Vol. 11. No. 2. P. 83–88. (In Russian).
11. Prigovor suda po ch. 1 st. 213 UK RF № 1-11/2017 (Court verdict under Part 1 of Art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 1-11/2017) URL: http://www.sud-praktika.ru/precedent/372312.html (Accessed: 30.01.20). (In Russian).
12. Prigovor suda po ch. 1 st. 213 UK RF (Court verdict under Part 1 of Art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation) URL: http://www.sud-praktika.ru/precedent/548060.html (Accessed: 15.01.20). (In Russian).
13. Prigovor suda po ch. 1 st. 213 UK RF (Court verdict under Part 1 of Art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation) URL: http://www.sud-praktika.ru/precedent/544280.html (Accessed: 15.01.20). (In Russian).
14. Prigovor suda po ch. 1 st. 213 UK RF (Court verdict under Part 1 of Art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation) URL: http://www.sud-praktika.ru/precedent/544046.html (Accessed: 15.01.20). (In Russian).
15. Prigovor № 1-145/2018 ot 3 sentyabrya 2018 g. po delu № 1-145/2018 (Judgment No. 1-145/2018 dated September 3, 2018 in case No. 1-145/2018) URL: https://sudact.ru/regular/doc/bP1Qa1HT6KJ/ (Accessed: 12.01.20). (In Russian).
16. Prigovor suda po stat`yam 213, 214 UK RF (Court verdict under Articles 213, 214 of the Criminal Code of the Russian Federation) URL: http://www.sud-praktika.ru/precedent/252965.html (Accessed: 12.01.20). (In Russian).
17. Rarog A.I. Postatejny`j kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RF (Article-by-article commentary to the Criminal Code of the Russian Federation). Moscow: E`ksmo, 2018. 704 p. (In Russian).
18. Romanova A.S. Ponyatie «gruboe narushenie obshhestvennogo poryadka» i «yavnoe neuvazhenie k obshhestvu» kak obyazatel`ny`e priznaki xuliganstva: sootnoshenie i xarakteristika (The concept of «gross violation of public order» and «clear disrespect for society» as mandatory signs of hooliganism: correlation and characteristics) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya. 2019. No. 2. P. 115-122. (In Russian).
19. Stepanovskaya A.G. Xuliganstvo, kak forma protivopravnogo povedeniya (Hooliganism as a form of illegal behavior) // Sovremennaya yurisprudenciya: Sovremennaya yurisprudenciya: aktual`ny`e voprosy`, dostizheniya i innovacii: sbornik statej XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza: «Nauka i Prosveshhenie» (IP Gulyaev G.Yu.), 2019. P. 123-126. (In Russian).
20 Tarakanov I.A., Pichugin S.A. Xuliganskie pobuzhdeniya kak priznak sub``ektivnoj storony` sostava prestupleniya (Hooligan motives as a sign of the subjective side of the crime) // Penitenciarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel`naya praktika. 2018. No. 1 (15). P. 103-107. (In Russian).

21. Ugolovnaya otvetstvennost` za prestupleniya v sfere organizacii i provedeniya publichny`x massovy`x meropriyatij: monografiya (Criminal liability for crimes in the field of organizing and holding public mass events). Krasnodar: KRU MVD Rossii, 2016. 166 p. (In Russian).
22. Chudnova A. D. Gruboe narushenie obshhestvennogo poryadka v sostave ugolovno nakazuemogo xuliganstva (Gross violation of public order as part of criminal hooliganism) // Sovremennaya yurisprudenciya: aktual`ny`e voprosy`, dostizheniya i innovacii: sbornik statej XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza: «Nauka i Prosveshhenie» (IP Gulyaev G.Yu.), 2019. P. 151–153. (In Russian).
23. Shadrina L.V. Obshhestvenny`j poryadok kak ob``ekt pravonarusheniya (Public order as an object of offense) // Pravoporyadok: istoriya, teoriya i praktika. 2019. No. 2(21). P. 6–11. (In Russian).
24. Shebanov D.V., Dolgix I.P., Tereshhenko L.S. Xuliganstvo: pravovy`e normy` i real`naya dejstvitel`nost`(Hooliganism: legal norms and reality) // Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. 2014. No. 4. P. 262–268. (In Russian).

Сведения об авторе

Лепина Татьяна Геннадьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых и гуманитарных дисциплин Курского института менеджмента, экономики и бизнеса / lepina2813@mail.ru

Адрес: 35, ул. Радищева, 305000, Курск, Российская Федерация.

Information about the author

Lepina Tatyana G. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Legal and Humanitarian Disciplines, Kursk Institute of Management, Economics and Business / lepina2813@mail.ru

The address: 35, st. Radishcheva, 305000, Kursk, Russian Federation.

CC BY

УДК 343.01

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.16

Н. В. Мирошниченко
В. Ю. Максимов

ОБ ОБЪЕКТЕ И ПРЕДМЕТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Практически возрожденная в новой России доктрина правовой компаративистики является одним из самых динамично развивающихся и перспективных направлений отечественной юридической науки современности. В силу ее традиционного отраслевого деления не является исключением и ее уголовно-правовая часть, свой взгляд на объект и предмет которой предлагают авторы статьи. Работа состоит из нескольких частей, логически последовательно приводящих читателя к пониманию объемности, многоплановости и системности предмета сравнительного уголовного правоведения. Определившись в самом начале статьи с пониманием объекта юридической компаративистики (который определяется как совокупность правовых систем отдельных стран), авторы, прежде всего, обозначают ряд параметров доктринальной сложности данного объекта: терминологических, методологических, исторических, юридико-технических и т. д. Так, сам термин «правовая система» в настоящее время может трактоваться, по крайней мере, в трех основных значениях, а темпоральный фактор делает его к тому же трудно фиксируемым. В качестве примера во второй части статьи приводятся краткие характеристики трех ведущих правовых семей современности и четырех представляющих две первые – англо-американскую и романо-германскую – правовых семей (в авторском понимании данного термина). Особое внимание уделяется при этом исторической (т.е. объективной) обусловленности глубокого своеобразия и сложной «многослойности» отдельных национальных правовых систем стран, даже принадлежащих к единой семье современного правового мира. Проведенное, таким образом, исследование позволяет авторам в третьей, резюмирующей части статьи сформулировать не просто предмет уголовно-правовой компаративистики, как было декларировано ими в самом названии работы, а его наиболее актуальную часть, которая, по их мнению, выражена тремя уровнями проблем, возникающих в процессе изучения уголовно-правовых составляющих правовых систем отдельных стран и их сравнения с подсистемой уголовного права отечественной правовой системы.

Ключевые слова: объект и предмет науки, сравнительное правоведение, уголовно-правовая компаративистика, правовая семья, правовая система, система права, законодательство.

Для цитирования: Мирошниченко Н. В., Максимов В. Ю. Об объекте и предмете уголовно-правовой компаративистики // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 288–295. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.16

Nadezhda V. Miroshnichenko
Vladimir Yu. Maksimov

ON THE OBJECT AND SUBJECT OF CRIMINAL LAW COMPARATIVE STUDIES

The doctrine of comparative law, practically revived in the new Russia, is one of the most dynamically developing and promising areas of the domestic legal science of our time. Due to its traditional branch division, its criminal-legal part is no exception, the authors of the article offer their own view of the object and subject of which. The work consists of several parts that logically consistently lead the reader to an understanding of the volume, complexity and consistency of the subject of comparative criminal law. Having determined at the very beginning of the article with the understanding of the object of legal comparative studies (which is defined as a set of legal systems of individual countries), the authors, first of all, designate a number of parameters of the doctrinal complexity of this object: terminological, methodological, historical, legal and technical, etc. So, the term «legal system» itself can currently be interpreted in at least three main meanings, and the temporal factor makes it also difficult to fix. As an example, the second part of the article provides brief characteristics of the three leading legal families of our time and four representing the first two – Anglo-American and Romano-German – legal families (in the author's understanding of this term). Special attention is paid to the historical (i.e. objective) conditionality of the deep originality and complex «multilayering» of individual national legal systems of countries, even belonging to a single family of the modern legal world. The research conducted in this way allows the authors in the third, summarizing part of the article to formulate not just the subject of criminal law comparative studies, as they declared in the very title of the work, but its most relevant part, which, in their opinion, is expressed by three levels of problems arising in the process of studying the criminal law components of the legal systems of individual countries and their comparison with the subsystem of criminal law of the domestic legal system.

Key word: object and subject of science, comparative jurisprudence, criminal law comparative studies, legal family, legal system, legal system, legislation.

For citation: Miroshnichenko N. V., Maksimov V. Yu. On the object and subject of criminal law comparative studies // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 288–295. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.16

Использование сравнения как метода исследования правовой действительности известно с древних времен: такой прием, названный методом сравнительного правоведения, использовался Солоном, Аристотелем, Монтескье и многими другими правоведами. В настоящее время он представляет собой частное проявление методологии отдельной науки философского плана, сформировавшейся из различных отраслей знания и именуемой компаративистикой (от лат. comparativus – сравнение, сравнительный).

Правовая компаративистика (или юридическая компаративистика, сравнительное правоведение) оформилась на рубеже XIX–XX вв., и в силу ее относительной молодости в настоящее время в отечественной юридической науке нет единства мнений относительно ее доктринального статуса. Одни ученые до сих пор рассматривают ее как составную часть юридической методологии (Г. А. Есаков, А. П. Кузнецов, Ж. Сталев [2, 6]), другие – как специфическую правовую науку и учебную дисциплину (В.И. Зубкова, А. Х. Саидов, Ю. А. Тихомиров [3, 10]), третьи – как отрасль права (сравнительное право: Л.Л. Кругликов [5]). По нашему мнению, правовая компаративистика – это наука, которая изучает правовые системы различных государств с целью выявления их как специфических, так и общих черт для определения возможности их взаимодействия и универсализации.

Объектом сравнительного правоведения (в том числе, в уголовно-правовой отрасли) являются, по мнению большинства ученых, правовые системы зарубежных стран, предметом же выступают отдельные правовые явления (элементы, компоненты этих систем), выделяемые с целью их сравнения с аналогичными (близкородственными) явлениями отечественной правовой системы.

Методология как теоретической, так и прикладной юридической компаративистики достаточно сложна и не может заключаться лишь в механическом сопоставлении близкородственных норм из различных систем права, т.к. каждая норма должна рассматриваться в контексте, как органическая составная часть конкретной правовой системы, обусловленной глубокими историческими традициями. Тем более невозможно таким образом сравнивать различные правовые системы нескольких стран. Поэтому сравнительное правоведение пользуется комплексом правовых методов: собственно сравнительно-правовых, системно-структурных, системно-сравнительных, историко-сравнительных и т. д.

Современное уголовное право, как, впрочем, и вся мировая культура, развивается одновременно во множестве различных, иногда противоположных, направлений. Так, во всем мире идет процесс дифференциации национальных уголовных законодательств, что, в свою очередь, обусловлено рядом факторов: национально-государственной диссимиляцией, стремлением национального уголовного права к кодификации, его усложнением. Например, в США нет ни одного регионального (штатного) уголовного кодекса, который повторял бы кодексы других штатов. Еще более явные процессы происходят в странах – бывших членах СССР и других распавшихся государств (Югославии, Чехословакии и т. д.). При этом даже в странах с традиционным отсутствием единого отраслевого законодательства (например, Великобритании) все настойчивее предпринимаются попытки его создания.

Однако уже с начала XIX в. стала проявляться и другая тенденция – к сближению правовых культур и систем различных стран (сначала в виде простого заимствования, например, из УК Франции 1810 г.). Со второй половины позапрошлого века начали заключаться международные конвенции, и особенно явным этот процесс стал, начиная с 1970-х годов, когда появилось осознание необходимости создания единого мирового пространства, в том числе, правового. На сегодняшний день в Европейском Союзе, например, идет речь о «европеизации» уголовного права. В подобных условиях своеобразие уголовных законов разных стран может быть интерпретировано как национальный ответ на глобальные вопросы всего человечества. Данная ситуация позволила ряду правоведов утверждать, что между различными системами уголовного права на самом деле существует гораздо больше общего, чем мы привычно полагаем.

Так, уголовное право впервые образовавшихся (путем отделения) стран объективно несет на себе явный отпечаток «материнского» права, а страны, получившие независимость от своих метрополий, не скрывают прямого заимствования из их систем права и принятия разъяснений их судебных органов как руководство к действию (например, Канада и Австралия – по отношению к Великобритании, некоторые африканские государства – к Франции и т. д.).

Принимая новые уголовные кодексы, ряд стран со сложившейся системой уголовного права стремятся приблизить его к нормам зарубежных государств, т. е. унифицировать его. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации под влиянием успешного апробирования в государствах Европы и Америки появилось много новых норм, например, регламентирующих вопросы:

- иерархии ценностей уголовного права,
- полной кодификации уголовного законодательства,
- выдачи преступников,
- «возрастной невменяемости»,
- «ограниченной вменяемости»,
- декриминализации приготовления к преступлениям небольшой или средней тяжести,
- криминализации создания преступного сообщества,

- содержания условного осуждения и освобождения от уголовной ответственности,
- формирования отдельного раздела об уголовной ответственности несовершеннолетних и т. д.

Этому процессу способствует и деятельность целого ряда межгосударственных организаций, в том числе и уголовной юстиции: Совета Европы, Интерпола, Комитета ООН по предупреждению преступности, Международного уголовного суда и др. В рамках этого процесса в 1962 г. был принят Примерный Уголовный кодекс США, в 1996 г. – Модельный УК стран СНГ.

Наконец, в мире происходит формирование особого, международного уголовного права. В 1947 г. Генеральная ассамблея ООН поручила комиссии международного права составить кодекс о преступлениях против мира и безопасности человечности, который в первом чтении был принят в 1991 г. и которым должен был руководствоваться созданный в 1998 г. Международный уголовный суд.

Комплексный подход к изучению уголовного права зарубежных стран требует рассмотрения его в рамках конкретных правовых систем и групп систем (правовых семей), краткой характеристике основных из которых мы посвятим наше дальнейшее исследование в рамках настоящей статьи.

Если не рассматривать достаточно редкую в настоящее время точку зрения, отождествляющую правовые системы с правовыми семьями, то правовую систему как научную категорию можно понимать в двух значениях: узком и широком. В широком это – правовое явление, охватывающее: юридические нормы, институты, отрасли, совокупность правоотношений, правовых учреждений, правовую культуру общества и т.д. В узком смысле правовая система (обычно юристы называют ее в этом значении системой права) – это только внутреннее строение национального права как системы юридических норм.

Как правовая система, так и система права обусловлены закономерностями развития конкретного национального сообщества, поэтому каждое государство имеет собственную правовую систему. Более того, в некоторых странах (имеющих федеральное строение) таких систем может быть несколько.

По мнению большинства ученых, более широким образованием, чем правовая система или система права, выступает явление правовой семьи [1]. Количество правовых семей ограничено, но правоведы (С. С. Алексеев, Г. А. Есаков, А. А. Малиновский, А. В. Наумов, А. Х. Саидов, Ю. А. Тихомиров и др. [2, 5, 7, 10 и др.]) расходятся во взглядах относительно оснований их выделения, количества и классификации. Общепризнанный авторитет в данной области, Р. Давид выделял три основных и три дополнительных правовых семьи, другие авторы называют их количество – от четырех до семи.

За основу при этом принимается, как правило, основной источник права данной группы правовых систем, т.е. главная форма выражения юридических норм. Среди таковых общая теория права называет: нормативный правовой акт, судебный прецедент, правовой обычай, нормативный договор, юридическую науку, референдум. Основными считаются первые три, и, соответственно, среди существующих в настоящее время правовых семей выделяются три ведущих: романо-германская («континентальная»), англо-американская («островная»), религиозная (в первую очередь, мусульманская).

Что касается все еще упоминающейся некоторыми правоведами семьи социалистического права, то, во-первых, она была лишь формой проявления романо-германского права, а во-вторых, в настоящее время почти исчезла. Россия, изначально рецепировавшая романо-германскую систему, как представляется, возвратилась в ее семью.

Романо-германская семья начала образовываться в XII – XIII вв. и сложилась в XIX в. Ее основными чертами являются:

- разграничение права и закона;
- формальность нормы права, ее обобщенность, абстрактность, стремление охватить максимальное количество жизненных ситуаций;
- деление права на отрасли;
- разработанное и иерархичное законодательство;
- наличие конституции;
- ограниченная роль прецедента и обычая.

Сегодня к данной семье относятся страны всей континентальной Европы, Латинской Америки, части Африки, Ближнего Востока и ряда других регионов [9].

Англо-американская семья стала формироваться в Англии XII в. и претерпевает изменения до сих пор. Ее существенные черты:

- деление права не по отраслям либо на публичное и частное, а на общее право и право справедливости;
- норма права казуистична;
- основной источник права – судебная практика;
- возрастает роль законов, которые слабо кодифицированы;
- дополнительные источники права – обычай и доктрина.

Данная правовая семья охватывает США, Великобританию, ее доминионы (Канаду, Австралию, Новую Зеландию) и бывшие колонии (Индию, Пакистан, Бирму, группу стран центральной и южной Африки).

В силу исторических причин ряд стан трудно отнести к одной из названных семей (например, Израиль, ЮАР, Филиппины и другие страны, правовые системы которых несут в себе признаки принадлежности как к одной, так и к другой правовой семье).

В группе религиозных правовых семей выделяется семья мусульманского права, в которой неразделимы право и религия, изложенная в форме шариата. Источниками права здесь являются: Коран (писание), сунна (предание), иджма (мнения правоведов), кияс (толкование Корана и сунны высшим духовенством), урф (обычай). Выраженные примеры стран этой семьи – Саудовская Аравия, ОАЭ, Иран, Пакистан, Афганистан и др.

В качестве примера стран континентального права рассмотрим правовые системы Франции и ФРГ, стран общего права – Великобритании и США.

Англо-американская система права действует на территории не всей Великобритании, а только Англии и Уэльса; Шотландия и Северная Ирландия испытали влияние континентальной Европы.

История становления уголовного права Англии весьма своеобразна. Уже в IX в. на ее территории произошло становление англо-саксонской системы частично писаного права, в том числе с определением некоторых видов преступлений и наказаний (высшая из санкций – «объявление вне закона»). Судопроизводство было двух видов: либо состязательное, либо «божий суд». В 1066 г. происходит завоевание Англии норманнами, имевшими, в основном, обычное право.

С XII в. королевские суды стали принимать решения, обязательные для нижестоящих судов, т.е. возникло право судебного прецедента, который стал источником английского права. Основной принцип прецедентного права – одинаковое разрешение единообразных дел. С XIII в. они публикуются в судебных отчетах (в настоящее время – еженедельно). В это же время отменяются ордалии, которые заменяет суд присяжных.

Английская революция XVII в., не изменив систему уголовного права, дала стране ряд важных законов: Хабеас корпус акт и Билль о правах – своего рода английскую конституцию, содержащую и основные принципы уголовного права. В итоге к концу XVIII в. уголовное право Англии стало чрезвычайно усложненным (наказание за подлог содержалось в четырехстах законах) и жестоким (смертная казнь была «основным» наказанием, остальные – «второстепенные»).

В процессе реформы XIX в. еще большее значение приобрело статутное право, была проведена его консолидация, и в настоящее время преобладающий источник права Англии – уже законодательство. Проект первого уголовного кодекса был предложен в 1831 г., последний – в 1989 г., однако до сих пор в Великобритании нет ни единой Конституции, ни УК. И хотя сейчас статут – основной источник английского права, нельзя сказать, что он вытеснил прецедент: они взаимодополняют друг друга, и, чаще всего, прецедент толкует законодательные нормы.

В настоящее время статутное право, в отличие от общего, охватывает почти все институты Общей части и понятия Особенной части уголовного права Англии, кроме форм виновности, критериев невменяемости, определений видов убийства и некоторых других. К сегодняшнему дню в Великобритании существует несколько сот только уголовных законов, самый старый из которых – Закон о государственной измене 1351 г., а наиболее важные – Законы об уголовном праве 1967 и 1977 гг., о покушении, о компетенции уголовных судов, о краже, о фальшивомонетничестве, о наркомании и ряд иных.

Кроме статутов, источниками уголовного права здесь являются подзаконные акты правительственных органов исполнительной власти (например, МВД), право на принятие которых дается парламентом (т.н. делегированное законодательство). В пределах компетенции эти акты по юридической силе приравниваются к законам. Таким образом, сейчас уголовное право характеризуется обилием и запутанностью источников: это более 300 тысяч опубликованных судебных решений, более 40 томов парламентских актов, около 100 тысяч актов делегированного законодательства.

Судебное решение состоит из трех частей, но только вторая часть («основание решения») является судебным прецедентом, остальные («попутно сказанное») не обладают обязательной силой. К остальным источникам уголовного права Великобритании относят доктринальные труды: во-первых, работы классиков как источник общего права, во-вторых, учебные руководства (например: У. Блэкстон, 1765 г.).

В колониальный период (XVII – XVIII вв.) право американских колоний определялось правом метрополии: в тринадцати английских провинциях действовало общее право, в Луизиане, Аризоне, Калифорнии и т. д. – континентальное. После провозглашения в конце XVIII в. независимости США на их территориях стали действовать нормы прецедентного права, но с определенной особенностью, а именно – в части, не противоречащей Конституции и другим законам страны. В течение всей дальнейшей истории здесь прослеживается тенденция законодательного закрепления норм общего права с их последующей кодификацией.

Однако при такой роли закона сохраняет силу и судебный прецедент – особенно в виде общеобязательных решений Верховного суда США. Кроме того, толкование уголовных законов судами первых штатов имеет силу «убеждающего» прецедента. Таким образом, Америка пошла по пути «гибкого правотворчества». В ряде штатов существует запрет возлагать уголовную ответственность на основании норм общего права.

Основной особенностью уголовного права США как федерации является наличие в них двух уровней, ступеней права – федеральной и штатной; насчитывается 53 правовых системы: федерации, штатов, Колумбии и Пуэрто-Рико.

Федеральные предписания (как и штатные) бывают трех уровней: конституция, законы, подзаконные акты. Конституция США 1787 г. содержит ряд уголовно-правовых норм: запрет на обратную силу уголовного закона, на жестокие наказания, на осуждение без суда, на ограничение основных свобод, а также понятие государственной измены и т.д. В то же время конституции в США не являются актами прямого действия.

Федеральное уголовное законодательство впервые было кодифицировано лишь в 1870-х гг. в виде части 1 раздела 18 Свода законов США (с последующими изменениями). Это – инкорпорированное, изложенное в алфавитном порядке собрание отдельных федеральных законов.

С 1960-х гг. идет процесс выработки единого Уголовного кодекса США, однако это привело лишь к созданию под эгидой Колумбийского университета в 1962 г. Примерного УК (опубликованного лишь в 1980 г.), который носит не официальный, а рекомендательный характер. Кроме того, в числе наиболее известных уголовных законов США – законы о контроле над преступностью 1970 и 1984 гг., о торговле наркотиками, о злоупотреблениях с компьютерами и т.д. Для них характерно соединение норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права.

Все штаты имеют свои конституции (самая старая – штата Нью-Гэмпшир, 1784 г.), содержащие и нормы уголовного права, причем в гораздо большем объеме, чем федеральная. Это – вопросы об исполнении смертной казни, замены наказания, условно-досрочном освобождении, определение взяточничества и т.д.

Также все штаты имеют свое уголовное законодательство в виде уголовных кодексов, и хотя большинство из них было принято в 1980-х годах, в целом им характерны отсутствие четкой регламентации вопросов уголовного права, устаревшие, противоречащие друг другу предписания, казуистичность. УК определяет, что преступлением является деяние, запрещенное любой нормой права (в т.ч. любого правительственного учреждения).

В вопросе взаимодействия норм федерального и штатного уголовного права возникают коллизии, что является большой проблемой американского уголовного права. Считается, что установление уголовной ответственности – дело штатов, федерация же принимает уголовные законы в ограниченных пределах. Однако при коллизии предпочтение отдается нормам федерации.

По действию в пространстве федеральные уголовные законы бывают двух видов: осуществляющие его в масштабах всей страны и в отдельных ее частях. Первые – законы о преступлениях с т.н. «федеральным элементом»: служащих федеральных органов власти или же против них, против интересов правительства США или их отдельных органов (железнодорожного транспорта, налогового ведомства, таможни, почты и т. п.). Вторые – применяемые на территориях, подчиненных федеральному правительству: округе Колумбия, заповедниках, военных базах, индейских графствах, кораблях под флагом США.

Особенность Франции в том, что, во-первых, она стала первой страной формального права, а во-вторых, именно она сыграла решающую роль в формировании романо-германской системы права. Смешанность последней была обусловлена тем, что в средние века право южных областей Франции формировалось под влиянием римского (позитивного) права, а северных – устного права древнегерманских племен (однако с XVI в. стали публиковаться и французские правовые обычаи).

Уголовный процесс Франции до XII в. был схож с английским, т.е. обвинительным. После запрещения в обеих странах ордалий в Англии был введен суд присяжных, а во Франции – инквизиционный процесс. При нем обвиняемый был обязан доказать свою невиновность, и он считался виновным, если ему это не удавалось. Процесс был закрытым, с применением пыток; лишь в открытом судебном заседании обвиняемый мог узнать суть своего обвинения и оправдаться по нему. В XVI в. в процесс была введена фигура королевского обвинителя. Судьи также стали рассматриваться лишь как служители короля, которые могут только толковать закон, а не изменять его.

Рецепция римского, в т.ч. канонического, права приводила ко все большей кодификации законов. Первым таким актом стала Декларация прав человека и гражданина 1789 г., каждая из семнадцати статей которой содержала принципы уголовной юстиции: равенства, законности, невозможности ареста и заключения без указания на то в законе, презумпции невиновности, применения лишь необходимых наказаний, запрета на уголовную ответственность за политические и религиозные мнения, запрета на обратную силу отягчающего ответственность уголовного закона и др.).

Эти же гуманистические идеи нашли отражение и в первом Уголовном кодексе Франции 1791 г., где были декриминализированы религиозные преступления, сокращено применение смертной казни, отменены членовредительские наказания и пожизненное лишение свободы. Однако кодекс ввел систему абсолютно-определенных санкций, которая после этого больше не применялась.

УК Франции 1810 г. (Кодекс Наполеона) воплотил в себе основные идеи классической школы уголовного права. Он впервые разделил все уголовные правонарушения на три категории: преступления, проступки и нарушения (или, по-другому, преступления, деликты и проступки), а также на общеуголовные и политические и, кроме того, как посягательства на публичные и частные интересы. Кодекс отличался высоким уровнем законодательной техники, предельной простотой и обобщенностью норм.

Эти качества, а также оккупация Наполеоном ряда стран послужили распространению УК 1810 г. в качестве образца практически по всему миру. В то же время он предусматривал широкое применение смертной казни, ошейника, клеймение, бессрочную каторгу. Но под воздействием идей социологической школы эти нормы изменились уже в 1830–1860-х годах, и данный Кодекс просуществовал во Франции более 180 лет. В XX в. наиболее крупные реформы УК были произведены в 50-х, 70-х и особенно заметно (под влиянием школы «новой социальной защиты») в 80-х годах, когда, в частности, в 1981 г. во Франции была отменена смертная казнь.

Последний французский УК начал разрабатываться в 1973 г., был принят в 1992 г. и введен в действие через два года. Он перенял от старого принципы уголовного права, деление преступлений на категории, условное осуждение и другие институты. В то же время были по-новому сформулированы нормы о соучастии, впервые была предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц и т.д. В настоящее время УК состоит из семи книг, они делятся на разделы, а те – на главы. Первая книга посвящена Общей части, следующие – Особенной: во второй содержатся нормы о преступлениях против человека и, в первую очередь, человечества, в третьей – против собственности, в четвертой – против нации и государства – и т. д.

Кроме Декларации 1789 г. и УК 1992 г., источниками уголовного права во Франции являются Конституция 1958 г., ряд кодексов и законов (в т. ч. Хартия окружающей среды 2004 г.), а также подзаконных нормативных правовых актов. Так, Уголовно-процессуальный кодекс содержит понятия проступка и нарушения, нормы об условно-досрочном освобождении, сроках давности, замены одного наказания другим и даже об ответственности за преступления против правосудия. Другие кодексы – Кодекс военной юстиции, Дорожный, Таможенный, Налоговый и т.д. Наиболее старый закон – о прессе (печати), 1881 г., кроме него, давно известны законы об усилении безопасности, об азартных играх, о судебной реорганизации, о торговле фальсифицированными продуктами и др. Таким образом, процесс кодификации уголовного права во Франции не завершен.

Содержащие уголовно-правовые нормы подзаконные акты властных органов Франции бывают двух видов: имеющие силу закона и не обладающие таковой – ордонансы и декреты правительства (последние, как правило, включают содержание бланкетных диспозиций УК), а также акты местных органов власти, регламентирующие ответственность за полицейские нарушения.

Наиболее близко рассмотренному – и по содержанию, и по законодательной технике – уголовное право Германии. В своем развитии, близком к праву Франции, оно прошло ряд исторических этапов: от древнегерманского до периода множественности источников уголовного права, обусловленного раздробленностью немецких земель.

Уголовные законы последних испытали на себе сильное влияние УК Наполеона, в т. ч. кодекс наиболее влиятельной земли, Пруссии (1851 г.). В течение следующих 20 лет вокруг нее объединились северные немецкие земли, а на основании ее Уголовного кодекса в 1870 г. был создан УК Северогерманского союза. В 1871 г. к союзу были присоединены южные немецкие земли, и прежний Кодекс стал Уголовным уложением Германской империи. Оно, как и французский кодекс, содержало Общую и Особенную части, делило все преступления на три категории и вводило на территории всех германских земель вместо телесных наказаний смертную казнь. Уголовное право относилось к праву публичному и было классическим.

С тех пор Уложение 1871 г., существуя в своей основе до сих пор, претерпело ряд периодов изменений: Баварской и Веймарской республик, нацистского правительства, «холодной войны», либерализации 1970-х гг., периода объединения страны. Так, в 1953 г. оно было переименовано в Уголовный кодекс, реформа 1974–1975 гг. привела к переходу от трехчленной классификации преступлений к двучленной (индикатор разграничения – наказание в виде одного года лишения свободы) и принятию Вводного закона к УК (326 статей), который соединил Общую часть в редакции 1969 г. и Особенную, идущую от Уложения. Столь долгий период существования Уложения обусловлен тем, что все изменения в него вносятся под жестким контролем партий и общественных объединений.

Последняя редакция Кодекса была принята в 1987 г., однако и после этого был введен в действие ряд федеральных законов, внесших изменения в УК. В 1990 г. после объединения двух Германий Уголовный кодекс ФРГ стал с отельными исключениями действовать и на территории бывшей ГДР; в то же время некоторые нормы УК последней продолжают действовать на ее территории.

Структура Кодекса такова: кроме деления на две части, он подразделяется на разделы (в Общей части – 5, в Особенной – 30), они – на главы, а последние – на параграфы. Сейчас в УК около четырехсот параграфов, имеющих числовое и буквенное обозначение (например, § 108e, § 330a и т. д.), с точки зрения юридической техники он характеризуется казуистичностью и включением многих запретов, имеющих более общепревентивное, нежели практическое значение. Даже Общая часть содержит меньше определений, чем, например, УК России. Санкции вместе с наказаниями предусматривают так называемые «меры безопасности».

Уголовное право ФРГ имеет ту особенность, что, во-первых, его источники столь же разнообразны, как и во Франции, а во-вторых, оно дуалистично, т.е. включает право как федерации, так и земель. Источниками, кроме УК ФРГ, являются: Конституция страны 1949 г., федеральные и земельные дополнительные законы, правоведы называют также иностранное уголовное законодательство, обычай и отчасти – юридическую науку. Ряд уголовно-правовых принципов закрепляет Конституция страны.

Уголовное законодательство ФРГ, как и Франции, кодифицировано далеко не полностью. Федеральное дополнительное законодательство содержит отдельные уголовно-правовые нормы и насчитывает около 1000 законов, из которых около 30 – главных. Наиболее важные из них – законы об ответственности за воинские преступления, о хозяйственных преступлениях, нарушениях общественного порядка, борьбе с эпидемиями, об атомной энергии и ряд других.

Так как в Кодексе много предписаний общего характера, то, по мнению правоведов, хороший учебник не менее важен, чем хороший закон, так что в судебных решениях (включая Верховный суд) принято делать ссылки на мнения ученых.

Дуализм уголовного права ФРГ разрешается на основе принципа «конкурирующего законодательства»: «Имперское право «ломает» право земель», т.е. законодательство федерации имеет высшую юридическую силу. Поскольку практически все вопросы преступления и наказания охвачены федеральным законодательством, земельное, как правило, лишь конкретизирует ответственность за правонарушения.

Описанные особенности национальных систем уголовного права стран – ведущих представителей крупнейших правовых семей мира являются, по нашему мнению, основой предмета науки сравнительного уголовного правоведения. И данный предмет характеризуется особенными широтой и сложностью, которые обусловлены целым комплексом проблем, связанным с его исследованием.

Проблемы и трудности, возникающие при сравнительном изучении уголовного права различных стран, можно распределить, как представляется, по трем уровням. Первую группу – психологического плана – формулирует Дж. Флетчер, полемизируя в своей работе с воображаемыми оппонентами, которых он сам для этой цели именует «патриотом», «рационалистом», «профессионалом» и «игроком» [8].

Вторая группа вызвана аргументами юридического характера: национальное право сложно само по себе и, более того, постоянно усложняется; внутригосударственное право – часть традиции, национального достояния, способ самовыражения общества, и не стоит сближать его с другими правовыми системами; существует риск поспешных заимствований из этих систем [4].

Наконец, третья группа проблем – объективного свойства, обусловленная исторически сложившимися, часто достаточно глубокими различиями в отдельных фундаментальных институтах уголовного права различных стран. Например, одно из основополагающих положений германского уголовного права, заимствованное российским, – о несовпадении (до частичного противоречия) права и закона – отсутствует в англо-американском праве. С другой стороны, в российской правовой системе отсутствует такой важный институт системы общего права, как «основания защиты», в рамках которого обвиняемое лицо доказывает наличие в его действиях обстоятельств, освобождающих его от уголовной ответственности [11].

Кроме того, российское право не проводит различий между понятиями «обстоятельств, исключающих противоправность» и «обстоятельств, исключающих виновность» деяния. Вопрос о вменяемости либо невменяемости лица решается в российском уголовном праве в рамках учения о субъекте преступления, а в общем праве – учения о вине. Далее, в воззрении на саму вину в российской правовой системе господствует психологическая, а в англосаксонской – оценочная теория [12]. Излишне упоминать о значении в последней из названных систем судебного прецедента и о единстве в ней материальных и процессуальных отраслей права.

Однако именно эти и другие подобные явления, являясь неизбежным следствием различия в правовых культурах различных стран и государств, и должны, на наш взгляд, стать приоритетным предметом уголовно-правовой компаративистики как одной из самых перспективных правовых наук современности.

Список литературы

1. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. М.: Юрлитинформ, 2009. 446 с.
2. Есаков Г. А. Основы сравнительного уголовного права. М.: Элит, 2007. 152 с.
3. Зубкова В. И. Предмет сравнительного правоведения в сфере уголовного права и его значение // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 1 (770). С. 81–88.
4. Красильникова Е. В., Попаденко Е. В. Сравнительное правоведение и «идея отмены» уголовного права // Актуальные проблемы сравнительного правоведения. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистров. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2019. С. 426–430.
5. Кругликов Л. Л. Предмет и метод уголовно-правовой компаративистики как самостоятельной отрасли юридической науки // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2018. №1. С. 38–42.

6. Кузнецов А. П. Общая характеристика сравнительного правоведения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. №4. С. 4–9.
7. Малиновский А.А. Сравнительное уголовное право. Учебник. 2-е изд. М.: Юрлитинформ, 2016. 592 с.
8. Наумов А. В., Флетчер Д. Основные концепции современного уголовного права. М.: Юристъ, 1998. 511 с.
9. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / Отв. ред. А.Я. Сухарев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма-Инфра, 2003. 967 с.
10. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. Основные правовые системы современности: учебник / под ред. В. А. Туманова. 2-е изд. доп. и перераб. М.: Юристъ, 2007. 509 с.
11. Уголовное право зарубежных стран в 3 т. Том 1. Общая часть. Учебник для бакалавриата и магистратуры / Крылова Н.Е., Еремин В.Н., Игнатова М.А., Серебренникова А.В. 5-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2021. 240 с.
12. Уголовное право зарубежных стран. Общая и особенная части: учебник / под ред. И.Д. Козочкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2010. 1056 с.

References

1. Dodonov V. N. Sravnitel'noe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' (Comparative criminal law. General part). Moscow: Yurlitinform, 2009. 446 p. (In Russian).
2. Esakov G. A. Osnovy sravnitel'nogo ugolovnogo prava (Fundamentals of comparative criminal law). Moscow: Elite, 2007. 152 p. (In Russian).
3. Zubkova V. I. Predmet sravnitel'nogo pravovedeniya v sfere ugolovnogo prava i ego znachenie (The subject of comparative jurisprudence in the field of criminal law and its significance) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2017. No. 1 (770). P. 81–88. (In Russian).
4. Krasilnikova E. V., Popadenko E. V. Sravnitel'noe pravovedenie i «ideya otmeny» ugolovnogo prava (Comparative jurisprudence and the «idea of abolition» of criminal law) // Aktual'nye problemy sravnitel'nogo pravovedeniya. Materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i magistrov. Simferopol: Crimean Federal University named after V. Vernandskii, 2019. P. 426–430. (In Russian).
5. Kruglikov L. L. Predmet i metod ugolovno-pravovoj komparativistiki kak samostoyatel'noj otrasli yuridicheskoj nauki (Subject and method of criminal law comparative studies as an independent branch of legal science) // Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami. 2018. No. 1. P. 38–42. (In Russian).
6. Kuznetsov A. P. Obshchaya harakteristika sravnitel'nogo pravovedeniya (General characteristics of comparative jurisprudence) // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2021. No. 4. P. 4–9. (In Russian).
7. Malinovsky A. A. Sravnitel'noe ugolovnoe pravo. Uchebnik (Comparative criminal law. Textbook.). 2nd ed. Moscow: Yurlitinform, 2016. 592 p. (In Russian).
8. Naumov A. V., Fletcher D. Osnovnye koncepcii sovremennogo ugolovnogo prava (Basic concepts of modern criminal law). Moscow: Jurist, 1998. 511 p. (In Russian).
9. Pravovye sistemy stran mira: Enciklopedicheskij spravochnik (Legal systems of the countries of the world: An Encyclopedic reference book) / ed. by A.Ya. Sukharev. 3rd ed., reprint. and additional. Moscow: Norma-Infra, 2003. 967 p. (In Russian).
10. Saidov A. H. Sravnitel'noe pravovedenie. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti: uchebnik (Comparative jurisprudence. The main legal systems of modernity: textbook) / ed. by V.A. Tumanov. 2nd ed. supplement and revision. Moscow: Jurist, 2007. 509 p. (In Russian).
11. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran v 3 t. Tom 1. Obshchaya chast'. Uchebnik dlya bakalavriata i magistratury (Criminal law of foreign countries in 3 vols. Volume 1. General part. Textbook for undergraduate and graduate studies). Krylova N. E., Eremin V. N., Ignatova M. A., Serebrennikova A. V. 5th ed., trans. and add. Moscow: Yurayt, 2021. 240 p. (In Russian).
12. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran. Obshchaya i osobennaya chasti: uchebnik (Criminal law of foreign countries. General and special parts: textbook) / ed. by I.D. Kozochkin. 3rd ed., reprint. and additional. Moscow: Volters Kluwer, 2010. 1056 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Мирошниченко Надежда Викторовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета / n01071978@ mail.ru

Адрес: д.12, пер. Зоотехнический, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Максимов Владимир Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета / maximow26@yandex.ru

Адрес: д.12, пер. Зоотехнический, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Miroshnichenko Nadezhda V. – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of State and Municipal Administration and Law, Stavropol State Agrarian University / n01071978@ mail.ru

The address: 12, per. Zootechnicheskii, 355017, Stavropol, Russian Federation.

Maksimov Vladimir Yu. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of State and Municipal Administration and Law, Stavropol State Agrarian University / maximow26@yandex.ru

The address: 12, per. Zootechnicheskii, 355017, Stavropol, Russian Federation.

CC BY

УДК 343.535.1

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.17

Н. В. Петров
А. Д. Польшина

ОБЩЕМИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Актуальность исследования, сформировавшихся во всем мире тенденций совершенствования законодательства о банкротстве обусловлена созданием и совершенствованием правовых механизмов, с целью более эффективного регулирования института несостоятельности (банкротства) в будущем, в частности, в условиях сложной эпидемиологической, экономической и геополитической обстановки. Пандемия COVID-19 в корне изменила мировую экономику, спровоцировала глобальную рецессию, в связи с чем юридические лица, являясь основными субъектами экономической деятельности в последние годы несут существенные убытки, поэтому в настоящей статье исследуются меры, предпринятые различными странами в рамках института банкротства с целью стабилизации экономической ситуации. Авторы отмечают, что пандемия стала катализатором масштабных изменений законодательства о несостоятельности (банкротстве). Акцентируется внимание на причинах массового увеличения количества банкротств юридических лиц в период с 2019 по 2021 гг., произведен масштабный анализ статистических данных в данной области. В ходе научного исследования было установлено, что в большинстве стран, изменения законодательства о несостоятельности (банкротстве) идентичны, что позволило им выявить и проанализировать основные направления трансформации законодательства о банкротстве в период пандемии COVID-19, а также определить научно-теоретические проблемы и пробелы в российском законодательстве, которые возможно разрешить с учетом опыта зарубежных стран. В том числе, авторами были исследованы возможности международно-правового регулирования трансграничного банкротства, а также банкротства группы компаний. Отдельное внимание уделено анализу правового регулирования процедур реструктуризации в некоторых странах романо-германской и англо-саксонской правовых семей. Тенденции, сформулированные авторами, позволили им определить дальнейшие перспективы совершенствования института несостоятельности (банкротства), подчеркнуть важность применения в рамках российского права опыта зарубежных стран и международных организаций.

Ключевые слова: пандемия, несостоятельность (банкротство), реструктуризация, мораторий на банкротство, глобализация.

Для цитирования: Петров Н. В., Польшина А. Д. Общемировые тенденции совершенствования законодательства о банкротстве в период пандемии COVID-19 // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 296–301. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.17

Nikolay V. Petrov
Alexandra D. Polshina

GLOBAL TRENDS IN IMPROVING BANKRUPTCY LEGISLATION DURING THE COVID-19 PANDEMIC

The relevance of the study of trends in improving bankruptcy legislation that have formed around the world is due to the creation and improvement of legal mechanisms in order to more effectively regulate the institution of insolvency (bankruptcy) in the future, in particular, in a complex epidemiological, economic and geopolitical situation. The COVID-19 pandemic radically changed the world economy, provoked a global recession, and therefore legal entities, being the main subjects of economic activity, have suffered significant losses in recent years, therefore, this article examines the measures taken by various countries within the framework of the institute of bankruptcy in order to stabilize the economic situation. The authors note that the pandemic has become a catalyst for large-scale changes in the legislation on insolvency (bankruptcy). Attention is focused on the reasons for the massive increase in the number of bankruptcies of legal entities in the period from 2019 to 2021, a large-scale analysis of statistical data in this area is carried out. In the course of scientific research, it was found that in most countries, changes in the legislation on insolvency (bankruptcy) are identical, which allowed them to identify and analyze the main directions of the transformation of bankruptcy legislation during the COVID-19 pandemic, as well as to identify scientific and theoretical problems and gaps in Russian legislation that can be resolved taking into account the experience of foreign countries. In particular, the authors investigated the possibilities of international legal regulation of cross-border bankruptcy, as well as the bankruptcy of a group of companies. Special attention is paid to the analysis of the legal regulation of restructuring procedures in some countries of the Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal families. The trends formulated by the authors allowed them to identify further prospects for improving the institution of insolvency (bankruptcy), to emphasize the importance of applying the experience of foreign countries and international organizations within the framework of Russian law.

Key words: pandemic, insolvency (bankruptcy), restructuring, bankruptcy moratorium, globalization.

For citation: Petrov N. V., Polshina A. D. Global trends in improving bankruptcy legislation during the COVID-19 pandemic // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 296–301. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.17

Во всех развитых странах законодательство о несостоятельности (банкротстве) является главным регулятором, посредством которого государство решает, стоящие перед ним социально-экономические задачи. По этой причине правовые нормы, регламентирующие данную процедуру в наибольшей степени, подвергается изменениям в силу различных внутренних (управление, планирование и контроль) и внешних (демографических, политических, природных и экономических) факторов. Главными причинами банкротства, характерными для всех стран мира в период пандемии коронавируса, стало масштабное снижение прибыли большинства компаний вследствие чего они оказались не в состоянии оплачивать свои долговые обязательства по кредитам, выполнять обязательства по уплате аренды складских, торговых и офисных помещений, коммунальных услуг. Думается, что пандемию можно рассматривать как возможность реформирования законодательства о банкротстве.

Пандемия COVID-19 в корне изменила мировую экономику, спровоцировала глобальную рецессию, поскольку огромное количество физических и юридических лиц оказались не способны отвечать по своим обязательствам перед кредиторами, в связи с чем парламентами разных стран был принят ряд изменений в законы о банкротстве, направленные на стабилизацию возникшего кризиса. Юридические лица, являясь основными субъектами экономической деятельности в последние годы несут существенные убытки, которые связаны с эпидемиологической ситуацией.

Согласно данным Международного валютного фонда макроэкономика вступила в 2022 г. с более низких позиций, чем ожидалось, поэтому прогноз роста мировой экономики на текущий год был снижен с 4,9% до 4,4%. Вместе с тем, ежегодно увеличивается число банкротств: если 2021 г. рост несостоятельных граждан составил 52 %, то на 2022 г. такой рост по прогнозам Федресурса, должен составить не менее 62%. [3] При этом, общемировое количество банкротств среди субъектов малого и среднего бизнеса ежегодно сокращается, что свидетельствует о своевременности и правильности предпринятых государствами мер поддержки компаниям. Однако, уже в этом году ситуация может в корне измениться. Этому, на наш взгляд будут способствовать два основных фактора:

Во-первых, большинство государств существенно сократят темпы поддержки. Аналитики сектора исследований банкротства Euler Hermes неоднократно заявляли, что государственная поддержка не сможет постоянно сдерживать банкротство на низком уровне, поэтому к концу 2021 г. в странах Западной Европы встал вопрос о снижении уровня государственного вмешательства в бизнес. [11]

Во-вторых, на фоне первого фактора, влияющего на уровень банкротств, все еще сохраняется целый ряд ковид-ограничений, к которым чувствительна значительная часть отраслей экономики.

Оба фактора в совокупности создают реальную перспективу увеличения количества неплатежеспособных юридических и физических лиц.

Неплатежеспособность является основным признаком несостоятельности – отсутствия возможности у должника в полной мере исполнить свои обязанности перед кредитором ввиду недостаточности имущества. Вместе с тем, известный российский цивилист Г.Ф. Шершеневич в своих исследованиях писал, что банкротство всегда предполагает несостоятельность. [8] Данная причинно-следственная связь позволяет нам аргументировать актуальность исследования тенденций совершенствования законодательства о банкротстве с целью более эффективного регулирования данного института в будущем.

От сложившейся в мире негативной экономической ситуации оказались не застрахованы даже крупные фирмы, в том числе компании и группы компаний, занятые в нефтегазовой отрасли, в области розничной торговли, кинопроката и организации развлекательных мероприятий. За декабрь 2021 г. число зарегистрированных банкротств в названных сферах увеличилось на 20 %, что позволяет нам сделать весьма неутешительный прогноз на 2022 г. в связи с чем отдельного внимания заслуживает рассмотрение тенденции правового регулирования банкротства групп компаний.

В данной области опыт иностранных государств является весьма прогрессивным: подобные нормы уже достаточно давно применяются в Соединенных Штатах Америки, тогда как для Европейского союза банкротство групп компаний является достаточно новой процедурой. Для России, как представителя романо-германской правовой семьи, актуальным будет опыт стран Европейского союза. Суть банкротства группы компаний по законодательству Европейского союза можно назвать одним словом – координация. С. А. Карелина, И.В. Фролов отмечают следующее: «Опыт Европейского Союза есть координация нескольких производств и назначение единого координатора». [1, с. 16] При этом, координатор назначается судом после подачи соответствующего ходатайства. Очевидно, основная цель координатора состоит в реабилитации экономической деятельности предпринимательской группы. В отличие от Европейского союза в Соединенных Штатах Америки применяется, так называемый, метод материальной консолидации, предполагающий агрегирование имущества и долгов всей группы компаний в единую конкурсную массу.

С 2019 г. Организацией Объединенных Наций также предпринимаются попытки наднационального урегулирования процедуры банкротства

групп компаний, однако данная процедура, по нашему мнению, заслуживает более детального урегулирования в рамках правовых систем государств. В настоящее время в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) Российской Федерации не представлено норм, регламентирующих банкротство группы компаний, поскольку законодатель придерживается презумпции единства должника и процедуры. Однако с учетом тех условий, которые диктует глобализация на фоне все еще не сбавляющей темпы пандемии COVID-19, необходимость закрепления этой процедуры остается лишь вопросом времени для нашей страны, где группы компаний составляют около четверти в крупнейших отраслях экономики.

Считаем важным также определить в российском законодательстве о несостоятельности (банкротстве) следующие признаки группы компаний: созависимость участников группы компаний, единство в ее рамках управленческого процесса, а также осуществление производства, транспортировки и реализации ею одного вида продукции. Другие зарубежные страны, в отличие от России, в период масштабного распространения пандемии приняли поправки в свое законодательства о несостоятельности нормы, закрепляющие понятие группы компаний и особенности ее банкротства.

Из обозначенной тенденции, на наш взгляд, вытекает еще несколько проблемных аспектов. В первую очередь, речь идет о компаниях, которые имеют на территории других государств какие-либо активы и филиалы. В таком случае возникает вопрос о том, действовали ли на такую компанию меры государства, в котором эти филиалы находятся, так как эпидемиологический кризис во всем мире спровоцировал рост трансграничных банкротств.

В Российской Федерации имеются правовые нормы, регулирующие процесс банкротства, осложненного иностранным элементом, однако государством не предпринимались меры по их совершенствованию с момента принятия в 2002 г. Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», поэтому суды в спорах, осложненных иностранным элементом, зачастую руководствуются положениями, согласно которым кредиторы обладают тем же правовым статусом, что и отечественные кредиторы. Намного сложнее процесс урегулирования спора в том случае, если в деле присутствует иностранный должник. Под трансграничной несостоятельностью юридического лица стоит понимать определенную совокупность отношений, сложившихся в связи с неплатежеспособностью компании, осуществляющей деятельность за пределами одного государства.

В качестве примера рассмотрим Определение Верховного Суда Российской Федерации, которое, по нашему мнению, содержит ключевые комментарии относительно трансграничного банкротства: коллегия судей Верховного Суда определила, что в случае подаче иска о несостоятельности (банкротстве) российским кредитором в отношении иностранного должника, который выступает субъектом банкротства в ином государстве, то дело будет относиться к компетенции суда Российской Федерации [2]. Причиной такому выводу следует считать признак постоянства осуществления экономической деятельности на территории России.

Говоря о критерии постоянства экономической деятельности, отметим, что судом не было дано определения данному термину. Полагаем, что под постоянством следует понимать систематичность и стабильность осуществления экономической деятельности, направленной на извлечение прибыли на территории Российской Федерации. Вместе с тем, пробелом в законодательстве остается вопрос относительно определения признаков, указывающих на постоянных характер деятельности иностранного юридического лица, в отношении которого возбуждено дело о признании его в качестве банкрота.

Таким образом, в отечественном законодательстве присутствуют серьезные проблемы регулирования процедуры банкротства, осложненной иностранным элементом. Подобная ситуация просматривается и в зарубежных странах, что наглядно было продемонстрировано в период пандемии. Многие государства предпринимали попытки разрешения проблемы предотвращения потенциального трансграничного банкротства:

1. Германия, Чехия и Испания предприняли попытку отсрочить банкротства путем запрета подачи должником заявления о признании себя банкротом;
2. Англия, Австралия и Сингапур снизили показатели предбанкротного состояния бизнеса, смягчили или даже исключили ответственность директоров компаний за несвоевременную подачу заявлений о несостоятельности;
3. Россия и многие другие государства отсрочили процедуру банкротства путем запрета подачи заявления о признании юридического лица банкротом со стороны его кредитора.

Отвечая на вопрос дальнейшего правового урегулирования трансграничного банкротства, считаем важным отметить, что более эффективным методом ответа вызовам пандемии будет процесс апробации странами различных методов и подходов к разрешению возникших проблем.

Поистине, общемировой тенденцией можно считать введение мораториев на банкротство. Это подтверждает тот факт, что в период пандемии большинством стран-участников Организации экономического сотрудничества и развития были введены временные моратории на подачу заявлений о банкротстве.

Правовая природа моратория на банкротство российскими и зарубежными учеными определяется весьма неоднозначно. Одни рассматривают мораторий исключительно в качестве реабилитационной процедуры, что противоречит научно-теоретическим основам банкротства, поскольку мораторий, по сути своей не является процедурой, он не допускает возбуждения дела о банкротстве, в то время как процедура предполагает применение конкретных мер в отношении должника. Более обоснованным, по нашему мнению, является подход, определяющий мораторий в качестве превентивной меры, применяемой в исключительном случае с целью соблюдения баланса интересов между кредитором и должником в период экономического кризиса.

Норма, закрепляющая мораторий на возбуждение дел о банкротстве, появилась и в российском законе «О несостоятельности (банкротстве)». В России он распространялся на индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, осуществлявших свою деятельность в тех сферах, которые в наибольшей степени пострадали в период пандемии. То есть в период массового распространения в Российской Федерации вируса COVID-19 под действие данной нормы попали не все группы юридических лиц, а лишь те, которые являются системообразующими, стратегическими компаниям, и те, кто в наибольшей степени понес убытки из-за пандемии [7].

Самый радикальный вариант моратория продемонстрировала Индия, где был введен тотальный запрет на подачу исков о признании банкротом, большинство же стран ограничились закреплением минимальных сумм дефолта, при достижении компанией которых кредиторы имели право обратиться в суд (Сингапур, Австралия). В Испании после окончания моратория заявление о банкротстве должника (в случае если было подано заявление кредитора) имеет приоритет в рассмотрении, вне зависимости от даты его подачи.

В целом, уже сегодня мы можем сказать, что мораторий как средство сохранения реально «работающего» бизнеса в полной мере оправдал и зарекомендовал себя в качестве одного из действенных способов поддержки бизнеса в период экономического кризиса.

В условиях сохранения нестабильной эпидемиологической и геополитической, и как следствие, экономической ситуации в России и всем мире, в нашей стране мораторий на банкротство был введен повторно, в связи с чем мы считаем важным согласиться с мнением Файзрахмановой Л. М., Бухмина С. В.: «Более предпочтительным выглядит прагматичный и рационально сбалансированный подход, закрепленный в немецком законе: мораторий на банкротство для тех субъектов, которые способны преодолеть кризис; наличие инструментов, способствующих выходу из кризиса (например, льготное кредитование в период моратория); отсутствие привилегированных и непривилегированных субъектов, а также жесткого запрета кредиторам банкротить должника [6]. По этому пути пошел и российский законодатель, закрепивший, что мораторий вводится с определенной целью – стабилизировать экономику государства в исключительных случаях, при этом оставив перечень таких ситуаций открытым.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в Великобритании, в течение 2020–2021 г. устанавливался запрет для подрядчиков на прекращение поставок, если у заказчика-должника возникли проблемы с выплатой кредита и в отношении него возбуждено дело о банкротстве. Обычно странах англо-саксонской правовой семьи действовал обратный режим, называемый «ipso facto», суть которого заключается в праве расторжения договора поставщиком в силу возникновения со стороны заказчика события, связанного с несостоятельностью. То есть любое требование кредитора в период отмены режима «ipso facto» автоматически признавалось недействительным. Необходимо отметить, что такая мера защиты должника отличается от той, которую обеспечивал мораторий, поскольку он применялся к более широкому кругу действий кредитора и был доступен для компаний независимо от того, связана ли их неспособность выплатить долги с ограничениями, введенными в период пандемии.

Еще одна глобальная тенденция состоит в принятии некоторыми государствами норм, направленных на облегчение процесса реструктуризации долгов. Основная цель такой процедуры состоит в восстановлении платежеспособности должника перед кредитором путем реализации имущества должника. Этого мнения придерживается и польский законодатель, который ввел пятый тип реструктуризации – упрощенный.

По мнению С. Дянкова введение данной процедуры было непродуманным решением, поскольку ее целесообразность вызвала резонанс мнений среди ведущих юристов и политиков Польши [10]. Примечателен и тот факт, что в государстве не было принято какого-либо закона, изменяющего или дополняющего ранее действующий Закон о реструктуризации, напротив, в массиве норм, направленных на стабилизацию экономики в период пандемии, была сделана лишь отсылка на то, что новая упрощенная процедура реструктуризации будет основываться на общих принципах реструктуризации, указывая лишь на некоторые ее отличия от уже существующей [9].

В Соединенных Штатах Америки вопрос реструктуризации долга юридическими лицами в период пандемии коронавирусной инфекции решался должниками самостоятельно, что позволило государству, учитывая их мнение, установить

перечень штатов, в которых бизнес в большей степени нуждался в реструктуризации долгов. Законодатель предписал судьям в таких штатах предоставлять наиболее выгодные для должника условия реструктуризации, что вызвало критику в научных трудах многих американских ученых.

В рамках Европейского союза в период пандемии COVID-19 обозначилась тенденция становления режима превентивных реструктуризаций. Превентивная реструктуризация обусловлена столько не наличием признаков банкротства, сколько наличием перспектив его предупреждения. Основным и принципиальным отличием превентивной реструктуризации от иных судебных реабилитационных процедур является то, что первая предполагает реструктуризацию самого должника, тогда как вторые является реструктуризацией долга.

В качестве юридически значимых можно выделить следующие условия, при наличии которых может быть инициирована процедура превентивной реструктуризации:

Во-первых, это наличие согласия кредитора или большинства из них;

Во-вторых, добросовестность должника;

В-третьих, кредиторам должен быть гарантирован минимальный размер суммы, предполагаемую для получения в случае судебной процедуры банкротства.

Следовательно, законодатель определил, что превентивная реструктуризация предполагает отсутствие внешних признаков несостоятельности (банкротства). Наиболее проблематично в европейском праве определить добросовестность должника. В частности, при принятии правовых норм превентивной реструктуризации европейский законодатель не обозначил уровень определения «добросовестности» должника, на основании которого он инициирует данную процедуру. При этом, определить уровень добросовестности достаточно сложно на поздних стадиях неплатежеспособности должника.

Негативной тенденцией в период пандемии коронавирусной инфекции стало увеличение количества фиктивных задолженностей и фиктивных банкротств. На наш взгляд, разграничение данных понятий имеет принципиальное научно-теоретическое значение. Полагаем, что фиктивная задолженность представляет собой такую ситуацию, когда намеренно искажаются данные о действительном финансовом и имущественном состоянии компании, а также специально созданные долги с целью получения материальной выгоды. Фиктивное или преднамеренное банкротство есть заведомо ложное объявление юридическим лицом себя в качестве банкрота.

В Российской Федерации подобные вопросы в основном разрешаются в рамках отраслей уголовного и административного права, поскольку отечественное законодательство о несостоятельности (банкротстве) направлено не на наказание правонарушителя, а на обеспечение равенства в правах кредитора и должника. Отмеченный в пандемию рост количества фиктивных задолженностей и преднамеренных, фиктивных банкротств демонстрирует необходимость в законодательном разграничении данных понятий с целью более эффективного применения законодательства о несостоятельности (банкротстве). Обращаясь к опыту зарубежных стран относительно обозначенной тенденции, отметим, что суть фиктивного банкротства во всех государствах понимается одинаково. Как и в России, во Франции, Соединенных Штатах Америки, Германии и других странах данные категории регулируются не только в рамках банкротного законодательство, но и посредством уголовного права.

В 2022 г. многие государства, в частности Великобритания, Франция и Россия планируют провести масштабную модернизацию регулирования института несостоятельности (банкротства). В Германии реформирование банкротного законодательства началось уже в конце 2021 г., однако большая часть положений обновленного законодательства о банкротстве вступит в силу только летом текущего года [5]. Изучив положения нового рамочного закона Германии, можно сделать вывод, что он направлен на обеспечение поддержки компаний, которые пострадали от пандемии COVID-19 и имеют задолженность перед кредитором, но технически не являются неплатежеспособными.

Подводя итоги, отметим, что пандемия COVID-19 стала катализатором масштабной трансформации законодательства о несостоятельности (банкротстве) в большинстве стран мира. На основании проведенного анализа статистических данных и норм российского и зарубежного законодательства, отметим, что правительства многих государств принимали идентичные меры, направленные на защиту бизнеса от банкротства. Многим государствам удалось достичь положительного эффекта благодаря комплексности и сбалансированности решений, способствующих выходу из экономического кризиса, тем не менее правовая регламентация института банкротства все еще требует от законодателя более совершенных механизмов регулирования, учитывая особенности «пандемийной» реальности. Несмотря на то, что большинство общемировых тенденций носили положительный характер и были направлены на оперативное решение ставящихся перед ними задач, в правовом регулировании несостоятельности (банкротства) все еще остаются спорные вопросы, требующие дальнейшего совершенствования норм банкротного законодательства для обеспечения эффективного функционирования данного института в условиях экономического кризиса.

Список литературы

1. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А.Б. Баранова, А.З. Бобылева, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. 360 с.
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2020 по делу N 310-ЭС20-3002, А83-6324/2018 // СПС КонсультантПлюс.
3. Официальный сайт Международного валютного фонда URL: https://www.imf.org/ru (дата обращения: 07.02.2022).
4. Синькина О. Н. Позиционирование концепции реструктуризации компаний в странах ЕС и подтверждение ее аудитором // Теоретическая и прикладная экономика. 2021. №1. С.131 – 151. DOI: 10.25136/2409-8647.2021.1.31708
5. Сушкова О. В. Реорганизация юридического лица как механизм защиты или «формальная процедура банкротства» в России и в зарубежных странах // Право и бизнес. 2021. №2. С. 14 – 19.
6. Файзрахманова Л.М., Бухмин С.В. Трансформации института несостоятельности в условиях пандемии COVID-19 в России и некоторых странах Европы // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т.16. №9. С.91 – 98.
7. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 01.02.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002. №43. Ст. 4190.
8. Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. М.: Книга по Требованию, 2013. 459 с.
9. Adamus R. Simplified restructuring procedures in Poland as an example of crisis management in connection with the COVID–19 pandemic. International Cooperation and Comparative Law Review. 2020. Volume 20. No. 1. P. 293 – 303.
10. Balloch Cynthia, Simeon Djankov, Juanita Gonzalez-Uribe, and Dimitri Vayanos. A restart procedure to deal with COVID-19 // London School of Economics, Working Paper series. 2020. May. P. 1–9.
11. Euler Hermes Global trade credit insurance leader ULR: https://www.eulerhermes.com/en_global.html (дата обращения: 08.02.2022).

References

1. Institut nesostoyatel'nosti (bankrotstva) v pravovoi sisteme Rossii i zarubezhnykh stran: teoriya i praktika pravoprimeneniya: monografiya (Institute of insolvency (bankruptcy) in the legal system of Russia and foreign countries: theory and practice of law enforcement: monograph) / A.B. Baranova, A.Z. Bobyleva, V.A. Vaipan.; ed. S.A. Karelina, I.V. Frolov. Moscow: Yustitsinform, 2020. 360 p. (In Russian).
2. Opredelenie Sudebnoi kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 08.10.2020 po delu N 310-ES20-3002, A83-6324/2018 (The ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.10.2020 in the case N 310-ES20-3002, A83-6324/2018) // SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
3. Ofitsial'nyi sait Mezhdunarodnogo valyutnogo fonda (Official website of the International Monetary Fund) URL: khttps://shchshchshch.imf.org/ru (Accessed: 07.02.2022). (In Russian).
4. Sin'kina O.N. Pozitsionirovanie kontseptsii restrukturizatsii kompanii v stranakh ES i podtverzhdenie ee auditorom (Positioning of the concept of restructuring companies in the EU countries and its confirmation by the auditor) // Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika. 2021. No. 1. P.131 – 151. DOI: 10.25136/2409-8647.2021.1.31708 (In Russian).
5. Sushkova O.V. Reorganizatsiya yuridicheskogo litsa kak mekhanizm zashchity ili «formal'naya protsedura bankrotstva» v Rossii i v zarubezhnykh stranakh (Reorganization of a legal entity as a protection mechanism or «formal bankruptcy procedure» in Russia and in foreign countries) // Pravo i biznes. 2021. No. 2. P. 14 – 19. (In Russian).
6. Faizrakhmanova L. M., Bukhmin S. V. Transformatsii instituta nesostoyatel'nosti v usloviyakh pandemii TsOVID-19 v Rossii i nekotorykh stranakh Evropy (Transformations of the institute of insolvency in the conditions of the COVID-19 pandemic in Russia and some European countries) // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2021. Vol. 16. No. 9. P.91 – 98. (In Russian).
7. Federal'nyi zakon ot 26.10.2002 N 127-FZ (red. ot 30.12.2021, s izm. ot 01.02.2022) «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» (s izm. i dop., vstup. v silu s 10.01.2022) (Federal Law No. 127-FZ of 26.10.2002 (as amended on 30.12.2021, with amendments. dated 01.02.2022) «On insolvency (bankruptcy)» (with amendments and additions, intro. effective from 10.01.2022) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 28.10.2002. No. 43. Art. 4190. (In Russian).
8. Shershenevich G.F. Uchenie o nesostoyatel'nosti (The doctrine of insolvency). Moscow: Kniga po Trebovaniyu, 2013. 459 p. (In Russian).
9. Adamus R. Simplified restructuring procedures in Poland as an example of crisis management in connection with the COVID–19 pandemic. International Cooperation and Comparative Law Review. 2020. Volume 20. No. 1. P. 293–303.
10. Balloch, Cynthia, Simeon Djankov, Juanita Gonzalez-Uribe, and Dimitri Vayanos (2020), A restart procedure to deal with COVID-19, London School of Economics, Working Paper series, May.
11. Euler Hermes Global trade credit insurance leader [Электронный ресурс] ULR: https://www.eulerhermes.com/en_global.html (Accessed: 08.02.2022).

Сведения об авторах

Петров Николай Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета / petrov_sksi@mail.ru

Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Польшина Александра Дмитриевна – лаборант кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета / polshina-a@bk.ru

Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Petrov Nikolay V. – Candidate of Law, Associate Professor, Chair of Civil Law and Procedure, Law Institute, North-Caucasus Federal University / petrov_sksi@mail.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

Polshina Alexandra D. – secretary, Chair of Administrative and Fnancial Law, Law Institute, North-Caucasus Federal University / polshina-a@bk.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

CC BY

УДК 342.951

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.18

А. Ю. Соколов
Н. В. Богатырева

ОРГАНИЗАЦИЯ БЕЗОПАСНОГО ВЫРАЩИВАНИЯ РАСТЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ГЕНОМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

В настоящей статье сформулированы предложения по организационно-правовому обеспечению реализации в России Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий в части растениеводства. Отмечается необходимость принятия правил выращивания на территории РФ растений, полученных с применением геномных технологий, обеспечивающих возможность их безопасного совместного выращивания с традиционными сельскохозяйственными культурами. Безопасность должна обеспечиваться за счет обязательного использования буферных зон или барьеров из высокорослых растений. Конкретные требования могут устанавливаться региональными правилами для конкретного субъекта РФ на основании научно обоснованных рекомендаций с учетом климатической зоны, географических особенностей, конкретной сельскохозяйственной культуры. В качестве примера приведены возможные требования к выращиванию на территории Саратовской области кукурузы, полученной с применением геномных технологий. Контроль за соблюдением указанных региональных правил целесообразно возложить на органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в области охраны окружающей среды. В качестве других элементов организационно-правового механизма безопасного выращивания растений, полученных с применением геномных технологий, рассматривается создание национального координационного центра по вопросам применения генетических технологий в хозяйственной деятельности, установление мер ответственности за нарушение правил выращивания. В качестве перспектив развития законодательства указывается на необходимость установления согласованных правил безопасности при выращивании растений, полученных с применением геномных технологий, в странах, входящих в ЕАЭС, должны быть максимально согласованы друг с другом.

Ключевые слова: ГМО, геномные технологии, растениеводство, административно-правовое регулирование, административная ответственность.

Для цитирования: Соколов А. Ю., Богатырева Н. В. Организация безопасного выращивания растений, полученных с применением геномных технологий, в Российской Федерации // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 302–308. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.18

Alexandr Yu. Sokolov
Natalia V. Bogatyreva

ORGANIZATION OF SAFE GROWING OF PLANTS PRODUCED USING GENOMIC TECHNOLOGIES IN THE RUSSIAN FEDERATION[2]

This article is dedicated to the proposals for the organizational and legal support for the implementation in Russia of the Federal Scientific and Technical Program for the Development of Genetic Technologies in part of crop production. To achieve this goal, the rules for growing plants obtained using genomic technologies on the territory of the Russian Federation are formulated, providing the possibility of organic and biotech crops safe coexistence. Safety should be ensured through the obligatory use of buffer zones or tall plant barriers. Specific requirements may be established by regional rules for a particular subject of the Russian Federation based on scientifically recommendations, considering the climatic zone, geographical features, and a particular crop. As an example, the article provides possible requirements for growing corn obtained using genomic technologies in the Saratov region. It is expedient to assign control over compliance with these regional rules to the state authorities of the constituent entities of the Russian Federation that carry out state administration in the field of environmental protection. The creation of a national coordinating center for the use of genetic technologies in economic activity, the establishment of liability measures for violating the rules of cultivation are considered as other elements of the organizational and legal mechanism for the safe cultivation of plants obtained using genomic technologies. As prospects for the development of legislation, it is indicated that it is necessary to establish agreed safety rules for growing plants obtained using genomic technologies in the countries that are members of the EEU, which should be maximally consistent with each other.

Key words: GMOs, genomic technologies, crop production, administrative legal regulation, administrative responsibility.

For citation: Sokolov A.Yu., Bogatyreva N.V. Organization of safe growing of plants produced using genomic technologies in the Russian Federation // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 302–308. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.18

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-29-14048.
2 This work was supported financially by RFBR (Project No.18-29-14048mk).

Вопросы безопасного выращивания генетически модифицированных и геномно-редактируемых растений являются актуальными для административно-правовой науки в связи с высоким публичным интересом к развитию генетических технологий и продовольственной безопасности [7, с. 147–148].

По поручению Президента РФ в 2018 г. была разработана Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019–2027 годы [13] (далее – Федеральная научно-техническая программа). Одним из направлений программы является развитие генетических технологий, применяемых в растениеводстве, для развития сельского хозяйства. Цель такой деятельности – укрепление продовольственной безопасности России за счет повышения эффективности агропромышленного комплекса и роста конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции на мировых рынках. Уже известно, что программа будет продлена до 2030 г. Об этом объявил Президент РФ на совещании по вопросам развития генетических технологий в ноябре 2021 г., отметив, что «генетические технологии сегодня – это основа для передовых решений во многих отраслях экономики и бурного развития новых производств»[1].

Действительно, применение таких технологий в сельском хозяйстве позволяет быстро получать сорта растений с полезными хозяйственными характеристиками: устойчивых к засухе и вредителям, дающих повышенный урожай, – что в итоге поможет решить такие проблемы, выделяемые специалистами, как нехватка обрабатываемых сельскохозяйственных земель, дефицит водных ресурсов в ряде регионов, ухудшение экологического состояния окружающей среды и ограниченные возможности малых крестьянско-фермерских хозяйств [1, с. 41].

Декларируемые в Федеральной научно-технической программе принципы соответствуют современному уровню развития биологической науки: генетические технологии, предполагающие направленное изменение собственных генов растения без внесения чужеродного генетического материала, дают такой же конечный результат, как и существующие сорта и гибриды сельскохозяйственных растений и породы животных, полученные в результате длительного отбора, поскольку изменения вносятся в один или несколько нужных генов. В первую очередь указанное касается технологий геномного редактирования, самой распространенной из которых является технология CRISPR/Cas9. Однако указанные принципы не находят отражения в действующем российском законодательстве. Между нормативными правовыми актами, составляющими законодательство в области генно-инженерной деятельности, отсутствуют необходимые связи, которые придавали бы ему системный характер. В целом законодательство о генной инженерии в России остается разнородным, несогласованным и противоречивым, что препятствует развитию Федеральной научно-технической программы.

Указанное несоответствие не остается без внимания отечественных исследователей. Р. Г. Новикова обращает внимание в статье о правовом регулировании в области оборота генно-модифицированных организмов в России и за рубежом, что российское законодательство в 2021 году носит чрезмерно ограничительный характер [8, с. 63–64]. Н. Г. Жаворонкова и В. Б. Агафонов указывают, что развитию Федеральной научно-технической программы препятствует отсутствие прямых норм, регулирующих вопросы использования генетических технологий, применения результатов генной инженерии, государственного управления и поддержки развития генетических технологий [5, с. 913].

Указанное обусловливает необходимость разработки организационно-правовых механизмов для возможного безопасного выращивания растений, полученных с применением геномных технологий (далее – ГТ-растений), в Российской Федерации, в целях обеспечения возможности реализации заявленных целей Федеральной научно-технической программы.

Академический интерес к исследованию с точки зрения административно-правовой науки обусловлен тем, что ГТ-растения и производная продукция являются разновидностью объектов, потенциально опасных для человека и окружающей среды, в связи с чем в их отношении реализуются специальные организационно-правовые меры по обеспечению безопасности. Это позволяет рассматривать на их примере особенности государственного управления в сфере охраны и защиты безопасности личности, общества и государства.

В качестве научной основы для разработки предложений по совершенствованию нормативной базы использованы экспериментальные данные по оценке рисков переопыления кукурузы при совместном выращивании нескольких линий в условиях Юго-Востока Европейской части России, полученные специалистами лаборатории биоинженерии ИБФРМ РАН [3, 4, 14].

К основным проблемам действующего законодательства, препятствующим получению новых хозяйственно ценных сортов ГТ-растений, последующему использованию их в целях обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации и экономического развития аграрного сектора, следует отнести:

1 Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий будет продлена до 2030 года // Министерство науки и высшего образования: офиц. сайт. 17 ноября 2021 г. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=42573 (дата обращения: 08.02.2022).

– отсутствие определенности в том, какие именно растения, полученные с применением геномных технологий, в России запрещено выращивать, а какие разрешено и в каких случаях;
– наличие различных терминов, означающих схожие по объему понятия: «генно-инженерно-модифицированный организм» и «растения, генетическая программа которых изменена с использованием методов генной инженерии и которые содержат генно-инженерный материал, внесение которого не может являться результатом природных (естественных) процессов» (далее – ГМО), отсутствие определенности в соотношении данных понятий;
– отсутствие установленных правил выращивания ГТ-растений в разрешенных целях, что создает риски для безопасности окружающей среды и экономических интересов фермеров, занимающихся органическим и традиционным земледелием;
– отсутствие определенности насчет органов, осуществляющих контроль за правилами выращивания ГТ-растений, в силу отсутствия указанных правил;
– отсутствие административной ответственности за выращивание ГТ-растений с нарушением правил безопасности, а также в нарушение запрета на выращивание ГМО.

Для решения указанных проблем, в первую очередь, необходимо определиться с основными терминами, используемыми в сфере безопасного выращивания растений. Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» [10] содержит термины «генно-инженерно-модифицированный организм» и «трансгенный организм». Их толкование показывает, что первое понятие поглощает второе и является общим по отношению к нему. Главным признаком ГМО названо получение с помощью методов генной инженерии и отличие от природных организмов. Однако отношения по выращиванию ГТ-растений указанный закон регулирует лишь отчасти, указывая, что ГМО, предназначенные для выпуска в окружающую среду, подлежат государственной регистрации.

В Правилах государственной регистрации ГМО [9] термин ГМО дополняется понятием «модифицированные растения, содержащие генно-инженерный материал, внесение которого не может являться результатом природных (естественных) процессов». Такие растения не подлежат государственной регистрации.

Данное уточнение связано с формулировкой запрета на выращивание ГМ-растений, установленной в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [12]. В нем не используется термин «ГМО», но говорится о растениях, генетическая программа которых изменена с использованием методов генной инженерии и которые содержат генно-инженерный материал, внесение которого не может являться результатом природных (естественных) процессов. По сути, это альтернативное определение ГМО. Также оно используется в Федеральном законе от 17 декабря 1997 г. № 149-ФЗ «О семеноводстве» [11].

Таким образом, специфичным для сферы выращивания ГТ-растений является именно определение, содержащееся в законах об охране окружающей среды и семеноводстве. Оно было сформулировано в 2018 г. и больше отражает современный уровень развития науки, исключая из запрета растения, полученные с помощью геномных технологий и при этом принципиально не отличающиеся от природных. Такими организмами являются в настоящее время растения, получаемые с помощью методов генной инженерии. Соответственно, именно это определение следует использовать как основное при развитии законодательства о ГТ-растениях в России и применять в подзаконных нормативных актах.

В силу сложности используемого категориального аппарата уточнения используемой терминологии в отношении того, какие растения подпадают под запрет на выращивание в России, а какие – не попадают, можно привести в постановлении Правительства РФ, регулирующем правила безопасного выращивания ГТ-растений, сформулировав следующим образом:

«В Российской Федерации разрешается выращивание растений, полученных с применением геномных технологий, в соответствии со ст. 50 Федерального закона от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды», а именно в следующих случаях:
– выращивание растений, которые не содержат генно-инженерный материал, внесение которого не может являться результатом природных (естественных) процессов, в том числе выращивание растений, полученных с применением методов геномного редактирования;
– выращивание растений, генетическая программа которых изменена с использованием методов генной инженерии и которые содержат генно-инженерный материал, внесение которого не может являться результатом природных (естественных) процессов, при проведении экспертиз и научно-исследовательских работ».

Обеспечение на практике возможностей для выстраивания системы сосуществования традиционного, органического и биотехнологического сельского хозяйства, организуемой во многих зарубежных странах, является одной из главных нерешенной проблем в России. Правила сосу-

ществования разработаны не только для стран, где активно выращивают ГМО, но и для стран, где коммерческое выращивание ГМО запрещено (например, в Венгрии). Именно в рамках системы сосуществования видится дальнейшее развитие организационно-правовых механизмов сельского хозяйства с использованием ГТ-растений. Запрет на выращивание трансгенных растений уже сейчас не является абсолютным, а в будущем может быть снят законодателем в целом, в связи с чем правила сосуществования следует разрабатывать. В России такие правила могут быть установлены на уровне постановления Правительства РФ, что позволит учесть интересы различных категорий населения и федеральных министерств. Принятие данного подзаконного акта позволит определить, какие ГТ-растения могут выращиваться в России, в каких целях и в соответствии с какими правилами.

Следует учитывать, что основной задачей государственного регулирования является построение системы безопасности при выращивании ГТ-растений, понимаемой как целостная совокупность мер организационно-правового характера, направленных на защиту личности, общества, государства и окружающей среды от угроз, возникающих в связи с применением методов генной инженерии в хозяйственной деятельности, в том числе при выпуске в окружающую среду ГТ-растений. Таким образом, принятие постановления Правительства РФ о правилах безопасности является важнейшим организационно-правовым элементом обеспечения безопасного выращивания ГТ-растений в России. Оно может быть озаглавлено следующим образом: «О правилах выращивания на территории Российской Федерации растений, полученных с применением геномных технологий».

Представляется, что целесообразно принятие самих правил безопасности передать на уровень субъектов РФ, что позволит учесть географические и климатические особенности отдельных регионов, местной экосистемы и характерные черты конкретной сельскохозяйственной культуры. Региональные правила следует разрабатывать на основании научно обоснованных рекомендаций, полученных при изучении особенностей выращивания тех или иных растений на территории региона или климатической зоны.

Необходимость разработки региональных правил, обеспечивающих безопасность выращивания ГТ-растений, также подтверждается выводами, сделанными Е.Н. Абаниной: она отмечает, что в условиях изменения научно-технических видов деятельности в области экологического развития требуется развитие правового поля, в первую очередь связанное с повышением эффективности правового обеспечения экологической безопасности на региональном уровне, позволяющее учитывать их специфику и интересы [2, 36].

В постановлении Правительства РФ следует закрепить качестве императивного требования для всех субъектов РФ обязательность включения в региональные правила одного или нескольких способов защиты от переопыления при совместном выращивании растений одного вида, полученных с геномных технологий и без применения таких технологий.

В региональных правилах, принятых на основании федеральных, могут быть предусмотрены следующие мероприятия, направленные на предотвращение переопыления:

– установление буферных зон между посевами растений одного вида, полученных с геномных технологий и без применения таких технологий;
– высаживание барьера из высокорослых растений этого же или другого вида растений между посевами растений одного вида, полученных с геномных технологий и без применения таких технологий.

Например, для целей выращивания ГТ-кукурузы в Саратовской области данные правила могут быть сформулированы следующим образом:

«В качестве мероприятий по защите от переопыления могут применяться:

– установление буферных зон между посевами кукурузы, полученной с геномных технологий и без применения таких технологий, расстоянием минимум в 10–15 м;
– использование для совместного выращивания кукурузы, полученной с геномных технологий и без применения таких технологий, сортов с различающимися сроками цветения в сочетании с барьером для пыльцы из высокорослых гибридов кукурузы».

Указанные ограничения обусловлены результатами научно-экспериментальных исследований, проведенных в Саратовской области, в условиях Нижне-Волжского региона России, коллективом под руководством М.И. Чумакова. Полевые эксперименты по моделированию распространения пыльцы ГМ-кукурузы при совместном выращивании с не ГМ-кукурузой показали, что для буферной зоны рекомендуется использовать расстояния в 10–15 м и более для предотвращения переопыления кукурузы в условиях Юго-Востока России [3, 4]. Также было показано, что в качестве барьера, ограничивающего поток пыльцы кукурузы, целесообразно использовать барьер из высокорослых растений того же вида [14]. Низкорослые растения не приводят к снижению безопасных для совместного выращивания расстояний, а использование растений другого сорта не гарантирует их высокорослость в климатических условиях конкретного года.

Контроль за соблюдением указанных региональных правил целесообразно возложить на органы государственной власти субъектов

Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в области охраны окружающей среды. Указанное обусловлено распределением компетенции между федеральными и региональными органами власти, предусмотренным в ст. 6 Федерального закона от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Например, в Саратовской области таким органом является Министерство природных ресурсов и экологии области.

Для гармоничного включения указанного постановления Правительства РФ в массив законодательства о генно-инженерной деятельности следует дополнить ч. 1 ст. 50 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» следующими нормами: «Субъекты, осуществляющие выпуск растений, полученных с применением генетически модифицированных организмов в окружающую среду, должны соблюдать установленные Правительством Российской Федерации правила выращивания на территории Российской Федерации растений, полученных с применением геномных технологий».

Следующим элементом организационно-правового обеспечения выращивания в России ГТ-растений является передача полномочий по формированию единой государственной политики в сфере геномных технологий одному постоянно действующему органу исполнительной власти – Минобрнауки России.

Отсутствие в России механизма, обеспечивающего принятие решений в сфере регулирования биотехнологий и геномных технологий строго на научной основе, является одной из причин дисбаланса в правовом регулировании. Поэтому оценка рисков в целях установления требований к выращиванию растений, полученных с применением геномных технологий, а впоследствии – одобрения нового сорта должна производиться специальным органом межведомственного характера – Координационным центром. Такой орган должен представлять интересы различных органов государственного управления, научной общественности, а также сельхозпроизводителей.

В России раньше такой орган существовал: Межведомственная комиссия по генно-инженерной деятельности изначально являлась основным организационным элементом регулирования в сфере генно-инженерной деятельности в России, однако сейчас она расформирована.

Сейчас необходимо создать в России национальный координационный центр, который бы решал задачи по сбору, анализу, систематизации информации о законодательстве и научных исследованиях по вопросам биобезопасности, полевых испытаниях, ввозе (вывозе), использовании ГТ-организмов и продуктов из них в хозяйственной деятельности. Создание данного органа позволило бы осуществлять направленный мониторинг и контроль за распространением ГТ-организмов, принимать согласованные решения. Создание такого органа – насущная задача. Координационный центр может быть создан в подчинении Минобрнауки России и уполномочен, в частности, на решение задач по:

– ведению реестра полевых испытаний ГР-растений;
– разработке правил безопасности при выпуске ГР-растений в окружающую среду и др.;
– координации деятельности органов власти субъектов РФ, осуществляющих контроль за правилами выращивания ГТ-растений.

Это обеспечит необходимую базу для проведения в Российской Федерации скоординированной государственной политики в сфере применения ГТ-технологий в агропромышленном комплексе, контроля за выпуском ГТ-растений в окружающую среду, что необходимо в целях обеспечения безопасности окружающей среды и сохранения биоразнообразия.

Организация безопасного выращивания растений, полученных с применением геномных технологий, в Российской Федерации будет неполной без мер ответственности, предусмотренных за нарушение установленных правил. Сейчас действующее законодательство об административной и уголовной ответственности не содержат норм, обеспечивающих возможность привлечения к ответственности за нарушение запрета на выращивание ГМО и правила безопасного выращивания ГТ-растений. С учетом указанного, представляется необходимым дополнить ст. 6.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях ч. 3:

«3. Нарушение правил безопасности генно-инженерной деятельности, правил безопасности при выпуске растений, полученных с применением геномных технологий, в окружающую среду, – влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток; на юридических лиц – от пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток».

В качестве оценки перспектив развития организационно-правовых механизмов обеспечения безопасности выращивания ГТ-растений следует отметить необходимость разработки гармонизированного законодательства о ГТ-технологиях в рамках ЕАЭС.

К сожалению, исследователями отмечается, что в настоящее экологические вопросы не входят в число приоритетных в рамках единого пра-

вового пространства Союза, поскольку основное внимание уделяется совместному развитию экономики [6]. Новикова Р.Г. также отмечает в качестве существенного недостатка, что требования к производству и обороту продукции, полученной с применением генетических технологий, в том числе ее маркировка, в рамках ЕАЭС не гармонизированы, отсутствует возможность взаимного признания процедур оценки соответствия в данной сфере. Это приводит к появлению на территории ЕАЭС различных систем сертификации органической продукции и сдерживает взаимную торговлю [8, с. 64].

С учетом указанного и в силу того, что выращивание ГР-растений является одним из важных направлений развития продовольственной политики и имеет своей целью, в том числе, обеспечение экономического прогресса, данным вопросам стоит уделить особое внимание при обсуждении направлений развития законодательства ЕАЭС.

Правила безопасности при выращивании ГТ-растений в странах, входящих в ЕАЭС, должны быть максимально согласованы друг с другом. За основу могут быть приняты предложения по разработке и принятию правил безопасности при выращивании растений, сформулированные в настоящей статье, учитывающие возможности безопасного совместного выращивания растений, полученных с применением геномных технологий и без их применения, при использовании буферных зон или барьеров из высокорослых растений, уточненные с учетом климатических зон и конкретной выращиваемой сельскохозяйственной культуры.

Список литературы

1. Абанина Е. Н. Тенденции развития государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности (региональный уровень) // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 31–38. DOI: 10.24412/1608-8794-2021-1-31-38
2. Агапов Д. А., Ганюхина О. Ю. О некоторых вопросах реализации доктрины продовольственной безопасности // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 2. С. 38–42. DOI: 10.24412/1608-8794-2021-2-38-42
3. Анализ распространения генетического материала маркированных линий кукурузы с пыльцой при совместном выращивании с обычными сортами / Гусев Ю.С., Волохина И.В., Моисеева Е.М., и др. // Генетика. 2020. Т.56. №10. С.1196–1199. DOI: 10.1134/S1022795420090082.
4. Гусев Ю. С., Гуторова О. В., Моисеева Е. М., и др. Оценка рисков переопыления кукурузы при совместном выращивании нескольких линий в условиях Юго-Востока Европейской части России // Сельскохозяйственная Биология. 2021. Т. 56. №1. С. 66–77. DOI: 10.15389/agrobiology.2020.5.rus.
5. Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Организационно-правовые проблемы реализации программы развития генетических технологий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т.25. №4. С. 901–916. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-4-901-916.
6. Захарин А.Н., Колесникова К.В. Интеграция правового регулирования рационального природопользования и охраны окружающей среды в законодательстве ЕАЭС: состояние и перспективы // Гуманитарные и юридические исследования // 2020. № 3. С. 135–142.
7. Мохов А. Ю. К вопросу о продовольственной функции современного российского государства // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. №3. С. 144–149.
8. Новикова Р.Г. Правовое регулирование в области оборота генно-модифицированных организмов (ГМО) в России и зарубежных государствах // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. Т.25. №1. С. 32–66 (63–64).
9. О государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию Российской Федерации: пост. Правительства РФ от 23 сентября 2013 г. № 839: ред. от 1 октября 2018 г. // СЗ РФ. 2013. № 39. Ст. 4991; СЗ РФ. 2018. № 41. Ст. 6260.
10. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности: федер. закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ: ред. от 2 июля 2021 г. // СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3348; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5179.
11. О семеноводстве: федер. закон от 17 декабря 1997 г. № 149-ФЗ: ред. от 11 июня 2021 г. // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5715; СЗ РФ. 2021. № 24 (часть I). Ст. 4188.
12. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ: в ред. от 30 декабря 2021 г. // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650; Российская газета. 2022. № 2–3.
13. Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019–2027 годы: утв. пост Правительства РФ от 22 апреля 2019 г. № 479: ред. от 28 августа 2021 г. // СЗ РФ. 2019. № 17. Ст. 2108; СЗ РФ. 2021. № 2021. № 36. Ст. 6415.
14. Чумаков М.И., Гуторова О.В., Гусев Ю.С. Барьер из высокорослой кукурузы предотвращает перенос пыльцы кукурузы в смешанных посевах // Экологическая генетика. 2021. Т.19. №4. С. 313–322. DOI: 10.17816/ecogen78085.

References

1. Abanina E.N. Tendentsii razvitiya gosudarstvennoi politiki v sfere obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti (regional'nyi uroven') (Trends in the development of state policy in the field of ensuring environmental safety (regional level)) // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2021. No.1. P.31–38. DOI: 10.24412/1608-8794-2021-1-31-38 (In Russian).
2. Agapov D.A., Ganyukhina O.Yu. O nekotorykh voprosakh realizatsii doktriny prodovol'stvennoi bezopasnosti (On some issues of implementing the doctrine of food security) // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2021. No.2. P.38–42. DOI: 10.24412/1608-8794-2021-2-38-42 (In Russian).
3. Chumakov M.I., Gutorova O.V., Gusev Yu.S. Bar'er iz vysokorosloi kukuruzy predotvrashchaet perenos pyl'tsy kukuruzy v smeshannykh posevakh (High maize barrier prevents maize pollen transfer in mixed crops) // Ecological genetics. 2021. Vol.19. No.4. C. 313–322. DOI: 10.17816/ecogen78085. (In Russian).

4. Federal'naya nauchno-tekhnicheskaya programma razvitiya geneticheskikh tekhnologii na 2019–2027 gody (Federal scientific and technical program for the development of genetic technologies for 2019–2027): utv. post Pravitel'stva RF ot 22 aprelya 2019 g. № 479: red. ot 28 avgusta 2021 g. // SZ RF. 2019. No.17. Art. 2108; SZ RF. 2021. No.36. Art.6415. (In Russian).
5. Gusev Yu.S., Gutorova O.V., Moiseeva E.M., i dr. Otsenka riskov pereopyleniya kukuruzy pri sovmestnom vyrashchivanii neskol'kikh linii v usloviyakh Yugo-Vostoka Evropeiskoi chasti Rossii (Assessment of the risks of cross-pollination of corn during the co-cultivation of several lines in the conditions of the South-East of the European part of Russia) // Sel'skokhozyaistvennaya Biologiya. 2021. Vol.56. No.1. P.66–77. DOI: 10.15389/agrobiology.2020.5.rus. (In Russian).
6. Gusev Yu.S., Volokhina I.V., Moiseeva E.M., i dr. Analiz rasprostraneniya geneticheskogo materiala markirovannykh linii kukuruzy s pyl'tsoi pri sovmestnom vyrashchivanii s obychnymi sortami (Analysis of the distribution of the genetic material of marked lines of corn with pollen during co-cultivation with common varieties) // Genetika. 2020. Vol.56, No.10. P.1196 – 1199. DOI: 10.1134/S1022795420090082. (In Russian).
7. Mokhov A.Yu. K voprosu o prodovol'stvennoi funktsii sovremennogo rossiiskogo gosudarstva (On the food function of the modern Russian state) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2019. No.3. P.144–149. (In Russian).
8. Novikova R.G. Pravovoe regulirovanie v oblasti oborota genno-modifitsirovannykh organizmov (GMO) v Rossii i zarubezhnykh gosudarstvakh (Legal regulation in the field of turnover of genetically modified organisms (GMOs) in Russia and foreign countries) // Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2021. Vol.25. No.1. P.32–66 (63–64). (In Russian).
9. O gosudarstvennoi registratsii genno-inzhenerno-modifitsirovannykh organizmov, prednaznachennykh dlya vypuska v okruzhayushchuyu sredu, a takzhe produktsii, poluchennoi s primeneniem takikh organizmov ili soderzhashchei takie organizmy, vklyuchaya ukazannuyu produktsiyu, vvozimuyu na territoriyu Rossiiskoi Federatsii (On state registration of genetically modified organisms intended for release into the environment, as well as products obtained using such organisms or containing such organisms, including these products imported into the territory of the Russian Federation): post. Pravitel'stva RF ot 23 sentyabrya 2013 g. No.839: red. ot 1 oktyabrya 2018 g. // SZ RF. 2013. No.39. Art. 4991. SZ RF. 2018. No.41. Art. 6260. (In Russian).
10. O gosudarstvennom regulirovanii v oblasti genno-inzhenernoi deyatel'nosti (On State Regulation in the Field of Genetic Engineering: Federal Law No. 86-ФЗ): feder. zakon ot 5 iyulya 1996 g. № 86-FZ: red. ot 2 iyulya 2021 g. // SZ RF. 1996. No.28. Art.3348; 2021. No.27 (Part I). Art.5179. (In Russian).
11. O semenovodstve (On seed production): feder. zakon ot 17 dekabrya 1997 g. № 149-FZ: red. ot 11 iyunya 2021 g. // SZ RF. 1997. No.51. Art.5715; SZ RF. 2021. No.24 (Part I). Art.4188. (In Russian).
12. Ob okhrane okruzhayushchei sredy (On the environment: Federal Law No. 7-ФЗ): feder. zakon ot 10 yanvarya 2002 g. № 7-FZ: v red. ot 30 dekabrya 2021 g. // SZ RF. 1999. No.14. Art. 1650; Rossiiskaya gazeta. 2022. No.2–3. (In Russian).
13. Zakharin A.N., Kolesnikova K.V. integratsiya pravovogo regulirovaniya ratsional'nogo prirodopol'zovaniya i okhrany okruzhayushchei sredy v zakonodatel'stve EAES: sostoyanie i perspektivy (Integration of legal regulation of rational nature management and environmental protection in the legislation of the EAEU: state and prospects) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2020. No.3. P.135–142. (In Russian).
14. Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B. Organizatsionno-pravovye problemy realizatsii programmy razvitiya geneticheskikh tekhnologii (Organizational and legal problems of implementing the program for the development of genetic technologies) // RUDN Journal of Law. 2021. Vol. 25. No.4. P.901–916. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-4-901-916. (In Russian).

Сведения об авторах

Соколов Александр Юрьевич – доктор юридических наук, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук / aysockolov@mail.ru

Адрес: д. 135, ул. Чернышевского, 410028, Саратов, Российская Федерация.

Богатырева Наталия Владимировна – соискатель кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии / nvbogatyreva@gmail.com.

Адрес: д. 135, ул. Чернышевского, 410028, Саратов, Российская Федерация.

Information about the authors

Sokolov Alexandr Yu. – Doctor of Law, director, Saratov Branch of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences / aysockolov@mail.ru

The address: 135, Chernyshevsky st., 410028, Saratov, Russian Federation.

Bogatyreva Natalia Vladimirovna – Applicant, Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy / nvbogatyreva@gmail.com.

The address: 135, Chernyshevsky st., 410028, Saratov, Russian Federation.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PHILOLOGICAL SCIENCES

CC BY

УДК 81'373.211

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.19

И. В. Желябова
Г. О. Илагаева

НОМИНАЦИИ СТАВРОПОЛЬСКИХ ПОРЕЙУРБАНОНИМОВ

Статья посвящена исследованию ономастического пространства города Ставрополя. Проанализированы официальные и неофициальные наименования ставропольских остановок (порейурбанонимов) в синхроническом и диахроническом аспектах, обозначены особенности существования урбанонимов в современной языковой картине мира горожан. Порейурбанонимы, на наш взгляд, имеют большое значение в топонимической системе любого города. Они являются источником информации об организации города, его структуре (называют учебные, культурные, медицинские и торговые заведения, улицы, площади и т. д.), а гостям города помогают ориентироваться. Однако нередко в речи жителей остаются старые названия остановочных пунктов, так как они были значимыми местами для горожан и остались в памяти жителей почтенного возраста. Кроме того, существуют и жаргонизированные номинации порейурбанонимов, которые знакомы водителям и местным жителям и приводят в замешательство гостей города.

В исследовании описаны тенденции развития и существования названий, которые зависят от социокультурной, экономической и политической ситуаций. На наш взгляд, данная работа даст возможность прочувствовать силу и богатство русского языка, русского регионального языка.

Делается акцент на малой степени изученности онимов разных видов в Ставропольском крае и на Северном Кавказе. Данные исследования смогут расширить знания в области региональной ономастики, а также в области такого нового научного направления, как городоведение, которое занимается изучением городских реалий и носит междисциплинарный характер, опираясь на данные истории, географии, языкознания.

Ономастикон г. Ставрополя нестабилен, постоянно изменяется, появляются новые и затухают старые модели, поэтому с течением времени неофициальные наименования остановок заменяются официальными и закрепляются в речевой культуре.

Ключевые слова: ономастикон, региональная ономастика, онимы, урбанонимия, официальные и неофициальные порейурбанонимы, синхрония и диахрония, городоведение, Ставрополь.

Для цитирования: Желябова И. В., Илагаева Г. О. Номинации ставропольских порейурбанонимов // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 309–315. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.19

Irina V. Zhelyabova
Gozel O. Ilagaeva

NOMINATIONS OF THE STAVROPOL POREYURBANONYMS

The article is devoted to the study of the onomastic space of the city of Stavropol. The official and unofficial names of the Stavropol stops (poreyurbanims) are analyzed in synchronic and diachronic aspects, the peculiarities of the existence of urbanonyms in the modern linguistic picture of the world of townspeople are indicated. Poreyurbanonyms, in our opinion, are of great importance in the toponymic system of any city. They are a source of information about the organization of the city, its structure (they call educational, cultural, medical and commercial institutions, streets, squares, etc.), and they help the guests of the city find their way. However, often in the speech of residents, the old names of stopping points remain, since they were significant places for the townspeople and remained in the memory of residents of venerable age. In addition, there are jargonized nominations of periurbanonyms, which are familiar to drivers and local residents and confuse visitors to the city.

The study describes trends in the development and existence of names, which depend on socio-cultural, economic and political situations. In our opinion, this work will provide an opportunity to feel the power and richness of the Russian language, the Russian regional language.

Emphasis is placed on the low degree of knowledge of onyms of different species in the Stavropol Territory and the North Caucasus. These studies will be able to expand knowledge in the field of regional onomastics, as well as in the field of such a new scientific direction as urban studies, which deals with the study of urban realities and is interdisciplinary in nature, based on data from history, geography, linguistics.

Onomasticon in Stavropol is unstable, constantly changing, new models appear and old models fade, therefore, over time, the unofficial names of stops are replaced by official ones and are fixed in the speech culture.

Key words: onomasticon, regional onomastics, onyms, urbanonymy, official and unofficial poreyurbanonyms, synchronicity and diachrony, city studies, Stavropol.

For citation: Zhelyabova I. V., Ilagaeva G. O. Nominations of the Stavropol poreyurbanonyms // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 309–315. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.19

Имена собственные всегда имели особое значение в жизни человека. Как пишет Бондалетов В. Д., «пользуясь языком, мы ежедневно сталкиваемся с собственными именами. Они служат для наименования людей, географических и космических объектов, животных, различных предметов материальной и духовной культуры» [1]. Они играют важную роль в формировании национального и языкового сознания, концентрируя в себе наиболее важные особенности менталитета народа – носителя языка, отражая историческую и географическую специфику региона, являясь визитной карточкой той или иной культуры. Особенно ярко эти черты имени собственного проявляются там, где бок о бок живут представители разных этносов, где переплетаются языки и культуры, где национальная составляющая нередко выходит на первый план во взаимодействии людей. В силу указанных причин изучение ономастикона такого многонационального и поликультурного региона, как Ставрополье, представляется особенно важным.

Изучение ставропольской урбанонимии обусловливается динамичным развитием города, увеличением его территории, постоянным появлением новых имен на карте. Урбанонимы как один из самых подвижных и изменяемых пластов топонимической лексики являются отражением современной языковой картины мира, содержат огромный объем информации о традициях, устоях, своеобразии менталитета и особенностях миропонимания, характеризующих то или иное языковое сообщество. Рассмотрение вопроса о социальной и когнитивной природе имени собственного представляется также чрезвычайно перспективным с учетом масштабов развития социальной и когнитивной лингвистики на современном этапе.

Проблемам изучения ономастикона российских регионов и микрорегионов посвящены многочисленные исследования, на фоне которых системное исследование ономастики города Ставрополя представлено весьма фрагментарно. Степень изученности онимов разных видов в Ставропольском крае и на Северном Кавказе далеко не удовлетворительна и не одинакова.

Ономастический компонент г. Ставрополя рассматривался и в работах по смежным дисциплинам. Для филологов интересна и познавательна работа знаменитого географа-краеведа, педагога, основателя ставропольской научной географической школы Гниловского Владимира Георгиевича «Очерк топонимии города Ставрополя», который издан в «Материалах по изучению Ставропольского края». Краевед, пользуясь рукописными планами города 1805 и 1833 годов, изданными типографским способом планами Ставрополя 1854, 1904 и 1911 годов, а также списками домовладельцев города, опубликованными в 1870, 1904 и 1911 годах, описал ставропольскую топонимику дореволюционного и советского периодов, провел ее классификацию [4]. В 1972 году выходит еще одна работа В. Г. Гниловского в соавторстве с Т. П. Бабенышевой– это учебное пособие «География Ставропольского края». В приложении данного пособия дается краткий топонимический (объяснительный) словарь географических наименований [3].

В 2006 году вышла книга краеведа, писателя В. Л. Гаазова и учителя географии М. Н. Лец «Ставрополь и его окрестности. Ставрополье в названиях», в которой с привлечением достоверных исследовательских материалов комплексно описывается Ставрополь, даются сведения по топонимике Ставрополья [16].

В начале XXI в. было опубликовано небольшое количество статей по ономастике края. В Северо-Кавказском федеральном университете (ранее – в Ставропольском государственном университете) существовала школа изучения региональной ономастики под руководством профессора Ефановой Л. П., проблемами микротопонимии Ставропольского края занимались такие исследователи, как Д. Б. Луговой, Е. А. Луговая, Т. Б. Кузнецова, В. А. Колесников, Ю. А. Кульпинов и т. д. Последнее диссертационное исследование по ономастике Ставропольского края было защищено Кульпиновым Ю. А. в 2010 г. [7, 8, 9, 10].

В 2008 г. вышла монография семиотического характера «Небо, солнце, земля: Традиционная символика дома в городской среде Ставропольского края» (авторы К.Э. Штайн, Д.И. Петренко и ставропольский художник Сергей Федорович Бобылев).

В 2010 г. была опубликована книга «Ставропольеведение» (авторы В. Л. Гаазов, Т. К. Черная), в которой описывается география, история края, показано все литературное многообразие нашего многонационального региона, однако языковая составляющая, в том числе в области ономастики, не рассматривается.

Бесспорно, фундаментальным исследованием в области ономастики Ставропольского края можно считать опубликованное в 2009 году учебное пособие «Ономастикон Ставропольского края (синхрония и диахрония)», автором-составителем которого является Л.П. Ефанова. В книге собран значительный материал по краевой ономастике, изложены теоретические основы анализа онимов, предложен методический подход к их изучению, однако вряд ли можно назвать это издание исчерпывающим (особенно в отношении г. Ставрополя) [5].

Следует отметить, что городской ономастикон за прошедшее десятилетие изменился настолько значительно, что требует нового исследования.

Кроме того, необходимо сказать, что на современном этапе развития образования изучение родного края становится одним из ведущих

факторов нравственно-патриотического воспитания, поэтому в содержание современного филологического образования необходимо включать региональный компонент. Проблемам изучения ономастиконов российских регионов и микрорегионов посвящены многочисленные исследования, на фоне которых системное исследование ставропольской ономастики представлено фрагментарно. Ономастикон Ставропольского края, и в частности города Ставрополя, до сих пор не получил достаточно полной и всесторонней системной лингвистической характеристики; не сформирована модель ставропольского ономастикона как показателя системности региональной ономастики.

Термин порейурбаноним в системе русской ономастики. Одним из перспективных аспектов современных исследований в ономастике является изучение названий городских объектов, в частности, магазинов, рынков и остановок. Как известно, система онимов внутригородских объектов отражает реальный мир и, как всякая языковая система, существует, прежде всего, в сознании конкретного человека. Как отмечает А. М. Мезенко, «урбанонимия – это самый подвижный и изменяющийся пласт топонимической лексики, являющийся зеркалом национальной культуры, содержащий информацию о традициях и устоях, характеризующих то или иное языковое сообщество. В семантике урбанонимов отражены ценностные культурные представления этносоциумов, историческая смена культурных и ценностных стереотипов общества» [12, с. 389].

Обращаясь к терминологическому словарю русской ономастики Подольской Н. В., мы видим, что в нем дается следующее определение понятия урбаноним (урбоним) – «вид топонима. Собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, название отдельного здания, хороним городской» [14, с. 154], а также дается термин-футуроним порейоним – «собственное имя данного экземпляра любого вида транспорта» [14, с. 112], который создан по модели ономастического термина с греческим терминоэлементом в основе. Однако в данном словаре название для остановок отсутствует, оно появилось только в 2017 году.

Целью нашего исследования является изучение номинаций остановок ставропольского городского транспорта в аспекте выявления когнитивных, мотивационных, функционально-прагматических, а также собственно лингвистических особенностей региональных порейурбанонимов в синхроническом и диахроническом аспектах.

В качестве объекта исследования будут представлены внутригородские наименования остановок г. Ставрополя, которые входят в класс урбанонимов. С 2017 г. в своей работе «Система современной русской урбанонимической терминологии» Г. Б. Мадиева и В. И. Супрун зафиксировали понятие «порейурбаноним», что обозначает наименования «остановок внутригородского транспорта, которые зачастую представляют собой перешедшие в этот разряд годонимы и агоронимы (реже эргонимы, ойкодомонимы, экклезионимы и пр.) в новой функции – обозначения места на карте города по маршруту следования транспорта» [11, с.117–118]. Как известно, порейурбанонимы используются населением для того, чтобы ориентироваться по городу (знать площади, проспекты, улицы, переулки, тупики, рынки, театры, кинотеатры, медицинские учреждения, церкви и т.д.), при назывании маршрутов городского транспорта (например: маршрутное такси №1: ул. Матросова – Селекционная станция; маршрутное такси № 32: Рынок Южный – ул. Серова; маршрутное такси № 21: бул. Архитекторов – ул. Чехова) и его остановок. Так, в своей работе Ю. В. Вайрах пишет: «Одним из значимых компонентов языка города является урбанонимия, которая объединяет названия основных внутригородских объектов. Представляя собой систему ориентиров, урбанонимия существует в двух разновидностях: официальной (названия площадей, улиц, остановок и др.) и неофициальной, отраженной в узусе горожан» [2]. Необходимо также отметить функции, которые выполняют порейурбанонимы в номинации окружающей действительности. Казакова С.Л. в своей работе, посвященной исследованию названий внутригородских объектов, пишет, что «урбанонимы выполняют две основные функции: 1) номинативную (идентифицирующую/адресную); 2) информативную. Номинативная функция связана со спецификой собственного имени вообще, с его отличием от апеллятива. Основное назначение собственных имен – именовать, выделять и различать однотипные объекты… Информативная функция связана с назначением урбанонима. Последний должен ориентировать человека в окружающем пространстве, в городе, служить адресом. Информативная функция урбанонимов имеет свои особенности: урбанонимы несут информацию о специфике объекта (виде деятельности, ассортименте услуг и товаров и т. д.)» [5].

Следует отметить, что в современном изменчивом мире исследование ономастики дает ценнейший материал для истории, характеризуя местные мифы, давая представления об общественных отношениях. Исследование проводилось в синхроническом и диахроническом плане. Исторически название остановочных пунктов различного вида транспорта появлялось от расположенного в ее близи крупного здания, какого-либо важного географического объекта или значимого места как ориентир для местных жителей. С течением времени меняется городской облик, старинные здания подлежат сносу, крупные предприятия меняют свои локации или исчезают вовсе по

различным экономическим причинам, но в памяти жителей надолго остаются прежние названия остановок. Рассмотрев эти названия, мы провели классификацию по принципу расположения остановок относительно городских объектов:

– улицы, площади, переулки и др.: «Площадь Ленина», «Площадь Фрунзе», «Домбайский перекресток», «Добровольная», «Попова», «Октябрьская», «Вавилова», «Шаумяна», «Западная подстанция» (в разговорной форме «остановите на Мира»), «Партизанская», «Куйбышева», «Шпаковская», «Зои Космодемьянской» (часто говорят на «на Космодемьянской», редко, но все же порой слышим, «на Зое»), «Чайковского», «Глинки», «Рогожникова», «Ленина», «Проспект Карла Маркса», «Голенева (пр. Карла Маркса)», «ул. Тухачевского» (остановку на улице 50 лет ВЛКСМ в разговорной форме называют Цветочный рынок или могут сказать: «На Цветочном, пожалуйста»);
– торговые заведения: «ТК Славяновский» (в разговорной форме жители города данную остановку называют «Славянка»), «ТЦ Космос», «ТЦ Метро», «Универсам №1», «Дом торговли», «ТЦ Триумф», «гастроном «Пушкинский»; остановки «Рынок Любимый», «Бруснёвский рынок», «Нижний рынок», «Рынок Тухачевский» (в разговорной форме – «Тухач»), «Юго-западный рынок», «Авторынок» названы так в связи с близким расположением рынков;
– учебные заведения: «Технологический университет», «Медакадемия», «Аграрный университет», «Медицинский колледж», «Колледж Связи», «Электротехникум», СКФУ (на Кулакова), «ГПТУ № 1» - профессиональное училище, «Культпросветучилище», «Гимназия №12», «Школа №1», «Школа №5», «Школа №6», «Школа №11», «Школа №15», «Школа №17», «Школа №21» (но в разговорном стиле скажут, используя вместо количественного числительного порядковое: «На двадцать первой школе, пожалуйста»), «Школа №23», «Школа №29», «Школа №34», «Школа №44», «Конно-спортивная школа»;
– медицинские учреждения: «Тубдиспансер», «Инфекционная больница» (разг. «на Инфекционке»), «Кардиоцентр», «Краевая больница» (разг. «на Краевой» или «на Семашко», т.к. данная больница расположена на улице Семашко), «Городская больница №2», «Поликлиника №1» (разг. «на Поликлинике»), «Поликлиника №2», «Детская больница №2», «Поликлиника №9», «Стоматологическая поликлиника», «Профилакторий», «Детская больница им. Филиппского», «Ветклиника»;
– номер квартала: «566-й квартал», «524-й квартал», «529-й квартал», «530-й квартал», «531-й квартал», «373-й квартал», «329-й квартал», «204-й квартал»;
– вокзалы и станции: «Автовокзал» (центральный), «Автостанция №1», «Автостанция», «Автовокзал Северный», «Ж/д вокзал»;
– предприятия и организации: «Троллейбусный парк», «Таксопарк», «Мебельный комбинат», «Элеватормельмаш», «Концерн ЭСКОМ», «Завод Энергомера», «Завод Спецконструкций», «АТС», «Дом птицефабрики», «Селекционная станция», «Рекламный комбинат», «Мелькомбинат», «Межрегионгаз», «Стеклотарный завод», «Электроавтоматика», «Завод Автокранов» (ОАО «Ставропольский завод автокранов «КРАСТ»), «Горзеленхоз»;
– городские жилые застройки: «ж/к Олимпийский», «ж/к Алые Паруса», «ж/к Звездный», «Микрорайон Радуга», «ж/к Белый город»;
– единичные объекты: «Дворец Бракосочетания», «Академический театр», «Ж/д переезд», «Мемориал Танк», «Дворец Гагарина», «Гостиница Интурист», «Кафедральный собор», «Кинотеатр Салют», «Кинотеатр Мир», «Кинотеатр Ставрополец», «Парк Победы». Остановка «12-ый км.» получила свое название благодаря тому, что находится на 12-ом километре от трассы, ведущей из Ставрополя в Михайловск.

Территория города расширилась, и поэтому его владения увеличились за счет земель садовых товариществ, отсюда и названия остановок «СТ Оптимист», «СТ Росгипрозем», «СТ Лесовод (ул. Южный Обход)», «СНТ «Летучая мышь», «Садовое товарищество «Яблочко», «Садовое товарищество «Электрон», «Садовое товарищество «Мечта», «Садовое товарищество «Химик».

Общественный транспорт Ставрополя представлен следующими видами: автобус, троллейбус, маршрутное такси. В связи с ростом города увеличилось количество маршрутов городского общественного транспорта, некоторые маршруты продлили в новые микрорайоны, поэтому возросло количество остановок.

Потеряв связь с понятием, большинство наименований порейурбанонимов перешло из разряда апеллятивов в разряд онимов (автовокзал – ост. Автовокзал, школа – ост. Школа №12 и т. п.).

На отдельных территориях остановки изменили свои названия, а здание или какой-либо другой объект, ставшие ориентиром и названием остановки, были демонтированы, но местные жители продолжают просить водителей остановить, называя давно переименованные остановки, например:

• остановка «Завод Автоприцепов» на улице Кулакова в настоящее время носит и иное имя – «Автостанция», которое является не-

официальным, по причине того, что на данной остановке должны выходить те, кому надо на автостанцию;
- остановка «Малая Химия» на проспекте Кулакова названа в честь Завода химреактивов и люминофоров (в настоящее время ЗАО «НПФ Люминофор»), носит еще и неофициальное имя «Пожарка», т. к. рядом с остановкой расположена пожарная часть (гостья города: «Я не знаю никакой «Пожарки», мне нужна «Малая Химия», ей отвечают: «Так это одно и то же, выходите»);
- остановка «Кожевенный завод» является официальным наименованием при всем том, что завод давно закрыт (с развалом СССР большинство заводов пришло в упадок, так у Кожевенного завода несколько цехов полностью разрушено, на их месте находится какое-то предприятие, не связанное с кожаной промышленностью);
- остановка «Октябрьская» имеет неофициальное название «Штаны», т. к. находится на месте соединения улиц Октябрьская и Народная и на карте 2ГИС это место выглядит как штаны;
- остановку «Телекомпания АТВ» преимущественно называют «Под шпилем», т.к. рядом расположен дом в стиле «сталинского ампира», за которым в народной топонимике закрепилось название – «под шпилем»;
- остановка «Технологический университет» называлась «Фабрика Восход», т. к. недалеко располагалась фабрика по производству текстильной продукции (швейная фабрика «Восход» - давно не существующее предприятие, но так продолжают называть остановку и небольшой район, располагающийся вокруг здания бывшей фабрики: На Восходе открылся новый магазин).

Следует отметить, что на современном этапе самым популярным наименованием является «Восход», с 1989 года появилось еще одно неофициальное наименование «Онкологический диспансер», так как рядом с бывшей фабрикой построено Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Ставропольского края «Ставропольский краевой клинический онкологический диспансер», поэтому до сих пор при выходе из маршрутного такси пассажиры просят остановиться: «На Восходе, пожалуйста» или реже «На Онкоцентре, пожалуйста».

Значительной трансформации в формулировке названий подверглась остановка «пл. Генерала Ермолова» (имя русского военачальника и государственного деятеля – генерала А. П. Ермолова). Данное название остановки, а также название бульвара и площади, расположенных недалеко от Государственного цирка, вернулось в конце 90-х гг. XX в. Однако наименование остановки в живой речи носителей языка сохраняется:

а) «Крайзо» – Краевой земельный отдел. Здание «Крайзо» существует до сих пор, но сам отдел перенесен в другое место и называется по-другому;
б) «Цирк» (т.к. в 1976 году по проекту архитекторов М. Шульмейстера, Ю. Моторина, А. Кудрявцева на бульваре Ермолова открылся цирк).

Тем не менее, люди продолжают просить водителей остановиться на «Цирке», а пожилые – на «Крайзо». В целом же эти названия перешли на название района, прилегающего к цирку, нижнему рынку и железнодорожному вокзалу.

Кроме этого, по ходу движения многих маршрутных такси и автобусов имеется остановка с названием «По требованию», которая именуется так из-за того, что не все автобусы и маршрутные такси останавливаются на этой остановке, а только в том случае, если пассажиры попросят остановиться на ней: «По требованию (ул. Объездная)», «По требованию (ул. Октябрьская)», «По требованию (ул. 45-я параллель)», «По требованию (ул. Партизанская)».

Таким образом, ряд остановок сохраняют свои прежние названия. Ведь именно так они закреплены в сознании жителей, даже если близлежащих учреждений, в честь которых они были названы, уже нет. Наименования других остановок в народе связаны с тем, что они имеют свою предысторию и несут своего рода информацию о прошлом. Несомненно, и первые, и вторые реконструируют языковую картину мира ставропольских жителей. Неофициальное переименование обусловлено, прежде всего, разговорной формой, экономией языковых усилий, языковой игрой, основанной на расхождении или противопоставлении официальной и неофициальной языковой культуры. Также следует отметить, что пассажиры, чтобы не вспоминать название остановки, иногда говорят: «На остановке, пожалуйста».

Далее следует отметить то, что в неофициальных названиях порейурбанонимов действует разработанная В.А. Богородицким проблема экономии речевых усилий. Как отмечает Д.А. Самарин, «с развитием общественной жизни и культуры в языке отчётливо проявляется необходимость в экономии речевых усилий. Действие данного принципа предполагает рациональное, сокращённое использование речи в процессе коммуникации, но без потери семантической и стилистической целостности» [15, с. 96]: порейурбаноним «Тухачевский рынок» порой называют «Тухач», порейурбаноним «Дворец культуры и спорта» – «ДК».

Кроме того, следует сказать, что порейурбанонимы играют большую роль в топонимической системе города Ставрополя. Они являются одним из важнейших источников информации о мировосприятии жителей города, служат ориентиром

в познании их действительности. В целом, ономастикон г. Ставрополя свидетельствует о естественной для сложной системы нестабильности, постоянном развитии новых и затухании старых наименований, поэтому, безусловно, с течением времени неофициальные названия остановок заменятся официальными и закрепятся в речевой культуре следующего поколения.

Список литературы

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика: учебное пособие. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
2. Вайрах Ю.В. Эргоурбонимия города Иркутска: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты исследования. М.: Инфра-М, 2019. 96 с.
3. Гниловской В. Г. Бабенышева Т. П. География Ставропольского края: учебное пособие. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1972. 168 с.
4. Гниловской В. Г. Очерк топонимии города Ставрополя // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1971. Вып. 12-13. С. 328–347.
5. Ефанова Л. П. Ономастикон Ставропольского края (синхрония и диахрония): учебное пособие. Ставрополь: СГУ, 2009. 291 с.
6. Казакова С. Л. Урбанонимы в составе лексической системы языка // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: Материалы II Международной научной конференции. Нижний Новгород: НГЛУ, 2009. С. 121-122.
7. Колесников В. А. Станицы Ставрополья. Историко-статистический и топонимический справочник (последняя треть XVIII в. – 1917 г.). М.: Изд. Надыршин А. Г., 2012. 352 с.
8. Кузнецова Т. Б. Русский ономастикон Ставропольского края как фрагмент языковой картины мира: На материале антропо-, топо- и зоонимов Шпаковского, Кочубеевского и Грачевского районов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 20 с.
9. Кульпинов Ю. А. Этнолингвистический анализ ономастикона, демонологии и обрядности казачьих станиц Изобильненского района Ставропольского края: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 254 с.
10. Луговой Д. Б. Русский ономастикон Ставропольского края: На материале антропо-, топо- и зоонимии Северо-Западного региона: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003. 254 с.
11. Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 115–125.
12. Мезенко А.М. Урбанонимия как язык культуры // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Филология. Социальные коммуникации», 2011. Т. 24. № 2. С. 388-392.
13. Нерознак В. П. Топонимика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 515–516.
14. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.
15. Самарин Д. А. Реализация принципа экономии речевых усилий в лингвистической концепции В.А. Богородицкого // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. №1 (105). С. 96-99.
16. Гаазов В. Л. Ставрополь и его окрестности. Ставрополье в названиях / В.Л. Гаазов, М. Лец. М.: Надыршин, 2006. 720 с.

References

1. Bondaletov V. D. Russkaja onomastika (Russian onomastics): uchebnoe posobie. Moscow: Prosveshhenie, 1983. 224 p. (In Russian).
2. Vajrah Ju. V. Jergourbonimija goroda Irkutska: strukturno-semanticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty issledovanija (Ergourbonymic of Irkutsk: Structural, Semantic and Linguoculturological Aspects of the Research). Moscow: Infra-M, 2019. 96 p. (In Russian).
3. Gnilovskoj V. G. Babenysheva T.P. Geografija Stavropol'skogo kraja (Geography of Stavropol Krai): uchebnoe posobie. Stavropol: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972. 168 p. (In Russian).
4. Gnilovskoj V. G. Ocherk toponimii goroda Stavropolja (An Essay on Stavropol's Toponymy) // Materialy po izucheniju Stavropol'skogo kraja. Stavropol: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. Issue. 12-13. P. 328-347. (In Russian).
5. Efanova L. P. Onomastikon Stavropol'skogo kraja (sinhronija i diahronija) (Stavropol Onomasticon (Synchrony and Diachrony)): uchebnoe posobie. Stavropol: SSU publ., 2009. 291 p. (In Russian).
6. Kazakova S.L. Urbanonimy v sostave leksicheskoj sistemy jazyka (Urbanonyms in the Lexical Language System) // Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda: Materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Nizhny Novgorod: NSLU publ., 2009. P. 121–122. (In Russian).
7. Kolesnikov V. A. Stanicy Stavropol'ja. Istoriko-statisticheskij i toponimicheskij spravochnik (poslednjaja tret' XVIII v. – 1917 g.) (Stanitsas of Stavropolie. Historical, Statistical, and Toponymic Book of Reference (Last third of XVIII c. – 1917)). Moscow: Nadyrshin A.G., 2012. 352 p. (In Russian).
8. Kuznecova T. B. Russkij onomastikon Stavropol'skogo kraja kak fragment jazykovoj kartiny mira: Na materiale antropo-, topo- i zoonimov Shpakovskogo, Kochubeevskogo i Grachevskogo rajonov (Russian Onomasticon of Stavropol Krai as a Fragment of the Linguistic World View: A Case-Study the Anthropo-, Topo- and Zoonyms of Shpakovskii, Kochubeevskii, and Grachevskii Districts): abstract of thesis. Stavropol, 2005. 20 p. (In Russian).
9. Kul'pinov Ju. A. Jetnolingvisticheskij analiz onomastikona, demonologii i obrjadnosti kazach'ih stanic Izobil'nenskogo rajona Stavropol'skogo kraja (Ethnolinguistic Analysis of Onomasticon, Demonology, and Ritualism of Cossack villages in Izobilnenskii district, Stavropol Krai): thesis. Stavropol, 2010. 254 p. (In Russian).
10. Lugovoj D. B. Russkij onomastikon Stavropol'skogo kraja: Na materiale antropo-, topo- i zoonimii Severo-Zapadnogo regiona (Russian Onomasticon: A Case-study of Anthropo-, Topo-, and Zoonyms of the North-Western region): thesis. Stavropol, 2003. 254 p. (In Russian).

11. Madieva G. B., Suprun V. I. Sistema sovremennoj russkoj urbanonimicheskoj terminologii (The System of Modern Russian Urbanonymic Terminology) // Voprosy onomastiki. 2017. Vol. 14. No. 2. P. 115–125. (In Russian).
12. Mezenko A. M. Urbanonimija kak jazyk kul'tury (Urban Toponymy as the Language of Culture) // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: «Filologija. Social'nye kommunikacii», 2011. Vol. 24. No. 2. P. 388–392. (In Russian).
13. Neroznak V. P. Toponimika (Toponymy) // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1990. P. 515–516.
14. Podol'skaja N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii (Russian Dictionary of Onomastic Terminology). Moscow: Nauka, 1978. 200 p. (In Russian).
15. Samarin D. A. Realizacija principa jekonomii rechevyh usilij v lingvisticheskoj koncepcii V.A. Bogorodickogo (The Implementation of Speech Efforts Economy Principle in the Linguistic Concept of V. A. Bogoroditskii) // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. No. 1 (105). P. 96-99. (In Russian).
16. Gaazov V. L. Stavropol' i ego okrestnosti. Stavropol'e v nazvanijah (Stavropol and its Outskirts. Stavropolie in Appellations) / V.L. Gaazov, M. Lec. Moscow: Nadyrshin, 2006. 720 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Желябова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / zhelyabova.i@yandex.ru

Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Илагаева Гозель Орозбаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / ilagaeva.gozel@mail.ru

Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Zhelyabova Irina V. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Russian Language Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / zhelyabova.i@yandex.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

Ilagaeva Gozel O. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Russian Language Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / ilagaeva.gozel@mail.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

CC BY

УДК: 81’ 371

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.20

Н. И. Кизилова
Р. В. Чвалун

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ МАКРОПРОПОЗИЦИЙ ФРЕЙМА «ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ»

В статье представлены результаты изучения макропропозиций, репрезентирующих фрейм ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ в новостном и аналитическом интернет-дискурсе. Фрейм ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ рассматривается как устойчивая ментальная модель события, в ходе которого две или более стороны вступают в контактное противодействие с применением оружия; вооруженное столкновение ограничено в масштабе проявления (в отличие от полномасштабной войны), а также территориально и темпорально. Установлено, что при описании семантико-синтаксических структур, представляющих фрейм в тексте, фрейм следует рассматривать как когнитивную структуру, имеющую пропозициональную природу: основными единицами хранения семантических данных в нем являются пропозиции, отображающие основные действия и процессы, входящие в наши стандартные представления о типичных ситуациях в реальной, виртуальной и воображаемой действительности. В ходе исследования при изучении синтаксического устройства и содержания предложений, представляющих фрейм ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ в текстах аналитических и новостных статей, было также установлено, что наиболее значимые и устойчивые различия между макропропозициями изучаемого фрейма определяются характером предикатов в этих структурах, что нашло отражение в классификации пропозиций. В ходе исследования были выявлены следующие структурно-семантические типы макропропозиций фрейма ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ: макропропозиции с бытийными предикатами целостного события, макропропозиции с предикатом с фазовым значением, макропропозиции с предикатом гипотетического события, квазимакропропозиции. Исследование позволило подтвердить существующий в лингвистике тезис, что применение той или иной макропропозиции для актуализации в тексте фрейма ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ обусловлено рядом факторов лингвопрагматического, когнитивно-лингвистического и структурно-лингвистического характера. В частности, лингвопрагматические основания выступают главенствующим фактором выбора разновидности макропропозиции в том случае, когда автор текста имеет целью сосредоточить внимание потенциального адресата либо на самом факте ВООРУЖЕННОГО СТОЛКНОВЕНИЯ, либо на факте участия в нем определенных сторон.

Ключевые слова: макропропозиция фрейма, семантико-синтаксические структуры, предикат, ядерная пропозиция, первый терм, семантический падеж.

Для цитирования: Кизилова Н. И., Чвалун Р. В. Структурно-семантические разновидности макропропозиций фрейма «вооруженное столкновение» // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 316–321. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.20

Natalia I. Kizilova
Roza V. Chvalun

STRUCTURAL-SEMANTIC VARIETIES OF MACRO-PROPOSITIONS OF THE FRAME «ARMED COLLISION»

The article presents the results of the study of macropropositions representing the frame ARMED COLLISION in the news and analytical Internet discourse. The frame ARMED COLLISION is considered as a stable mental model of an event during which two or more parties come into contact with the use of weapons; armed conflict is limited in scope (as opposed to full-scale war), as well as territorially and temporally. It has been established that when describing the semantic-syntactic structures representing a frame in a text, the frame should be considered as a cognitive structure of a propositional nature: the main units of storage of semantic data in it are propositions that reflect the main actions and processes included in our standard ideas about typical situations. in real, virtual and imaginary reality. In the course of the study, while studying the syntactic structure and content of sentences representing the ARMED COLLISION frame in the texts of analytical and news articles, it was also found that the most significant and stable differences between the macropropositions of the studied frame are determined by the nature of the predicates in these structures, which is reflected in the classification of propositions. In the course of the study, the following structural-semantic types of macropropositions of the ARMED COLLISION frame were identified: macropropositions with existential predicates of a holistic event, macropropositions with a predicate with a phase value, macropropositions with a hypothetical event predicate, and quasi-macropropositions. The study made it possible to confirm the thesis existing in linguistics that the use of one or another macroproposition to update the frame ARMED COLLISION in the text is due to a number of factors of a linguopragmatic, cognitive-linguistic and structural-linguistic nature. In particular, linguo-pragmatic grounds are the main factor in choosing a type of macroproposition in the case when the author of the text

aims to focus the attention of a potential addressee either on the very fact of an ARMED COLLISION or on the fact of participation of certain parties in it.

Key words: frame macroproposition, semantic-syntactic structures, predicate, nuclear proposition, first term, semantic case.

For citation: Kizilova N. I., Chvalun R. V. Structural-semantic varieties of macro-propositions of the frame «armed collision» // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 316–321. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.20

Цель данной статьи – представить результаты изучения синтаксических и семантических свойств макропропозиций, репрезентирующих фрейм ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ в новостном и аналитическом интернет-дискурсе. Эта цель предполагает описание субъектно-объектно-предикатного построения высказываний с макропропозициями фрейм ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ, построение их структурно-семантических моделей, а также выявление и описание их семантических различий.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами: во-первых, изучение синтаксиса и семантики языковых выражений, представляющих фреймы в тексте, призвано дополнить общую теорию текста в части принципов его организации посредством компоновки определенных макроструктур; во-вторых, изучение фреймов в их текстовом представлении неизбежно будет способствовать прояснению научных представлений о ментальных структурах, определяющих и отображающих когнитивно-речевую деятельность; в-третьих, определение семантико-синтаксических параметров макропропозиций, разработка способов их формального представления отвечают потребностям современной компьютерной лингвистики в части построения программ углубленного понимания текста.

Главным теоретическим основанием исследования выступает тезис, что семантико-синтаксические фреймы репрезентируются в публицистическом тексте посредством языковых выражений, структура и семантика которых обусловлена как соотнесенностью с определенными строевыми элементами фреймов – слотами и терминалами соответствующих уровней, так и референциально-прагматическими параметрами самого текста [8; 14; 15].

В контексте лингвистического исследования фреймы мы понимаем как ментальные модели стандартных жизненных ситуаций [11], конвенционально обусловленные схематизации опыта [15], то есть такие ментальные структуры, которые отображают типичные ситуации и имеют социальную природу, вследствие чего могут выступать и выступают в качестве своего рода «когнитивного словаря фреймов», из элементов которого строятся понимаемые языковым сообществом тексты. Фрейм в контексте нашего исследования имеет пропозициональную природу: основными единицами хранения семантических данных в нем являются пропозиции, отображающие основные действия и процессы, входящие в наши стандартные представления о типичных ситуациях в реальной, виртуальной и воображаемой действительности. Фрейм в такой интерпретации называют также фреймом-сценарием, имея в виду, что он отображает последовательности действий и процессов, составляющих всякую жизненную ситуацию [1; 16].

Таким образом, фрейм ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ мы понимаем как устойчивую ментальную модель события, в ходе которого две или более стороны вступают в контактное противодействие с применением оружия; вооруженное столкновение ограничено в масштабе проявления (в отличие от полномасштабной войны), а также территориально и темпорально. Как показали уже проведенные исследования, фрейм ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ имеет сложную структуру, включающую иерархически организованные терминалы, в которых расположены слоты и пропозиции, отображающие как самые общие представления о событии ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ (A и B вступили в вооруженное столкновение), так и соответствующие детализации (В столкновении было применено стрелковое оружие) [8].

В нашем исследовании также используются понятия макропропозиции и ядерной пропозиции. Макропропозиция как выражение макроструктуры, тематического фрагмента текста, определяется именно таким образом в русле теоретических построений Т. ван Дейка и У. Кинча, выполненных по результатам экспериментального исследования процессов понимания текста [9]. В нашем исследовании термин «макропропозиция» мы используем для обозначения пропозиции, которая описывает само событие ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ (Сегодня в афганской провинции N произошло вооруженное столкновение). Макропропозиция занимает высший терминал фрейма ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ, поскольку называет событие посредством языкового выражения с самым обобщенным значением, которое конвенционально включает все структурные составляющие этого обобщенного значения: Произошло вооруженное столкновение: A вступил в вооруженное противодействие с B, A и B применили оружие C, A и B понесли потери D в результате применения C и т.д.

Под ядерной мы понимаем пропозицию, в которой первым и вторым термами [14] выступают имена (именные выражения), называющие участников вооруженного столкновения. В макропропозиции в качестве первого или второго терма выступает именное выражение, называющее само событие ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ.

В макропропозиции в качестве субъекта выступает имя самого события, которое мы построении моделей будем обозначать как NP_m, при том что N – это имя, P_m – макропропозиция, $Praed_m$ – предикат макропропозиции. Участников вооруженного столкновения в ядерной макропропозиции мы будем обозначать следующим образом: $N1T_1$ (имя – первый терм, участник боестолкновения с одной стороны) и $N1T_2$ (имя – первый терм – участник боестолкновения с другой стороны). При построении структурных моделей макропропозиций фрейма ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ термы $N1T_1$ и $N1T_2$ определяются по семантическим падежам в ядерной пропозиции, которые в макропропозиции не совпадают с грамматическими падежами. Обстоятельства времени и места будут обозначаться соответственно как Temp и Loc.

В качестве исследовательского материала были использованы тексты из интернет-источников – информационных порталов, сайтов газет, новостных сайтов, сайтов социальных сетей, что обусловлено тем фактом, что в этих источниках в настоящее время представлены наиболее актуальные формы и значения языковых единиц русского языка, как они фигурируют в русском языковом сознании.

В ходе исследования были получены следующие результаты. При изучении синтаксического устройства и содержания предложений, представляющих фрейм ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ в текстах аналитических и новостных статей, было установлено, что наиболее значимые и устойчивые различия между макропропозициями изучаемого фрейма определяются характером предикатов в этих структурах, что нашло отражение в предлагаемой классификации. Таким образом, в ходе исследования были выявлены следующие структурно-семантические типы макропропозиций названного фрейма:

1. Макропропозиции с бытийными предикатами целостного события.
2. Макропропозиции с предикатом с фазовым значением.
3. Макропропозиции с предикатом гипотетического события.
4. Квазимакропропозиции.

Рассмотрим подробнее выявленные разновидности макропропозиций фрейма ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ.

► **1. Макропропозиции с бытийными предикатами целостного события.** Макропропозиции данного типа в качестве предиката включают глаголы и глагольные выражения с бытийным значением (произойти), при этом в качестве первого терма неизменно выступает именное выражение, называющее само событие (вооруженное столкновение), или синонимичные ему выражения (вооруженный конфликт, боестолкновение). Анализ лингвистического материала показал, что в подавляющем большинстве случаев (порядка 95%) макропропозиция включает также именования его участников и указание на место события (произошло в N между A и B).

Примечательно, что в выявленных макропропозициях этого типа не было отмечено употребления бытийного предиката произошло в настоящем времени, что лишний раз подчеркивает, что относительная кратковременность вооруженного столкновения выступает одним из его дифференцирующих признаков. С другой стороны, сообщить, что это вооруженное столкновение, а не нечто большее, можно только после окончания события, когда уже есть какая-то ясность на этот счет.

Следует также отметить, что указание на время события отсутствует в макропропозиции ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ в том случае, если речь идет об отдельном событии в новостном тексте. Предполагается, что дату вооруженного столкновения читатель узнает из даты самого текста. Рассмотрим пример из новостной статьи:

В центре города Сумы около здания облгорадминистрации произошло вооруженное столкновение между неонацистскими группировками «Нацкорпус» и «Правый сектор» [6].

В названии новостного сообщения В Сумах «Началась война»: вооружённое столкновение неонацистских группировок указания на дату события также нет, дата определяется по дате публикации – 23 февраля 2022 года.

В соответствии с предложенной выше символикой формально-семантическая модель рассмотренной макропропозиции может быть представлена следующим образом: $Praed_m(NP_m, N1T_1, N1T_2, Loc)$, где $Praed_m$ – произошло, NP_m – вооруженное столкновение, $N1T_1$ и $N1T_2$ – неонацистские группировки «Нацкорпус» и «Правый сектор», Loc – в центре города Сумы около здания облгорадминистрации.

В приведенном далее фрагменте статьи отсутствует указание на конкретное место вооруженного столкновения, но включено указание на время, поскольку в данном случае в тексте описывается последовательность боестолкновений на границе:

Самый крупный советско-китайский вооруженный конфликт между СССР и Китаем произошел 2 марта 1969 года [12].

Формально семантическая модель представленного выше выражения выглядит следующим образом: $Praed_m(NP_m, N1T_1, N1T_2, Temp)$, где Temp – 2 марта 1969 года.

► **2. Макропропозиции с предикатом с фазовым значением.** Пропозиции данного типа в качестве предиката включают глаголы со значением начала или завершения события. В нашей выборке были зафиксированы глаголы начаться и развернуться. Рассмотрим пример.

Между армией Марокко и силами фронта ПОЛИСАРИО Западной Сахары начались боевые действия [5].

Формальная модель макропропозиции может быть представлена так: $Praed_mIncip(NP_m, N1T_1, N1T_2, Loc)$, где $Praed_mIncip$ – начались.

В приведенном далее фрагменте макропропозиция содержится в придаточном определительном предложении, при этом первый терм замещен союзным местоимением:

Вооруженный конфликт в Южной Осетии – боевые действия, которые развернулись в августе 2008 года [4].

В эксплицированном виде с соответствующим восстановлением антецедента метоимения макропропозиция может быть представлена следующим образом: Боевые действия (вооруженный конфликт в Южной Осетии) развернулись в августе 2008 года. Формально-семантическая модель макропропозиции: $Praed_mIncip(NP_m, Loc)$, где $Praed_mIncip$ – развернулись, при этом первые термы ядерной пропозиции фрейма ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЯ – $N1T_1$,$N1T_2$ в данном случае отсутствуют в макропропозиции.

► **3. Макропропозиции с предикатом гипотетического события.** Пропозиции данного типа включают предикат со значением разной степени вероятности вооруженного столкновения. По способу выражения вероятности события предикаты в маропропозициях данного типа можно разделить на сложные с модальным словом в составе и именные, в которых вероятность события выражается либо кратким прилагательным, либо существительным с соответствующим значением. В случае, когда предикат имеет в составе модальное слово и семантический глагол, мы имеем дело с макропропозицией традиционной структуры, как в следующем примере:

…может начаться полномасштабный вооруженный конфликт между Россией и странами Североатлантического альянса [13].

С учетом описанных особенностей макропропозиций с предикатом такого типа формально семантическая модель должна выглядеть так: $V_{mod}Praed_mIncip(NP_m, N1T_1, N1T_2)$, где V_{mod} – модальный глагол может.

В следующем далее фрагменте предикат макропропозиции выражен кратким прилагательным со значением вероятности и имплицитным глаголом-связкой, высказывание представляет собой вопрос:

Возможно ли прямое вооруженное столкновение России и НАТО в ближайшее время [3]?

Макропропозиция в таком случае имеет такую структуру: В ближайшее время возможно прямое вооруженное столкновение России и НАТО. Формальная модель этой макропропозиции может быть представлена следующим образом: $Praed_mAdj_{mod}Cop(NP_m, N1T_1, N1T_2, Temp)$, где Adj_{mod} – возможно, Cop – нулевой глагол-связка быть, Temp – в ближайшее время.

Макропропозиция со значением вероятности вооруженного столкновения может быть не выражена полностью в стандартных языковых структурах, типичных для выражения пропозиций такого рода, тем не менее такая макропропозиция может беспрепятственно выводиться из языковых выражений, ее содержащих, как в следующем примере:

…возникает реальная угроза полномасштабного столкновения НАТО и России [13].

В данном случае именное сочетание полномасштабное столкновение не является субъектом при бытийном или фазовом предикате, как это было в одной из рассмотренных выше макропропозиций, тем не менее именное выражение угроза полномасштабного столкновения, в котором словосочетание полномасштабного столкновения поставлено в форме родительного падежа в значении субъекта, при развертывании в полноценную пропозицию имеет вид Полномасштабное столкновение угрожает произойти или в виде правильного предложения – Полномасштабное столкновение НАТО и России может произойти. Данная макропропозиция в формально-семантическом выражении имеет вид $V_{mod}Praed_m(NP_m,N1T_1,N1T_2)$, в котором VmodPraedm «встроена» в выражении возникает реальная угроза из анализируемого фрагмента.

Такая макропропозиция может содержаться в высказывании еще более отдаленном структурно от структуры пропозиции, как в следующем примере:

Потенциальный вооруженный конфликт между Китаем и Тайванем перестает быть похожим на миф [10].

Здесь эвфимистическое выражение перестает быть похожим на миф имплицирует значение становится похожим на неизбежное будущее, что также вполне может быть отражено в выведенной макропропозиции Конфликт между Китаем и Тайванем с возрастающей долей вероятности может произойти.

► **4. Квазимакропропозиции.** При анализе лингвистического материала были выявлены образцы языковых выражений, которые по своему семантико-синтаксическому устройству являются не макропропозициями, а ядерными пропозициям, и тем не менее вполне могут, по нашему мнению, рассматриваться как макропропозиции по причине того, что, во-первых, в них имплицитно заложены соответствующие семантические структуры, во-вторых, они в силу своей позиции в тексте выполняют функции макропропозиций, как в приведенном ниже фрагменте:

В августе 2008 года российские военные участвовали в конфликте между Грузией, Абхазией и Южной Осетией [2].

Особенность рассматриваемого высказывания состоит в том, что в структуре текста оно является первым упоминанием вооруженного конфликта с участием названных стран, поэтому в полной мере закономерным в данном случае является вычленение семантико-синтаксической структуры В августе 2008 года произошел конфликт между Грузией с одной стороны и Абхазией и Южной Осетией с другой, которая построена по модели $Praed_m(NP_m, N1T_1, N1T_2, N1T_3, Temp)$, где $N1T_1$, $N1T_2$, $N1T_3$ – Грузия, Абхазия, Южная Осетия.

Такую же функционально-семантическую особенность имеет и приведенное ниже высказывание, в котором также происходит первое упоминание вооруженного конфликта:

Прологом к боям на Халхин-Голе можно считать двухнедельный вооруженный конфликт у озера Хасан, в котором помимо Японии активно участвовали войска марионеточной Маньчжурии, заявлявшей о нарушении ее границ [7].

Рассматриваемое высказывание содержит макропропозицию У озера Хасан произошел вооруженный конфликт между Японией и марионеточной Маньчжурией с одной стороны [и Советским Союзом с другой]. Фрагмент маропропозиции в квадратных скобках реконструирован из предшествующей части текста. Данная макропропозиция имеет в своей основе формально-семантическую модель $Praed_m(NP_m, N1T_1, N1T_2, N1T_3, Temp)$.

Исследование позволило подтвердить существующий в лингвистике тезис, что применение той или иной макропропозиции для именования (актуализации) в тексте фрейма ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ обусловлено рядом факторов лингвопрагматического, когнитивно-лингвистического и структурно-лингвистического характера. В частности, лингвопрагматические основания выступают главенствующим фактором выбора разновидности макропропозиции в том случае, когда автор текста имеет целью сосредоточить внимание потенциального адресата либо на самом факте ВООРУЖЕННОГО СТОЛКНОВЕНИЯ (произошло боестолкновение), либо на факте участия в нем определенных сторон (А и В приняли участие в конфликте) – в первом случае используются макропропозиции с предикатами с бытийным или фазовым значением, во втором случае используются квазимакропропозиции. Когнитивно-лингвистический фактор определяет выбор макропропозиции либо с предикатом гипотетического события, когда автор точно знает, что ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ еще не произошел, но может произойти, либо с макропропозицией любой другой разновидностью из описанных в данной работе, когда автор имеет точное знание о событии.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении совокупностей языковых выражений, которые репрезентируют семантико-синтаксический фрейм ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ в публицистическом тексте, поскольку результаты такого исследования могут оказаться крайне полезными при построении формальных семантико-синтаксических моделей текстов определенной жанровой принадлежности, что в свою очередь необходимо как для дальнейшего развития общей теории текста, так и для нужд компьютерной лингвистики, имеющей дело с формальным представлением языковых структур.

Список литературы

1. Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. 1983. Вып. XII. С. 123-170.
2. В каких вооруженных конфликтах участвовала Россия // Газета «Коммерсант». URL: https://www.kommersant.ru/doc/5230044/ (Дата обращения: 20.04.2022).
3. Возможно ли прямое вооруженное столкновение России и НАТО в ближайшее время? // Юридическая социальная сеть 9111.ru. URL: https://www.9111.ru/questions/7777777771861347/ (Дата обращения: 21.04.2022).
4. Вооруженный конфликт в Южной Осетии в 2008 году: суть, причины, последствия // Информационный портал FB.ru. URL: https://fb.ru/article/443282/voorujennyiy-konflikt-v-yujnoy-osetii-v-godu-sut-prichinyi-posledstviya/ (Дата обращения: 20.04.2022).
5. Вооруженное столкновение на границе Марокко и Западной Сахары // Общественно-политический центр «Катехон». URL: https://katehon.com/ru/news/vooruzhennoe-stolknovenie-na-granice-marokko-i-zapadnoy-sahary/ (Дата обращения: 21.04.2022).
6. В Сумах «Началась война»: вооружённое столкновение неонацистских группировок // Интернет-сервис LiveJournal. URL: https://nnils.livejournal.com/4006006.html/ (Дата обращения: 20.04.2022).
7. «В эту ночь решили самураи…». История конфликта на Халхин-Голе // Сайт Российского военно-исторического общества. URL: https://histrf.ru/read/articles/v-etu-noch-rieshili-samurai-istoriia-konflikta-na-khalkhin-golie/ (Дата обращения: 20.04.2022).
8. Голованова Н.И. Структурно-семантическое представление фрейма «вооруженное столкновение» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. №4. С.45 – 49.
9. Дейк Т.А. ван, В. Кинч. Макростратегии // Дейк Т.А. ван, В. Кинч. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 41–67.
10. Красный флаг для дракона: Подопригора назвал единственное условие вооруженного столкновения Китая и Тайваня [Электронный ресурс]: Общественно-политический журнал «Политическая экспертиза». URL: https://politexpert.net/23066329-krasnii_flag_dlya_drakona_podoprigora_nazval_edinstvennoe_uslovie_vooruzhennogo_stolknoveniya_kitaya_i_taivanya/ (Дата обращения: 20.04.2022).
11. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.

12. Пять самых серьезных вооруженных столкновений на советской границе // Сетевое издание Smart News. URL: http://smartnews.ru/articles/16299.html/ (Дата обращения: 20.04.2022).
13. НАТО против России: кто победит в случае прямого военного столкновения? // Интернет-журнал Zensovet.ru. URL: https://zensovet.ru/19/02/nato-protiv-rossii-kto-pobedit-v-sluchae-pryamogo-voennogo-stolknoveniya/ (Дата обращения: 21.04.2022).
14. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. 1983. Вып. XII. С. 74–122.
15. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. 1988. Вып. XXIII. С.52 – 92.
16. Johnson-Laird P.N. Mental Models: Towards a cognitive science of language, inference and consciousness. Cambridge, VA: Harvard Univ. Press, 1983. 246 p.

References

1. Vinograd T. K protsessual'nomu ponimaniyu semantiki (Towards a procedural understanding of semantics) // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. 1983. Issue. XII. P. 123 – 170. (In Russian).
2. V kakikh vooruzhennykh konfliktakh uchastvovala Rossiya (What armed conflicts was Russia involved in) Gazeta «Kommersant». URL: https://www.kommersant.ru/doc/5230044/ (Accessed: 20.04.2022). (In Russian).
3. Vozmozhno li pryamoe vooruzhennoe stolknovenie Rossii i NATO v blizhaishee vremya? (Is a direct armed clash between Russia and NATO possible in the near future?) // Yuridicheskaya sotsial'naya set' 9111.ru. URL: https://www.9111.ru/questions/7777777771861347/ (Accessed: 21.04.2022). (In Russian).
4. Vooruzhennyi konflikt v Yuzhnoi Osetii v 2008 godu: sut', prichiny, posledstviya (Armed conflict in South Ossetia in 2008: essence, causes, consequences) // Informatsionnyi portal FB.ru. URL: https://fb.ru/article/443282/voorujennyiy-konflikt-v-yujnoy-osetii-v-godu-sut-prichinyi-posledstviya/ (Accessed: 20.04.2022). (In Russian).
5. Vooruzhennoe stolknovenie na granitse Marokko i Zapadnoi Sakhary (Armed clash on the border of Morocco and Western Sahara) // Obshchestvenno-politicheskii tsentr «Katekhon». URL: https://katehon.com/ru/news/vooruzhennoe-stolknovenie-na-granice-marokko-i-zapadnoy-sahary/ (Accessed: 21.04.2022). (In Russian).
6. V Sumakh «Nachalas' voina»: vooruzhennoe stolknovenie neonatsistskikh gruppirovok (In Sumy, «The war began»: an armed clash of neo-Nazi groups) // Internet-servis LiveJournal. URL: https://nnils.livejournal.com/4006006.html/ (Accessed: 20.04.2022). (In Russian).
7. «V etu noch' reshili samurai…». Istoriya konflikta na Khalkhin-Gole («That night the samurai decided...» History of the conflict at Khalkhin Gol) // Sait Rossiiskogo voenno-istoricheskogo obshchestva. URL: https://histrf.ru/read/articles/v-etu-noch-rieshili-samurai-istoriia-konflikta-na-khalkhin-golie/ (Accessed: 20.04.2022). (In Russian).
8. Golovanova N.I. Strukturno-semanticheskoe predstavlenie freima «vooruzhennoe stolknovenie» (Structural and semantic representation of the frame «armed clash») // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. No.4. P. 45–49. (In Russian).
9. Deik T.A. van, V. Kinch. Makrostrategii (Macrostrategies) // Deik T. A. van, V. Kinch. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. M.: Progress, 1989. P. 41 – 67. (In Russian).
10. Krasnyi flag dlya drakona: Podoprigora nazval edinstvennoe uslovie vooruzhennogo stolknoveniya Kitaya i Taivanya (Red flag for the dragon: Podoprigora called the only condition for an armed clash between China and Taiwan) [Elektronnyi resurs]: Obshchestvenno-politicheskii zhurnal «Politicheskaya ekspertiza». URL: https://politexpert.net/23066329-krasnii_flag_dlya_drakona_podoprigora_nazval_edinstvennoe_uslovie_vooruzhennogo_stolknoveniya_kitaya_i_taivanya/ (Accessed: 20.04.2022). (In Russian).
11. Minskii M. Freimy dlya predstavleniya znanii (A framework for representing knowledge). Moscow: Energiya, 1979. 151 p. (In Russian).
12. Pyat' samykh ser'eznykh vooruzhennykh stolknovenii na sovetskoi granitse (The five most serious armed clashes on the Soviet border) // Setevoe izdanie Smart News. URL: http://smartnews.ru/articles/16299.html/ (Accessed: 20.04.2022). (In Russian).
13. NATO protiv Rossii: kto pobedit v sluchae pryamogo voennogo stolknoveniya? (NATO vs. Russia: who will win in the event of a direct military clash?) // Internet-zhurnal Zensovet.ru. URL: https://zensovet.ru/19/02/nato-protiv-rossii-kto-pobedit-v-sluchae-pryamogo-voennogo-stolknoveniya/ (Accessed: 21.04.2022). (In Russian).
14. Fillmor Ch. Osnovnye problemy leksicheskoi semantiki (Topics in lexical semantics) // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. 1983. Issue. XII. P.74 – 122. (In Russian).
15. Fillmor Ch. Freimy i semantika ponimaniya (Frames and the semantics of understanding) // Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Kognitivnye aspekty yazyka. 1988. Issue. XXIII. P.52 – 92. (In Russian).
16. Johnson-Laird P.N. Mental Models: Towards a cognitive science of language, inference and consciousness. Cambridge, VA: Harvard Univ. Press, 1983. 246 p.

Сведения об авторах

Кизилова Наталья Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ставропольского Государственного Аграрного Университета / natali0403_87@mail.ru

Адрес: д.12, пер. Зоотехнический, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Чвалун Роза Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ставропольского Государственного Аграрного Университета / chvalun_roza@mail.ru

Адрес: д.12, пер. Зоотехнический, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Kizilova Natalia I. – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Foreign languages, Stavropol State Agrarian University / natali0403_87@mail.ru

The address: 12, per. Zootechnicheskii, 355017, Stavropol, Russian Federation.

Chvalun Rose V. – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Foreign languages, Stavropol State Agrarian University / chvalun_roza@mail.ru

The address: 12, per. Zootechnicheskii, 355017, Stavropol, Russian Federation.

CC BY

УДК 81’13

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.21

Д. М. Миронова

МОДЕЛИРОВАНИЕ СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫХ СВОЙСТВ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМ

Статья выполнена в русле системных исследований языка, призванных охарактеризовать его с точки зрения важнейших характеристик онтологии открытых систем. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью такой системной модели языка, которая бы учитывала антропоцентрические функции этого феномена. В поле внимания помещается ряд важнейших аспектов организации языковой системы, как они представлены соотносительно с её функцией – быть средством приобретения, обработки, хранения и трансляции содержания сознания. Данный предмет рассмотрения определяет собой новизну предпринятого исследования, а также соответствующей этому предмету методологии. В качестве ведущего метода устанавливается метод системологической интерпретации языковых / речевых явлений, обусловленных задачами вербальной концептуализации или категоризации объектов действительности. С позиций комплексного подхода, сочетающего в себе установки теории систем и лингвокогнитологии, анализу подвергаются субстанциональные качества естественного языка, под которыми подразумеваются свойства его состава. Когнитивно ориентированная организация составляющих языковой системы рассматривается в соотношении с такими универсальными принципами организации системных объектов, как наличие субстанциональных ограничений в системе, зависимость целеобразования от внешних и внутренних факторов, взаимное двойное регулирование, относительность воздействия на среду, специализация, координация и отбор наиболее эффективных компонентов. С обращением к частным языковым явлениям из области знаковых средств иллюстрируется реализация законов формирования и регулирования системной организованности, содействующей концептуализации мира с помощью языка.

Ключевые слова: общая теория систем, организация систем, система языка, когнитивная функция языка, концептуализация мира в языке.

Для цитирования: Миронова Д. М. Моделирование субстанциональных свойств языковой системы сквозь призму теории организации систем // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 322–331. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.21

Diana M. Mironova

MODELING OF THE ELEMENTARY PROPERTIES OF A LANGUAGE SYSTEM THROUGH THE PRISM OF THE THEORY ON THE SYSTEMS ORGANIZATION

The research is prepared in line with the system studies of language, designed to characterize it from the point of view of the most important characteristics of system ontology. The relevance of such studies in contemporary linguistics is caused to the insufficient development of the system model of language, taking into account the anthropocentric functions of this phenomenon. Research attention is focused on some of the most important aspects of the organization of the language system, as they are presented in relation to its function – to be a means of acquiring, processing, storing and revealing the content of consciousness. This subject of consideration determines the novelty of the research, as well as the methodology corresponding to this subject. The research put forward as the leading method the method of systemological interpretation of language / speech phenomena caused by the tasks of verbal conceptualization or categorization of real objects. Based on complex approach that combines the attitudes of systems theory and cognitive linguistics, the author makes an analysis of the elementary qualities of natural language, which mean the properties of its compound. The cognitively directed organization of the components of a language system is considered in relation to such universal principles of the organization of system objects as the presence of substantial limitations in the system, the dependence of goal formation on external and internal factors, mutual double regulation, the relativity of the exposure on the environment, specialization, coordination and selection of the most effective components. With the use of particular linguistic phenomena from the field of sign units the research illustrates the implementation of the laws of formation and regulation of systemic organization, contributing to the language conceptualization of the world.

Key words: general system theory, organization of systems, system of language, cognitive function of language, language conceptualization of the world.

For citation: Mironova D. M. Modeling of the elementary properties of a language system through the prism of the theory on the systems organization // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 322–331. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.21

Интерес к антропоцентрической природе языка продолжает оставаться характерной чертой лингвистической мысли нашего времени. Отмеченная тенденция содействует многоаспектному осмыслению человеческого фактора в языке и тем самым она приближает исследователей к решению ещё одной актуальной задачи языкознания. Она заключается в том, чтобы представить лингвистическое описание в единстве различных сторон системы языка: её состава, структуры и функций.

Эти стороны соответствуют сущностным параметрам системного единства, так что их сопряжение в комплексной модели объекта весьма значимо и является приоритетным, открывая путь к более полной и адекватной картине языковой реальности. В свете антропоцентризма на новой интеллектуальной платформе ставятся вопросы в том числе и о системной организации естественного языка, который теперь рассматривается как сложный адаптивно функционирующий феномен.

В истории становления и развития теории систем (системологии) организационному аспекту уделялось немало внимания: предприняты попытки установить место организации в кругу системных характеристик, определить её природу и назначение, выявить внутренние и внешние организующие факторы. При этом одни исследователи характеризуют организацию в терминах внутренней упорядоченности и согласованности взаимодействия элементов, причисляя её к свойствам строения [39, с. 20; 21, с. 76]. Другие, как, например, основоположник отечественной теории организации (тектологии) А. А. Богданов, связывают организацию в том числе и с функциональной активностью элементов, с их вкладом в функционирование целого [5]. Тем не менее единогласно считается, что организованность Мироздания преобладает над хаотичными явлениями, она обязательно присуща системе и именно от качества организации во многом зависит уровень целостности системного единства.

Организационная сторона системы может складываться за счёт функционально обусловленных ограничений на ресурсы (состав и процессы), содействующих цели системы, или достигаться благодаря разнообразию состояний элементов в рамках системы (во время лекции не играют в волейбол) [38].

Обзор теорий и концепций, предложенных в русле отечественной когнитивной лингвистики [3; 6; 7; 9; 10; 15; 19; 30; 31], а также практика их использования на конкретном материале приводят к заключению о том, что исследования мыслительно-языкового взаимодействия создают благоприятную почву для моделирования организации языковой системы в её естественной коммуникативно-когнитивной ипостаси. Функция языка служить инструментом приобретения, хранения и передачи знаний в этом случае выступает как такое конструктивное звено, которое опосредует взаимодействие многих системно-языковых параметров с концептуальной надсистемой, с сознанием и мышлением человека. Далее рассмотрим основные принципы организации реальной системы, как они воплощаются прежде всего на уровне субстанциональных параметров языка при выполнении им когнитивной функции. Под принципами онтологии систем в наших исследованиях мы подразумеваем такие объективно присущие системе основные законы и правила её поведения, которые не подвержены влиянию внешних и внутренних факторов и оказываются значимыми при синтезе, анализе и управлении систем.

Когнитивно обусловленные характеристики состава языковой системы в свете теории организации. Один из ведущих принципов системной организации находим в самом определении системы, интерпретируемой как функционально детерминируемый комплекс, который складывается, как правило, с целью выполнения какой-либо задачи, поставленной системе извне или заданной собственным целеполаганием. Как следствие, цель функционирования системы универсально определяет собой всевозможные внутрисистемные ограничения в плане состава и структуры системного объекта. В проекции на мыслительно-языковое взаимодействие отметим, что подобным же образом естественный язык, согласуя концептуальные системы участников общения, адаптирует свойства строения под эту магистральную задачу. В наши дни взаимопонимание в вербальном общении всё чаще составляет предмет интереса лингвистов (см. в этой связи научные работы Н. Н. Болдырева, И. А. Куприевой, Л. В. Бронник, Г. Н. Манаенко, Н. Н. Альбекова). К примеру, Н. Н. Альбеков связывает его достижение с назначением языка «быть посредником между двумя динамическими системами, т.е. между сознаниями коммуникантов», «отражая в семиотических кодах (речи) структуру передающей системы» так, «чтобы принимающая система приняла аналогичное состояние, т.е. понимание» [2, с. 64]. В свою очередь, Г. Н. Манаенко объясняет эти явления необходимостью воздействия на партнёра по общению соответственно интенциям говорящего и подчёркивает основополагающую роль речевых произведений для координации индивидуальных систем знаний [21, с. 31]. Таким образом, человеческий язык как познавательный инструмент является материально-идеальной подсистемой когниции, выступая как целенаправленное знаковое средство фиксации, структурирования и объективации концептуального содержания в вербальном общении.

Данный факт логически связан с глобальным организационным принципом, который утверждает комплексную зависимость целеобразования от внешних и внутренних факторов. Это предполагает внимание не только к имманентным свойствам и внутренней программе системы, но и к внешним по отношению к системе факторам, то есть к факторам среды. Они особенно значимы для систем с полным или частичным внешним регулированием (управлением), что наблюдается и в случае человеческого языка: представляя собой один из видов когнитивных способностей, он функционирует как подсистема когниции, как своего рода

производное от сознания и мышления человека [14, с. 10], «проецирующее в себе» их особенности. Поэтому с системных позиций совершенно закономерен тот факт, что в своей организации система языка оказывается максимально приспособленной для участия в когнитивных процессах и, по сравнению с другими семиотическими системами, оптимальным образом вовлекается в процессы получения, хранения и использования мыслительного содержания. Междисциплинарные исследования в области когнитологии, в том числе семиотики, логики и теории информации [см., например, 14; 23; 27], позволяют отметить в этой связи семантическое разнообразие и широкую комбинаторику языковых единиц, передающих различные форматы знания, гибкость естественного языка с точки зрения информационной избыточности. К этому ряду системнозначимых характеристик примыкают способность вербальных знаков служить базисом для продуцирования новых концептов, обеспечивать субъективные интерпретации знаний и обслуживать креативные потребности мышления человека.

Так, например, отношение репрезентации когниции в языке направляет собой актуализацию коммуникативно востребованных концептов с помощью номинативных полей, которые содержат единицы морфемного, лексического, синтаксического уровней. Так, концепт ВРЕМЯ в русском языке может актуализироваться аффиксами (посмотре -л-а, постсоветский, дореволюционный), лексемами (минута, месяц, год, вчера, сегодня, позавчерашний, трёхдневный и т.д.), синтаксическими конструкциями (Блины пекут на молоке, Цыплят по осени считают (VfpI3, ‘всегда, регулярно’) – На оставшемся молоке она испекла блины, Она отправилась во двор пересчитать цветных цыплят (N1Vf, ‘здесь и сейчас’) и т. д. Концепт оказывается связующим звеном между когнитивной метасистемой и многоуровневой семантикой её языковых «коррелятов», определяя состав передающих его вербальных единиц и содержание языковой картины мира. Тем самым в межпоколенческом измерении становится возможной кумулятивная функция языка: значительная часть опыта (информационная база) приходит к человеку через язык.

В свою очередь, с опорой на статику или динамику бытования концептов осуществляется организация значения и смысла. Тематические концепты представляет собой более или менее фиксированный «слепок» концептуально-языкового взаимодействия в долговременной памяти человека, тогда как операционные содержат в себе результат преобразования тематических концептов [6] посредством конкретных когнитивных механизмов и с учётом коммуникативно-прагматического контекста. Организующим началом преобразования тематического концепта в операционный служат вербализуемые межконцептуальные связи. За семантическим согласованием имён и предикатов «просвечивает» опосредованная концептуализацией «логика соотношений вещей и их свойств» [6, с. 22], относительно которой устанавливается координирующая организация знаков в составе единиц более высокого уровня.

Фундаментальными также являются структурирующие схемы организации концептуального содержания в семантическом пространстве. Среди них – выделение профиля и основания, выбор когнитивного контекста и перспективы осмысления объекта, определение уровня конкретизации, фокусировка тех или иных элементов объекта, установление фигуры и фона как параметров когнитивной выделенности вербализуемых знаний [43]. К примеру, выделение одной или ряда концептуальных признаков (профиля) в некоторой когнитивной области (основании) обнаруживает своё действие при формировании производных значений слова и выступает как внешний организующий фактор. Наиболее частотные проявления такого рода схем лежат в основе организации продуктивных моделей полисемии (ср., к примеру, контейнерную метафору или регулярное формирование метафор-цветообозначений вроде малиновый, лимонный, мышиный в русском и других языках мира).

Другой пример когнитивно обусловленных и организующих ограничений языковых ресурсов находим в сфере смысловой конкретизации. В этой связи особое внимание обращают на себя абстрактные имена (любовь, справедливость, жизнь, пространство, интеллект), поскольку они помогают реализовать специфическую для сознания человека способность отражать предметы и явления действительности обобщённо и опосредствованно, в отвлечении от конкретно-деятельностных ситуаций [9, с. 160]. Эволюционно данное свойство формируется благодаря абстрагированию знакового кода от практической деятельности. В этом контексте А. Р. Лурия говорит о постепенном переходе от симпрактического характера значения слова к значению-абстракции и об упрочившемся использовании языковых знаков в роли материальной опоры для построения ментальных моделей и оперирования абстракциями [18, с. 38–39].

Существенное влияние на организацию языковой системы оказывают не только когнитивно обусловленные ограничения её элементов, но и сам закономерный, упорядоченный характер концептуализации и её результатов. Неслучайно в обиходе когнитивной лингвистики активно используется термин «когнитивная структура». Он акцентирует упорядоченный характер когнитивных элементов внутри мыслительных единиц [13, с. 64]. Как полагают представители философской и психологической мысли [1; см. также 11; 33],

предпосылка структурирования познавательных процессов заключается в системной онтологии самого мироздания, которое упорядочено по своей сути. Это полностью согласуется с общенаучными представлениями о мире и предполагает определённую структурированность умственных подходов, а впоследствии – ту или иную организацию ментальных репрезентаций. В трудах по когнитивной психологии уровень системного, а значит, и наиболее структурированного представления действительности, связывается с собственно человеческим этапом когнитивного развития, вступающим в действие уже в трёхлетнем возрасте. Поэтому в ходе концептуализации объекта действительности и при передаче знания о нём единицы мыслительного содержания определённым образом упорядочиваются [13, с. 64]. Процессы кодирования и хранения концептов в семантической памяти человека также подразумевают структурную организацию как между концептами в концептосфере, так и между их отдельными характеристиками.

Лингвокреативность представляет собою ещё один системообразующий ментальный фактор организации языка / речи, поскольку лежит в основе отбора и множественного конструирования семантики языковых единиц сообразно ситуации общения, опорному знанию и выбранной когнитивной схеме [25, с. 35]. Выборочная концептуализация действительности в языке и речи подчиняется мыслительным возможностям носителя языка, особенностям его культуры и прагматическим мотивам говорящего как интерпретатора выражаемого смысла. При этом, на наш взгляд, правомерно вести речь о том, что интенциональный аспект познавательной деятельности как внешний фактор ресурсных ограничений в системе языка подчинён некоторой детерминанте функционирования концептуальной надсистемы [24].

Понятие системной детерминанты введено в научный обиход отечественным учёным-энциклопедистом Г.П. Мельниковым в работе «Язык как система и языковые универсалии». Оно фиксирует «главный способ функционирования» [22], определяющий многие параметры системы. Как пишет автор упомянутой работы, система самонастраивается, оптимизируется «по данной конкретной детерминанте» [22], и, следовательно, использование понятия детерминанты в системных исследованиях языка обладает определённой эвристичностью, позволяя на единых основаниях выявить и показать то, насколько «всё в системе не случайно, предопределено, взаимно согласовано…» [22]. Сообразно специфике задач, стоящих перед человеком в процессе познания и преобразования мира, когнитивная детерминанта регулирует выбор способов получения и обработки информации, в том числе определяет необходимую глубину отражения постигаемого объекта в сознании. Детерминанта когнитивной метасистемы организует языковые единицы «вокруг» принципиальных форм общественного сознания в мифологии, религии, науке, искусстве и обиходно-бытовой жизнедеятельности. С каждой из них соотносима своя специфика концептосферы и, следовательно, специфичная языковая картина мира: мифологическая, мировоззренческая, художественная, религиозная, научная и бытовая (наивная) соответственно. Используя сочетание когнитивной схемы с той или иной детерминантой, говорящий осуществляет выбор языковых единиц в речемыслительной деятельности и креативно «формирует смыслы, а не воспроизводит их в готовом виде» [6, с. 26].

Исходя из той роли, которую естественный язык играет для когнитивной деятельности, существенно его обратное организующее влияние на концептуальную систему, что в культурологической интерпретации специально подчёркивает гипотеза Сепира-Уорфа [36]. В этом усматривается проявление принципа относительности в общей теории организации. Он постулирует конституирующее, дезорганизующее либо нейтральное воздействие системы на компоненты её среды и допускает вариативность вариативность такого воздействия в зависимости природы взаимодействующих систем и от конкретной ситуации взаимодействия. Здесь важно обратить внимание на то, что в отличие от множества других знаковых систем естественный язык выполняет по отношению к когниции функцию построения первичной семиотической модели мира. Его компоненты онтологически, то есть «изначально предназначены для выполнения знаковой функции» указания на конкретные и абстрактные объекты (курсив наш. – Д.М.) [20, с. 113]. Одновременно в динамическом плане формулирование мысли на языке означает собственно её формирование [8]. В качестве частного примера организующего воздействия на среду можно привести прямо пропорциональную зависимость между спецификой грамматического строя языка и склонностью его носителей более успешно совершать когнитивные операции определённого рода. Так, согласно новейшим исследованиям, носители языков с левым ветвлением (японский, аварский) лучше запоминают начальные фрагменты последовательностей, тогда как конечные фрагменты лучше сохраняются в памяти носителей языков с правым ветвлением (английский, русский и многие другие индоевропейские языки) [40].

Вместе с тем следует помнить, что роль языка в познании не абсолютна, хотя и носит выраженно организующий характер: часть знаний приобретается и транслируется без участия языковых единиц, на основе невербального мышления и с привлечением знаковых систем иной природы (ср., скажем, семиотику искусства, системы

сигнализации, невербальные компоненты общения). Поэтому и судить о когнитивной картине мира по языковой можно лишь в ограниченном масштабе.

Динамическая адаптация естественного языка относительно запросов его концептуальной среды становится возможной благодаря формирующим и регулирующим механизмам обратной связи, на что указывает следующий важный принцип организации систем. Обратная связь, или «взаимное двойное регулирование» [5], мыслится как отклик параметров системы на воздействие внешних факторов. Отрицательная обратная связь компенсирует внутреннее отклонение ради поддержания внутренней устойчивости (гомеостаза). Положительная связь, напротив, наращивает изменение внутреннего состояния вплоть до изменения качества, если это благоприятствует реализации задач системы [34, с. 35; 38, с. 21]. Тем самым достигается динамическое равновесие и самоорганизация объекта-системы, позволяющие ей устойчиво выполнять заданные функции в условиях смены стабилизирующих и дестабилизирующих воздействий.

Ориентация на когницию определяет закономерное преобладание положительных обратных связей языковой системы с концептуальной на основе активного информационного обмена. Это иллюстрирует когнитивная трактовка языковых значений, представленная в ряде его дефиниций: «понятия, связанные знаками» (М.В. Никитин) [26], схваченные знаком концепты (Е.С. Кубрякова) [16], «когнитивные структуры, включённые в модели знания и мнения» [6, с. 106]. В более детальной формулировке, языковое значение даёт возможность человеку, «манипулируя... вербальными символами, манипулировать концептами... <...> и строить новые концептуальные структуры», обусловленные не только познаваемой действительностью, но и самой концептуальной системой [27, с. 113-114]. Семантическая сторона языка, таким образом, предстаёт в качестве сигнатуры языковой системы, то есть той её части, которая наиболее тесно взаимодействует с когнитивной средой, а через её посредство, – со всем умопостигаемым миром: «язык через значение выходит в мир» [31, с. 12].

Организующие обратные связи языковой системы с когнитивной средой проявляются как на уровне репрезентативного, так и семиотического аспектов языка. Следовательно, они проявляют себя не только на уровне статической репрезентации знаний о мире с помощью знаковых единиц (репрезентативный аспект языка [7, с. 6]), но и в динамике означивания и трансляции ментальных репрезентаций, учитывая конкретные условия номинации и коммуникации по правилам данного языка (семиотический аспект языка [7, с. 6]), словообразовательным (диванообразная поза, шорт-лист, зумиться, френдить, вебка и др.), морфологическим (лофты, кросы, тэйкните), синтаксическим (Вошла и стоит у входа: $N_1V_f \rightarrow V_f$, Каждому человеку – достойную жизнь: $N_1V_f \rightarrow øø$, Мальчик рос любознательным, Девушка казалось задумчивой: $N_1V_f + N_1 copAdj_{f1/5} \rightarrow N_1V_f\, Adj_{f1/5}$).

Действием обратных связей обеспечиваются регулирующие ограничения, накладываемые на семантическое разнообразие элементов и их состояний. Возможность этих ограничений обеспечивается различными когнитивными и языковыми механизмами работы с новой информацией или уже имеющимися знаниями. И если способность формировать концептуальные репрезентации присуща всем говорящим как свойство психики, то их конкретное содержание, как и вербализация на уровне значения или смысла зависит от субъективного и социального опыта носителя языка (исторического, географического, национального, образовательного и т.д.). В этой связи уместно сравнить наличие более чем двух десятков наименований снега в языке эскимосов или нескольких десятков обозначений риса в корейском, равно как и межкультурные различия в дробности разработки лексической категории пространства в двухчленных и трёхчленных парадигмах указательности (ср., например, русский и испанский языки). А в пределах австронезийской семьи, включающей около 1257 разноликих языков, системы пространственной референции выстраиваются «с привязкой» к конкретному ландшафту: на ассоциациях с течением реки, движением солнца, положением главного холма или звёзд, положением моря, озера, тропы [42].

Активизация организующих обратных связей языка с когницией может быть ярко проиллюстрирована и на уровне перехода виртуального значения в актуальный смысл, имеющий когнитивный «коррелят» в виде преобразования тематического концепта в операционный. Этот аспект семантики языка, в свою очередь, подчёркивают такие дефиниции значения, которые подразумевают под ним «подвижный семантический кластер, включающий конфигурацию необходимых семантических компонентов, формируемый в сознании носителя языка исходя из особенностей окружающего контекста...» [29, с. 97].

Ключевая роль функциональных характеристик в процессах системной организации предопределяет и свойства специализации, координации и отбора элементов, что является необходимым на уровне формирования и регуляции языковых структур. Неслучайно уже сама дефиниция понятия «элемент» содержит в своём составе операциональный признак. Так, согласно учению о системах, элементом считается простейшая часть системы, выполняющая определённую функцию и тем самым вносящая собственный вклад в достижение общей цели системы. Соответственно,

само вычленение компонентов системы обычно производится в зависимости от их специальных задач в составе системы [4]. Взаимодействия элементов в процессе реализации собственных подфункций образуют внутренние обратные связи (в том числе информационные), создающие организационную структуру системного феномена. Последняя предусматривает в том числе согласованную, координированную деятельность частей системы. Причём именно эта непротиворечивость и специфическая согласованность функций элементов «отличает гармоничную систему от хаотического набора предметов и процессов» [12, с. 117] и делает возможным эффект синергизма.

Взаимодополняющая специализация единиц системы, в том числе и языковой, их целостность, обусловленная координацией, обеспечивают полноту и эффективность функционирования системы, реализуя важнейший в теории организации принцип функционального отношения каждого элемента к целому [5]. Так, в проекции на лингвоментальную организацию частный, но принципиальный случай выражения этих свойств являет собой комплементарность знаковых единиц с точки передачи ими когнитивных структур. В частности, они могут объективировать перцептивные, логико-понятийные и интерпретирующие признаки мыслительной единицы, содействуя многогранному моделированию этой единицы в речи или языке. В комплексе перечисленные классы признаков соответствуют этапам познания материального объекта, последовательно сменяющим друг друга: эмпирическому, рациональному и вторичному [18; см. также 19; 32]. Специфика данных ступеней познания организует языковые и речевые единицы, ограничивая их смысловые задачи. Скажем, сочетания белое золото, блеск золота, горячее золото, шершавый слиток золота репрезентируют визуальный и тактильный образ в составе концепта ЗОЛОТО; номинации медистое золото, парамагнитные свойства золота, золотое кольцо передают логико-понятийное содержание, а выражения золотой мастер, золото хлебных полей, Золотко ты моё! являются результатом применения оценочного и эмоционального модусов интерпретации концепта.

Кроме того, разнообразие познаваемых объектов и детерминант когниции вызывают неоднородность концептуализации «по своей направленности, степени обобщения, объёму получаемых знаний… а также по тем когнитивным и языковым механизмам, которые задействованы…» [6, с. 69]. В результате в сознании складываются концепты разной сложности и абстракции [6, с. 39], так что их взаимодополняющая объективация в языке содействует формированию наиболее полной языковой картины мира. Разнообразие языковых единиц с точки зрения их когнитивных оснований оптимально для функциональной устойчивости семиотической системы.

Семантико-когнитивный анализ разноуровневых средств языковой манифестации концепта позволяет наблюдать системное явление «сосредоточения функций», при котором «функция более низкого уровня является декомпозицией функции более высокого» [17]. В частности, это заметно на примере морфологической транспозиции, когда значение грамматических (морфологических) форм актуализационно преобразуется в зависимости от значения более высокого порядка – синтаксического: Завтра, когда я получу билет, сразу лечу к друзьям, Будь она с билетом сейчас – уже бы отправилась в гости к друзьям, Встал и пошёл писать диплом! (волеизъявление).

Креативные свойства мышления, его способность опираться на различные когнитивные детерминанты приводят к тому, что в языках мира существует множество альтернативных средств членения и обозначения некоторого фрагмента опыта. Поскольку же семантическое пространство языка транслирует коммуникативно значимую часть концептосферы, его важность в культуре пользователей языком прямо пропорционально числу таких средств, среди которых синонимы, номинализации, перифразы и аллегории, вариантные образования. Таким образом, одному элементу концептуальной системы могут соответствовать более одного элемента языковой, то есть в субстанциональном аспекте организации две взаимодействующие системы обнаруживают частичный изоморфизм, свойственный, как правило, реальным системам.

Альтернативная передача концептуального содержания в процессе вербальной коммуникации относится к фактам когнитивно обусловленного полиморфизма элементов языка. Данное универсальное качество организации систем получило подробную разработку в трудах Ю.А. Урманцева, который называл полиморфичными компоненты системы, «различающиеся по числу и (или) отношению “строя¬щих” их элементов» и признаков [37, с.18–20]. Для системы коммуникации, какой является естественный язык, наличие полиморфично организованных элементов повышает её эквифинальность, то есть возможность различными способами получать относительно сходный смысловой результат при передаче концептуального содержания.

Системная согласованность языковых единиц при формировании смысла проявляется также во взаимосодействии их семиотической и репрезентативной сторон, лексической и грамматической семантики: лексическое значение профилирует в сознании определённую когнитивную область – актуализируемое содержание концепта, грамматическое значение транслирует наиболее общие

логические категории и структурирует концептуальное содержание по правилам данного языка [28, с. 202].

По принципу подбора (отбора), в ходе адаптивного исторического развития система сохраняет наиболее эффективные, благоприятные для её цели «организованности» в виде своих компонентов и структур, что создаёт существенную предпосылку для изменчивости системной организации [12, с. 71-72]. При этом, как подчёркивает А.А. Богданов в своей концепции организации, изменчивость зачастую сопровождается явлением ингрессии, т.е. развитием систем за счёт комбинаций, соединений различных компонентов, имеющих общие, «посредствующие» звенья [5, с. 156]. Формирование более сложных компонентов по принципу ингрессии нередко сопровождается системным эффектом, известным в науке как эмерджентность. Речь идёт о возникновении такого интегративного качества, которое не выводимо из суммирования свойств элементов.

Данная черта организационных процессов также находит выражение в семантическом плане языка / речи и восходит к когнитивным феноменам на уровне новообразованных вторичных структур знания. В настоящее время общепризнанно, что такие структуры представляют собой бленды (от англ. blend – ‘смешение, сплав’), основанные на установлении новых связей между концептуальными единицами и не эквивалентные по содержанию исходным структурам [41]. Соответственно, вербальные репрезентации этих структур (производные ЛСВ, лексические дериваты, сравнения, гибридные части речи, эмотивные, оценочные слова, смысл высказывания и нек. другие) также характеризуются не суммативными смысловыми приращениями. К примеру, семантика оценочных слов складывается и бытует как уникальное гетерогенное единство признаков дескриптивного и аксиологического порядка: «умный» – 1. ‘Тот, кто обладает хорошим, ясным умом; достаточно толковый человек’; «мещанство» – 2. перен. Психология и идеология мещанина, характеризующиеся мелкими, ограниченными, собственническими интересами и узким идейным и общественным кругозором’; ‘Проявление такой психология и идеология в быту’ [35]. В опоре на функциональную сопряжённость частеречных морфологических концептов образуются и гибридные значения причастий, деепричастий, номинализаций, интерпретирующие один признак онтологии мира (действие, качество) сквозь призму другого (качество, вещность).

Проведённое исследование позволяет нам констатировать, что субстанциональный план языковой системы обнаруживает масштабный концептуально направленный характер на уровне целого ряда аспектов системной организации: от детерминации ограничений на внутренние знаковые ресурсы языка до воздействия его на саму концептуальную среду-метасистему. Данный факт вновь акцентирует большую значимость естественного языка в процессах человеческого познания. Благодаря оптимальной для этих целей, исторически выработанной организации языковая система на протяжении многих веков выступает главным посредником между членами социума и ментально отображаемой действительностью, оказывая влияние на картину мира человека и развитие его интеллекта. Исследование языковой когниции сквозь призму её системности открывает новые перспективы в изучении человеческого фактора в языке и, безусловно, приближает исследователя к более адекватному пониманию общих и частных сторон реализации системных качеств объекта лингвистики. Перспективы данного исследования могут быть обращены к более полному набору структурно-языковых свойств, рассматриваемых с точки зрения теории организации.

Список литературы

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 608 с.
2. Альбеков Н. Н. Эмерджентность языковой системы как результат функционирования речевых единиц: дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.19. Грозный, 2020. 332 с.
3. Беседина Н. А. Теоретические аспекты исследования процессов языковой концептуализации // Труды по когнитивной лингвистике: сб. науч. статей. Кемерово: КемГУ, 2008. С. 10-15.
4. Блюмин А. М. Теория систем и системный анализ. URL: https://psihdocs.ru/a-m-blyumin-teoriya-sistem-i-sistemnij-analiz-module-1-osnovi.html (Дата обращения: 5.11.2021)
5. Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). Кн.1. М.: Экономика, 1989. 304 с.
6. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 236 с.
7. Болдырев Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 5-13.
8. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
9. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
10. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 108 с.
11. Кошелев А. Д. О качественном отличии человека от антропоида // Разумное поведение и язык. 2008. Вып 1. С. 193–231.
12. Крайнюченко И. В., Попов В. П. Системное мировоззрение. Теория и анализ. Пятигорск.: ИНЭУ, 2005. 218 с.
13. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
14. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Языки славянской культуры; Знак, 2012. 208 с.

15. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
16. Кубрякова Е. С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 4-21.
17. Куликов Г. Г. Теория систем и системный анализ. URL: https://pandia.ru/text/78/396/33098.php (Дата обращения: 2.11.2021).
18. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1998. 336 с.
19. Магировская, О. В. Уровни концептуализации в языке // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 78–96.
20. Манаенко Г. Н. Язык как система производства знаков // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. XVI. С. 109–117.
21. Манаенко Г. Н. Соотношение концепт – значение языкового выражения // Научный диалог. 2012. Вып. 3. Филология. С. 24-32.
22. Мельников Г. П. Язык как система и языковые универсалии // Системные исследования. Ежегодник. URL: http://philologos.narod.ru/melnikov/universals.htm (Дата обращения: 17.10.2021)
23. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М.: Академия, 2007. 428 с.
24. Миронова Д. М. Концептуальные основы репрезентации системности в современном русском языке: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01. Тамбов, 2017. 232 с.
25. Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981. 232 с.
26. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
27. Павилёнис Р. А. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
28. Панасенко Л. А. Проблема взаимодействия лексики и грамматики на функциональном уровне в свете когнитивного подхода к языку (на материале английского языка) // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: Материалы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010 г. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. С. 202–207.
29. Песина С.А., Зимарева О. Л. Кластерная семантика т антропоцентрическая парадигма // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 95-100.
30. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.
31. Пятаева Н. В. Антропоцентрический принцип современного языкознания и понятия картины мира // Филологический класс. 2004. Вып.12. С.47-54.
32. Сеченов И. М. Элементы мысли. СПб: Лениздат, 2014. 221 с.
33. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
34. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ. Киев: МЛУП, 2003. 368 с.
35. Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т. Ф. URL: https://lexicography.online/explanatory/efremova/ (Дата обращения: 28.10.2021)
36. Уорф Б. Л. Наука и языкознание: о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Зарубежная лингвистика, 1999. Ч. 1. С. 92–105.
37. Урманцев Ю. А. Девять плюс один этюд о системной философии. Синтез мировоззрений. М.: Институт Холодинамики, 2001. 160 с.
38. Фетисов В. А., Перлюк В. В. Системный анализ. Санкт-Петербург: ГУАП, 2010. 123 с.
39. Чернышов В. Н., Чернышов А. В. Теория систем и системный анализ. Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. 96 с.
40. Amici F., Sánchez-Amaro A., Sebastián-Enesco C. et al. The word order of languages predicts native speakers // Nature. 2019. Vol. 9 (1). P. 1-10.
41. Fauconnier G., Turner M. Blending As A Central Process of Grammar // Conceptual Structure, Discourse, and Language. URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Blending-as-a-Central-Process-of-Grammar-Fauconnier Turner/9a78371abbec2467f8275f5a8e188c9ab899bb60 (Дата обращения: 22.10.2021)
42. Francois A. Reconstructing the geocentric system of Proto-Oceanic // Oceanic linguistics. 2004. Vol. 43 (1). URL: https://www.researchgate.net/journal/Oceanic-Linguistics-1527-9421 (Дата обращения: 17.11.2021)
43. Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 1991. 395 p.

References

1. Alekseev P. V., Panin A. V. Filosofiya (Philosophy). Moscow: TK Velbi, Izdatelstvo Prospekt Publ., 2005. 608 p. (In Russian).
2. Al'bekov N. N. Emerdzhentnost' yazykovoi sistemy kak rezul'tat funktsionirovaniya rechevykh edinits (Emergence of the Language System as a Result of the Functioning of Speech Units): thesis. Groznyi, 2020. 332 p. (In Russian).
3. Besedina N. A. Teoreticheskie aspekty issledovaniya protsessov yazykovoi kontseptualizatsii (Theoretical Aspects of the Study of Linguistic Conceptualization Processes) // Trudy po kognitivnoi lingvistike. Kemerovo: KemSU Publ., 2008. P. 10-15. (In Russian).
4. Blyumin A.M. Teoriya sistem i sistemnyi analiz (Systems Theory and System Analysis). URL: https://psihdocs.ru/a-m-blyumin-teoriya-sistem-i-sistemnij-analiz-module-1-osnovi.html (Accessed: 5.11.2021) (In Russian).
5. Bogdanov A. A. Tektologiya: (Vseobshchaya organizatsionnaya nauka). (Tectology: (General Organizational Science). Moscow: Ekonomika Publ., 1989. 304 p. (In Russian).
6. Boldyrev N. N. Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku (Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics). Tambov: TSU named after G.R. Derzhavina Publ., 2014. 236 p. (In Russian).
7. Boldyrev N. N. Aktual'nye zadachi kognitivnoi lingvistiki na sovremennom etape (Actual Tasks of Cognitive Linguistics at the Present Stage) // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2013. No 1. P. 5-13. (In Russian).
8. Vygotskii L. S. Myshlenie i rech' (Thinking and Speech). Moscow: Labirint Publ., 1999. 352 p. (In Russian).
9. Zimnyaya I. A. Lingvopsikhologiya rechevoi deyatel'nosti (Linguopsychology of Speech Activity). Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institute Publ.; Voronezh: NPO «MODEK» Publ, 2001. 432 p. (In Russian).

10. Kolshanskii G. V. Ob»ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke (An Objective Picture of the World in Cognition and Language). Moscow: Nauka Publ., 1990. 108 p. (In Russian).
11. Koshelev A. D. O kachestvennom otlichii cheloveka ot antropoida (About the Qualitative Difference Between a Human and an Anthropoid) // Razumnoe povedenie i yazyk. 2008. Vol. 1. P. 193-231. (In Russian).
12. Krainyuchenko I. V., Popov V. P. Sistemnoe mirovozzrenie. Teoriya i analiz (Systemic Worldview. Theory and Analysis). Pyatigorsk.: INEU Publ., 2005. 218 p.
13. Krasnykh V. V. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? ("One's Own" among "Strangers": Myth or Reality?). Moscow: Gnozis Publ., 2003. 375 p. (In Russian).
14. Kubryakova E. S. V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya (In Search of the Essence of Language: Cognitive Research). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.; Znak Publ, 2012. 208 p. (In Russian).
15. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie (Language and Knowledge). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 560 p. (In Russian).
16. Kubryakova E. S. Obespechenie rechevoi deyatel'nosti i problemy vnutrennego leksikona (Ensuring speech activity and problems of internal lexicon) // Chelovecheskii faktor v yazyke: yazyk i porozhdenie rechi. Moscow: Nauka Publ., 1991. P. 4–21. (In Russian).
17. Kulikov G. G. Teoriya sistem i sistemnyi analiz (Systems theory and system analysis). URL: https://pandia.ru/text/78/396/33098.php (Accessed: 2.11.2021). (In Russian).
18. Luriya A. R. Yazyk i soznanie (Language and Consciousness). Moscow: Izdatelstvo MGU Publ., 1998. 336 p.
19. Magirovskaya O. V. Urovni kontseptualizatsii v yazyke (Levels of Conceptualization in the Language) // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2009. Vol. IV. P. 78-96. (In Russian).
20. Manaenko G. N. Yazyk kak sistema proizvodstva znakov (Language as a Sign Production System) // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2013. Vol XVI. P. 109-117. (In Russian).
21. Manaenko G. N. Sootnoshenie kontsept – znachenie yazykovogo vyrazheniya (The Relation of the Concept – Meaning of a Language Expression) // Nauchnyi dialog. 2012. Vol. 3. Filologiya. P. 24-32. (In Russian).
22. Mel'nikov G. P. Yazyk kak sistema i yazykovye universalii (Language as a System and Language Universals). Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik. URL: http://philologos.narod.ru/melnikov/universals.htm (Accessed: 17.10.2021). (In Russian).
23. Mechkovskaya N. B. Semiotika. Yazyk. Priroda. Kul'tura (Semiotics. Language. Nature. Culture). Moscow: Akademiya Publ., 2007. 428 p. (In Russian).
24. Mironova D. M. Kontseptual'nye osnovy reprezentatsii sistemnosti v sovremennom russkom yazyke (Conceptual Foundations of the Representation of Systemicity in Contemporary Russian language). Tambov, 2017. 232 p. (In Russian).
25. Naisser U. Poznanie i real'nost': Smysl i printsipy kognitivnoi psikhologii (Cognition and Reality: The Meaning and Principles of Cognitive Psychology). Moscow: Progress Publ., 1981. 232 p. (In Russian).
26. Nikitin M. V. Kurs lingvisticheskoi semantiki (Course of Linguistic Semantics). Sankt-Peterburg: Nauchnyi tsentr problem dialoga Publ., 1996. 760 p. (In Russian).
27. Pavilenis R. A. Problema smysla: sovremennyi logiko-filosofskii analiz yazyka (The Problem of Meaning: Modern Logical and Philosophical Analysis of Language). Moscow: Mysl' Publ., 1983. 286 p. (In Russian).
28. Panasenko L. A. Problema vzaimodeistviya leksiki i grammatiki na funktsional'nom urovne v svete kognitivnogo podkhoda k yazyku (na materiale angliiskogo yazyka) (The Problem of the Interaction of Vocabulary and Grammar at the Functional Level in the Light of the Cognitive Approach to Language (Based on the Material of the English Language)) // Vzaimodeistvie myslitel'nykh i yazykovykh struktur: sobranie nauchnoi shkoly: mat-ly Vseros. nauch. konf. 28 maya 2010 g. Tambov: TSU named after G.R. Derzhavin Publ., 2010. P. 202-207. (In Russian).
29. Pesina S. A., Zimareva O. L. Klasternaya semantika t antropotsentricheskaya paradigma (Cluster Semantics and Anthropocentric Paradigm) // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2009. Vol. IV. P. 95-100. (In Russian).
30. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika (Cognitive Linguistics). Moscow: AST: Vostok-Zapad Publ., 2010. 314 p. (In Russian).
31. Pyataeva N. V. Antropotsentricheskii printsip sovremennogo yazykoznaniya i ponyatiya kartiny mira (The Anthropocentric Principle of Modern Linguistics and the Concept of the Worldview) // Filologicheskii klass. 2004. Vol.12. P. 47–54. (In Russian).
32. Sechenov I. M. Elementy mysli (Elements of Thought). Sankt-Peterburg: Lenizdat, 2014. 221 p. (In Russian).
33. Skrebtsova T. G. Kognitivnaya lingvistika (Cognitive Linguistics). Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2011. 256 p. (In Russian).
34. Surmin Yu. P. Teoriya sistem i sistemnyi analiz (Systems Theory and System Analysis). Kiev: MLUP Publ., 2003. 368 p. (In Russian).
35. Tolkovyi onlain-slovar' russkogo yazyka Efremovoi T. F. (Explanatory Online Dictionary of the Russian Language by T. F. Efremova). URL: https://lexicography.online/explanatory/efremova/ (Accessed: 28.10.2021) (In Russian).
36. Uorf B. L. Nauka i yazykoznanie: o dvukh oshibochnykh vozzreniyakh na rech' i myshlenie, kharakterizuyushchikh sistemu estestvennoi logiki, i o tom, kak slova i obychai vliyayut na myshlenie (Science and Linguistics: about Two Erroneous Views on Speech and Thinking that Characterize the System of Natural Logic, and How Words and Customs Affect Thinking) // Zarubezhnaya lingvistika. 1999. Vol. 1. P. 92-105. (In Russian).
37. Urmantsev Yu. A. Devyat' plyus odin etyud o sistemnoi filosofii. Sintez mirovozzrenii (Nine Plus One Etude on Systemic Philosophy. Synthesis of Worldviews). Moscow: Institut Kholodinamiki Publ., 2001. 160 p. (In Russian).
38. Fetisov V. A., Perlyuk V. V. Sistemnyi analiz (System Analysis). Sankt-Peterburg: GUAP Publ., 2010. 123 p. (In Russian).
39. Chernyshov V. N., Chernyshov A. V. Teoriya sistem i sistemnyi analiz: metodicheskie ukazaniya (Systems Theory and System Analysis). Tambov: TSTU Publ., 2010. 96 p. (In Russian).

40. Amici F., Sánchez-Amaro A., Sebastián-Enesco C. et al. The Word Order of Languages Predicts Native Speakers. Nature. 2019. Vol. 9 (1). P. 1–10.
41. Fauconnier G., Turner M. Blending As A Central Process of Grammar. Conceptual Structure, Discourse, and Language, 1996. URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Blending-as-a-Central-Process-of-Grammar-Fauconnier Turner/9a78371abbec2467f8275f5a8e188c9ab899bb60 (Accessed: 22.10.2021)
42. Francois A. Reconstructing the Geocentric System of Proto-Oceanic. Oceanic Linguistics, 2004, Vol. 43 (1). URL: https://www.researchgate.net/journal/Oceanic-Linguistics-1527-9421 (Accessed: 17.11.2021)
43. Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 1991. 395 p.

Сведения об авторе

Миронова Диана Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Юго-Западного государственного университета / mir-lina@yandex.ru
Адрес: д. 94, ул. 50 лет Октября, 305040, Курск, Российская Федерация.

Information about the author

Mironova Diana Mikhailovna – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Chair of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University / mir-lina@yandex.ru
The address: 94, 50 let Octyabrya st., 305040, Kursk, Russian Federation.

CC BY

УДК 81`372

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.22

В. О. Парешнева

МЕТАФОРИКА И ИНТЕРТЕКСТ В СИЛЬНЫХ ТЕКСТОВЫХ ПОЗИЦИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

В данной статье анализируется контаминированный способ метафоризации заголовочного комплекса в политическом медийном дискурсе. Метафорические модели реализации манипулятивной и прогностической функций заголовка как сильной позиции текста рассматриваются как комплексные образования, включающие элементы интертекстуальности и прецедентности. В исследовании рассматриваются различные способы интенсификации и интимизации прецедентных феноменов, используемых в качестве сферы-источника при трансляции авторского аксиологического пространства и формировании векторов интерпретации метатекстов статей политической направленности. Заголовок представляется сжатой репрезентантой объективной и рефлексивной прогностики, направляющей восприятие целостного текста в «нужное» русло. В качестве примеров на основе метода стратифицированной выборки были отобраны заголовки и контексты из авторитетных интернет-изданий «The Telegraph», «Politico», «The Guardian», содержащие специфические метафорические аллюзии, основанные на прецедентных ситуациях и высказываниях. Доминирование той или иной модели метафорического переноса и сохранение реминисценций к конкретному прецедентному феномену в тексте как едином пространстве интерпретации, а также в ряде текстов политического медиадискурса создает некий текстовый универсум или единый нарратив, транслирующий определенный тип восприятия образа и представлений о действиях источника имиджеформирования (политического деятеля). В рамках действия единой модели метафоризации критериальные признаки сферы-источника (ядерные области сравнения) в областях схематизации и стереотипизации восприятия, которые задаются автором в инкоативных компонентах (заглавии), реализуется одновременно несколько видов метафорической интертекстуальности (паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность, архитекстуальность). Метафорика и интертекстуальность в заголовке играет ключевую роль в прогнозировании восприятия и интерпретации дальнейшего текста, что создает широкие возможности вербализации субъективных оценок описываемого события и обладает наибольшим потенциалом рефлексивной верификации и дальнейшей легитимизации авторской субъективной аксиологической шкалы. На основе комплексной метафоризации у широкого круга читателей формируется иллюзия подкрепления транслируемых аксиологем подавляющим большинством представителей лингвокультурного сообщества, а также впечатление описания собственных мыслей реципиента.

Ключевые слова: метафора, интертекстуальность, прецедентные феномены, политический медиадискурс, векторы интерпретации, эмотивность, сильные позиции текста.

Для цитирования: Парешнева В. О. Метафорика и интертекст в сильных текстовых позициях политического медиадискурса // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 332–338. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.22

Valeriya O. Pareshneva

METAPHORICS AND INTERTEXTS IN THE KEY TEXT POSITIONS OF POLITICAL MEDIA DISCOURSE

This article offers an analysis of the contaminated method of metaphorization for the headline set within the political media discourse. Metaphorical models of implementing the manipulative and predictive functions of the title viewed as a strong position of the text are considered as complex formations including intertextuality and precedent elements. The study examines various ways that serve to intensify and improve precedent phenomena used as a source-sphere in translating the author's axiological space and shaping vectors of interpretation for political articles metatext.

The headline is a brief representation of objective and reflexive prognostics, which steers the "correct" perception of the entire text. The examples are based on the method of stratified sampling, with headlines and contexts from recognized online issues "The Telegraph", "Politico", "The Guardian" selected, which contain specific metaphorical allusions based on precedent situations and statements. The dominance of a certain metaphorical transference model and the preservation of reminiscences to a specific precedent phenomenon within the text seen as a single interpretation space, as well as in a number of political media discourse texts creates a textual universe or a single narrative that translates a certain type of perception of the image and ideas concerning the actions of the image formation source (political figure).

Within the unified metaphorization model, the criteria features of the source-sphere (nuclear areas of comparison) in the areas of schematization and stereotypization of perception, as set by the author in the incoative components (title), there are several types of metaphorical intertextuality (paratextuality, metatextuality, hypertextuality, architectuality) implemented simultaneously.

Metaphorics and intertextuality in headlines play a key role in forecasting the perception and the interpretation of the following text, which offers ample opportunities to

verbalize subjective evaluation of the described event and has the greatest potential for reflexive verification and further legitimization of the author's subjective axiological scale. Complex metaphorization offers a basis for a wide range of readers to shape an illusion of reinforcement of the axiologems broadcast by the greater majority of members of a linguo-cultural community, as well as an impression of describing the recipient's own thoughts.

Key words: metaphor, intertextuality, precedent phenomena, political media discourse, interpretation vectors, emotivity, strong positions of the text.

For citation: Pareshneva V. O. Metaphorics and intertexts in the key text positions of political media discourse // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 332–338. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.22

Одним из наиболее действенных механизмов формирования «схем действования» по распредмечиванию смысла медиатекстов политического дискурса является метафоризация и введение прецедентных феноменов в сильные позиции текстового пространства. Имиджевые компоненты генерализованных образов, которые создают аксиологическую градационную шкалу для каждого из источников представлений (политических деятелей), носят интенциональный характер и могут восприниматься как специфические вербализованные «мыследеятельностные акты, оперирующие мета-языком третьего уровня абстракции» [1, с. 634]. Они представляются соотносимыми в семантическом и усиленными в эмотивном аспекте единицами, направляющими восприятие целостного текста в «нужное» русло. До сих пор не ясно, происходит ли формирование генерализованных образов в самой ткани текста, или они будут заданы априорно на этапе предшествующем распредмечиванию смысла. Некоторые ученые, например, Вольфганг Шнотц, предполагает, что метафорика и аллюзии к прецедентным событиям и текстам становятся в сильных позициях своеобразным триггером, включающим процессы ментального конструирования, не просто следующего за текстом, но задействующего весь багаж знаний о конкретной ситуации, описанной в тексте [11, S. 224]. Если основываться на данном подходе, то сильные позиции текста (в особенности заголовочные комплексы) в силу их препозиции, детерминируют не только векторы, но и механизмы интенсификации интратекстуальных компонентов посредством интертекстуальности и метафорического переноса характеристик общекультурно значимых феноменов в пространство ситуативно и темпорально маркированных текстов – категорий, которые до сих пор остаются предметом споров, но однозначно обладают огромным потенциалом воздействия.

Существует несколько различных подходов к изучению концепций интертекстуальности и метафоризации – от философского, исследующего онтологические основания подобных коррелирующих областей, до лингвистического, который призван прояснить механизмы вербального представления бленда ментальных пространств. Механизм реминисценции на метафорических основаниях интенционально задающий для читателя интерпретативное пространство для медиатекстов политической направленности представляется не просто онтологической данностью, но и тем гибким, динамичным конструктом, который в некоторой степени проясняет особенности структурно-композиционного, содержательного и символического уровней текстовой реальности. Всё это означает, что заданная в заголовке метафорическим переносом источниковая область будет выступать в качестве аксиологической доминанты восприятия как всего последующего текста, так и того реального события, которое описывается в нем.

Необходимо указать на то, что постоянное сохранение модели переноса и отсылки к тому или иному прецедентному феномену как на протяжении одного текста, так и введение коррелирующих пространств в другие тексты по сходной тематике или посвященные связанным событиям в политическом мире создает некий текстовый универсум или единый нарратив. Основанием взаимосвязи при этом может служить не только тематическая связность, но и интертекстуальность более высокого порядка, которая будет представлять собой некое ментальное конситуативное пространство объединения и служить как средством, обеспечивающим континуальность, так и текстоорганизующим фактором. Таким образом, общие метафорические основания в заголовочном комплексе продуцируют каждую нарративную единицу политического медиадискурса в качестве конкретной актуализации общего глобально интерпретируемого пространства политики. Это уже не просто соотнесенность того или иного текста с другими прецедентными текстами или же традиционно понимаемое диалогическое взаимодействие текстов, но некое текстово-ментально-объективное пространство, позволяющее интенционально формировать представления, смыслы, образы у потенциального реципиента. Именно метафорика обеспечивает эту ментальную и реальную взаимосвязь сфер оценивания описываемого политического события. Это особого вида интимизация авторской позиции для читателя, создание субъективной ситуативности, которая как «схема действования» должна быть принята реципиентом в качестве алгоритма восприятия текста, модели оценки события, – такой вид ситуативности в медийных текстах политической направленности эксплицируется в виде генерализованного образа, а дальнейшая реконструкция смысла, актуального для читателя может быть объяснена

как рефлективно переживаемый образ, т. е. субъективно, выстроенная вслед за автором текста, по его метафорическим моделям, переживаемая форма [2].

Примечательным является тот факт, что в процессе метафорического переноса характерологических признаков прецедентных феноменов в область формирования векторов интерпретации, эксплицируемых в сильных позициях текста, реализуется одновременно несколько видов интертекстуальности. Так на основе экстраполяции заголовочной метафорики на все пространство текста, при условии соблюдения единства источниковых характеристик, реализуется паратекстуальность, которая способствует глубинной когерентности интерпретативного пространства. Сравнение политической риторики, приводимой в медийном дискурсе, с базовыми аксиологемами прецедентных высказываний, использованных в качестве метафорического основания сильных позиций (заголовка и подзаголовка) медийного текста, формирует метатекстуальность, т. е. текст о тексте в образном представлении. Подобные же приемы могут формировать и конситуативную гипертекстуальность, т.е. создание дерогативного или позитивного пространства отношения коллективного реципиента к речевой деятельности той или иной политической фигуры. В процессе создания целого нарратива, построенного на единых метафорических основаниях, отвечающего требованиям жанрового единства (в рассматриваемом нами случае – газетный нарратив), реализуется ещё и архитекстуальность. Все эти виды аллюзивности к прецедентным феноменам, на основе которых выстраивается метафорическое пространство интерпретации, соседствуют с традиционным пониманием тропических и стилистических функций интертекстуальности.

Метафорическое сравнение с прецедентными феноменами в сильных позициях можно сопоставить с концепцией диалогичности, однако, не следует забывать, что многоуровневость смыслоформирования и сложность нарративных цепочек медиадискурса создает уже не полилогическую «эвфонию» сфер-источника и целевых пространств. Интенциональность создания такого взаимодействия в заголовочном комплексе побуждает читателя уже на первом этапе восприятия политического текста включать его в информационно-знаниевый континуум, сравнивать как со своим, так и с общекультурным пространством понимания и интерпретации. И в этом смысле для реципиента, в действительности, создается впечатление, что автор говорит словами уже ему известными, что пора в оценке политических ситуаций происходит в области метафоризации на его же собственных основаниях. Поэтому сильные позиции и обладают способностью не только прогнозировать, но и моделировать восприятие описываемых событий.

Метафорика и её взаимодействие с интертекстуальностью в сильной позиции, которую представляет собой заголовок играет важнейшую роль в процессе схематизации восприятия дальнейшего текста, ведь именно такой путь вербализации субъективных оценок описываемого события обладает наибольшим потенциалом рефлексивной верификации и дальнейшей легитимизации авторской субъективной аксиологической шкалы. Это некая скрытая апелляция к авторитету, когда доминанты, определяющие отнесение политического события к негативным или позитивным, подкрепляются не просто в аргументативном дискурсе, но создают иллюзию создания этой аксиосферы множеством текстов, разделения её подавляющим большинством представителей лингвокультурного сообщества. Такой путь формирования модели восприятия текста вполне оправдан, ведь общеизвестным является постулат, озвученный множеством современных теоретиков социокультурного направления когнитивной лингвистики, о том, что каждый текст, входя в интерпретативное пространство отдельно взятого реципиента обретает смысл лишь в том случае, когда обладает потенциальной возможностью соотнесения его с другими, уже знакомыми читателю текстами [3, с. 122]. Интертекстуальность и метафоричность в сильных позициях медиатекста обеспечивает связь с адресатом, передачу авторской позиции и оценки событий, а также аксиологическое воздействие на читателя. Следовательно, любой медиатекст в пространстве политического коммуникативного взаимодействия и его автор влияют на сознание публики.

Стоит подчеркнуть, что обязательной функцией метафорической интертекстуальности является установление логических связей текста, конструируемого продуцентом, не только с исходной областью метафоризированного аллюзивного заголовочного комплекса, но и с пространством прецедентного текста и условиями (конситуативным внеязыковым окружением), на основе которого он был создан. Таким образом, данные реминисценции оказывают влияние на вектор восприятия и интерпретации формируемого автором образа. Распредмечивание всей ткани текстовой реальности в этом случае требует наличия у реципиента достаточных фоновых знаний как ситуации порождения таргетного, так и условий исходного текстов, при этом внедрение именно широко известных усредненному читателю образов и моделей переноса будет главным условием обеспечения максимального воздействующего эффекта.

В сильных позициях медиатекстов политического дискурса происходит перманентное взаимодействие и сплетение интертекстуальности и прецедентности в метафорике, само прецедентное событие, которое уже становится частью куль-

турного кода, получает вторичную или третичную трансляцию в интертекстуальном включении, повышая аксиологическую нагруженность. Увеличение степени влияния метафоры, на которой основаны корреляции описываемых событий с имевшимся ранее описанием источниковой сферы, обеспечивается не только самим фактом узнаваемости прототекста, но и известностью его автора, а также постоянной трансляцией этого кода в других прецедентных и профанных текстах.

Следует отметить, что высокая степень транслируемости и узнаваемости не снижает уровня интимизации, т.е. возможности вхождения в качестве значимого феномена в концептуально-валерное пространство отдельной личности. Объясняется это спецификой неоднократного использования той или иной модели метафоризации на основе прецедентного феномена как источниковой сферы конкретной языковой личностью, которая «обязана» в силу принадлежности к определенной лингвокультуре осознавать сверхличностный характер имплементируемого феномена. Интересно, что сами критерии преодоления «барьера прецедентности», т. е. осознания большинством членов лингвокультурного сообщества сверхличной значимости, а также тот численный порог, когда имя, событие или высказывание обретает статус прецедентного, в настоящее время остаются предметом споров.

Так, один из ведущих отечественных лингвокультурологов, В. В. Красных полагает, что известность каждому члену национального лингвокультурного коллектива, и будет ключевым признаком прецедентности феномена [6, с. 58]. Однако примарно значимой характеристикой становится и когнитивная значимость транслируемого феномена, которая в объяснительном планет создает компоненты аргументативной нагруженности, а в психоэмоциональном – области образного метафорического переноса. Большинство ученых сходится во мнении, определяющем в качестве базового фактора, включающего феномены в категорию прецедентных, знакомство с данными экстралингвистическими единицами подавляющего большинства представителей того или иного лингвокультурного сообщества. При этом обязательным является и процесс трансгрессии этих эмпирических фактов в ментальное пространство, т.е. функционирование в качестве устойчивых представлений в коллективной памяти, а также их регулярная вербализация и актуализация в дискурсивных практиках. В современном мире наиболее успешное узнавание и формирование образов и представлений происходит при условии наибольшего охвата аудитории посредством медийных средств, т.е. метафорика тем чаще оказывается интертекстуальной, чем в более широком нарративном пространстве, имеющем континуальный характер, она участвует, – а глобальный политический дискурс и представляется самым непрерывным и текучим, несмотря на свою трансгрессивность.

Метафорические модели, использованные ранее в прецедентных текстах зачастую используются посредством перефразирования и сохранения ключевых компонентов сферы-источника: для этого берут прецедентное высказывание, изменяют его и используют в качестве заголовка как сильной позиции текста, таким образом исходная фраза меняет свой смысл при внедрении в новый интерпретативный контекст. Новизна и необычность устаревшего высказывания привлекает внимание читателей, что усиливает экспрессивный эффект заголовка. Одним из главных критериев выбора метафоризированного высказывания является его простота и общеизвестность. Читатель должен узнать и дешифровать прецедентный текст даже после сложных трансформаций.

Глобализация информационного пространства в связи с расширением содержания Интернет-сети и существующий в ней политический медиадискурс заставляет авторов медиатекстов искать новые и более действенные способы привлечения внимания аудитории. Правильно подобранное и кричащее название определяет успех всей публикации. В ходе развития текста как такового заголовочный комплекс стал восприниматься в качестве ориентира, заранее знакомящего гипотетического реципиента не только с содержанием, но и с аксиологическими координатами продуцента как в отношении описываемого события, так и в отношении источников транслируемых образов, а иногда и с целевой аудиторией.

Многие ученые указывают на тот факт, что заголовок, будучи первым, что видит читатель, на основе стереотипизации и последующего, часто не осознаваемого, аксиологического анализа помогает читателю определить, стоит ли уделить внимание тексту или же нет. Каждая сильная позиция в метафорическом представлении представляет собой предельно сжатый текст, репрезентирующий как ситуативную объективную реальность, так и реальность, отраженную в имеющемся прецедентном тексте, кроме того, органично включающий в себя и текстовую рефлексивную реальность как создания первичного метафорического переноса, так и его трансформации и интерпретации.

Все вышесказанное позволяет заголовочному комплексу распространять метафорическую модель интерпретации на весь текст и экстраполировать её во внеязыковую действительность, оказывая манипулятивное воздействие на читателя. Заголовок в такой форме будет представлять собой коммуникативный сигнал предельной суггестии по трансляции авторских смыслов в максимальной степени фатики – побуждения широких масс к ознакомлению с описываемыми событиями [5, с. 30–31].

На настоящем этапе метафорические модели текстоименования и текстоструктурирования в медиадискурсе, и в частности в политическом медиадискурсе представляет собой интенциональное отклонение от языковой нормы, перманентную смену статусных ролей продуцента и реципиента для формирования диалогического взаимодействия и создания суггестивного потенциала, – у читателя формируется впечатление, что транслируются его собственные мысли. Метафорико-людическое взаимодействие, способствующее прескриптивизации форм и механизмов распредмечивания общего текстового содержания уже в инкоативном компоненте [4, с. 17] в текстах на политические темы становится тенденцией развития современных СМИ. Это игровое начало создает широкие возможности как трансформации, так и сохранения метафорической модели в заголовке и последующем текстовом пространстве, что вербализуется на всех уровнях (фоно-графическом, морфологическом, деривационном и транспрецедентном).

Например, достаточно часто в качестве заголовочного комплекса используются в неизмененном виде наименования художественных произведений, фильмов, песен и т.п., они также могут поясняться вводными, которые формируют априорную привязку к описываемым в тексте событиям. Фразеомы и цитаты, которые сами по себе являются прецедентными, создают вторичную метафоризацию сильных позиций текста, что дополнительно подкрепляет образы и представления, транслируемые в тексте.

В заголовке ‘His Street Cred Went Up’: The Unintended Consequences of Outing the GOP Lawmakers at Jan. 6 [8]. – ‘Его репутация выросла на улице’: Неожиданные последствия выступления законодателей Республиканской партии 6 января имеет место отсылка к фразеологизму «вырасти на улице», что означает иметь недоброжелательные связи и представления о взаимоотношениях с людьми вследствие бедности и частого времяпровождения с представителями криминального сообщества. Данное высказывание позволила себе Джей Коста в отношении сенатора Дуга Матсриано, намекая на то, что своё имя вышеупомянутый политик начал делать ещё в юношестве, которое было не совсем безоблачным, что в итоге вылилось в его поведение на собраниях, что, безусловно, оказывает сильное влияние на формирование образа данного политика, а также формирует поле дерогативной оценки его деятельности в реальности потенциальными реципиентами. Таким образом, метафорическая отсылка в заголовочном комплексе к этимону фразеологизма, тексту песни жанра гангста-рэпа и событиям из жизни самого источника образа создает вектор интерпретации дальнейших событий в текстовой реальности и программирует восприятие читателя.

Заголовок The Supreme Court Case That Created the ‘Dreamer’ Narrative [10]. – Дело Верховного Суда, создавшее повесть о «Мечтателе» в рамках связывания областей волюнтативного/возможного и реального сферы-источника и описываемого положения дел на сегодняшний день отсылает потенциального реципиента к образу некоего «мечтателя». Само название «мечтатель» появилось в результате судебного разбирательства «Плайлер против Доу», которое отменило закон штата, запрещающий финансирование образования детям иммигрантов, которые пребывают в Соединённые Штаты без документов. Данный прецедент имел место в 80-х годах XX века и боролся за права детей-мигрантов, коих стали позже называть «мечтателями». Однако в самой статье уделяется больше внимания именно текстовой трансляции этого феномена, что фиксируется лексемой narrative (повесть), так как, воспринимаемое как целостное и динамичное произведение, оно не совсем уместно в конкретной политической обстановке в силу того, что результаты иммиграционной политики США, проводимой на протяжении многих лет, не совсем соответствуют ожиданиям, и слово «повесть» некоторые респонденты, упомянутые в статье, заменяют словом «миф», «заблуждение» или «ошибка». Именно подобная игра с общим для всех лексем ядерным компонентом «воображаемое/виртуальное/мыслимое» создает конситуативную интерпретацию недоверия к транслируемым в статье событиям.

В заголовочном комплексе ‘It is a zone of death, and we’re complicit’: Why Evangelicals are upset with Trump’s Syria policy [9]. – “Это зона смерти, и мы соучастники”: Почему евангелисты недовольны политикой Трампа в Сирии осуществляется прямая отсылка к книжной серии «Зона смерти», в которой зоной смерти называют заражённую радиацией обширную территорию, на которой жизнь стала практически невозможной. Данное сравнение открыто критикует действия Д. Трампа в Сирии и призвано сформировать негативное отношение к ним у читателей. Введение в сильную позицию библейских обертонов создает пространство метафорического переноса на основе компонента we’re complicit, – «Мы» в этом случае интимизирует персональную ответственность каждого американца за создание «зоны смерти», а контраст с традиционными ценностями порождает диссонанс, который и формирует амфиболическое восприятие и интерпретацию последующего текста.

Заголовок Parliament’s chief sleaze inquisitor faces questions about her own partisanship [12]. – Главный подлый инквизитор парламента сталкивается с вопросами о ее собственной партийности (перевод наш – Б.Г.) – это отсылка к исторически известному прецеденту – инквизи-

торам, которые занимались охотой на ведьм в эпоху средневековья. В настоящее время данное прозвище может получить человек, который выводит людей «на чистую воду», но при этом преследует свои корыстные цели. Сам заголовок привлекает внимание экспрессивно окрашенной лексикой «подлый», что настраивает читателя на негативное отношение к упоминаемому человеку.

В статье с названием Hey-ho, hey-ho, it's off to work for Snow White's conference dwarves [7]. – Хей-хо, хей-хо, пора отправляться на конференцию гномов Белоснежки можно найти прямую отсылку к одной из сказок Братьев Гримм. Употребление междометий «Hey-ho, hey-ho» явствует о задорно-саркастическом тоне автора статьи, что подтверждается описанием, содержащимся в тексте и характеризующемся сохранением этой метафоры: Theresa May went for the Snow White approach of putting three of her cabinet dwarves, Grumpy, Dopey and Happy, out first on a Brexit-themed day. The only minister missing was Liam Fox. Smarmy would have to wait for another day. – Тереза Мэй пошла на Белоснежный подход, выставив первыми трёх карликов из своего кабинета, Ворчуна, Глупыша и Счастливчика в день, посвящённый Брекситу. Единственным отсутствующим министром был Лиам Фокс. Льстецу придётся ещё подождать. Навешивание ярлыков в виде имён гномов (причём одно из них не встречается в прототексте) создаёт эффект негативно-насмешливого отношения автора статьи к описываемым политическим деятелям. С позиции автора «гномы» являются лишь пешками в политической игре «Белоснежки» – Терезы Мэй, что само по себе конструирует негативный образ всех упомянутых политиков. Интенсификация определенной модели восприятия происходит именно в связке с текстовой реальностью сказочного хронотопа, а интимизация происходит на основе прецедентности (общеизвестности) исходного текста.

В силу того, что для конструирования нужного (чаще всего дерогативного) поля аксиологического пространства в политическом медиадискурсе используется игровая метафора, закономерен вывод о суггестивном потенциале именно этой контаминированной модели метафоризации. Отметим при этом, что аксиологические компоненты создаются преимущественно не на основе семантики используемых амфиболических лексем, но на коннотативном диссонансе и ассонансе, возникающем при неосознанном сравнении исходного прототекста, выступающего в качестве сферы-источника, и компонентов метатекста.

Метафорические модели, включающие в свой состав отсылку к прецедентным феноменам, многократно транслируемым в текстах культуры, формируют особый вид интертекстуальности, являющейся неким объективно-рефлексивным «блендом». Так в современном политическом медиадискурсе создается один из наиболее эффективных источников реализации ассоциативных образов и представлений, традиционно включаемых на основе текстовой и ситуативной прецедентности в коллективное сознание широких масс. Для успешной дешифровки, достижения нужного воздействующего эффекта и даже получения своеобразного удовольствия от подобных реминисценций распредмечивание подобного вида метафоричности требует достаточно широкого профанного бэкграунда, который коррелировал бы с фоновыми знаниями продуцента. Иногда аллюзия может не оправдать себя, если отсутствует общепризнанная взаимосвязь не собственно метафорических компонентов в исходном высказывании, но базы корреляции прецедентного высказывания (прототекста) и современной ситуации в объективной реальности. Эти компоненты источника и таргета могут носить индивидуально-авторский характер, однако, при соответствии интерпретативных пространств и они оказывают должный прогностический и манипулятивный эффект.

Подводя итоги вышепроведенному анализу, можно сделать закономерный вывод, что в рамках подкрепления образной и аксиологической составляющей, присутствующей в заголовке медиатекста политической направленности в силу метафоризации и интертекстуальности, сама сильная текстовая позиция способствует трансляции метафорической модели на восприятие целостного текста и устанавливает иерархию аксиологических смыслов, экстраполируемых во внеязыковое пространство.

Список литературы

1. Бредихин С. Н. Общие принципы текстопостроения как объекта распредмечивания смысла // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 634–640.
2. Бредихин С. Н. Принципы и условия наличия и формирования смысла (смыслопорождающие механизмы) // Современные проблемы науки и образования. 2013. №1. С. 374.
3. Бредихин С. Н., Бредихина Ю. И., Махова И. Н. Способы интимизации концептуально-валёрного пространства контркоммуникантов в институциональном дискурсе социальной работы // Научная мысль Кавказа. 2021. №2 (106). С.119–124.
4. Бредихин С. Н., Бургакова Л. Д. Перформативы и прескриптивы как маркеры конвенционально-финального компонента в людическом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. №3. С. 12–21.
5. Исаева А.Ю. Коммуникативно-прагматические особенности газетного заголовка (на материале англоязычных Интернет-изданий): дис. ... канд. филол. наук. Тула. 2017. 200 с.
6. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

7. Crace J. Hey-ho, hey-ho, it's off to work for Snow White's conference dwarves // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/politics/2016/oct/02/hey-ho-hey-ho-snow-whites-conference-dwarves-get-to-work (Accessed: 25.02.2022).
8. Cramer R. 'His Street Cred Went Up': The Unintended Consequences of Outing the GOP Lawmakers at Jan. 6 // Politico. Oct. 18, 2021. URL: https://www.politico.com/news/magazine/2021/10/18/democrats-outing-republican-lawmakers-january-6-insurrection-516109 (Accessed: 14.02.2022).
9. 'It is a zone of death, and we're complicit': Why Evangelicals are upset with Trump's Syria policy // The One World News. Nov. 03, 2021. URL: https://theoneworldnews.com/world-news/it-is-a-zone-of-death-and-were-complicit-why-evangelicals-are-upset-with-trumps-syria-policy/ (Accessed: 17.02.2022).
10. Rodríguez J.A. The Supreme Court Case That Created the 'Dreamer' Narrative // Politico. Oct. 31, 2021. URL: https://www.politico.com/news/magazine/2021/10/31/dreamers-undocumented-youth-forever-children-516354 (Accessed: 14.02.2022).
11. Schnotz W. Was geschieht im Kopf des Lesers? Mentale Konstruktionsprozesse beim Textverstehen aus der Sicht der Psychologie und der kognitiven Linguistik // Text-Verstehen. Grammatik und darüber hinaus. 2006. p. 222–238.
12. Tominey C. Parliament's chief sleaze inquisitor faces questions about her own partisanship // The Telegraph. Nov. 02, 2021. URL: https://www.telegraph.co.uk/politics/2021/11/02/meet-parliaments-chief-sleaze-inquisitor-whose-controversial/ (Accessed: 22.02.2022).

References

1. Bredikhin S. N. Obshchie printsipy tekstopostroeniya kak ob»ekta raspredmechivaniya smysla (General principles of text derivation as sense desobjectivation object) // Kognitivnye issledovaniya yazyka (Cognitive studies of language). 2015. No. 20. P. 634–640. (In Russian).
2. Bredikhin S. N. Printsipy i usloviya nalichiya i formirovaniya smysla (smysloporozhdayushchie mekhanizmy) (Pinciples and conditions of sense existence and derivation (sense derivation mechanisms)) // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (Modern problems of science and education). 2013. No. 1. P. 374. (In Russian).
3. Bredikhin S. N., Bredikhina Yu.I., Makhova I.N. Sposoby intimizatsii kontseptual'no-valernogo prostranstva kontrkommunikantov v institutsional'nom diskurse sotsial'noy raboty (Methods for intimization of the concept & value space of counter-communicants in the institutional discourse of social work) // Nauchnaya mysl' Kavkaza (Scientific Thought of Caucasus). 2021. No. 2 (106). P. 119–124. (In Russian).
4. Bredikhin S. N., Burgakova L. D. Performativy i preskriptivy kak markery konventsional'no-final'nogo komponenta v lyudicheskom diskurse (Performatives and prescriptives as markers of conventional-final component in ludic discourse) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki (Contemporary Problems of Philology and Pedagogical Linguistics). 2020. No.3. P. 12–21. (In Russian).
5. Isaeva A. Yu. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti gazetnogo zagolovka (na materiale angloyazychnykh Internet-izdaniy) (Communicative and pragmatic features of newspaper headline (as exemplified in online media)): thesis. Tula, 2017. 200 p. (In Russian).
6. Krasnykh V. V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya (Ethno- psycholinguistics and linguoculturology). Moscow: Gnozis, 2002. 284 p. (In Russian).
7. Crace J. Hey-ho, hey-ho, it's off to work for Snow White's conference dwarves // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/politics/2016/oct/02/hey-ho-hey-ho-snow-whites-conference-dwarves-get-to-work (Accessed: 25.02.2022).
8. Cramer R. 'His Street Cred Went Up': The Unintended Consequences of Outing the GOP Lawmakers at Jan. 6 // Politico. Oct. 18, 2021. URL: https://www.politico.com/news/magazine/2021/10/18/democrats-outing-republican-lawmakers-january-6-insurrection-516109 (Accessed: 14.02.2022).
9. 'It is a zone of death, and we're complicit': Why Evangelicals are upset with Trump's Syria policy // The One World News. Nov. 03, 2021. URL: https://theoneworldnews.com/world-news/it-is-a-zone-of-death-and-were-complicit-why-evangelicals-are-upset-with-trumps-syria-policy/ (accessed: 17.02.2022).
10. Rodríguez J.A. The Supreme Court Case That Created the 'Dreamer' Narrative // Politico. Oct. 31, 2021. URL: https://www.politico.com/news/magazine/2021/10/31/dreamers-undocumented-youth-forever-children-516354 (Accessed: 14.02.2022).
11. Schnotz W. Was geschieht im Kopf des Lesers? Mentale Konstruktionsprozesse beim Textverstehen aus der Sicht der Psychologie und der kognitiven Linguistik // Text-Verstehen. Grammatik und darüber hinaus. 2006. p. 222–238.
12. Tominey C. Parliament's chief sleaze inquisitor faces questions about her own partisanship // The Telegraph. Nov. 02, 2021. URL: https://www.telegraph.co.uk/politics/2021/11/02/meet-parliaments-chief-sleaze-inquisitor-whose-controversial/ (Accessed: 22.02.2022).

Сведения об авторе

Парешнева Валерия Олеговна – аспирант кафедры французской филологии гуманитарного института Кубанского государственного университета / kff-kubsu@yandex.ru
Адрес: д. 149, ул. Ставропольская, 350040, Краснодар, Российская Федерация.

Information about the author

Pareshneva Valeriya O. – postgraduate student, Chair of French philology, Kuban state university / kff-kubsu@yandex.ru
The address: 149, Stavropolskaya st., 350040, Krasnodar, Russian Federation.

CC BY

УДК 81.255

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.23

Э. В. Пиванова

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ОНЛАЙН-ПУБЛИКАЦИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ BTL-ТЕХНОЛОГИЙ В АСПЕКТЕ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

В статье рассматриваются основные переводческие особенности англоязычных статей предметной области маркетинговых коммуникаций. Актуальность исследования определяется следующими факторами: конъюнктурными потребностями в изучении аутентичных материалов сферы маркетинговых коммуникаций с целью повышения их эффективности; экспансией английского языка в сферы науки и технологии; необходимостью создания универсальной русскоязычной терминосистемы тематической области «маркетинговые технологии». Исследования, посвященные транслатологии публикаций об оценке эффективности BTL, в доступной литературе отсутствуют. Материалом исследования послужили 4 англоязычные онлайн-публикации, размещенные в открытом доступе в онлайн-версиях международных научных журналов. Цель работы заключается в выявлении особенностей перевода терминологических единиц сферы BTL-коммуникаций, определении возможностей адаптации, проведении анализа переводческих решений при передаче содержания текстов, посвященных оценке эффективности BTL-коммуникаций. В работе были использованы общенаучные методы наблюдения, описания и классификации, лингвистические методы: дефиниционный метод для уточнения содержания основных понятий; метод сравнительного анализа для сопоставления терминосистем русского и английского языков; лингвостилистический анализ для определения параметров научного текста; транслатологический анализ для выявления способов перевода единиц исходного текста, сравнительный анализ и метод обобщения и индукции для выделения маркетинговых аспектов оценки эффективности BTL-технологий. Установлено, что транслатологические особенности онлайн-публикаций, посвященных оценке эффективности BTL-технологий, преимущественно обусловлены спецификой узкоспециальных терминоединиц, составляющих кластерную заимствованную терминосистему. Наличие компрессивной и адаптивной межъязыковой асимметрии является существенным фактором, который необходимо учитывать в процессе поиска оптимальных переводческих решений при работе с названным типом текста. Выявлены наиболее частотные переводческие трансформации, применимые при передаче различных типов терминологической лексики BTL-сферы.

Ключевые слова: письменный перевод, BTL-коммуникации, научный текст, адаптация, переводческие преобразования, терминология, заимствования.

Для цитирования: Пиванова Э. В. Транслатологическая специфика онлайн-публикаций, посвященных оценке эффективности BTL-технологий в аспекте маркетинговых коммуникаций // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 339–350. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.23

Elina V. Pivanova

TRANSLATOLOGICAL FEATURES OF ONLINE PUBLICATIONS ON EVALUATING THE BTL TECHNOLOGIES EFFECTIVENESS IN THE ASPECT OF MARKETING COMMUNICATIONS

The article discusses the main translation features of English-language articles in the subject area of marketing communications. The relevance of the research is determined by the following factors: conjunctural needs in the study of authentic materials in the field of marketing communications in order to increase their effectiveness; the expansion of the English language into the fields of science and technology; the need to create a universal Russian term system of the thematic area «marketing technologies». There are no studies on the translation of publications on the BTL effectiveness evaluation in the available literature. The research material was four English online publications published in open access in online versions of international scientific journals. The purpose of the work is to identify the features of the translation of terminological units of the BTL-communications sphere, to determine the possibilities of adaptation, to analyze translation solutions when transmitting the content of texts devoted to evaluating the effectiveness of BTL-communications. General scientific methods of observation, description and classification were used in the work. Linguistic methods of the study included definition method to clarify the content of basic concepts; comparative analysis method to compare the terminological systems of the Russian and English languages; linguistic analysis to determine the parameters of a scientific text; translatological analysis to identify ways to translate units of the source text, comparative analysis and a method of generalization and induction to highlight marketing aspects of evaluating the effectiveness of BTL technologies. It is established that the translatological features of online publications devoted to evaluating the effectiveness of BTL technologies are mainly due to the specifics of highly specialized term units that make up the cluster borrowed term system. The presence of compressive and adaptive interlanguage asymmetry is an essential factor that must be taken into account in the search for optimal translation

solutions when working with this type of text. The most frequent translation transformations were clarified.

Key words: written translation, BTL-communication, scientific text, adaptation, translation transformations, terminology, borrowings.

For citation: Pivanova E. V. Translatological features of online publications on evaluating the BTL technologies effectiveness in the aspect of marketing communications // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 339–350. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.23

Динамичное развитие науки и технологий, активное освоение новых областей жизнедеятельности, глобальный характер межкультурного взаимодействия, выдвижение приоритетных сфер коммуникации, расширение транснациональных проектов неизменно отражаются в языковых системах. В рамках стремительно развивающихся маркетинговых технологий формируется специфический терминологический аппарат, тематически соотносимый с комплексом направлений данной предметной области и являющийся неотъемлемой частью языка профессионального общения. Под языком профессионального общения понимают «совокупность естественных или естественно-искусственных языковых средств, использующихся в какой-либо области знаний и/или деятельности главным образом для передачи предметной информации и отражающих понятийный аппарат, не являющийся достоянием большинства носителей данного национального языка» [14, с. 74]. Так, сфере маркетинговых технологий принадлежит известный узкому кругу специалистов и весьма симптоматичный по своему внешнему виду термин «BTL-коммуникации».

В исследованиях современных маркетинговых коммуникаций BTL-технологии рассматриваются как направление маркетинговой деятельности, в котором не задействованы традиционные рекламные средства. В течение определенного времени в мировой теории маркетинга существовало разделение ATL (above-the-line) и BTL (below-the-line)-коммуникаций. К ATL относят печатные СМИ, радио, телевидение, наружная и внутренняя реклама. BTL-практика включает широкий набор каналов взаимодействия непосредственно с потребителем.

Исследование русскоязычных публикаций, освещающих проблематику BTL-коммуникаций, позволяет выделить ряд специфичных черт, присущих терминосистеме данной области. Терминологическая сфера дискурса BTL-коммуникаций формируется посредством включения терминологической лексики ряда тематических областей. На этом основании нами были выделены следующие лексико-тематические группы:

1. Экономическая терминология – термины, используемые при количественном анализе данных, индексы, коэффициенты, экономические формализованные аббревиатуры, специальные термины и терминосочетания, которые используются в международной экономической статистике: ROI – отношение балансовой прибыли к чистой стоимости активов; dependent variable regression – регрессия зависимой переменной.
2. Компьютерная терминология используется преимущественно в интернет-маркетинге для сбора и анализа данных о результатах проведенных мероприятий с помощью цифровых технологий: NPS (Net Promoter Score) – индекс лояльности потребителей; MDX (Multidimensional Expressions) – язык запросов, ориентированный на доступ к многомерным структурам данных; OLAP – технология обработки данных, заключающаяся в подготовке суммарной (агрегированной) информации на основе больших массивов данных.
3. Специальная терминология отражает специфику собственно BTL-коммуникаций и функционирует строго внутри терминологического поля: switch-selling – обмен продукции конкурента на рекламируемый товар; cross-promotion – рекламные акции, направленные на продвижение двух неконкурирующих брендов, POSM – рекламные материалы, размещаемые непосредственно в местах продаж..

Примечательно, что около 90 % терминов, составляющих терминосистему BTL, представлены англоязычными заимствованиями, которые устойчиво ассимировались или проходят процессы ассимиляции в российском маркетинговом лексиконе. На процесс заимствований влияют как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. К числу лингвистических факторов относят стремление к однозначности термина (устранение полисемии и омонимии), необходимость детализации лексического значения, заполнение лакун в языке-реципиенте, экономия языкового ресурса и усилий [7, 15]. Экстралингвистические факторы связаны с социальными, психическими, эстетическими условиями, развитием новых технологий, ростом числа знающих иностранные языки. По отношению к исследуемой терминосистеме релевантны следующие причины: заполнение лакун в силу отсутствия аналогичных понятий и явлений в русском лексиконе; необходимость универбации (краткости именования с целью избежать многословности); глобализация маркетинговых и информационных технологий; стремление продемонстрировать специфику соответствующего профессионального сообщества.

Развитие технологий и появление новых отраслей в различных областях жизнедеятельности неизбежно влечет за собой появление заимствований. В некоторых областях происходят точечные, поступательные заимствования, когда новый термин периодически «вбрасывается» в профессио-

нальное терминологическое пространство в связи с новыми открытиями или разработками. Для инновационных и быстроразвивающихся сфер, к которым относятся и маркетинговые коммуникации, характерно «кластерное» заимствование терминов, то есть заимствуется целая терминосистема [8]. Согласно наблюдениям, в среде BTL широко используются трансплантированные англицизмы, встроенные в русскоязычный текст. С одной стороны, такие вкрапления затрудняют понимание, с другой стороны, указывают на владение авторами публикаций иноязычной терминологией: GWP-промоушн, giveaway, повышение brand awareness. Данная тенденция прослеживается и в номинации каналов BTL-маркетинга. Так, в большинстве источников мы находим: Использование Consumer Promotion в BTL и расчет эффективности мероприятий. Наиболее динамично развивающейся частью российского рекламного рынка, по прогнозам АКАР, являются Direct marketing коммуникации [10].

В ряде случаев, ввиду отсутствия в российской практике однословного эквивалента, используются транслитерированные заимствования: воблер – рекламное изображение, которое крепится к полке, дисплею или стенке на гибкой ножке и привлекает внимание за счет вибрации; дашборд (дэшборд) – современный формат сбора и визуального представления массивов данных в реальном времени, с помощью которого руководители и менеджеры понимают, что в данный момент происходит с определенными показателями и группами показателей. Подобные пространные описания затруднили бы процесс коммуникации, поэтому в литературе закрепились специальные номинации, которые можно считать условными терминами. Кроме того, подразумевается, что текст, в котором содержатся данные термины, адресован компетентному реципиенту. Таким образом, в данных примерах термины-англицизмы выполняют лакунозаполняющую и компрессивную функции.

Терминосистема BTL оформляется посредством собственных узкоспециальных терминов в сочетании с принципом интегративности, т. е. включения терминов из других областей, и динамичности, т.к. термины могут изменять план выражения. Для анализа терминосистем применим метод симметрии-асимметрии [3, 17 и др.], который доказывает свою эффективность при изучении гармонизации, то есть установления четких соответствий межъязыковых терминов. Так, наличие значительного количества аббревиатур, образовавшихся из многокомпонентных терминов (компрессия), свидетельствует о динамичном характере данной системы. При этом демонстрируется явление компрессивной асимметрии, которая возникает при сокращении числа форм с сохранением числа функций и выводит терминосистему на более высокий уровень упорядоченности [23]: CPA (cost per action), CPO (cost per order), SMM (social media marketing), ЦА (целевая аудитория).

Адаптивная асимметрия реципиентной (русскоязычной) терминосистемы обеспечивает гибкость и приспособляемость языка к любым принципиально непредсказуемым режимам общения [13, с. 10]. В отношении терминосистемы BTL она актуализируется в нескольких вариантах. В первом случае речь идет об активном использовании трансплантатов и гибридов: BTL-агентство, POS-материалы, GWP-промоушн, Sales Marketing, Price Promotion and Discount (в русскоязычных текстах). Данные примеры иллюстрируют применение в качестве эквивалентов неосвоенных единиц, которые сохраняют иноязычную графическую форму.

Второй вариант предполагает объемные и громоздкие способы экспликации иностранного термина. При этом термины не имеют инвариантных форм и не соответствуют критерию краткости: Spraying – реклама парфюмерной продукции, направленная на увеличение сбыта и на то, чтобы познакомить потребителей с новой парфюмерной продукцией. Cash Returns – возврат и возмещение части денежных средств.

В третьем случае адаптивная асимметрия проявляется на фоне конкуренции семантических вариантов перевода (терминологической синонимии): Consumer promotion – потребительский маркетинг; стимулирование сбыта среди потребителей; продвижение товаров среди потребителей.

Ожидаемым способом развития и упорядочения термина, скорее всего, будет семантическая калька, которая зафиксируется в научной и справочной литературе.

Таким образом, терминосистема BTL представляет собой интегративное, динамичное образование. Фиксация компрессивной и адаптивной межъязыковой асимметрии позволяет установить уровень упорядоченности терминологических единиц и спрогнозировать вероятностные сценарии эффективной ассимиляции предтерминов в языке-реципиенте посредством переводческих трансформаций.

Маркетинговые исследования – особая сфера, которая ставит перед переводчиком множество задач. Зачастую переводчик выступает в качестве первопроходца в силу новизны самой предметной области и векторов ее развития. Точный маркетинговый перевод предполагает наличие соответствующих теоретических знаний и профильной практики, включающей основы рекламной деятельности, технологии продвижения товара, характеристики целевого рынка, знания особенностей терминологического аппарата и т. д.

Переводческие проблемы, неизбежно возникающие в процессе достижения целей перевода, преодолеваются посредством переводческой

адаптации. В теории перевода термин «адаптация» имеет неоднозначную трактовку [4, 5, 21]. Мы разделяем точку зрения тех ученых, которые считают адаптацию неотъемлемой частью процесса перевода [18 и др.]. В рамках данных концепций выделяют локальную и глобальную адаптацию [24, с. 41]. Локальная адаптация предусматривает переводческие манипуляции с отдельной частью текста, представляющей переводческие трудности, глобальная применяется к целому тексту и направлена на преодоление кодовых, социокультурных и коммуникативных несоответствий [там же, с. 39].

Переводческую адаптацию можно понимать как комплекс переводческих преобразований, осуществляемых на различных уровнях в зависимости от коммуникативной ситуации, нацеленных на достижение адекватности перевода с позиции принимающей лингвокультуры. Для определения предполагаемой степени и уровня адаптации конкретного текста необходимо определить его лингвистические и экстралингвистические параметры, детерминирующие основные алгоритмы переводческих действий. Анализ текстов исследуемой тематической области [26, 27, 28, 29] дает возможность определить их очевидные дифференцирующие лингвистические признаки уже на поверхностном уровне. Прежде всего, это лексическое наполнение в виде

- узкоспециальной терминологии и понятий, относящихся к сфере маркетинговых и BTL-коммуникаций: BTL activities (BTL-акции), brand equity (ценность бренда); point-of-sale (точка продажи);
- общенаучной терминологии: research hypothesis (гипотеза исследования), analytical study (аналитическое исследование), methodology (методология), random sampling (сплошная выборка);
- дефиниций: The marketing mix is a set of tools used in marketing which the firm initiates to get the response from the targeted market which it wants. – Маркетинговый комплекс – это набор используемых в маркетинге инструментов, которые применяет фирма для получения желаемого отклика целевой аудитории;
- прецизионной лексики (отражающей фатическую информацию, не зависящую от контекста: имена собственные, числительные, коэффициенты, эргонимы и т.п.): The value of Reliability is 0.711 (показатель достоверности); Cronbach's Alpha (коэффициент Альфа Кронбаха); Olper (название бренда).

На уровне лексики мы можем говорить об адаптации заимствованых маркетинговых понятий и терминосистем, в процессе которой необходимо учитывать уровень ассимиляции той или иной терминоединицы. В лексикологии различают ассимилированные, частично ассимилированные и неассимилированные заимствования (в зависимости от степени освоенности в языке-реципиенте). Ассимилированные термины имеют соответствия (как правило, кальки), зафиксированные в справочной или специальной литературе и обладающие определенной словообразовательной активностью. Частично ассимилированные термины демонстрируют вариативность соответствий и образуют синонимические ряды, что противоречит критерию однозначности. Неассимилированная терминология существует преимущественно в формах трансплантатов, что свидетельствует об отсутствии или незначительной освоенности термина в принимающей языковой системе. Требования нормализации и гармонизации заимствованных терминосистем предусматривают терминологическую эквивалентность, то есть достижение возможного оптимального результата перевода при максимальной компетентности переводчика [1]. Степени терминологической эквивалентности придается особое значение в условиях межкультурной коммуникации при создании многоязычных информационно-поисковых тезаурусов, которые используются для обработки документов и информационного поиска, в том числе и цифрового, в целях обмена информацией. В соответствии со стандартами ИСО (International Organization for Standardization, ISO) и ISO0860 Terminology Work – Harmonization of Concepts and Terms, в настоящее время принято, что межъязыковые соотношения понятий и терминов реализуются посредством полных эквивалентов (термины в исходном и переводящем языках идентичны), частичных эквивалентов (использование термина в более узком или более широком значении, т.е. приближенный перевод), безэквивалентных единиц (отсутствие в переводящем языке термина, способного передать понятие). В ходе анализа терминосистемы маркетинговых технологий нами было установлено количественное соотношение указанных случаев эквивалентности (таблица 1).

Таблица 1 / Table 1

Виды эквивалентности при переводе терминов в текстах предметной области маркетинговых технологий / Types of equivalence when translating terms in the texts of the subject area of marketing technologies

	Полные эквиваленты	Частичные эквиваленты	Безэквивалентная лексика	Общее количество
%	20	34	46	100
Ед.	32	54	74	160

Приведенные данные свидетельствуют о значительном количестве неосвоенных терминов в маркетинговой терминосистеме руского языка. Полными эквивалентами являются ассимилированные термины: direct marketing – прямой маркетинг, sales promotion – стимулирование сбыта, event marketing – событийный маркетинг, guerrilla marketing – партизанский маркетинг. В случаях с частичными эквивалентами наблюдаются семантические различия в терминах исходного и переводящего языков с амплификацией или редукцией значения. Например, термин price promotion в англоязычной терминологии означает весь процесс ценового продвижения (стимулирования), который включает, помимо собственно краткосрочного снижения цены на товар, объявления о скидках, распространение купонов и т. д. В русскоязычной версии предлагается вариант «скидка», что значительно сужает семантику данного термина.

Примечательно, что подавляющее число терминоединиц, относящихся к сфере маркетинговых коммуникаций, представляет собой безэквивалентную лексику, т. е. отсутствие понятий в русском языке. Этим фактом объясняется наличие большого количества трансплантатов и случаев описательного перевода. Ярким примером могут служить сами номинации маркетинговых технологий: BTL (below the line), ATL (above the line), TTL (through the line), которые сохранили оригинальную графическую форму и вошли в русский язык в неизменном виде. Ряд терминосочетаний, таких как Volume Pull, в русскоязычных текстах снабжены переводческим комментарием, разъясняющим их значение: стимулирование закупок товара мелким оптом со складов крупного опта или поддержание уровня дистрибьюции в мелком опте.

Данное соотношение видов эквивалентности при переводе заимствованных терминов в текстах маркетинговых коммуникаций указывает на возможность переводческой адаптации на лексическом уровне в случаях с относительными (частичными) эквивалентами и безэквивалентной лексикой. Следует отметить, что перевод маркетинговой терминологии представляет собой сложную переводческую задачу, поскольку переводчик должен ориентироваться в обозначенной предметной области, знать нормообразующие принципы функционирования терминов в международных терминосистемах, уметь находить баланс между адаптацией термина в иной лингвокультуре и критериями эквивалентности. В. А. Татаринов разделяет практику применения эквивалентной лексики при переводе терминов и собственно перевода: «задача перевода термина состоит не в установлении тривиального эквивалента, а в нахождении способа языковой манифестации нового терминологического смысла» [20, с. 138]. Необходимость стилистической адаптации при переводе возникает при наличии стилистических расхождений в англоязычном и русскоязычном языковом материале. По словам В. Н. Комиссарова, стилистическая адаптация применяется в тех случаях, когда «какие-то особенности обнаруживаются только в одном из языков», и тогда «специфические средства изложения в оригинале заменяются языковыми средствами, отвечающими требованиям данного стиля в ПЯ» [11, с. 127]. Иными словами, адаптация текста на стилистическом уровне заключается в обработке текста перевода таким образом, чтобы он соответствовал литературным канонам и традициям принимающего языка и был актуальным для его носителей. Сопоставление научных текстов, освещающих проблематику маркетинговых коммуникаций на английском и русском языках, указывает на наличие общих черт, нормативная регламентация лексико-грамматических средств проявляется в сходных способах репрезентации научной информации. Однако различия морфологического и синтаксического строя русского и английского языков в ряде случаев требуют стилистической адаптации при переводе. К примеру, для русского языка характерен номинативный строй, т. е. преимущественное использование существительных и других именных частей речи, в то время как в английском языке доминируют глагольные формы. Многозначность, свойственная английской лексике, также может составлять переводческую трудность. Рассмотрим возможность применения стилистической адаптации на примере фрагмента из научной статьи «Impact of BTL Activities on Brand Awareness of Tetra Pack Milk» [26]:

This research encompasses an analytical study of “Below the line advertising activities and how they help to increase the sales of “Tetra pack milk industry”. The idea is to determine as to what factors that are helpful in the growth of BTL advertising activities and why they have become so effective in the current advertising scenario and how they help to generate sales of a product. BTL techniques are very helpful in creating and ensuring the awareness and recall of the brand, they also highlight the product features to customers. – Данное исследование посвящено анализу рекламных акций в рамках BTL и тому, каким образом они способствуют увеличению продаж молочной продукции Тетра Пак. Идея заключается в том, чтобы определить, какие факторы влияют на рост рекламной активности BTL, почему они настолько эффективны в актуальном рекламном сценарии и как они обеспечивают сбыт продукта. Приемы BTL весьма эффективны, когда речь идет о создании и укреплении узнаваемости и запоминаемости бренда. Они также акцентируют внимание потребителя на характерных особенностях продукта.

Как показывает сопоставительный анализ исходного и переводного текста, ряд контекстов оригинала содержат единицы, требующие определенных адаптивных модификаций. Основная

причина стилистической адаптации заключается в том, что английский текст отличается упрощенными формулировками с использованием обыденной лексики, в то время как русскому научному стилю свойственны иные нормы речестилистического оформления. В связи с этим, общую адаптивную тенденцию в стилистическом плане можно обозначить как необходимость повышения стиля. Так, сочетание this research (букв. это исследование) было заменено на данное исследование; глаголу help были подобраны соответствия способствуют и обеспечивают; прилагательное helpful (полезный) в тексте перевода зафиксировано посредством варианта эффективный; усилительное наречие very (очень) в буквальном переводе имеет в определенной степени просторечный оттенок, что противоречит узусу русского научного стиля. В связи с этим, мы посчитали целесообразным использовать наречие весьма.

Расхождения в синтаксических структурах русского и английского языков потребовало перестройки ряда предложений. Так, сложносочиненное предложение BTL techniques are very helpful in creating and ensuring the awareness and recall of the brand, they also highlight the product features to customers было разделено на два простых. Кроме того, в переводном варианте было изменено тема-рематическое членение исходного предложения: Приемы BTL весьма эффективны, когда речь идет о создании и укреплении узнаваемости и запоминаемости бренда. Они также акцентируют внимание потребителя на характерных особенностях продукта.

Прагматический аспект перевода может трактоваться в трех направлениях: как передача прагматических значений слов оригинала, как прагматическая задача конкретного акта перевода, как прагматическая адаптация перевода для достижения равноценного коммуникативного эффекта в оригинале и переводе [11]. Переводческая деятельность состоит не только в создании переводного текста, эквивалентного оригиналу, но и в учете коммуникативного воздействия на получателя. Данный подход определяет прагматические задачи, которые связаны с решением проблем адресанта, т. е. с выбором языковых средств, отражающих его коммуникативную интенцию, а также с решением проблемы адресата, т. е. с вопросами правильной интерпретации языкового сообщения для «понимания коммуникативной сути» [9, с. 38].

Прагматическая адаптация детерминируется как лингвистическими, так и экстралингвистическими характеристиками текста. К категории значимых экстралингвистических параметров, влияющих на процесс перевода, относятся цель исходного теста и специфика коммуникативной ситуации перевода [18, с. 167]. Тексты, посвященные анализу эффективности BTL-технологий, нацелены на сообщение теоретических знаний и эмпирических данных в области маркетинговых исследований, адресованы специалистам в области маркетинга, поэтому их перевод не требует дополнительных разъяснений и комментариев. Рассмотрим фрагмент статьи на предмет необходимости прагматической адаптации:

Primary source data is collected directly by the researcher from the target audience. There is no secondary source of data available for this research. The data is collected through interviews and questionnaire. The research instrument which is used in this research is “Questionnaire”. After collecting the data we use SPSS software for implementation of the data. Multiple Regressions is used as a tool for this research. To test the reliability of the questions relating to each variable a reliability analysis was done using Cronbach alpha value. The value of Reliability is 0.858 which means that data is reliable [28]. – Первичные исходные данные поступают непосредственно от целевой аудитории. Вторичный источник данных для этого исследования не предполагается. Данные собираются с помощью интервью и анкетирования. Инструментом, который используется в этом исследовании, является “Анкета”. Данные оцифровываются при помощи программного продукта SPSS и обрабатываются методом множественной регрессии. Для проверки надежности предложенных в исследовании вопросов, относящихся к каждой изучаемой переменной, был проведен анализ надежности с использованием значения альфа Кронбаха. Этот показатель составил 0,858, что означает, что данные являются надежными.

В данном случае коммуникативная ситуация перевода характеризуется следующими параметрами: цель – описание исследовательской методики, передача точных эмпирических данных; условия осуществления коммуникации – наличие стандартизованной системы кодирования и декодирования информации (термины, знаки, символы, коэффициенты, показатели). В качестве реципиентов могут выступать специалисты, заинтересованные в получении информации данного типа. Основные параметры ситуации перевода предполагают полное совпадение коммуникативных эффектов исходного и переводного текстов, что не дает оснований для использования адаптации на прагматическом уровне.

С транслатологической точки зрения яркой особенностью статей, посвященных маркетинговым коммуникациям, является наличие значительного количества узкоспециальной терминологии, которая и составляет основную переводческую проблему. Методом сплошной выборки из материала исследования нами было извлечено 160 терминоединиц, номинирующих основные понятия исследуемой предметной области.

На основании структурной организации термины были разделены на следующие группы [22]: простые, производные, сложные, терминосоче-

тания, сокращения. Наибольшую частотность демонстрируют терминосочетания, количество которых составляет около 60 % от общего количества выявленных единиц. Затем следуют сокращения (27 %) от общего числа терминов. Самую незначительную в количественном отношении группу представляют простые термины (10 %). Также были выявлены единичные случаи использования сложных и производных терминов (3 %).

При передаче термина, как правило, возникают сложности в подборе точного соответствия, вызванные различиями в структуре терминов английского и русского языков, вариантностью соответствий при переводе, явлениями омонимии и синонимии, отсутствием понятия в русском языке. Традиционно в качестве способов перевода терминов предлагаются: поиск лексического эквивалента; лексические трансформации (калькирование, бесперевводное заимствование (переводческая транскрипция или транслитерация); грамматические трансформации (замена форм слова, частей речи); описательный перевод [2].

Проанализируем способы перевода терминов в каждой из полученных групп. Поскольку простые и производные термины представлены ограниченным количеством единиц, рассмотрим их комплексно в категории однокомпонентных терминов. В связи с тем, что мы имеем дело с заимствованной терминосистемой, лишь незначительное число терминов данной группы имеют устойчивые эквиваленты в русском языке: discount – скидка; sale – продажа; leaflet – листовка; sample – пробник.

В остальных случаях наблюдается заимствование терминов, которые ассимилировались в русскоязычной маркетинговой терминологии, трансформируясь посредством транскрипции или транслитерации. Так, термин flyer обозначает небольшую яркую рекламную листовку, обычно использующуюся в промоакциях и дающую право на скидку или подарок, в русскоязычной интерпретации сохраняет свою исходную форму флаер (переводческая транскрипция) и является бесперевводным заимствованием. Данный способ используется и по отношению к другим терминам данной группы. Например, при номинации оборудования, которое используется как инструмент мерчайдайзинга (оформление точек продаж), так называемых POS-материалов: lightbox (светотехническое изделие, используемое для наружной рекламы). В публикациях маркетинговой тематики используется бесперевводное заимствование лайтбокс (транскрипция). На наш взгляд, использование иноязычного слова должно быть обоснованным, и не являться результатом следования модным трендам. Поскольку в русском языке существует эквивалент световой короб, который обозначает аналогичное понятие, мы считаем использование заимствования безосновательным. Другие примеры:

shelftalker (визуальный элемент мерчандайзинга, включающий мотивирующее изображение с логотипом бренда) – шелфтокер (транскипция);

shelforganizer (специальное рекламное оборудование, позволяющее выделить продукт определенного бренда среди других товаров) –шелфорганайзер (транскипция).

Транслатологический анализ однокомпонентных маркетинговых терминов, который проводился с опорой на справочную литературу и аналоговые тексты соответствующей предметной области, показывает, что на данный момент в русскоязычной маркетинговой терминосистеме преобладают заимствованные транскрибированные (или транслитерированные) терминоединицы (таблица 2).

Таблица 2 / Table 2

Способы перевода однокомпонентных терминов предметной области маркетинговых технологий / Methods of translation of single-component terms of the subject area of marketing technologies

Способ перевода	%
Лексический эквивалент	40
Переводческая транскрипция	59
Калькирование	1

Как видно их таблицы, данная тенденция наблюдается в отношении терминосистемы маркетинга в целом. В некоторых случаях использование заимствованного термина имеет основания, как в случае с термином шелфорганайзер, подобно родственному ему слову органайзер, которое уже давно ассимилировалось в русском языке. Вполне логично заимствование термина мерчандайзер, поскольку привычные лексемы продавец, товаровед не соответствуют объему понятия, обозначаемому данным термином. Заимствования в описанных случаях отвечают критерию краткости и однозначности, не требуют громоздкого переводческого комментария и выполняют лакунозаполняющую функцию. Тем не менее, в ряде ситуаций использование заимствованных терминов представляется излишним. К примеру, в маркетинговых материалах часто встречаются лексемы сэмплинг (производное от sample), лифлетинг (производное от leaflet). При наличии естественных и понятных эквивалентов раздача листовок и раздача пробников подобное увлечение англицизмами мы считаем неоправданным.

Анализ количественного состава терминов показал, что наиболее многочисленную группу составляют многокомпонентные (преимущественно двусоставные) термины. Преобладание данного структурного типа, сформировавшегося в результате синтаксического способа терминообразования, является не только показателем активности процессов генерации терминов внутри терминосистемы (если простые термины обозначают родовые понятия, то составные термины обозначают видовые понятия), так и динамического развития общенационального языка.

При переводе многокомпонентных терминов необходимо учитывать их структурные особенности. Многокомпонентные термины в исследуемых текстах представлены следующими структурными типами: Adj + N; N + N, то есть атрибутивными группами. Р. Ф. Пронина рекомендует следующие приемы перевода многокомпонентных терминов: 1) калькирование; 2) перевод с использованием родительного падежа; 3) перевод с использованием предлогов; 4) перевод одного из компонентов терминосочетания группой поясняющих слов; 5) перевод с изменением атрибутивной группы [16, с. 20].

При конструировании переводных вариантов термина принималось во внимание, что главный компонент должен обозначать категорию, к которой относится объект, т. е. выражать родовое понятие, а определяющий компонент должен выражать его специфические признаки, отличающие его от явлений того же рода.

В ряде случаев перевод терминосочетаний не составил трудностей, поскольку некоторые термины уже зафиксированы в русскоязычной маркетинговой терминосистеме. Основным способом перевода этой группы терминов является калькирование, которое занимает промежуточное положение между собственно переводными и беспереводными способами передачи терминов. Кальки могут быть структурными [6], (морфемными, словообразовательными [19] и семантическими. Структурные – воспроизводят форму иноязычного слова посредством морфем языка-реципиента. Семантические кальки предполагают появление у слова принимающего языка нового значения по образцу иностранного слова. При этом исконные слова зачастую выступают в переносных значениях: direct marketing – прямой маркетинг (семантическая полукалька, поскольку второй компонент словосочетания marketing является заимствованным); target audience – целевая аудитория (калькирование); direct mail – прямая почтовая рассылка (калькирование + добавление); event marketing – событийный маркетинг (семантическая полукалька); guerrilla marketing – партизанский маркетинг (семантическая полукалька); loyalty programs – программа лояльности (структурная калька + перестановка); sales promotion – продвижение продаж (структурная калька + перестановка).

Общей тенденцией перевода терминосочетаний маркетинговой тематики, как и в случае с однокомпонентными терминами, является трансплантат с последующим разъяснением или комментарием: Директ-мейл маркетинг (direct mail marketing) называют по инерции прямой почтовой рекламой, так как отправитель чаще всего обращается к адресату с письменным посланием, отправлением по почте [12]. Подобный способ передачи терминов как наиболее употребимый, тем не менее, вызывает сомнения, поскольку, во-первых, перегружает текст, а во-вторых, противоречит стремлению научных сообществ к созданию единых тезаурусов и стандартизации терминосистем конкретных областей, в которых каждый компонент терминосистемы должен иметь устойчивый эквивалент, что предотвращает разночтения, упорядочивает стихийность и хаотичность образования новых терминов в языке-реципиенте, способствует созданию терминологии на понятном, живом языке без перехода на сленг. В связи с этим, важным моментом в переводе терминов, на наш взгляд, является, по мере возможности, поиск или создание русскоязычного инварианта.

Трудности перевода многокомпонентных терминов обусловлены преимущественно двумя факторами: наличием ряда вариантов перевода термина, а также неясностью смыслового содержания понятия, обозначенного тем или иным термином. Так, для обозначения ключевых понятий маркетинга brand awareness и brand equity в различных источниках упоминаются: brand awareness – осведомленность о бренде, знание бренда, степень упоминаемости бренда; brand equity – капитал бренда, достоинство марки, стоимость марки и т.п.

Для осуществления адекватного перевода данных единиц прежде всего необходимо было уточнить объем понятий, в связи с чем нами был проведен дефиниционный анализ посредством обращения к аутентичным источникам [25]. Было установлено, что сущность понятия brand awareness заключается в уровне признания бренда покупателями, поэтому в качестве наиболее приемлемого варианта перевода был выбран узнаваемость бренда. Понятие brand equity связано с восприятием бренда покупателями как значимого (ценного) и с экономической ценностью бренда. В связи с этим, буквальный перевод лексемы equity (равенство, справедливость, капитал) невозможен, поэтому был предложен вариант ценность бренда, в объем значения которого входит как психологическая, так и материальная значимость (ценность) бренда. Емкость понятия «ценность» позволяет наполнить термин многообразными, но непротиворечивыми смыслами. В обоих случаях был использован прием смыслового развития.

Трансформация исходного слова в связи с логическим развитием его значения потребовалась в случае перевода таких терминов как cross-promotion и road show, которые в источниках используются также в виде трансплантатов. Под cross-promotion подразумеваются маркетинговые акции, которые направлены на продвижение двух неконкурирующих брендов, что дает возможность увеличить охват целевой аудитории и обогатить продукт новыми характеристиками. Для номинации подобных акций в маркетинговой среде бытует сленговое выражение «кроссы». Смысловая реконструкция лексемы «cross» в данном контексте позволила прийти к оптимальному переводческому решению «совместное продвижение».

Термин *road show*, известный в таких интерпретациях как роуд шоу, роад шоу, дорожное шоу, мотивационная поездка означает один из инструментов событийного маркетинга, направленный на привлечение внимания потребителей в регионах и расширенной демонстрации продукта. Переводческое решение в очередной раз лежит в понимании сущности мероприятия. Руководители и топ-менеджеры компании встречаются с потенциальными вкладчиками, аналитиками, представляя достижения фирмы и рассказывая об отношениях с поставщиками, клиентами, конкурентами и т. д. Понимание содержания проводимой акции позволяет осуществить подбор оптимального соответствия,которое отвечает критериям смысловой эквивалентности, краткости и недвусмысленности. На наш взгляд, таким соответствием может быть выездная презентация. Аналогичные когнитивные операции применялись при переводе ряда терминологических единиц, которые в итоге были модифицированы посредством приема смыслового развития: door to door selling – торговля вразнос; bonus Packs (merchandise Packs) – промоупаковка.

К категории терминов, требующих особого внимания, относится группа терминосочетаний, которые потребовали описательного перевода (переводческого комментария) ввиду отсутствия возможности иного способа передачи их значения::

volume push – стимулирование закупок товара крупным оптом со складов производителя, поддержание дистрибьюции в крупном опте;

volume pull – стимулирование закупок товара мелким оптом со складов крупного опта, поддержание уровня дистрибьюции в мелком опте

facing promotion – поощрение розничных торговых точек за поддержание выкладки и минимального товарного остатка.

Таким образом, в качестве основных способов перевода многокомпонентных терминов были использованы следующие трансформации: различные формы калек, функциональная замена, смысловое развитие, фразеологический аналог, полное заимствование с переводческим комментарием (таблица 3).

Таблица 3 / Table 3

Способы перевода многокомпонентных терминов / Methods for translating multicomponent terms

	%
Калькирование	24
Функциональная замена	30
Смысловое развитие	40
Фразеологический аналог	1
Полное заимствование (трансплантат) + переводческий комментарий	5

Анализ переводческих решений в процессе передачи текстов, посвященных оценке эффективности BTL-технологий, позволил сделать следующие выводы. Транслатологическая специфика текстов названной предметной области при передаче их на русский язык связана преимущественно с тем, что здесь мы имеем дело с динамично развивающейся терминосистемой, имеющей интегративный характер, демонстрирующей признаки компрессивной и адаптивной межъязыковой асимметрии, постоянно пополняющейся новыми терминами, которым для ассимиляции в русскоязычной лингвистической действительности требуется определенное время, а переводчику приходится прикладывать серьезные усилия, чтобы хотя бы в некоторой степени повысить уровень упорядоченности терминологических единиц и спрогнозировать вероятностные сценарии гармонизации и эффективной ассимиляции предтерминов в языке-реципиенте.

В частности, в процессе перевода маркетинговых терминов были отмечены следующие типичные трудности: отсутствие в принимающем языке понятия, обозначаемого термином; наличие в аналоговых текстах множественных условных (стихийных) эквивалентов; отсутствие в русскоязычной терминосистеме универсального тезауруса маркетинговых терминов. Целью перевода терминов было достижение адекватности перевода с максимально возможным привлече-

нием эквивалентов русского языка, поскольку в маркетинговой литературе последнего времени наблюдается излишнее и порой неуместное использование трансплантированных терминов. Было установлено, что способы перевода терминов варьируются в зависимости от их структурного типа. Транслатологический анализ позволил выделить основные виды преобразований, используемых при переводе терминов сферы маркетинга. Перевод однокомпонентных терминов осуществлялся преимущественно посредством лексических эквивалентов и переводческой транскрипции. При переводе многокомпонентных терминов достижение адекватности возможно с применением смыслового развития, функциональных замен, калькирования, трансплантации с переводческим комментарием, фразеологического аналога (в редких случаях). Оптимальными приемами передачи терминов-сокращений являются беспереводное заимствование и полный перевод. Максимальное количество трансплантатов наблюдается при передаче сокращений, поскольку большая их часть уже вошла в общемировые стандарты для обозначения соответствующих понятий.

Исследование адаптивных процессов при переводе текстов маркетинговых коммуникаций также позволило выявить определенные тенденции. Особенности научного функционального стиля и реализации коммуникативного задания предполагают возможность лексической адаптации по отношению к частично ассимилированной и безэквивалентной терминологической лексике. На стилистическом уровне наблюдается адаптация в сторону повышения стиля. При этом совпадение коммуникативных эффектов исходных и переводных текстов не дают оснований для использования адаптации на прагматическом уровне.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр Академия, 2004. 352 с.
2. Анисимова А. Г. К вопросу о закономерностях перевода терминологических словосочетаний (на материале терминов гуманитарных и общественно-политических наук) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. №1. С. 26–31.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 2009. 368 с.
4. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. 544 с.
5. Гарусова Е. В. Интерпретативные позиции переводчика как причина вариативности перевода: дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2007. 73 с.
6. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение: учебное пособие. М.: Издательский центр Академия, 2008. 303 с.
7. Дьяков А. И. Современные англицизмы в профессиональной сфере. Новосибирск, 2015. 307 с.
8. Дьяков А. И., Чирейкина О. Ю. Англицизмы в русских терминологических системах // Филологические науки. 2020. №05 (95). С. 43–48.
9. Евтеев С. В., Семенов А. Л. Социальная активность и языковое творчество // Тетради переводчика: науч.-теор. сб. / под ред. И. М. Матюшина. Вып. 28. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 33–40.
10. Использование Consumer Promotion в BTL и расчет эффективности мероприятий URL: http://merm.ru/publications/marketing/2007/06/04/articles_68.html. (Дата обращения: 01.11.2021).
11. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Р.Валент, 2014. 407 с.
12. Костылева Т. А., Марочкина С. С. Современная реклама: соотношение ATL и BTL-технологий // Омский научный вестник. 2009. №2 (76). С. 206–209.
13. Кретов А. А. Асимметрия в лингвистике // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №2. С. 5–11.
14. Кудашев И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Helsinki: Helsinki University Translation Studies, 2007. 444 с.
15. Медетова М. Е. Иноязычные заимствования в русском языке (на материале терминологии спортивных игр) // Сравнительно-сопоставительное изучение языков и интерференция. Алма-Ата. 1989. С. 84–89.
16. Пронина Р. Ф. Перевод английской научно-технической литературы. М.: Высшая школа, 1986. 307 с.
17. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М.: Р. Валент, 2015. 512 с.
18. Сдобников В. В. Стратегия перевода: общее определение // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2011. С. 165–172.
19. Суперанская А. В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: Едиториал УРСС, 2003. 248 с.
20. Татаринов В. А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский Лицей, 2006. 528 с.
21. Тимко Н. В. Культурный компонент лингвоэтнического барьера // Ученые записки РОСИ. Серия: Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод. Вып. 2. М.: РОСИ, 1999. С. 37–48.
22. Ткачева Л. Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1987. 200 с.
23. Чистова Е. В. Терминосистемы в условиях глобализации: дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2014. 242 с.
24. Baker M., Saldanha G. Routledge encyclopedia of translation studies. N.Y.: Abingdon, Routledge, 2011. 704 p.
25. Feldwick R. What is Brand Equity Anyway? Henley-on-Thames: World Advertising Research Centre, 2002. 148 p.
26. Impact of BTL Activities on Brand Awareness of Tetra Pack Milk // International Journal of Multidisciplinary and Current Research. 2014. Vol. 2. Pp. 748–751. URL: http://ijmcr.com. Дата обращения: 05.01. 2021.
27. Sehovic M., Duducovic M., Miladenovic S. The effectiveness of ATL and BTL advertising techniques // New Business Models and Sustainable Competitiveness. 2014. 16. Pp. 1134–1139. URL: http://symorg.fon.bg.ac.rs/proceedings/papers/16%20%20MARKETING%20MANAGEMENT.pdf. (Accessed: 05.01.2021).

28. Siddiqi Z., Nasim S., Saleem F. Asian Research Consortium Analysis of BTL Activities on Customer Satisfaction of Tea // Asian Journal of Research in Marketing. 2015. Vol. 4. № 2. P. 26–34. URL: https://www.researchgate.net/publication/282134246_Asian_Research_Consortium_Analysis_of_BTL_Activities_on_Customer_Satisfaction_of_Tea. (Accessed: 20.01.2021).
29. Wood E.H. Evaluating Event Marketing: Experience or Outcome? // Journal of Promotional Management. 2009. 15 (1). P. 247–268. URL: https://www.researchgate.net/publication/233252275_Evaluating_Event_Marketing_Experience_or_Outcome. (Accessed: 05.03.2021).

References

1. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie (Introduction to Translation Studies). St.Petersburg: Filologicheskij fakul`tet SPbGU; Moscow: Izdatel`skij centr Akademiya, 2004. 352 p. (In Russian).
2. Anisimova A. G. K voprosu o zakonomernostyax perevoda terminologicheskix slovosochetanij (na materiale terminov gumanitarny`x i obshhestvenno-politicheskix nauk) (On the question of the terminological phrases translation regularities (based on the terms of humanities and socio-political sciences)) // Vestnik KSU named after N.A. Nekrasova (Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU). 2009. No. 1. P. 26–31. (In Russian).
3. Gak V. G. Yazy`kovy`e preobrazovaniya (Language transformations). Moscow: Shkola «Yazy`ki russkoj kul`tury`», 2009. 368 p. (In Russian).
4. Garbovskij N. K. Teoriya perevoda (Translation theory). Moscow: MSU publ., 2007. 544 s. (In Russian).
5. Garusova E.V. Interpretativny`e pozicii perevodchika kak prichina variativnosti perevoda (Interpreter's interpretative positions as a reason for translation variability): thesis. Tver`, 2007. 173 p. (In Russian).
6. Grinev-Grinevich S. V. Terminovedenie (Terminology). Moscow: Akademiya, 2008. 303 s. (In Russian).
7. D`yakov A. I. Sovremenny`e anglicizmy` v professional`noj sfere (Modern Anglicisms in the professional sphere). Novosibirsk, 2015. 307 p. (In Russian).
8. D`yakov A. I., Chirejkina O. Yu. Anglicizmy` v russkix terminologicheskix sistemax (Anglicisms in Russian terminological systems) // Filologicheskie nauki (Philological sciences). 2020. No. 05 (95). P.43 – 48. (In Russian).
9. Evteev S. V., Semenov A. L. Social`naya aktivnost` i yazy`kovoe tvorchestvo (Social activity and language creativity) // Tetradi perevodchika: nauch.-teor. sb. (Translator's notebooks: scientific-theoretical collection) / ed by I.M. Matyushin. Issue 28. Moscow: MSLU publ., 2016. P. 33–40. (In Russian).
10. Ispol`zovanie Consumer Promotion v BTL i raschet e`ffektivnosti meropriyatij (Using Consumer Promotion in BTL and calculating the effectiveness of events). URL: http://merm.ru/publications/marketing/2007/06/04/articles_68.html (Accessed: 01.11. 2021) (In Russian).
11. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie (Modern translation studies). Moscow: R.Valent, 2014. 407 p. (In Russian).
12. Kosty`leva T. A., Marochkina S. S. Sovremennaya reklama: sootnoshenie ATL i BTL-texnologij (Modern advertising: the ratio of ATL and BTL technologies) // Omskij nauchny`j vestnik. 2009. No.2 (76). P.206–209. (In Russian).
13. Kretov A. A. Asimmetriya v lingvistike (Asymmetry in linguistics) // Vestnik VGU. Ceriya: Lingvistika i mezhkul`turnaya kommunikaciya. 2010. No.2. P.5–11. (In Russian).
14. Kudashev I. S. Proektirovanie perevodcheskix slovarej special`noj leksiki (Designing translation dictionaries of special vocabulary). Helsinki: Helsinki University Translation Studies, 2007. 444 p. (In Russian).
15. Medetova M. E. Inoyazy`chny`e zaimstvovaniya v russkom yazy`ke (na materiale terminologii sportivny`x igr) (Foreign borrowings in Russian (based on the terminology of sports games)) // Sravnitel`no-sopostavitel`noe izuchenie yazy`kov i interferenciya (Comparative language learning and interference). Alma-Ata. 1989. P. 84–89. (In Russian).
16. Pronina R. F. Perevod anglijskoj nauchno-texnicheskoj literatury`(Translation of English scientific and technical literature). Moscow: Vy`sshaya shkola, 1986. 307 p. (In Russian).
17. Prunch E. Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazy`kovoj asimmetrii k politicheskoj (Ways of development of Western translation studies. From linguistic asymmetry to political). Moscow: R.Valent, 2015. 512 p. (In Russian).
18. Sdobnikov V.V. Strategiya perevoda: obshhee opredelenie (Translation strategy: general definition) // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova. 2011. P.165–172. (In Russian).
19. Superanskaya A. V. Obshhaya terminologiya. Voprosy` teorii (General terminology. Questions of theory). Moscow: Editorial URSS, 2003. 248 p. (In Russian).
20. Tatarinov V. A. Obshhee terminovedenie: e`nciklopedicheskij slovar`(General terminology: an encyclopedic dictionary). Moscow: Moskovskij Licej, 2006. 528 p. (In Russian).
21. Timko N. V. Kul`turny`j komponent lingvoe`tnicheskogo bar`era (Cultural component of the linguistic-ethnic barrier) // Ucheny`e zapiski ROSI. Seriya: Lingvistika. Mezhkul`turnaya kommunikaciya. Perevod. Issue. 2. Moscow: ROSI, 1999. P.37–48. (In Russian).
22. Tkacheva L.B. Osnovny`e zakonomernosti anglijskoj terminologii (The main patterns of English terminology). Tomsk: TomSU publ., 1987. 200 p. (In Russian).
23. Chistova E.V. Terminosistemy` v usloviyax globalizacii (Terminosystems in the conditions of globalization): thesis. Krasnoyarsk, 2014. 242 p. (In Russian).
24. Baker M., Saldanha G. Routledge encyclopedia of translation studies. N.Y.: Abingdon, Routledge, 2011. 704 p. (In English).
25. Feldwick R. What is Brand Equity Anyway? Henley-on-Thames: World Advertising Research Centre, 2002. 148 p. (In English).
26. Impact of BTL Activities on Brand Awareness of Tetra Pack Milk // International Journal of Multidisciplinary and Current Research. 2014. Vol. 2. Pp. 748–751. Available at: http://ijmcr.com. (Accessed 05 November 2021) (In English).
27. Sehovic M., Duducovic M., Miladenovic S. The effectiveness of ATL and BTL advertising techniques // New Business Models and Sustainable Competitiveness. 2014. 16. Pp. 1134–1139. URL: http://symorg.fon.bg.ac.rs/proceedings/papers/16%20%20MARKETING%20MANAGEMENT.pdf. (Accessed: 05.01.2021).

28. Siddiqi Z., Nasim S., Saleem F. Asian Research Consortium Analysis of BTL Activities on Customer Satisfaction of Tea // Asian Journal of Research in Marketing. 2015. Vol. 4. № 2. Pp. 26–34. URL: https://www.researchgate.net/publication/282134246_Asian_Research_Consortium_Analysis_of_BTL_Activities_on_Customer_Satisfaction_of_Tea. (Accessed: 20.01.2021).
29. Wood E. H. Evaluating Event Marketing: Experience or Outcome? // Journal of Promotional Management. 2009. 15 (1). P. 247–268. Available at: https://www.researchgate.net/publication/233252275_Evaluating_Event_Marketing_Experience_or_Outcome. (Accessed: 05.03.2021).

Сведения об авторе

Пиванова Элина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент заведующая кафедрой русского языка как иностранного гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / epivanova@ncfu.ru
Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Pivanova Elina V. – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Russian as Foreign Language, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / epivanova@ncfu.ru
The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEW

CC BY

УДК 93/94 (049.32)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.24

Бабенко В. А., Колесникова М. Е.

КЯФАРСКИЙ МАВЗОЛЕЙ АЛАНСКОГО ПРАВИТЕЛЯ XI ВЕКА: СИМВОЛЫ И СМЫСЛЫ ИЗОБРАЖЕНИЙ [Рец. на кн.: Охонько Н.А. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации: монография. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020. 224 с.]

Для цитирования: Бабенко В. А., Колесникова М. Е. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века: символы и смыслы изображений [Рец. на кн.: Охонько Н.А. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации: монография. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020. 224 с.] // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 351–354. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.24

Babenko Vitaly A., Kolesnikova Marina E.

KAFAR MAUSOLEUM OF THE ALANIAN RULER OF THE 11TH CENTURY: SYMBOLS AND MEANINGS OF IMAGES [Review. Okhon'ko N.A. Kafar mausoleum of the Alani ruler of the 11th century and questions of its interpretation: monograph. Stavropol: Design Studia B, 2020. 224 p.]

For citation: Babenko Vitaly A., Kolesnikova Marina E. Kafar mausoleum of the Alanian ruler of the 11th century: symbols and meanings of images [Review. Okhon'ko N.A. Kafar mausoleum of the Alani ruler of the 11th century and questions of its interpretation: monograph. Stavropol: Design Studia B, 2020. 224 p.] // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 351–354. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.24

В 2020 г. в ставропольском издательстве «Дизайн-студия Б» вышла в свет новая книга Н.А. Охонько «Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации», ставшая заметным явлением в исторической науке. Ее автор – директор Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, известный историк, археолог, музейный работник. В монографии подводится промежуточный итог многолетней работы автора по изучению наиболее известного и загадочного памятника мемориальной архитектуры средневековой Алании – Кяфарского мавзолея, который хранится в Ставропольском государственном музее-заповеднике. Мавзолей входит в группу дольменообразных гробниц Кяфарского городища и связывается с личностью правителя Западной Алании в XI в. Дургулеля Великого [8, с.288 – 289]. Особую ценность памятнику придают рельефные изображения на стенах гробницы, которые и стали предметом исследования. Автором предложена интерпретация смыслового содержания изображаемых сюжетов и предпринята попытка определить место Кяфарского мавзолея в кавказско-византийском и европейском историко-культурном пространстве.

Само Кяфарское городище, датируемое VIII–XII вв. н.э., современные исследователи считают резиденцией аланских правителей в X–XI вв. (В. А. Кузнецов, Д. В. Белецкий, А. Ю. Виноградов) [5, с. 84–85, 87; 2, с. 45, 50]. Кяфарское городище располагается на расстоянии 12 км от Нижнеархызского городища, одного из центров Аланского государства X–XII вв. Оба городища, по мнению известного археолога В. А. Кузнецова, представляли взаимосвязанную систему, в которой Кяфарское городище играло роль политического центра, а Нижнеархызское являлось административным религиозным и культурным центром Алании [5, с. 86].

Во введении работы Н. А. Охонько описывает историю изучения Кяфарского мавзолея, отмечает, что исследовательский интерес памятник

вызывает с середины XIX в., упоминается путешественниками и исследователями (Е. Д. Фелицын, Н. И. Веселовский). Подробнее останавливается на научном изучении памятника, которое началось в 1950-х гг. и связано с работами выдающегося кавказоведа, археолога В. А. Кузнецова [3, с. 83–89; 4, с. 106–117; 6; 7, с. 140–152].

Интерес представляет исторический экскурс в историю перевозки Кяфарского мавзолея из Карачаево-Черкесии, входившей на тот момент в состав Ставропольского края, в Ставрополь, в краеведческий музей. Работы осуществлял сотрудник Ставропольского краеведческого музея Л. Н. Глушков, составивший подробный отчет для Института археологии Академии наук СССР. Отчет стал одним из источников для исследования Н.А. Охонько, т.к. в нем подробно была описана история обнаружения и изучения памятника, даны предположения по датировке мавзолея (рубеж X–XI вв.) и семантике его изображений.

Сам Н. А. Охонько к теме Кяфарского мавзолея обратился еще в студенческие годы. В 1981 г. на всесоюзной научной конференции, посвященной 100-летию первого археологического съезда на Кавказе, он представил научному сообществу результаты своих первых попыток анализа семантики изображений Кяфарского мавзолея, уже тогда рассматриваемых им в качестве единой системы. Доклад был опубликован в 1983 году [10, с. 78–91]. В 1994 г. вышла совместная работа Н. А. Охонько и известного кавказоведа, специалиста по средневековому костюму З. В. Доде. В ней Н. А. Охонько остановился на рассмотрении семантики изображений аланской гробницы XI в. Кяфарского городища, а З.В. Доде на характеристике костюмов персонажей Кяфарской гробницы [1].

В основе рецензируемой монографии лежит авторский подход – смысловое содержание изображаемых на стенах мавзолея сюжетов можно понять только в системе, так как все сцены находятся во взаимосвязи и подчинены единой содержательной программе. Автор подчеркивает, что исходил из того, что на всех четырех стенах мавзолея – «единое по замыслу произведение, опирающиеся на духовные воззрения его заказчика и исполнителей» [11, с. 9].

В рассматриваемой работе впервые использован метод бесконтактного трехмерного моделирования, основанный на фотограмметрической обработке цифровых фотографий. Эта работа была выполнена в 2020 г. лабораторией RSSDA под руководством Ю. М. Свойского. На основании 3683 снимков высокого разрешения были сформированы модели мавзолея с разрешением 0,3 мм. Для каждой из стен были подготовлены карты высот с разрешением 0,2 мм. По сравнению с прорисовками изображений, использованными ранее В.А. Кузнецовым [4, с. 113, рис. 43] и автором в своей статье 1983 г. [10, с. 79, рис. 1; с. 80, рис. 2; с. 81, рис. 3; с. 86, рис. 4]. цифровая модель демонстрирует свои преимущества. Это позволило автору произвести сравнение цифрового образа памятника и оригинала, выявив при этом недоступные для субъективного восприятия детали изображений (например, каблуки на обуви аланского царя).

Уникальный памятник был оцифрован, создана трехмерная модель его изображений, которая размещена на сайте Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, является ключевым объектом ставропольского виртуального лапидария (к слову, первого в России) и сегодня доступна любому исследователю. Работы проводились при финансовой поддержке Российского исторического общества в рамках научного проекта.

Рецензируемая монография Н. А. Охонько вышла с разницей в один год с работой В. А. Кузнецова «Кавказская Алания. Запад-Восток. Историко-археологические очерки», в которой рассматривается топография Кяфарского городища и его некрополя, предложена интерпретация изображений на мавзолее аланского правителя [9, с. 30–55], развивающая положения, выдвинутые им ранее [4, с. 108–109]. В. А. Кузнецов видит в Кяфарском мавзолее «проявление культа выдающегося вождя-воина» [9, с. 30].

Оговорив во Введении точки соприкосновения с концепцией В. А. Кузнецова, Н. А. Охонько в монографии развивает основные положения своих статей 1983 г. и 1994 г., пересматривая часть из них. Исследование основано на анализе изображений каждой из четырех сторон гробницы. Рассмотрев семантику изображений на передней (восточной) стене мавзолея, автор привлек многочисленные аналогии из культуры алан и христианской символики.

Автором дана трактовка изображений царя, митрополита, виночерпия, собаки и трех крестов по краю входного отверстия. По его мнению, в композиции восточной плиты проявилась византийская традиция легитимации царской власти, использовавшиеся правителями Восточной Европы, находившимися в орбите византийского влияния [11, с. 81].

Отдельно автором проанализирована семантика изображения секиры на восточной и других стенах мавзолея. В работе убедительно показана ее роль инсигнии по аналогии с мечами у византийских императоров и западноевропейских правителей [11, с. 43].

Анализируя изображения на северной и южной стенах мавзолея, автор пришел к выводу о наличии трехчленной структуры изображений и развитии событий снизу вверх и с запада на восток, против солнца [11, с. 88 – 92].

Автор сравнивает орнаментацию мавзолея с Эльхотовским, Камбилеевским и Зеленчукским крестами и другими предметами аланской ма-

териальной культуры. Автор обратил внимание на изображение креста на всех стенах мавзолея и, особенно, на изображение трех крестов, в которых видит символ Святой Троицы [11, с. 77]. Данное положение противоречит мнению В. А. Кузнецова, который оспаривает правомерность сопоставления данных памятников ввиду их разновременности [9, с. 32].

Н. А. Охонько, исходя из упоминания помимо Дургулеля Великого ещё троих царей Алании и признания их знатности в Византийской империи, приходит к выводу о принадлежности всех аланских царей к одному роду и предположил принадлежность всех 11 дольменообразных гробниц Кяфарского городища представителям правящей аланской династии [11, с. 57–58].

Вызывает интерес предпринятая автором реконструкция сакральных действий, которые могли происходить у восточной стены мавзолея на основе этнографических параллелей (нартский эпос, поминальная обрядность осетин).

Целый раздел в монографии посвящен флагам. Их значимость, как и всех без исключения фигур и символов мавзолея, весьма высока. Флаг сопровождал героя в качестве одной из инсигний правителя. Всегда впереди царского шествия шел знаменосец. На стенах гробницы изображено и поднятое знамя – символ победы над злыми силами и траурно опущенное, когда героя провожают в загробный мир. Автор постарался привести описания разных историй, связанных со знаменем и знаменосцами, доверенными воинами правителя.

Работа хорошо фундирована, основывается на архивных материалах и материалах новейших исследований, снабжена подробной библиографией (233 наименования). Монография содержит именной указатель, список принятых сокращений. Отдельно необходимо отметить цветные иллюстрации, представляющие самостоятельную ценность и дающие возможность любому исследователю проникнуть в смысловое содержание сюжетов, изображенных на стенах мавзолея.

Несомненно, данная монография является важным этапом в изучении как Кяфарского мавзолея, так и духовной культуры Алании. Книга Н. А. Охонько «Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации» вводит уникальный памятник в широкий научный и культурный оборот на основе новейших методов исследования и представляет его как объект культуры мирового значения. Издание посвящено 1100-летию крещения Алании, которое будет отмечаться в России в сентябре 2022 года [12].

Список литературы

1. Аланская гробница XI века. Сборник статей. Ставрополь: АРС-дизайн, 1994. 50 с.
2. Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М.: Индрик, 2011. 392 с., илл.
3. Кузнецов В. А. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.: АН СССР, 1959. Вып. 76. С. 83–89.
4. Кузнецов В. А. Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Вып. 85. С. 106–117.
5. Кузнецов В. А. Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретаций археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 76-91.
6. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. 2-е изд-е. Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.
7. Кузнецов В. А. В верховьях Большого Зеленчука. Пятигорск: Снег, 2008. 239 с.: фот., цв. фот.
8. Кузнецов В. А. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X – XII веках. Пятигорск: Снег, 2017. 319 с.
9. Кузнецов В. А. Кавказская Алания. Запад-Восток. Историко-археологические очерки. Пятигорск: СНЕГ, 2019. 208 с.: ил.
10. Охонько Н. А. Изображения на стенах гробницы с реки Кривой (Прикубанье) // Советская археология. 1983. №2. С. 78-90.
11. Охонько Н. А. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020. 224 с.
12. Указ Президента Российской Федерации от 14.10.2017 г. № 480 «О праздновании 1100-летия крещения Алании» URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/42372 (Дата обращения: 06.01.2022).

References

1. Alanskaya grobnitsa XI veka (Alanian tomb of the 11th century). Sbornik statei. Stavropol': ARS-dizain, 1994. 50 p. (In Russian).
2. Vinogradov A. Yu., Beletskii D.V. Nizhnii Arkhyz i Senty: drevneishie khramy Rossii. Problemy khristianskogo iskusstva Alanii i Severo-Zapadnogo Kavkaza (The Lower Arkhyz and Senty: the oldest temples in Russia. Problems of Christian Art in Alania and the North-Western Caucasus). Moscow: Indrik, 2011. 392 p. (In Russian).
3. Kuznetsov V. A. Nazemnye grobnitsy na reke Krivoi v Stavropol'skom krae (Ground tombs on the river Kriva in the Stavropol region) // Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury. Moscow: SA of USSR, 1959. Issue. 76. P. 83-89. (In Russian).
4. Kuznetsov V. A. Srednevekovye dol'menoobraznye sklepy Verkhnego Prikuban'ya (Medieval dolmen-shaped crypts of the Upper Kuban region) // Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta arkheologii. Moscow: SA of USSR publ., 1961. Issue. 85. P. 106-117. (In Russian).
5. Kuznetsov V. A. Durgulel' Velikii i Nizhnii Arkhyz (Durgulyel the Great and Lower Arkhyz) // Metodika issledovaniya i interpretatsii arkheologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza. Ordzhonikidze, 1988. P. 76-91. (In Russian).

6. Kuznetsov V. A. Ocherki istorii alan (Essays on the Alans history). Vladikavkaz: Ir, 1992. 392 p. (In Russian).
7. Kuznetsov V. A. V verkhov'yakh Bol'shogo Zelenchuka (In the upper reaches of the Bol'shoy Zelenchuk). Pyatigorsk: Sneg, 2008. 239 p. (In Russian).
8. Kuznetsov V. A. Nizhnii Arkhyz i rannee pravoslavie. Alanskaya eparkhiya v X–XII vekakh (Lower Arkhyz and Early Orthodoxy. Alan diocese in the 10th-12th centuries). Pyatigorsk: Sneg, 2017. 319 p. (In Russian).
9. Kuznetsov V. A. Kavkazskaya Alaniya. Zapad-Vostok. Istoriko-arkheologicheskie ocherki (Caucasian Alania. West East. Historical and archaeological essays). Pyatigorsk: SNEG, 2019. 208 p. (In Russian).
10. Okhon'ko N. A. Izobrazheniya na stenakh grobnitsy s reki Krivoi (Prikuban'e) (Images on the walls of the tomb from the river Kriva (Prikubanye) // Sovetskaya arkheologiya. 1983. No. 2. P. 78–90. (In Russian).
11. Okhon'ko N. A. Kyafarskii mavzolei alanskogo pravitelya XI veka i voprosy ego interpretatsii (Kafar mausoleum of the Alanian ruler of the 11th century and questions of its interpretation). Stavropol': Dizain-studiya B, 2020. 224 p. (In Russian).
12. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 14.10.2017 g. No. 480 «O prazdnovanii 1100-letiya kreshcheniya Alanii» (Decree of the President of the Russian Federation of October 14, 2017 No. 480 «On the celebration of the 1100th anniversary of the baptism of Alania») URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/42372 (Data obrashcheniya: 06.01.2022). (In Russian).

Сведения об авторах

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / mkolesnikova@ncfu.ru
Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.
Бабенко Виталий Александрович – ведущий научный сотрудник, ООО «Наследие» / vit-babenko@yandex.ru
Адрес: д. 75, ул. Орджоникидзе, 355006, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Kolesnikova Marina E. – Doctor of History, Professor, Head of Chair of Russian History, Director, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University / mkolesnikova@ncfu.ru
The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.
Babenko Vitaly A. – Leading Researcher, «Heritage» Ltd. / vit-babenko@yandex.ru
The address: 75, Ordzhonikidze Str., 355006, Stavropol, Russian Federation.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

Том 9, № 2 (2022)

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. – 2022. – Т. 9. – № 2. – 185 с.

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка И. В. Бушманова

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 22.06.2022
Дата выхода в свет 29.06.2022
Формат 60x84 1/8 Усл. п. л. 21,51 Уч.-изд. л. 21,04
Бумага офсетная Заказ 47 Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2